

8С(Дак)

Г18

Г. Г. ГАМЗАТОВ

ДАГЕСТАН:
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРОЦЕСС

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
ТЕОРИИ
МЕТОДОЛОГИИ

ДАГЕСТАН:

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ПРОЦЕСС

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ,
МЕТОДОЛОГИИ

instituteofhistory.ru

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга — не первая в творческом активе известного ученого-литературоведа. Ей предшествовал ряд фундаментальных исследований, получивших широкое научное и общественное признание. Убедительным знаком такого признания явилось присуждение в 1988г. Г. Г. Гамзатову премии Академии наук СССР им. В. Г. Белинского, которой отмечаются один раз в три года лучшие работы в области литературной критики, теории и истории литературы. Так высоко оценен цикл исследований Г. Г. Гамзатова «Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта» (1982) и «Преодоление. Становление. Обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы» (1986).

Присуждая дагестанскому ученому столь престижную премию, президиум Академии наук СССР, в частности, отметил:

«Монографии Г. Г. Гамзатова — единый, целостный труд, в котором выработана и обоснована самостоятельная концепция историко-культурного и литературного процесса в таком уникальном этноязыковом и этнокультурном регионе, как многонациональный Дагестан, воссоздана правдивая картина художественного развития края в обширных временных границах трех столетий — XVIII—XX веков. Впервые в отечественном литературоведении прослежена история целой многонациональной литературной системы от ее фольклорных истоков на стадии бесписьменного развития до современного состояния в контексте мирового культурно-исторического развития». (Вестник Академии наук СССР. 1989. №6. с.136.)

Приведенная выдержка из академического документа дает общее представление о круге исследовательских интересов ученого и плодотворном характере его изысканий. Нужно сказать, что предлагаемая нами читательскому вниманию книга Г. Г. Гамзатова также «работает» в русле основных теоретико-методологических концепций названных трудов. В ней мы видим продолжение, дальнейшее развитие и обоснование отмеченных выше идей и подходов.

Разумеется, читатель заметит в книге целый ряд новых постановок и разработок, новый взгляд на «старые истины», взгляд, проясненный современным мироощущением и сегодняшним мироопытом. Ответ времени духовного обновления общества, переосмысления прожитого и пережитого, переоценки ценностей — и

153057
Махачкала
научная библиотека
ИЦ РАН СССР

В книге члена-корреспондента АН СССР Г. Г. Гамзатова прослеживаются важнейшие этапы истории зарождения, становления и развития многонациональной дагестанской литературы. Рассматриваются некоторые ключевые вопросы взаимодействия устно-поэтического наследия и современного литературного процесса. Освещаются малоисследованные аспекты функционирования художественной культуры народов Дагестана и Кавказа в историко-культурном контексте инокультурных цивилизаций — Арабского Востока, России, Западной Европы.

Для учителей дагестанской школы, преподавателей и студентов вузов, а также широкого круга читателей, интересующихся судьбами дагестанской культуры и литературы.

Г 4603020000-13 100-90
М 124(03)-90

ББК 83.3 Даг.

на фактуре, и на стиле, и на пафосе данной книги. Это позволяет издательству надеяться, что новая работа Г. Г. Гамзатова вызовет интерес у широких читательских кругов, окажется особенно нужной и полезной для дагестанской школы, запросы которой в знаниях национальной истории и культуры растут из года в год и нуждаются в радикальном научном и методологическом обеспечении.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕГИОН КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

Советская многонациональная литература во всех отношениях является принципиально новым и уникальным в истории мирового искусства. Беспримерно участие всех народов СССР в формировании и обогащении этого невиданного историко-художественного феномена. В высшей степени примечательно то, что в числе более чем 130 наций и народностей, сообща создающих современную отечественную художественную культуру, десятками насчитываются и такие, за которыми в прошлом не признавалось самостоятельной творческой энергии и реальной «духовной памяти», причем около 50 из них письменность свою обрели лишь в советские годы. Революция и народный строй дали так называемым малым народам страны возможность осознать себя, вернули им право на культурное наследие и вдохнули веру в собственные силы.

Будучи совокупным творческим достижением более 75 национальных литератур, советская литература воспринимается как органический сплав создаваемых всеми советскими народами духовных ценностей, как категория общесоюзного художественного сознания. Распространенное заблуждение многих зарубежных исследователей и идеологов, между прочим, в том и заключается, что в этой идейно-эстетической и интернациональной гармонии и целостности они непременно склонны видеть выхолащивание национального момента, ущемление и попрание национальной сути, некую денационализацию литературной жизни. Между тем расцвет и сближение — вот лаконичная форма, в которой отражена логика взаимобусловленного двуединого процесса развития советского общества, социалистических наций и народностей, их образа жизни и культуры, логика единства национального и интернационального.

Естественно, многообразие социально-культурных, национальных, этноязыковых условий специфически отражается на задачах и характере воссоздания панорамы развития литератур многонациональной страны на всем протяжении их исторического пути и на фоне мирового литературного процесса. В ряду реальных путей решения этой проблемы все большим признанием за последние десятилетия пользуется региональный подход, методологическим аспектам которого, в основном, и посвящена настоящая статья. Осо-

бой жизненностью этот подход обладает в нашей стране, на столь пестрой этноязыковой карте которой зафиксировано множество разнообразных региональных образований со свойственной каждому из них историко-генетической, социально-экономической и национально-культурной общностью развития. Общностные критерии и факты разной степени интенсивности присущи, например, таким сложившимся многонациональным ареалам, как Прибалтика Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Сибирь и Дальний Восток. В науке и жизни утвердились и более дробные, локализованные деления — Поволжье, Закавказье, Северный Кавказ, Дагестан и др., в которых зримо прослеживаются пересечения линий межнациональных, межобщностных и даже более обширных — международных, межконтинентальных контактно-генеалогических культурных связей, присущих такому феноменальному региону Евразии, каким предстает на карте мира СССР.

В основе наших наблюдений — коллективный опыт советского многонационального литературоведения, а также личный опыт знакомства с историей художественных культур народов Северного Кавказа и Дагестана, которые во многих отношениях могут быть признаны за своего рода модель многонационального региона, многонациональной зоны.

На сравнительно небольшой территории этого весьма своеобразного историко-культурного и этнонационального ареала проживают десятки народностей, принадлежащих к самым различным языковым системам, семьям и группам. В нем представлены различные ветви монгольских, иранских и собственно кавказских языков. Уникален в этом отношении Дагестан, в котором — около четверти общего числа языков СССР.

Многообразны факторы, обусловившие историческое своеобразие и общность духовной жизни народов Северного Кавказа и Дагестана. Множество культурных напластований различных эпох и народов хранится в почве этих территорий, некогда служивших ареной различных исторических событий и древних этнических передвижений и находившихся на скрещивании путей, связующих цивилизации Запада и Востока. Если в течение многих веков социально-экономическими и этнокультурными условиями определялась ориентация народов северокавказского региона на различные эстетические системы, восходящие преимущественно к персидской, тюркской, арабской культурным общностям, то с вхождением в состав централизованного Русского государства — процесс этот завершился в XIX в. — в духовной жизни Кавказа, как и других инонациональных зон страны, наступил качественно новый рубеж, за которым последовало усиление общих тенденций, умножение точек соприкосновения, пересечения, сближения, постепенное преодоление взаимной изолированности. Историко-культурная ориентация на общероссийскую общность явилась мощным фактором дальнейшего упрочения регионального единства культур на Северном Кавказе и Дагестане.

В то же время неравномерность историко-культурного процесса

обусловила известное расхождение в стадиях художественного развития того или иного народа региона, выразившееся, например в расхождении периодов зарождения и становления письменных традиций национальных литератур, периодов, растянувшихся на многие века. Поэтому широкая программа культурного строительства в СССР предусмотрела в свое время целенаправленное создание идеологических и научно-технических предпосылок, необходимых для ускорения духовного продвижения отсталых в прошлом народов, широкого взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения их культур, выравнивания уровней (но не нивелирования!) их художественного развития. Для многих народов впервые была разработана письменность, создана полиграфическая база, введены научные основы изучения и освоения культурного наследия, выпестована национальная творческая интеллигенция нового типа, консолидация которой вокруг идейно-эстетических принципов искусства легла в основу обновления художественного опыта.

Разрабатывать концепцию многовекового литературного процесса в данном многонациональном регионе — значит поставить и решить сложные вопросы периодизации развития здесь искусства слова по восходящей хронологической вертикали и пространственной горизонтали; всесторонне осмыслить генетические аспекты формирования данной многонациональной эстетической системы, характер ее бытования, функционирования и восприятия в собственной ареальной и национальной среде, во взаимодействии с соседствующими системами, с иными идеологическими и художественными воззрениями; выявить стимулирующие и сдерживающие мировоззренческие потоки и структуры, проникнуть в содержание и формы борьбы передовых и консервативных, прогрессивных и реакционных тенденций; обнаружить своеобразие той или иной национальной литературы и выдающихся творческих индивидуальностей; выдвинуть основные проблемы развития идейно-эстетического сознания региональной интернациональной общности, ее локальных, национальных черт. Иными словами, осветить все то, что объемлет понятие «философия литературы».

2

Достоверные данные и источники, которыми располагает история культуры народов Дагестана, позволяют фиксировать наличие здесь уже к концу XVII — нач. XVIII в. письменной литературы как реальности эстетического мышления. Это, разумеется, не дата зарождения традиций словесного искусства у дагестанцев — она может быть обнаружена и на более ранних ступенях эволюции и уточнена по мере выявления новых сведений. Но все-таки именно этот рубеж отмечен тем, что под давлением назревших потребностей национального развития, под влиянием художественных традиций Востока, в культурно-историческую орбиту которого Дагестан входил на протяжении почти всего средневековья — с VIII по XVIII вв., и благодаря усилиям передовых деятелей национальной духовной

культуры были осуществлены плодотворные шаги в деле создания литературы, отражающей действительность пока еще с помощью иноязычного, главным образом арабоязычного, творческого арсенала.

По мере накопления литературного материала, выделения искусства слова из синкретического сплетения философской, социально-политической, теологической мысли в самостоятельную отрасль общественного сознания в XVIII в. все явственней сказался переход литературы на рельсы родной письменности и национальной языковой стихии. Шел трудный, но неумолимый процесс стаповления литературных языков наиболее крупных из народов Дагестана, постепенного обогащения опыта национального художественного развития, выработки норм поэтики, морально-дидактической поэзии, нравственной афористики, зарождения сатирических традиций литературы. Уже XIX столетие для литературы народов Дагестана становится веком бурного развития, превращения в стройную художественную систему, опирающуюся на традиции и представляющую почти все поэтические жанры. К этому периоду относятся зарождение художественной прозы и дифференциация творческих направлений.

В результате ослабления позиций восточного тяготения и исторической переориентации на российскую государственность народы Дагестана уже в начале XIX в. приобщались к передовой для своего времени общественно-политической мысли, и это ускорило процесс размежевания демократических и реакционных идеологий, поддержало прогрессивные тенденции общественного развития на местах. И вовсе не гипотетический абсурд — появившееся в современном дагестановедении предположение о наличии в процессе историко-культурного развития края в XVIII—XIX вв. ситуаций и тенденций ренессансного типа.

Как известно, подлинно научная разработка истории той или иной национальной литературы должна базироваться на определенных теоретических и методологических принципах. Так, например, невозможно представить себе учение о культурном наследии, о духовной преемственности поколений, вообще о художественном прогрессе без опоры на принцип научного историзма, предполагающего диалектическое единство и взаимную обусловленность базисных и надстроечных начал в социально-культурном движении и социально-классовый подход к анализу и оценке общественных явлений. Принцип историзма позволяет познать объективное содержание процесса, выявить генетические корни явления, тенденции его дальнейшего развития. Смысл исторического подхода в том и состоит, чтобы не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление возникло, какие главные этапы в своем развитии оно пережило и чем оно стало теперь, как это подчеркивал В. И. Ленин¹. Не вооружившись историко-

генетическим подходом, немисливо проследить объективный путь, пройденный художественной историей такого сложного и своеобразного региона, как многонациональный Дагестан.

Через призму принципа историзма еще более обнаженной, отчетливее проявляют себя и закономерности неравномерного характера общественного развития. Глубокий методологический смысл таит в себе известное положение К. Маркса, гласящее, что в иных исторических условиях уровень искусства может и не отвечать уровню экономического развития общества². Наблюдение дает ключ к выявлению и пониманию локальных особенностей национального и регионального своеобразия художественного развития того или иного народа, той или иной общности. Диалектика общего и особенного — одна из основных принципиальных опор теории общественного развития вообще, литературного процесса в частности, и эта связь наглядно демонстрируется на примере северокавказского региона, на фактах литературной жизни дагестанской зоны.

Так, например, отход от объективной, взвешенной оценки реальной ситуации социально-экономического и историко-культурного развития Дагестана, заведомая архаизация его национальной действительности приводили еще недавно к созданию ложной концепции «средневековья» дореволюционной дагестанской литературы, а в отдельных случаях — к нигилистическому отрицанию художественного опыта у народов этого края. Более того, имели место попытки распространить аналогичную точку зрения и на литературное прошлое народов Поволжья и Южного Урала, приписав утверждение их национальной художественности 20—30-м годам нашего столетия³. Пафос этой концепции, которой столь явно импонировали взгляды методологического евроцентризма, оказался ложным, и свою несостоятельность она обнаружила, как только пришла в соприкосновение с реальной картиной литературной жизни названных народов в рассматриваемый период.

Реальная картина такова, что XIX и начало XX вв. Дагестана представлены неповторимым богатством и многообразием гуманистического художественного наследия, огромным множеством прославленных поэтов и признанных мыслителей, принадлежащих к рационалистическим и просветительским течениям, к романтическому и реалистическому творческим направлениям, к революционно-демократическому и освободительному этапам художественного сознания. Не укладывается под крышу средневековья многокрасочное поэтическое наследие блестящего созвездия ярких талантов, сильных личностей, сложных судеб — Омарла Батырая и Йырчи Казака, Етима Эмина и Махмуда из Кахаб-Роср. Г. Цадасы и С. Стальского, которое прочно и навсегда вошло в литературную классику многонационального Дагестана, стало духовным достоянием людей

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12 С. 736.

³ См.: Единство, рожденное в борьбе и труде. Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма. М.: Известия, 1972. С. 320.

¹ Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

и деятельно участвует в синтезе современной художественной культуры. Между тем для своего времени это было литературное явление, представлявшее собой «полную и развитую аналогию» с тем, что наблюдалось в европейской литературной жизни⁴.

Заблуждение авторов столь искаженной концепции заключалось в том, что из действительной незрелости капиталистических отношений в дореволюционном Дагестане они автоматически выводили тезис об архаичной сущности культур населяющих его народов. При этом не учитывался тот принципиальный фактор, что уже во второй половине XIX в. народы Дагестана, обогащенные историческим опытом Кавказской войны и умудренные уроками национально-освободительной борьбы, укрепились в новой региональной общности, столкнулись с процессом капитализации общественной жизни, приобщились к русской демократии и прониклись идеями русского освободительного движения.

В условиях неразвитости политических форм жизни, продолжающегося религиозного засилия и военно-административного деспотизма именно на долю художественной литературы выпала честь стать выразительницей демократических, гуманистических и освободительных чаяний и устремлений трудовых горцев. И взлет этой литературы во второй половине XIX и начале XX веков можно объяснить тем, что она рождалась и развивалась не в согласии с устоявшимися и устаревшими нормами жизни, а вопреки им, в нелегкой и жертвенной борьбе с ними. Дагестанский пример дает основание аргументированно оспаривать правомерность оценки стадии культурного развития того или иного народа только координатами экономического уровня да и социально-классовой оценки.

Точные критерии периодизации национального, регионального и мирового литературного процесса, критерии, которые бы в полной мере учитывали внутренние закономерности развития словесного искусства, могут быть найдены и определены лишь на основе конкретного литературоведческого анализа художественных ценностей, с привлечением обширного историко-культурного материала, но никак не путем переноса на литературу общеисторической периодизации. Всестороннее и объективное омысление реального содержания и характера становления, развития и функционирования литературы — вот подход, который может гарантировать исследование от таких методологических крайностей, как голый эмпиризм, с одной стороны, и декларативная априорность — с другой, обеспечить научную достоверность той или иной концепции истории литературы, будь она национальной или региональной.

Советская культурология исходит из того, что социалистическая культура может быть создана лишь на основе усвоения и критической переработки духовного наследия прошлого. Важнейшим методологическим требованием исторического осмысления литературного процесса при этом является сверка научных наблюдений,

предположений, оценок с критериями теории двух культур в каждой национальной культуре. Преодолевая пагубные последствия концепции «единого потока», в центр исследования национальных литератур и их региональных общностей перемещается историко-гуманистический критерий, предполагающий выявление истинно народных традиций, прогрессивных национальных и интернациональных тенденций. Именно эти идеолого-методологические принципы научного познания и требуют избирательного и дифференцированного подхода к оценке литературного процесса, позволяют расставить акценты и выверить параметры в восприятии культурного прошлого, освободить литературоведение от нигилистических и идеализаторских крайностей, очистить науку об искусстве слова от субъективистских тенденций, дать объективные, научно аргументированные ответы на исследовательские запросы, представляющие современностью. Именно современностью, ибо «предмет истории литературы — не просто литература прошлого, а наше сегодняшнее отношение к этой литературе, которая вновь оживает для нас именно в силу этого отношения»⁵. И в то же время «по достоинству оценить современность можно только на фоне веков»⁶. Сошлюсь и на дагестанское изречение: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета — будущее выстрелит в тебя из пушки».

3

Советской литературоведческой школой накоплен богатый опыт историко-типологического и системного изучения мирового литературного процесса. Важнейшие методологические концепции теории и истории мировой литературы обоснованы в трудах В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, М. М. Бахтина, М. Б. Храпченко, Д. С. Лихачева, А. С. Бушмина, Б. Л. Сучкова, И. П. Неупокоевой, Ю. Б. Виппера, Д. Ф. Маркова, И. С. Брагинского и др. В них раскрыто единство мировой литературы, показаны типологические схождения между Западом и Востоком, положено начало научному преодолению европоцентристских пережитков в подходе к культурному наследию и творческому гению народов Востока. С позиций системного и сравнительно-исторического подхода разработаны такие узловые аспекты художественного развития, как наследие и современность, традиции и преемственность, творческий метод и направление, национальное своеобразие и региональная общность, взаимодействие и сближение, различные категории поэтики и художественной ценности искусства, его функционирования и т. д. Крупным вкладом в разработку и озвучение важнейших научных и методологических сторон современного литературоведения явились многотомные истории всемирной, русской и многонациональной — советской и дооктябрьской — литератур, отдельных региональных, зональных и национальных художественных культур.

⁴ Жирков Л. И. Старая и новая аварская песня. Махачкала, 1927.

⁵ Вейман Р. История литературы и мифология. М.: Прогресс, 1975. С. 24.
⁶ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития в истории русской литературы // О прогрессе в литературе. М.: Наука, 1977. С. 77.

⁴ Жирков Л. И. Старая и новая аварская песня. Махачкала, 1927. С. 6, 11.

Огромное множество разнотипных исследований последнего периода, посвященных теории и истории литератур народов СССР, показывает, как системный анализ, заняв прочное место в арсенале историко-литературных исследований, бросает новый свет на прошлое и настоящее национальных культур и позволяет поднять изучение истории литератур на более высокий уровень. Действительно, замечателен подход, дающий возможность выявить строгую системность там, где имеют место разительная неравномерность в развитии, явное несходство в образе эстетического мышления, контрастное различие в идейно-художественной ориентированности культуры слова разных народов и общностей, несовпадение в типологии творческих индивидуальностей, литературных явлений и ареальных комплексов. М. Б. Храпченко резонно заметил: «Ведь в реальном движении литературы возникают и действуют не бесформенные, хаотические туманности, а обладающие достаточно высокой (а часто весьма высокой) степенью внутренней организованности, системности творческие создания, которые вступают в определенные динамические связи и соотношения между собой и с ранее возникшими литературно-художественными явлениями»⁷.

Вместе с тем возможности системного подхода могут быть реализованы в полную меру лишь при органическом сочетании его с методом сравнительным. Характеристика художественной системы как целостого, исторически развивающегося организма достоверна лишь в пространственных и временных измерениях, в синхронном или диахронном ее проявлениях. Только сравнение выявляет типологию, которая предполагает, чтобы рассмотрение локальных литературных систем по историко-хронологической вертикали сочеталось со всесторонним учетом широкой идейно-эстетической общности ее по горизонтали современного состояния. Это дает понимание таких сложных и важных сквозных процессов, как взаимосвязи, взаимодействие и взаимовлияние литератур и их системных общностей. «Сравнительный метод открывает путь к познанию общих закономерностей развития всемирной литературы и ее бесконечного многообразия»⁸.

Преодоление имевших в свое время пагубное распространение компаративистских концепций постороннего влияния как преобладающего фактора развития национальной художественной культуры, с одной стороны, и изоляционистских тенденций в оценке культурного наследия того или иного народа — с другой, безусловно, большое достижение советской культурологии и литературоведения. В Дагестане, например, теперь общепринято в числе решающих факторов зарождения, формирования и развития национальной литературной системы, в одном ряду с национальными и интернациональными источниками и идейно-эстетическими тра-

⁷ Храпченко М. Б. Размышления о системном анализе литературы // Вопросы литературы. 1975. № 3. С. 111—112.

⁸ Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. С. 40.

дициями, образующими ее генетическую и созидательную опору, ее духовное лоно, называть и литературное наследие арабского Востока, и передовую культуру России. Не был Дагестан ни недоступными джунглями гор, ни слепым подпевалой с чужого голоса. Дагестанская многоязычная зональная эстетическая система своеобразна и тем, что в ней слышен отзвук духовной культуры других народов, и тем, что она как неповторимая самоценность входит в мировой художественный опыт.

Опора на теоретический и методологический опыт советского литературоведения дает возможность проследить процесс складывания многонациональной литературной системы в дагестанской зоне, охарактеризовать ее в типологическом и сравнительно-историческом плане, выявить региональные и межэтнические общностные черты этой системы и в правдивом свете представить себе содержание и тип художественного опыта народов столь самобытного края. На трехсотлетнем пути нелегкой борьбы за самостоятельное развитие культуры и литература дагестанской зональной общности пережили и период зарождения в необычной иноязычной оболочке, и этап двуязычного функционирования, и ступень сосуществования устной и письменной форм бытования, и стадию возрождения на родной языковой основе, на собственной национальной почве.

Нынешняя литература народов Дагестана — это развитая система с богатым идейно-тематическим, жанрово-стилистическим и изобразительным арсеналом, присущим современному уровню художественного сознания. Достижения литературы, бытующей и развивающейся на девяти языках Страны гор, вливаются в сокровищницу всего многонационального советского искусства слова и через него — в мировой художественный процесс. Внутри данной общности национальные литературы связаны многообразным длительным взаимодействием, многими этническими, географическими, культурно-наследственными «валентностями» (И. Г. Неупокоева). Несмотря на столь разительную этноязыковую пестроту, общность исторических судеб в прошлом и в настоящем обусловила все возрастающую прочность духовного единства народов региона, складывание и утверждение общего типа эстетического мышления и литературного бытия. Единство базисного начала породило единство надстроечного ряда.

М. И. Конрад не случайно охарактеризовал наше время как «эпоху национальных литератур, но вместе с тем и эпоху литературных общностей»⁹, феноменальный образец которой он видел в литературе народов СССР. Ныне все более очевидным становится, что литературные объединения, как малые, так и большие, представляют собой формы мирового литературного процесса, что именно в них и через них действуют и проявляются общие закономерности этого процесса и этим, собственно, они интересны для истории мировой литературы. Здесь-то и напрашивается сравнительно-

⁹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. С. 94.

исторический подход как незаменимое средство раскрытия особенностей регионального процесса. Однако осмысление национальной литературы в аспекте многонационального единства и изучение ее в контексте более общей региональной культуры все еще остаются отраслью, в целом малоосвоенной и весьма перспективной для литературной науки.

Разумеется, речь может идти не о таком единстве, которое бы обезличивало каждую из национальных литератур, составляющую эту общность. Напротив, сохраняя известную самостоятельность, обусловленную самобытностью обстоятельств и традиций, художественная практика каждого народа вместе с тем как бы отражает общий ход и логику литературного движения региона, внутрирегиональную стадиальную общность развития, примерную синхронность в периодизации индивидуального и системного литературного процесса.

В основе представления о многонациональном феномене дагестанской литературы лежат общностные черты внутренней структуры каждой национальной литературы, входящей в данную зону. И в трансформации литератур народов Дагестана в дагестанскую литературу — процессе, наметившемся еще в эпоху становления, особенно зримо проявившемся во второй половине XIX и начале XX веков и достигшем самого высокого уровня в наше время, следует видеть отражение исторически обусловленного, закономерного единства, органическую общность духовных и эстетических ценностей, но отнюдь не механическую совокупность национальных художественных созданий. Региональная история литературы — нечто большее, высшее, чем множество историй литератур, в ней — общий путь развития художественного сознания и словесного искусства народов региона в их типологическом и контактном схождении, в генетическом родстве. Обобщенность исследования подобного рода — качество не суммарное, а синтетическое. Историческое движение отдельных литератур в целом возможно понять лишь путем выяснения общих тенденций, свойственных им¹⁰.

В этой связи, однако, напрашивается оговорка принципиального порядка. Дело в том, что, обладая целым рядом методологических преимуществ, региональное изучение истории литературы все же остается лишь одним из типов исследования литературного процесса, и оно не может претендовать ни на универсальность подхода к проблеме, ни на полноту охвата материала. Подобная абсолютизация вступила бы в противоречие с многочисленными запросами национальных литератур, обладающих неисчерпаемым многообразием красок и образов, требующих специального, индивидуального анализа. Ни одна из национальных литератур не может довольствоваться «подчиненным» положением, «служебной ролью» в общем интернациональном художественном движении. Поэтому вполне естественно, когда все чаще и настоятельней звучат голоса

с требованием, чтобы в программе филологических исследований, проводящихся в нашей многоязычной стране, подобающее место отводилось научному воссозданию истории национальных литератур. И в Дагестане, при его достаточно прочном историко-генетическом, социально-культурном и административно-территориальном единстве, все еще недостаточно опубликовано серьезных трудов монографического и очеркового типа, в которых бы прослеживались и осваивались пути национального художественного развития аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев, табасаранцев. Ждут своего обобщения истории татской и ногайской литератур — литератур народов, получивших письменность лишь в 30-е годы. Так что региональная история литератур не может ни заменить историю отдельной национальной литературы, ни отменить самостоятельной значимости последней. Поэтому и настораживают нас распространенные на Западе тенденции к генерализации идеи «литературного регионализма».

Вообще в самом возникновении социально-однородных национальных культур, в становлении общего русла искусства слова у народов, обладающих невероятным различием духовных традиций, в формировании многонационального литературного единства сказались примечательнейшее своеобразие советской художественной культуры. Именно своеобразие, ибо сколько ни существует в мире многонациональных регионов, единый, общностный тип литературного развития присущ лишь природе социалистического жизнеустройства. Так, например, США тоже славят многонациональным «царством свободы», однако так и не стали многонациональной духовной и литературной общностью: здесь в законе только англоязычная американская литература. То же самое можно сказать о Турции, густо заселенной многими разноязычными народностями, уделом которых стало «производство» и «потребление» лишь турецкоязычной продукции культуры слова.

Таким образом, прослеживая исторические судьбы литературы народов Северного Кавказа и Дагестана, можно установить, что ей присущи как общие закономерности, свойственные процессу мирового художественного развития, так и специфические черты, обусловленные своеобразием национальной действительности, особенностями культурно-исторического прошлого и настоящего. Художественный прогресс и здесь обозначен значительными процессами и ключевыми этапами, позволяющими говорить о стадиальных и системных закономерностях развития. Подлинно национальному и региональному развитию свойственна и типологическая общность, и индивидуальное своеобразие. Типология и своеобразие — неразделимы. Собственно в силу этого системное единство и эстетическое своеобразие и составляют те качественные измерения, в фокусе которых складывается объективный процесс художественного развития наций и народностей СССР в целом и его отдельных регионов. Соответствующим образом должны быть поставлены научное осмысление и обобщение этого процесса.

¹⁰ Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.: Сов. писатель, 1976. С. 252.

instituteofhistory.ru

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС.
ЛОГИКА РАЗВИТИЯ**

153057

Махачкала
научная библиотека
ДагФАН СССР

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Историко-функциональный аспект освещения

Тысячелетия совместной жизни и борьбы в условиях территориальной и хозяйственной общности определили единство исторических судеб народов многоликого Дагестана, их социальных и национальных интересов, однотипность базисно-надстроечной организации общества. Порождением этих же объективных условий явилось и единство общественного сознания народов края, генетическая и типологическая общность их культур, синхронный характер становления и стадийного развития художественного мышления, системное единство национальных литератур, функционирующих на 9 языках. В многообразии национального развития и вместе с тем в многонациональном его единстве состоит неповторимое своеобразие литературной жизни современного Дагестана.

Коснемся некоторых аспектов художественного наследия народов нашего региона, а именно: социально-эстетическое функционирование произведений национальной литературной классики в прошлом и настоящем, их интерпретация, восприятие, действительность. При этом мы исходим из того, что понятие современного литературного процесса объемлет не только эстетические ценности, создаваемые в наше время, но также и то, что пришло к нам от прошлого, от наших далеких и близких предков.

Прежде всего: что собой представляло художественное прошлое, из чего складывался эстетический опыт, на чем выжидали национальные литературные традиции народов Дагестана? Это богатейшее устно-поэтическое творчество, представленное непреходящими памятниками народного эпоса и народной лирики с ярко выраженными национально- и социально-освободительными мотивами. Это социально острая и эстетически утонченная поэзия плеяды Батырая и Казака, Эмина и Али-Гаджи, Чанки и Махмуда, чьи неповторимые песни героики и любви составляют золотой фонд многонациональной литературной классики Страны гор. Это демократическая и революционная публицистика, романтическая лирика и реалистическая сатира Г. Цадасы и С. Стальского, Г. Саидова и С. Габиева, Н. и З. Батырмурзаевых, стихи и песни которых — то взволнованные и протестующие, то вдохновенные и возущие — образовали мощное поэтическое многоголосие революционного Дагестана, которое одновременно стало наследием и предтечей новой социалистической литературы края.

Да, литературная классика народов Дагестана как реальность прошлого существовала и функционировала. Но парадокс состоял в том, что реальность эта не только не осознавалась в современную ей эпоху, но и всячески третировалась и игнорировалась. Что и отвечало великодержавным установлениям царизма, на счету которого немало «общеизвестных заслуг» в замалчивании духовных и художественных реалий в истории так называемых малых народов и национальных меньшинств. Даже известный русский филолог XIX века П. К. Услар, высоко отзывавшийся о богатстве дагестанских языков и сделавший так много в исследовании их грамматического строя, позволил себе подвергнуть уничижительной оценке уровень поэтического мышления горцев. «О горской поэзии, — писал он, — не может быть и речи, потому что горцы теперь только начинают заучивать литеры». «Аварская песня, — читаем мы в другом месте его публикации, — это проза, разрубленная на 7 и 11 слогов»¹. А дальше — уж совсем пренебрежительное: «...Поэзией нельзя назвать того, в чем, быть может, не отыщется никакой поэзии или отыщется ее сокрушительно малая толика, золотинка на сто пудов песку»². Ничего не поделаешь: барон П. К. Услар был и оставался сыном и идеологом своего времени и своего класса. Оттого и сокрушительно мала в приведенной тираде толика правды, зато изряден душок имперского высокомерия.

Надо сказать, что цивилизованной России действительно была неведома дагестанская художественная классика. Л. Толстой, например, высоко отзываясь о горском устно-поэтическом творчестве, восхищаясь народными песнями горцев («сокровища поэтически необычайные»³), не знал, однако, что наряду с народными песнями в Дагестане существовали в его время «известные поэты, чудесные лирики, в стихах которых бьется и кипит кровь, что мы зовем поэзией»⁴ (Н. С. Тихонов). Много позже стала достоянием русского читателя, скажем, могучая лирика Махмуда из Кахаб-Росо, создателя — по оценке Н. Тихонова — «произведений, являющих высокий образец не только дагестанской, но и мировой лирики»⁵. Уже к 20-м годам относится время, когда русский ученый Л. И. Жирков был поражен тем, что обнаружил в литературной жизни Дагестана и заявил, что «мы стоим перед литературным явлением огромной важности, явлением, совершенно неизвестным научным кругам и европейскому обществу»⁶. Признание само по себе знаменательное.

¹ Услар П. К. Этнография Кавказа: Языковедение: II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 36.

² Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1888. Вып. I. С. 3.

³ Толстой Л. Н. Поля. собр. соч.: Юбил. изд.: В 90 т. М.: Л., 1953. Т. 62. С. 27.

⁴ Тихонов Н. С. Поэты старого Дагестана: Предисловие // Дагестанские лирики. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 7.

⁵ Там же.

⁶ Жирков Л. И. Старая и новая аварская песня. Махачкала, 1927. С. 6, 11.

За научным и общественным признанием последовала широко программированная работа по изучению подлинного художественного наследия. Многие извлекались из состояния неизвестности, буквально из небытия, и становилось открытием для соплеменников. Это не преувеличение: никому из классиков дореволюционной дагестанской поэзии не доводилось при жизни увидеть опубликованной ни строчки собственных стихов, а уже в 20-х годах горцы держали в руках однотомники Батырая, Махмуда, Казака, издаваемые на родных для них — даргинском, аварском, кумыкском — языках. Шел поистине процесс духовного раскрепощения и возрождения народов, за которыми буржуазная история культуры не признавала самостоятельной творческой энергии и реальных эстетических возможностей. Социализм вернул им то, что было отнято жестокой историей, дал возможность осознать себя, свою национальную культуру, художественную классику, увидеть себя во времени и пространстве, на пересечении веков и географических широт.

Однако не следует забывать, что реализация духовной памяти о прошлом оказалась делом вовсе не простым и безболезненным. Она осуществлялась через напряжение сил и воли в борьбе за преодоление различного рода нигилистических тенденций и извращений. Теоретический и практический негативизм по отношению к литературному наследию народов Дагестана как проявление «детской болезни» левизны в искусстве сказывался в одних случаях в традиционном отрицании каких-либо положительных начал в национальном художественном опыте прошлого, в других — в примитивизации уровня эстетического мышления предков и третировании их литературных традиций как не представляющих интереса и не заслуживающих внимания нового общества («Нечего копать в пыли веков и выкапывать оттуда каких-то поэтов» — вот типичный образчик установок и запретов пролеткультовских ниспровергателей в Дагестане⁷) и в третьих — в представлении художественного наследия данного региона в искаженном, по преимуществу архаизированном, свете как литературы сплошь средневекового сознания. До последнего времени не умолкали голоса отдельных исследователей, упорно не желавших увидеть и признать очевидные вещи, а именно то, что дагестанская литература XIX века, особенно второй его половины, была литературой, отмеченной секуляризацией художественного сознания, реальным переводом творчества от так называемой эстетики подобию к эстетике индивидуальной неповторимости, наделенной мироощущением и миропониманием нового времени, с выраженными просветительскими началами, романтическими исканиями и реалистическими тенденциями развития. В горской поэзии этого периода с ее поэтикой героического действия, раскрепощения чувства любви и человеческого разума отчетливо заявляла о себе идея свободной, самостоятельной, волевой личности.

На наш взгляд, парадоксально, что пролеткультовская идео-

⁷ Сов. Дагестан. 1928. 14 янв.

логия и вульгарно-социологические установки в целом не имели в молодых национальных литературах, таких, например, как дагестанская, своей родной социально-исторической почвы. Здесь не было места ни для сформировавшихся литературных течений, ни для эстетических школ и платформ, которыми порой «щеголяли» традиционные развитые литературы. Так называемая литературная борьба в немногочисленные, начинающие, повописменные национальные сферы искусства — вопреки логике вещей — была как бы привнесена извне, из опытных литератур, носила, так сказать, отраженный характер. Положение это находит подтверждение в наблюдениях из многих национальных историй литературного развития 20-х и 30-х годов. И в этом следует видеть одно из примечательных проявлений своеобразия художественного процесса у народностей, ранее отстававших в историческом, социальном и духовном развитии. Не этими ли факторами обусловлена та торопливость и размахистость, неразборчивость и сумбурность в приемах и методах, в которых реализовывала себя здесь авангардистская концепция национально-культурного нигилизма с ее принципами сведения счетов с прошлым и неверия в интеллектуальные возможности трудовых масс. Негативные явления в культурной жизни рассматриваемого периода давали повод, в известной степени и основание, для нападков на культурную революцию в нашей стране и заодно на национальную политику новой власти, и, надо сказать, наши недруги, недоброжелатели и злопыхатели сполна воспользовались такой возможностью. Тем более, что раскованный взгляд на эволюцию нашего общества в условиях его переосмысления обнаруживает столкновение энергии разрушения и энергии созидания. Процесс превращения первой из них во вторую был — увы! — сопряжен с немалыми нравственными потерями и трагическими изъятиями.

А. И. Герцену принадлежит изречение: «Глядя назад, шагаем вперед»⁸. Это верно. Но верно и то, что принцип историзма предполагает избирательное отношение к явлениям действительности. В области культуры нас не устраивает ни огульная дискредитация прошлого, ни его абсолютизация. Еще К. Маркс говорил, что «ни в одной области не может происходить развитие, не отрицаящее своих прежних форм существования»⁹. Но, как разъяснил В. И. Ленин, это есть «отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного»¹⁰. Отсюда и установка на то, что социалистическая культура может быть создана на основе усвоения и критической переработки духовного наследия прошлого. В этом и подлинный смысл преемственности в искусстве. При этом в основу оценки художественного наследия положен историко-гуманистический критерий, предполагающий выявление народных традиций в опыте прошлого. Ибо «в произведениях гуманистических, челове-

ческих в высшем смысле этого слова, культура не знает старения»¹¹. Как и мыслил В. И. Ленин, новое искусство должно было явиться и действительно явилось ареной «постоянного взаимодействия между опытом прошлого... и опытом настоящего...»¹². И современная дагестанская литература своим внутренним дыханием и идейным пафосом обращена к лучшим образцам художественного наследия своих народов, к действительным идейным и эстетическим завоеваниям их творческого гения, к подлинно демократическим традициям предков, к духовному очагу которых она наследует не остывший пепел, а тепло и свет незатухающих углей.

Реальная картина становления социалистического искусства, последовательный и преемственный характер его развития, да и опыт историко-функционального изучения литературного наследия не приемлет вульгарно-релятивистский тезис о духовной и культурной замкнутости отдельных эпох, о «временном» назначении художественных ценностей, о статичном характере их функциональной жизни. А такого рода суждения пока еще не перевелись. Конечно, в реальной литературной жизни имеют место — и это не редкость — создания действительно «временные», продолжительность жизни которых, по остроумному замечанию одного из наших коллег, «не превышает времени, затраченного на его прочтение»¹³. Однако художественное произведение как результат творчества рассчитано на активное социально-эстетическое функционирование, продолжительность которого определяется заложенными в нем объективными идейными и эстетическими ценностями. Лишь подлинные эстетические ценности, а не мнимые не подвержены ветшанию и забвению, в них живет и действует энергия внутреннего горения, энергия саморазвития и самообновления.

Как заметил М. Б. Храпченко, заслуги которого в разработке методологии историко-функционального изучения литературы общепризнаны, значительные художественные произведения, выдержавшие проверку эпохи, с течением времени раскрываются перед читателем в своем более глубоком и гораздо более богатом содержании, чем они представлялись современникам. Ибо время проясняет заложенные в значительные художественные произведения внутренние свойства и скрытые потенции, расширяя тем самым силу и масштаб их эстетического воздействия¹⁴. Иными словами, подлинным, реальным эстетическим ценностям гарантирована «живая жизнь» в веках. Вечная изменяемость и вечная актуальность — объективно внутреннее свойство подлинного искусства. И только оно, внутреннее свойство произведения — а не произвольные чита-

¹¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. С. 365.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

¹³ Осмаков Н. В. Историко-функциональное исследование произведений художественной литературы // Русская литература в историко-функциональном освещении. М.: Наука, 1979. С. 12.

¹⁴ См.: Храпченко М. Б. В поисках истины // Контраст-82. М.: Наука, 1983. С. 16—17.

⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954. Т. 3. С. 24.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 297.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 207.

тельские мнения и не субъективная интерпретация литературной критики — служат объективной основой для восприятия и понимания произведения литературы, для оценки его социально-эстетической действительности.

Впрочем, было время, когда, акцентируя внимание на субъективном характере восприятия художественного произведения, под сомнение ставили его объективную природу. Не исключено, что в некотором роде пиццу для подобных представлений и толкований давала известная противоречивость отношений, в которых находятся категории ценности и оценки произведения искусства. Отмечая подобный разлад, И. Бехер писал, что они «лишь в самых редких случаях тождественны»¹⁰. Опять-таки лишь время выступает здесь в роли высшего судьи, внося свои коррективы в шкалу баллов и доводя до минимума разрыв между объективным уровнем ценности и субъективной величиной оценки. Как известно, разрыв этот тем меньше, чем значительней художественное создание, и ценностный подход данный фактор учитывает.

Художественная ценность реализуется, то есть становится фактором общественной жизни и общественного сознания, лишь в соприкосновении с ее потребителем, в тесном контексте с так называемым реципиентом. «Вне этого контакта, вне этого процесса читательского восприятия художественное произведение даже самого высокого уровня остается безжизненным предметом»¹¹. Поэтому искусству нужен потребитель, как говорил Л. Н. Толстой, «нужен второй полюс, вниматель, сопереживатель: круг читателей, класс, народ, человечество»¹². Ибо литература без читателя — не литература. Диалектическое двуединство художественного произведения имел в виду К. Маркс, когда утверждал: «Предмет искусства... создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета»¹³. В устойчивом и динамичном соотношении произведения искусства и его потребителя, рассматриваемом и воспринимаемом в контексте с эпохой и действительностью, проявляются характер и содержание социально-эстетического функционирования литературы.

Проблема «второго полюса» дагестанской литературы с самого ее зарождения вставала и реализовывалась сообразно специфике социальных и национальных условий духовной жизни в данном регионе на каждом из этапов общественного развития. Это и проявляло своеобразие функционирования здесь национального искусства слова. Неповторимый отпечаток на жизнь литературного произведения в прошлом накладывали формы духовного производства общества, их последовательная трансформация и развитие. Известно, например, что национальная художественная литература народов Дагестана

первоначально зародилась на инациональной языковой основе, а именно — на арабском языке, служившем своего рода «средневековой латынью» для многих мусульманских народов старой России. Отсюда и весьма ограниченная сфера функционирования такой литературы: она была доступна лишь узкому кругу интеллигенции и мусульманского духовенства, составляющих ничтожно малую долю тогдашнего населения края. Создание на рубеже XVIII—XIX вв. системы письменности для дагестанских народностей на графической основе арабского письма и почти одновременный перевод литературного творчества на родную языковую основу, естественно, обусловили значительное расширение, так сказать, «потребительского спроса» на национальную литературу. Однако высокая степень неграмотности в крае, достигавшая 90 процентов, полное отсутствие традиций национального печатно-издательского производства замораживали решение проблемы и делали иллюзорной близкую перспективу этого решения.

И все-таки дагестанская национальная литература функционировала, жила: она прокладывала собственные пути к человеку. И читатель воспринимал ее. Колорит исключительного своеобразия взаимодействия художника и потребителя придавали условия географического, демографического, этноязыкового многообразия региона, в частности необычное его многоязычие, обусловленная им же этнотерриториальная расчлененность края, национально-языковая ограниченность ареальных общностей. Широкое распространение имела известная «доставка» произведений литературы к читателю, форма, возобладавшая в конкретных условиях высокой степени эффективности воздействия. Здесь поэт на виду у всех и доступен всем: за считанные дни он мог побывать в каждом ауле своей округи, встретиться и поделиться с читателем, как говорится с глазу на глаз. Народ знал своего поэта в лицо, знал песни, которые он слагал, читал на людях, в гостинной кунака, на базарной площади, на сельских сходках и празднествах. Стихи эти обсуждались и комментировались тут же, одобрялись или отклонялись, не откладывая на завтра. Была у такого типа общения и другая примечательная сторона: народ знал не только поэта как такового, но и его личную жизнь, интересы, пристрастия, увлечения; знал и его семейный очаг. Поэт находился, так сказать, под контролем масс, люди могли проследить, на сколько слово поэта сходится с поступком: малейший разлад между ними подрывал доверие, рушил образ, снижал оценку. Так своеобразно корректировались критерии эстетической ценности, критерии восприятия, критерии действительности художественного произведения, оценки его социально-эстетической жизни.

Традиция столь живого и непосредственного типа общения автора и потребителя была свойственна в прошлом не только так называемой «устной литературе» — тоже авторской и индивидуальной, но и письменному художественному творчеству. В условиях отсутствия печатного станка дагестанская классическая поэзия по преимуществу так и взаимодействовала с людьми — через живое слово. Каждое новое поэтическое произведение читатель получал, так сказать, с

¹⁰ Бехер И. Любовь моя, поэзия. М., 1965. С. 178.

¹¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 18.

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., Т. 13. С. 175.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 718.

первых рук, через «авторское исполнение»: ведь многие крупные поэтические личности старого Дагестана были известны и как незаурядные певцы, а нередко и самодеятельные композиторы, исполнявшие свои произведения в сопровождении собственного аккомпанемента — чунгура или пандура, комуза или чаганы. Таковыми были, например, и Батырай, и Казак, и Махмуд.

Однако функционированию литературы в рукописной фактуре принадлежало все-таки более высокое, предпочтительное место. Культ рукописи в старом Дагестане приводил в изумление многих исследователей. За рукописью здесь буквально охотились, ее могли приобрести, уплатив, скажем, домашней скотиной; она становилась бесценным достоянием частных коллекций, предметов охранной заботы и гордости владельца, семейное, «династическое» реликвией, переходящей от поколения к поколению. В десятках и сотнях списках расходились иные из авторских рукописных сочинений. Не будь этих предпосылок, вряд ли стало бы возможным издание первых дагестанской дореволюционной поэзии уже в середине 20-х годов.

Дагестанские масштабы рукописного функционирования художественных ценностей — явление незаурядное, беспрецедентное в истории культуры «малых» народов. Тем более любопытно воспроизвести признанный «разительным», «почти единственным» случай из истории русской литературной классики, на котором акцентирует внимание анонимный рецензент знаменитого «Горя от ума». Как известно, бессмертная комедия А. С. Грибоедова до публикации около семи лет «жила» у публики в рукописном виде, и безвестного критика поразило то, что рукописное сочинение сделалось достоянием словесности, что о нем судили как о сочинении, известном всякому, знали его наизусть, приводили в пример, ссылались на него и только к нему не имели надобности в изобретении Геттенберговом»¹⁹. Но то, что для русской литературы XIX века выглядело единичным и случайным, в дагестанских условиях оказалось типичным и почти массовым. Так что при всей трагической неграмотности населения и полной отчужденности от прочих информативных и коммуникативных средств современной цивилизации трудно сказать, что горский читатель в прошлом стоял дальше от своих поэтических талантов, нежели, скажем, европейский читатель от своих великих художников слова. Масштабы, разумеется, не сопоставимы, но типология несомненна.

Всего несколько примеров, типичных и красноречивых. Известно, как Батырай создавал произведения, в которых в предметных чертах обнажал социальные язвы современной ему жизни гор и едко высмеивал вершителей судеб аула — старшин и мулл, за что над поэтом был учинен суд, налагавший на автора непосильный штраф — по одному быку за каждое исполнение песни. Аульчане же решили иначе:

платить штрафы сообща всем аулом, но не дать голосу любимого певца заглухнуть. И песня Батырая продолжала звучать над горами и долами родного края. Сказалась четкая избирательность и ориентированность творчества.

Известно далее, что поэма «Мариям», прославившая аварского лирика Махмуда, родилась в 1915 году на дорогах войны на перевалах австрийских Карпат. Каково же было удивление поэта, когда, вернувшись с фронта, он обнаружил что вся его родная Авария удивилась удивительным поэтическим откровением «кавказского Блока», как впоследствии назвал Махмуда Н. С. Тихонов. Оказалось, что поэма была переписана однополчанином-земляком поэта и была отправлена по почте его друзьям в Дагестан, где, передаваясь из рук в руки, из уст в уста, обрела крылья и свой заветный «второй полюс». Не это ли подлинная жизнь произведения литературы и подлинное вознаграждение для его автора?

И еще пример. В одной из зарубежных поездок автору этой книги довелось в Стамбуле встретиться с престарелым аварцем, заброшенным сюда судьбою еще в годы революции. Как замороженный смотрел я на этого бывшего горца и с упоением слушал его, когда он, сидя напротив меня в гостиничном номере с искренним наслаждением, с не сходящей с лица улыбкой, без запинки прочитал наизусть почти все из поэтического наследия Гамзата Цадасы, созданного в дооктябрьский период. Стихи эти, естественно, не были в свое время опубликованы, но стали достоянием современников в устном и рукописном бытовании. И наш собеседник запомнил их. Вот вам реальная ценность художественного создания и реальная его оценка.

Все это — из области социально-эстетического функционирования произведений литературы в прошлом, до революции.

Революция в духовной жизни общества означала, помимо прочего, революцию в характере и содержании идейного и эстетического функционирования искусства. Новое искусство вызвало к жизни новый тип писателя и новый тип читателя, чем обусловлен и новый тип их взаимоотношений. Отношения эти предопределены ленинской формулой «Искусство принадлежит народу». Это не просто крылатая фраза, не броское изречение, а действительный путь нового искусства, смысл и назначение новой литературы, отражение единства масс и духовной культуры социализма. Отсюда же и единство факторов, обуславливающих социально-эстетическую жизнь художественного произведения. Глубоко символична для характеристики взаимодействия создателя ценностей искусства и их потребителей в новых условиях творческая декларация Гамзата Цадасы: «У меня, — писал поэт, — исключительно богатая библиотека, но, в отличие от других писателей, моя библиотека заполнена не книгами, а народом. У народа беру, народу отдаю»²⁰.

У подлинного художника полное взаимопонимание с читателем. Они как бы дополняют друг друга. Любопытна в этом смысле сце-

¹⁹ Цит. по: Гришунин А. Л. «Горе от ума» в литературно-общественном сознании XIX—XX вв. // Русская литература в историко-функциональном освещении. М.: Наука, 1979. С. 193.

²⁰ Цадаса Г. Собр. соч.: В 4-х т. Махачкала, 1956. Т. 5. С. 350. Авар. яз.

на, воссозданная П. Павленко, наблюдавшим за тем, как лезгинский ашуг Сулейман Стальский выступал перед незнакомой ему аудиторией с чтением своих стихов. «Когда он (Сулейман.— Г. Г.) на секунду задерживает строку — толпа подсказывает ее поэту.— Вот мои кпиги, говорит, показывая на них, Сулейман.— У них в голове записаны все мои песни, что я сложил. Я даже ошибаться не могу, они все знают...»²¹. Никакой рисовки, а самая естественная взаимность, живое, близкое общение, устраненность малейшего барьера между творцом и потребителем, их социально-эстетическое сопереживание, в чем, быть может, и торжествовал определенный творческий путь, в данном случае — стиль, характеризующий народность искусства.

В литературной жизни советского времени непрерывно шел процесс освоения, адаптации и переосмысления национального духовного наследия. Оно стало достоянием массового читателя, неисчерпаемым предметом критического и литературоведческого анализа, широко поставленной текстолого-эдиционной работы, благодатным объектом новых идейных и эстетических интерпретаций и перевоплощений в иных видах национального искусства — музыкальном, изобразительном, особенно театральном. Так называемое «инобытие» значительно раздвинуло границы функционирования литературно-художественных ценностей предков. Художественное наследие предстало важнейшим слагаемым культуры социализма, источником реалистического искусства.

Мощный и многоохватный процесс взаимодействия и взаимопроникновения литератур, будучи важнейшей реальностью жизни современного общества, обуславливает подчеркнутый интерес к проблеме инонационального бытования национального искусства. Перед исследователем здесь пока что малоизведанная сфера поиска и заманчивое поле «находок». Более того, данная область литературной жизни, в силу многосторонности действующих в ней компонентов и сложности творческих методологических аспектов, образует, на наш взгляд, самостоятельный исследовательский пласт, которому должно быть отведено — особенно в условиях таких многонациональных регионов, как Средняя Азия, Поволжье, Прибалтика, Дальний Восток, Крайний Север, Кавказ — предпочтительное место. Это действительно не просто, но чрезвычайно важно и интересно — поставить широкую работу по сопоставительному анализу восприятия и интерпретации литературных произведений в национальных и инонациональных средах, так сказать, «дома» и в «гостях», иными словами, исследовать процесс акклиматизации национального творения к инонациональному бытию, освидетельствовать его самочувствие в изменившихся условиях.

В самом деле, как порой разительны несоответствия между национальным оригиналом, подлинником, и его переводом, переложением на другой язык, что делает реальность и достоверность восприятия, интерпретации и оценки переводного произведения

сугубо условным и нередко сомнительным. Объективные предпосылки этого явления заключены уже в том, что при переводе имеет место субъективное вмешательство одного художника в лице переводчика в субъективное создание другого художника — автора. Дело не только в том, что эстетические вкусы обоих творцов могут различаться весьма существенно, но и в том, что происходит по сути встреча двух разных этноязыковых стихий, двух неодинаковых национальных художественных традиций, двух несовпадающих индивидуальных стилей, различных средств и приемов изобразительности. В результате «смешения» различных эстетических начал и уровней возможны, а порой неизбежны как потери, так и обретения.

Советская переводческая школа дала немало образцов, в которых этого рода издержки доведены до минимума. Так, благодаря глубоко творческому, высокопрофессиональному и ответственному исполнению перевода стала достоянием многонациональной художественной культуры страны и вошла в орбиту мировой художественной культуры поэтическая классика народов Дагестана. И это отвергает ходячее мнение о якобы фатальной непостижимости при переводе уровня идейной и эстетической идентичности и тождественности обоих начал — национального и инонационального, родного и неродного. Нет, полнокровное и равноценное восприятие и функционирование национального художественного создания в инонациональной среде так же возможно и реально, как возможно и реально осуществление оптимального и адекватного перевода. Практика показывает, что жизнь подлинных эстетических ценностей не должна и не может герметизироваться в временных и узконациональных рамках. Вспомним, что в дореволюционном Дагестане Батырая знали только даргинцы, Казака — только кумыки, Эмина и Стальского — только лезгины, Махмуда и Цадасу — только аварцы. В советское время все они стали интернациональным достоянием художественной культуры сначала всего Дагестана а затем — и всей страны. Главная заслуга в этом принадлежит переводу классического наследия на русский язык, а через него на другие языки. Произошло небывалое расширение поля функционирования, восприятия и воздействия многозвучной и многокрасочной поэзии народов этого региона.

Мы коснулись некоторых аспектов, характеризующих реалии функционирования художественного наследия народов Дагестана в прошлом и настоящем, факторов, определяющих его социально-эстетическую жизнь в культуре социалистического общества, природу восприятия и интерпретации эстетических ценностей предков в наше время. Наблюдения подтверждают, что историко-функциональному принципу литературоведческих исследований,ряду с историко-генетическим и ценностным подходами, по праву отводится одно из ведущих мест в современной науке о литературе и искусстве. Более того, без методологического овладения принципами историко-функционального изучения судеб художественной литературы трудно представить себе плодотворное освоение

²¹ Павленко П. Собр. соч.: В 6-ти т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 6. С. 72.

таких гигантских материков современного литературоведения, как разработка подлинной истории национальных литератур, всестороннее исследование исторической поэтики, полноценное осмысление художественного процесса. Между тем именно здесь видится перспектива дальнейшего совершенствования историко-литературной науки, именно на этом пути следует ожидать реальных и значительных ее успехов.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

*

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Истоки, периодизация, метод

1

Марксистско-ленинское учение о культурном наследии, предполагает постоянное обращение науки об искусстве слова ко всему, что «было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹, к тому, из чего складывались традиции, обеспечившие художественный прогресс как последовательное накопление и обогащение гуманистического эстетического опыта народов. Такая миссия советской культурологии обретала особую актуальность для художественного прошлого многочисленных малых народов страны, национальное достоинство которых всячески подавлялось и игнорировалось эксплуататорским обществом.

Предпринимаемые за последние годы попытки осмысления и выработки научно обоснованной концепции историко-культурного и литературного процесса в дореволюционном Дагестане продиктованы не только собственными запросами дагестанского литературоведения, но и общей тенденцией воссоздать понораму развития литератур многонациональной страны на всем протяжении их исторического пути, о чем свидетельствует разрабатываемая ныне и осуществляемая впервые многотомная «История литератур народов СССР дооктябрьского периода», призванная дать ответы на целый комплекс актуальных проблем истории национальных литератур, выявить их прогрессивные традиции и общностные черты, проследить в них признаки социальной и духовной близости народов, способствуя тем самым росту интернационального взаимопонимания людей. Теоретическая и идеологическая концепция ожидаемого труда направлена против традиционных попыток буржуазной науки отрицать или принижать вклад народов СССР в мировую литературу. Что же касается выявления и осмысления духовного наследия народов Советского Востока в его истинном значении, то оно уже подтвердило несостоятельность и антинаучность «европоцентристского» взгляда на историю и культуру народов Азии, хотя окончательное преодоление его продолжает оставаться одной из актуальных гуманистических и нравственных задач исторического и филологического востоковедения.

Вместе с тем, открытие советской наукой непреходящих куль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 337.

турных ценностей в неизученном прошлом огромного множества малых народов, приобщение и плодотворное использование их в современном художественном развитии является убедительной отповедью как антисоветизму, муссирующему измышления о некоем «ущемлении» национальных меньшинств в Советском Союзе, так и вульгарному нигилизму, формировавшемуся в условиях культа и культивировавшемуся в годы застоя по отношению к их духовным возможностям.

Накопленный опыт изучения культурного наследия народов Дагестана и уровень современного литературоведения требуют методологического поворота от филологически-описательной оценки художественных традиций к историко-типологическому и системному их анализу, к выявлению внутренней динамики и общих закономерностей их формирования. А это в частности предполагает:

— на основе критической оценки, обобщения и творческого использования предшествующего исследовательского опыта выявить и оценить реальное содержание и характер бытования дореволюционного литературного наследия народов Дагестана;

— рассмотреть историко-культурные факторы зарождения и формирования дагестанской литературы, национальные и инациональные истоки и традиции, легшие в основу ее становления, выяснить действительное их место в историческом движении художественной культуры народов Дагестана;

— дать научно-теоретическое осмысление и освещение сложного, зачастую запутанного процесса складывания литератур народов Дагестана как общedaгестанского системного единства в типологических связях с другими региональными и зональными художественными системами, поставить и подойти к решению вопросов периодизации многовекового литературного движения в данной зоне, проблем генетической и типологической общности, стадийной и системной близости национальных литератур;

— опираясь на анализ историко-культурного и идейно-эстетического содержания художественной системы, охарактеризовать облик литературной эпохи Дагестана, пределы которого обозначены концом XVII и началом XX вв., определить очертания и проникнуть в сущность литературных направлений и тенденций жанрово-стилистических образований, социально-эстетической структуры художественного наследия предков;

— проследить национальное и зональное своеобразие литературного процесса в Дагестане, выявить особенности функционирования данной эстетической системы в собственной ареальной и этнической среде, а также во взаимодействии с соседствующими системами, с различными идеологическими и художественными воззрениями, в широком контексте исторической и социальной жизни народа.

Важная задача филологического дагестановедения состоит в том, чтобы, преодолевая пережитки нигилистического игнорирования положительного опыта предков, с одной стороны, и не увлекаясь вне-социальной его идеализацией, с другой — показать методологиче-

ский просчет создателей искаженных моделей художественного прошлого дагестанских народов. Необходимо на основе объективного, реалистического подхода к оценке общественных явлений выявить идеологические и эстетические потоки, стимулировавшие или тормозившие художественный прогресс, вскрыть содержание и формы борьбы передовых и консервативных элементов, прогрессивных и реакционных тенденций. Без этого нельзя решить проблему восстановления подлинно научной концепции историко-литературного процесса в дореволюционном Дагестане.

Диалектический подход к осмыслению и решению такой крупной литературоведческой проблемы предполагает рассмотрение факторов художественной истории региона во всей совокупности, во взаимосвязи, в развитии, требует не только прочтения изучаемых явлений прошлого в историческом разрезе и социальном контексте, но и просвечивания их опытом современности. Не вооружившись историко-генетическим подходом, немислимо представить себе изучение сложного и уникального феномена, каким предстаёт ныне многонациональное литературное наследие народов Дагестана.

Плодотворна опора на закономерности неравномерного характера общественного развития. Глубокий методологический смысл заключается в широком бытующих суждениях ученых и мыслителей о том, что в иных исторических условиях уровень развития искусства может и не отвечать уровню экономического развития общества². Установка дает ключ к выявлению и пониманию локальных особенностей, национального и регионального своеобразия художественного развития того или иного народа, той или иной общности. Диалектика общего и особенного — одна из основополагающих позиций современной теории общественного развития вообще, литературного процесса в частности.

Литературы народов Дагестана — аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев и др. — могут быть осмыслены и понятны в обширных взаимосвязях, взаимодействиях и взаимопроникновении, и лишь такой выход даст возможность развернуть целостную картину дореволюционной литературной жизни этого самобытного ареала в ее горизонтальных и вертикальных плоскостях. Выявление и анализ общностных признаков культурно-исторического развития и художественного мышления народов позволяют проследить целостный процесс складывания здесь эстетической системы, обособившей исторически сложившееся и генетически обусловленное единство этой системы. Причем на стадийной карте историко-культурной жизни народов края, очерченной хронологическими рубежами конца XVII и начала XX вв., центральное место отводится XIX столетию, которое воспринимается как эпоха становления национальных литератур и формирования многонациональной литературной системы народов Дагестана. Реальная картина становления, развития и функционирования этой системы отвергает ус-

² Из рукописного наследия К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 376.

тоявшиеся концепции, проповедующие представление о якобы средневековой сущности дооктябрьского эстетического мышления народов Дагестана, о младописьменном характере их литературы, о примитивно-импровизаторской природе дагестанской поэтической классики.

В современном дагестанском литературоведении выдвинут, обоснован и получил признание ряд новых и важных историко- и теоретико-литературоведческих концепций. Таковы идеи о возрожденческом этапе художественного развития народов Дагестана в XVIII—XIX вв., о синкретическом характере литературной системы данного периода, о наличии в литературах народов Дагестана второй половины XIX — начала XX веков достаточно выраженных творческих направлений — романтизма и реализма, о том, что к предоктябрьскому периоду реалистическая линия дагестанской литературы обрела черты, позволяющие говорить о критическом реализме. В дореволюционной дагестанской литературе довольно четко и в дифференцированном виде прослеживаются различные течения местного просветительства.

Таким образом концепция культурно-исторического и литературного прошлого народов многонационального Дагестана в дооктябрьский период характеризуется тем, что согласно ей дореволюционная литература народов Страны гор предстает как единая и цельная многонациональная идейно-эстетическая система с присутствующими ей историко-культурными истоками и художественными традициями, преемственностью и эволюцией, позволяющими проследить закономерности формирования, смену направлений и методов, этапов и стадий, течений и тенденций, т. е. все то, благодаря чему эта система, обладая глубоким национальным и зональным своеобразием, воспринимается как включенная в более крупную региональную общность, а через нее и в общемировую художественный процесс.

Как известно, в своем становлении дагестанское литературоведение прошло несколько этапов. К 20-м годам относятся первые описания и публикации памятников фольклорного и литературного наследия народов Дагестана. Собираателями и составителями ценных филологических источников и пособий были проф. Л. И. Жирков, А. Тахо-Годи, А. Шамхалов, Г. Гаджибеков, Эф. Капиев и др. Л. И. Жирков, открывший для себя поэтическую мир прошлого Дагестана, писал, что он обнаружил здесь «полную и развитую аналогию с тем, что мы видим в нашей европейской литературной жизни»³.

Особое значение для преодоления субъективистских представлений о художественной истории народов Дагестана — вопреки получившим ныне распространение выпадам против этого значительного события в истории социалистической культуры — имел I съезд советских писателей, ознаменовавший собой важнейший рубеж в развитии всего советского искусства. Уже в 30—40-х годах появились собрания сочинений крупнейших представителей национальной поэ-

³ Жирков Л. И. Старая и новая аварская песня. Махачкала, 1927. С. 6, 12.

зии, были выпущены в свет первые хрестоматии и антологии национальных литератур, ряд памятников устного народного творчества. Широкий размах приобрел перевод художественной литературы на русский и дагестанский языки. В центральных и местных изданиях вышли первые литературоведческие работы, обратившие на себя внимание общественности. Выступления Эф. Капиева, К. Султанова, Н. Капиевой, А. Назаревича, Г. Лелевича, К. Зелинского, Г. Корабельникова, Р. Фатуева и др. в той или иной плоскости затрагивали проблемы национальных истоков и традиций художественной культуры народов Дагестана. Проблемам национального фольклора были посвящены статьи М.-С. Саидова, Ш. Микаилова, А. Магомаева, Г. Цадасы, М. Гаджиева, С. Абдуллаева, Ю. Хаппалаева и т. д.

Благотворно сказался на развитии советского литературоведения, как и всех общественных наук, XX съезд КПСС. Открылся доступ к творческому наследию многих «запрещенных» в прошлом художников слова. Значительно активизировалась творческая мысль и научный поиск. Увидели свет собрания памятников устного народного творчества и литературные антологии, пополнились издания дагестанской поэзии.

Литературное наследие народов Дагестана предстало в таком качестве и совокупном богатстве, что вызвало к себе всеобщий интерес. Н. С. Тихонов писал: «Ни Толстой, ни Фет не знали тогда, что наряду с народными песнями в Дагестане существовали в их время известные поэты, чудесные лирики, в стихах которых «бьется и кипит та кровь, что мы зовем поэзией». Поэтов было много, они были все разные. Их судьбы, их образование, их происхождение были так же различны, как различны чуть ли не тридцать языков, на которых говорят в Дагестане. Они жили на севере и на востоке, в лезгинских горах, в аварских долинах и ущельях, и на крайнем юге страны»⁴.

Обогащение источниковедческой базы художественной истории народа и возмужание исследовательского опыта отозвалось появлением целого ряда самостоятельных монографических исследований, освещающих жизнь и творчество наиболее крупных представителей национальных литератур дореволюционного Дагестана — Батырая, Етима Эмина, Йырчи Казака, Махмуда из Кахаб-Росо, Али-Гаджи из Инхо, Гамзата Цадасы, С. Стальского и др. (К. Султанов, П. Капиева, А. Агаев, З. Магомедов, М.-Р. Расулов, Г. Гамзатов, Ч. Юсупова, Г. Корабельников и др.). Серьезным завоеванием дагестанского литературоведения явились подготовка и издание очерков национальных литератур дооктябрьского периода (Г. Музаханова, Б. Магомедов, Ф. Абакарова, Ф. Вагабова, С. Хайбуллаев, И. Асеков и др.), а также выход двухтомной истории дагестанской советской литературы.

Вместе с тем многие из этих работ страдали тем общим недостатком, что носили описательный характер, не выходили, как правило, за «собственные» национальные рамки, не ставили задачи

⁴ Тихонов Н. С. Поэты старого Дагестана: Предисловие // Дагестанские лирики. Л.: Советский писатель, 1961. С. 7.

типологического анализа художественных явлений прошлого, сравнительно-исторического их омысления, не говоря о системном подходе к изучению литературного процесса в пределах дагестанской зональной общности. Лишь в некоторых из них затрагивались проблемы стадийного развития художественного сознания, места дореволюционной литературы Дагестана в более широком региональном окружении и т. д. В представлениях и науке о литературном прошлом Дагестана получил прописку и распространение ряд ложных и неприемлемых концепций, теоретическое и методологическое преодоление которых потребовало немало усилий и стало реальностью лишь в самое последнее время. К числу таковых относилась и та, согласно которой «к рубежу 1917 года литературы народов Дагестана подошли... как литературы «средневековые»⁵, как литературы, не-отделившиеся еще от фольклора, с несложившимся художественным языком. Концепция, сводящаяся в сущности к отрицанию наличия у народов Дагестана до революции художественной литературы как таковой, традиций литературного мышления, национальной формы художественности, никак не согласуется с реальной картиной литературной жизни края в рассматриваемый период.

Думается, что реальное содержание национального художественного наследия народов Дагестана настолько масштабно и убедительно, что не нуждается в специальных мотивациях. Это тем более очевидно теперь, в разгаре оживленного и плодотворного процесса переосмысления духовной эволюции народов, выявления, освоения и обнаружения новых пластов интеллектуального потенциала предков, представленного в незаурядных человеческих личностях, в широком спектре индивидуального мышления, в оригинальных идейных и творческих созданиях, в ярких памятниках устной и письменной словесности, по праву относящихся к разряду ценностей общечеловеческого достояния. Безусловно, процесс этот одухотворен небывалым взлетом национального самосознания и повышенным интересом к национальному историко-культурному прошлому, что так характерно для нашего времени.

Ситуация такова, что перед дагестанским литературоведением вплотную встала сложнейшая из фундаментальных еще проблем — наладить дело фронтального изучения художественного наследия народов Дагестана во всем его объеме и разновидностях; поставить на новый уровень работу по систематизации и обобщению накопленного и заняться воссозданием подлинной картины литературного прошлого, написанию научной истории литератур региона за столетия, предшествовавшие октябрю 1917 г. Полная правда о духовной и художественной истории Дагестана призвана устранить один из гигантских и трагических пробелов, образованием которых наука обязана все той же насаждавшейся десятилетиями в сознании людей и общества реакционной концепции национального нигилизма.

⁵ Национальное и интернациональное в литературах народов Дагестана. Махачкала, 1973. С. 12.

Общепризнанно, что литературы рождались из традиций **устно-народного творчества**, восходящего своими корнями в эпоху племенного существования, и из элементов, воспринятых молодыми народами из культуры и литературы **народов старых**, с которыми они пришли в соприкосновение и определенные отношения⁶.

Научный подход к проблеме складывания многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане, объективная характеристика ее реального содержания и своеобразия бытования предполагают рассмотрение историко-культурных факторов, обусловивших зарождение этой системы, омысление истоков и традиций национального художественного наследия, дифференцированное выяснение действительного их места в историческом движении культуры народов, в формировании дагестанской литературы.

На первый план истории любой национальной литературы выдвигаются ее фольклорные истоки. И это естественно. Не исключение и Дагестан. Отражая богатство духовной жизни народа и его идеалы, традиции **устного народного творчества** здесь вылились в **мощный, самостоятельный и устойчивый** поток многокрасочного эстетического **мышления** и многослойных **идеологических представлений**, поток, идущий из глубин истории и послуживший, начиная с XVII в., основой, на которую опирались в своем становлении национальные литературные традиции.

Эстетический и социальный опыт дагестанской народной поэзии отразился на ее необычайном жанровом многообразии и тематическом богатстве. Ей присущи типы и формы, свойственные любому развитому фольклору. В его арсенале эпические и исторические песни, любовная лирика, баллады, трудовые и обрядовые, игровые и шуточные, колыбельные и «плакальные» песни. Этот опыт свидетельствует о глубоком, исторически сложившемся реализме народного мировоззрения, о преобладании в нем стихийно-материалистического мышления и мироощущения.

Необходимость и жизненность **устно-поэтического творчества** народов Дагестана сказались в том, что, несмотря на отсутствие дагестаноязычных литературных традиций, национальное художественное сознание народа устояло перед натиском многовековой исламской экспансии. Этот фактор оказался одним из решающих в наблюдаемом к моменту окончательной «исламизации» края вынужденном повороте арабоязычной дагестанской словесности к разрыву с традицией действительности; в падающем на XVII—XVIII вв. сопряжении процесса такого «контактного единорства» с расцветом устного народного творчества; в наметившейся еще в XVII в. и ставшей очевидной на рубеже XVIII и XIX вв. уступке местной арабоязычной литературой своих решающих позиций зарождавшейся национальной письменности и сформировавшейся на ее основе литературе на языках народов

⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. С. 442.

Дагестана. Такая последовательность национального культурно-исторического движения была закономерной.

Исследование межэтнических фольклорных общностей, которыми так богато наследие народов Дагестана, проливает свет на характер и содержание типологического и генетического единства разнонациональных духовных традиций и позволяет расширить представление об устном народном творчестве как «родном лоне литературы» (В. Я. Пропп) региона. Единство фольклорной системы породило единство системы литературной, и эта генетическая преемственность здесь простирается на всю содержательную область творчества как в эстетических, так и социальных измерениях.

В художественном наследии народов Дагестана явственно прослеживается целый ряд признаков и черт идейного и эстетического плана, отражающих наследственную связь зарождавшейся литературы со своим «кормильцем» — фольклором. К основным из них относятся:

— историческая причастность к судьбам народным и опора на явления реальной действительности; ярко выраженная социальность, насыщенность антифеодальными и антиклерикальными мотивами; национально- и социально-освободительная направленность; идейный и эстетический демократизм;

— преобладание в национальной литературе определенных жанрово-тематических и стилистических потоков, свойственных устному народному творчеству. В горской лирической песне, преисполненной идеей раскрепощения личности, и в горской эпической песне, сильной свободолюбивыми мотивами и героико-патриотическим пафосом, нашло яркое проявление национальное художественное самосознание народов Дагестана. Лирика и эпос ценились здесь как «поэтический хлеб» народа, как свидетельство его духовного здоровья. Они же и оставались вплоть до рубежа XIX и XX вв. магистральными руслами дореволюционного поэтического творчества — народного и индивидуального;

— восприятие литературой выработанной веками образно-художественной структуры, системы стихосложения, совокупности изобразительных приемов, присущих народному эстетическому мышлению. Пластичность образа, монументальность обобщения, насыщенность житейским опытом, сатирическое отношение к действительности, ясность и лаконизм, заимствованные у горской народной песни, имели значение высокого поэтического эталона, на базе которого осуществлялась творческая селекция художественного опыта наследователей. Отсюда и такое, например, нередкое для начальной стадии эволюции дагестанской литературы, явление, как отнесение отдельных эстетических памятников одновременно и к фольклорному, и к авторскому творчеству, что, бесспорно, относится к «потерям» в процессе преемства.

Закономерности функционирования народного художественного мышления позволяют воспринимать и рассматривать устное народное творчество в качестве комплексной эстетической системы, которая живет и развивается как духовная самоценность, про-

живляющая весь культурно-исторический путь народа вплоть до наших дней. Вместе с тем, самостоятельная значимость и автономная цельность не умаляют, а определяют другую важнейшую функциональную роль фольклорного наследия как постоянной питательной среды национальной литературы.

Таким образом, если дореволюционные литературы народов Дагестана предстают как определенная идейно-эстетическая система, если в них вырисовываются свойственные этой системе направления и стили, типовые и жанровые разновидности, если в ней прослеживаются, структурные формы и образующие их художественно-изобразительные ряды, если эта система функционирует в согласии с закономерностями, определяющими ее национальное и региональное своеобразие, — то такая литературная общность все-таки выходит в своем генезисе к соответствующей фольклорной общности народов Дагестана. Речь идет не о повторении и копировании литературой опыта известной системы, а об ее опоре на этот опыт, об адаптации его, творческом следовании ему.

Поэтому в решении общей для советской фольклористики и литературоведения задачи по изучению исторических судеб фольклора, выявлению закономерностей переработки и основания его традиций в искусстве слова, трансформации его поэтики, мотивов и образов в литературу особый интерес представляют относительно молодые литературы, какими являются, в частности, литературы народов Дагестана и Северного Кавказа, в которых переплетение чрезвычайно сложных, подчас запутанных культурно-исторических и национально-этнических условий придает процессу черты исключительного своеобразия. Без анализа этих родственных связей не могут быть плодотворными и достоверными ни характеристика функциональной роли фольклора, как «взлетной площадки и арсенала» литературы, ни рассмотрение литературного процесса данного ареала.

Особое место в арсенале средств и путей зарождения и становления национальных литератур в Дагестане принадлежит **арабско-восточным традициям**. Осталось позади время, когда решение вопроса о роли восточных влияний в культурном прошлом народов Дагестана, в частности о месте арабской литературы в становлении местных литературных традиций, сводилось к однозначному отрицанию каких-либо положительных начал и постулированию реакционной роли Востока. В наметившемся преодолении вульгаризаторского подхода к одному из важных аспектов истории дагестанской культуры решающее значение возымела опора на богатый опыт и крупные завоевания советского востоковедения, освоившего лучшие гуманистические традиции дореволюционной и зарубежной ориенталистики и вооружившего свою методологию основополагающими принципами научного историзма и социально-классового мироприятия. Общеизвестны труды В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, И. Ю. Крачковского, И. А. Орбели, Е. Э. Бертельса, В. А. Гордлевского, Н. И. Конрада, А. Е. Крымского, И. С. Брагинского и других,

посвященные истории и культуре народов арабского и советского Востока.

Пагубное влияние ислама как системы политического учения, права и морали на духовную жизнь покоренных халифатской военной стран, в их числе и Дагестана, сказалось в том, что он отвергал все, не укладывавшееся в рамки сути и духа верования, и ограничивал доступ в провинции цивилизации самого Востока в ее чистом, не извращенном господствовавшей идеологией облике. Но все-таки «подключение Восточного Кавказа к мусульманскому кругу мирового культурного сообщества» (В.В.Бартольд) имело объективным результатом образование определенной среды, стимулирующей положительное развитие местной культуры. Ибо в пределах этой всемирной географической, демографической и идеологической общности, охватившей, например, в X—XV веках обширнейший регион от Пиренеев до Индонезии, искони шел процесс широкого взаимного обмена материальными и духовными ценностями. Язык и литература арабов втягивали в орбиту своего действия духовную жизнь народов, обитавших во всей империи. Арабизация основательно коснулась Северного Кавказа и Дагестана, где арабский язык оказался «главным литературным языком»⁷.

Анализируя пути и способы проникновения арабских влияний на Северный Кавказ и в Дагестан, нельзя не обращать внимание на своеобразие здешних контактных связей, обусловленных принудительным характером насаждения идеологической системы ислама. Тут имели место целенаправленный завоз специальной арабской литературы богословского и философского содержания; организация его распространения и основания обширной сетью мечетей и духовных школ; активная миссионерская и проповедническая деятельность. Проникновение арабской литературы в мир местных народов осуществлялось непосредственно через подлинник и перевод, путем воспроизведения и переработки мотивов и содержания восточных памятников, в форме национальной их адаптации и т. д.

В средневековом Дагестане в течение сотен лет накапливалась обширная восточная литература в виде частных и общественных коллекций арабской книги. Это была не только теологическая литература, но и источники по гуманитарным и естественным наукам, философии, филологии, математике, астрономии, географии, медицине. Здесь возникли известные центры культуры и науки, своеобразные средоточия образованности, преимущественно религиозно-богословского толка.

Крупнейшие авторитеты востоковедной науки единодушны в признании уникального характера системы арабистского образования в старом Дагестане, выразившейся в обширной сети коранских, примечетских школ и медресе. Таких школ в конце XIX в. здесь было 924, в которых обучалось более 7 тыс. учащихся. На Дагестан приходилась половина всех мусульманских школ Кав-

⁷ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Избранные произведения. Т. 6. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 560.

каза. «Учение доступно каждому горскому мальчику»⁸, — писал П.К.Услар. Богословская сущность образования, основанного на «незыблемом фундаменте» Корана, Хадиса, Тафсира, предопределяла крайне сектантский характер и схоластическую постановку обучения.

Вместе с тем курс мусульманского образования в Дагестане включил законоведение, логику, риторiku, философию. Учащимся сообщались элементарные сведения из географии, астрономии, математики. Увлеченно занимались они такими узкоспециальными дисциплинами, как арабская грамматика, стилистика, художественное мастерство, стихосложение.

В муталимской среде популярна была художественная литература на арабском языке. Наиболее любознательной части учащихся были доступны диваны великих певцов Востока Абу-Нуваса, Абу-Таммама, аль-Мутанабби, аль-Маари, Ибн-аль-Фарида. Широкое хождение имели стихи и изречения Фирдоуси, Омара Хаяма, Низами, Саади, Хафиза, Джамии, Навои, Физули и других поэтов мусульманского Ренессанса. Под рукой муталима всегда находились «Лейла и Меджнун», «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь» и другие антологии, хрестоматии, хроники.

Арабская литература «для Кавказа не была экзотикой или заповным украшением внешней учености, ею действительно жили»⁹. Образованный Дагестан выдвигал своих арабоязычных мыслителей и художников: XVI—XIX векам принадлежат имена Шаабана из Обода, Тайгиба из Харахи, Дамадана из Мегеба, Дибир-Кадии из Хунзаха, Мусалава из Кудутля, Мирза-Али из Ахтов, Абубакара из Аймаки, Гасана-Эфенди из Кудали, Магомеда из Убра, Дауда из Усиша, Мухамеда Тахира ал-Карахи, Гасана Алкадари и других, труды которых по вопросам истории, философии, права, теологии, филологии, наряду с их художественными сочинениями, читались, изучались и комментировались современниками и последующими поколениями. Многие из арабоязычных ученых и художников были широко известны в других странах Востока — в Сирии, Йемене, Иране, Турции, Египте, Индии. «Дагестанцы и за пределами своей родины, куда их забрасывала судьба, оказывались общепризнанными авторитетами для представителей всего мусульманского мира»¹⁰.

Принципиальным является выдвижение и обоснование советской ориенталистикой (И. Ю. Крачковский, М.-С. Саидов, И. М. Фильштинский, А. Н. Генко, И. С. Брагинский) тезиса о местной, национальной природе и самостоятельном характере арабоязычной литературы на Кавказе. Начиная с XVI в. эта литература отражала действительность данного ареала и своими корнями была связана

⁸ Услар П. К. О распространении грамотности между горами // ССКГ. Вып. III. Тифлис. 1870. С. 3.

⁹ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные произведения. Т. 6. С. 622.

¹⁰ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные произведения. Т. 6. С. 610.

с историей и жизнью его народов. Это была создававшаяся «в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти в Кабарде и Черкесии местная оригинальная литература на арабском языке»¹¹, хотя и пользовавшаяся видами и жанрами, свойственными классической арабской поэзии.

Рубеж XVIII—XIX вв. в истории культуры народов Дагестана ознаменован зарождением национальной письменности («аджам») и концом «единовластия» арабского языка, который, будучи постоянным в основном феодально-клерикальной верхушки и ограниченного круга образованной интеллигенции, оставался здесь субстанцией наднациональной. С появлением первых письменных памятников искусства слова на языках народов Дагестана связано изменение масштаба, содержания и самой формы бытования и развития литературы как общественного явления. Однако зарождение литератур на основе родных языков не означало, что арабский язык отказался от прежних функций и литература на нем перестала развиваться. Уступая шаг за шагом позиции в области художественного творчества, арабский язык в области науки, исламской идеологии и официальной жизни общества продолжал доминировать, временами достигая расцвета, как, например, в период народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни.

Отвергая абсурдную концепцию, объявляющую арабский язык «языком религии», а литературу на нем — «религиозно-исламской», надо иметь в виду известную роль арабского языка как средства делового общения в дореволюционном Дагестане в преодолении разобщенности его населения и в осознании им своего единства. Возникновение же письменности у народов Дагестана, равно как у многих национальных меньшинств старой России, на арабской графической основе, письменности, которой пользовались и на Северном Кавказе, и в Поволжье, и в Средней Азии вплоть до 1928 г., — факт, историческое значение которого невозможно ни игнорировать, ни недооценивать. Концепция «бесписьменности» дагестанских языков и «младописьменности» дагестанских литератур выглядит ныне как методологический и научный анахронизм.

Другая крайность состоит в неправомерной переоценке роли арабовостоных традиций в судьбах дагестанской литературы. Превеличенное представление о реальном вкладе Востока искажает действительную картину национальной литературной жизни и ее эволюции, и служит питательной средой для современной идеологической обывательщины с ее благоговением перед «добрым старым временем», перед «таинством восточной специфики» и т. д. «Крайне восточный» взгляд на генезис дагестанской литературы смыкается с новоявленным «азиатизмом», о котором предупреждал Н. И. Конрад.

Таким образом, установление того, что в своем первоначальном виде дагестанская литература зародилась и в течение столетий развивалась в оболочке арабского языка и арабского письма, как

явление национальной культуры и одновременно арабской культурно-исторической общности, служит ответом на вопрос о природе, характере и значении взаимоотношений арабской, а шире — восточной и дагестанской литератур. Арабоязычная литература здесь выступает и как фактор многовекового влияния на культурную жизнь Дагестана и Кавказа, и как «предыстория» зарождения национальных литератур.

Существенным фактором развития дагестанской многонациональной литературы явилось приобщение края к русской культуре, общественной мысли и литературе. Вопрос поставлен так: можно ли объяснить появление в феодальном Дагестане такого социально активного, дифференцированного и тенденциозного типа искусства слова только тем, что это искусство вошло из корневой системы устного народного творчества, было чутко и восприимчиво к опыту восточной культуры, воспользовалось традициями дагестанской арабоязычной литературы?

Как известно, XIX век для Дагестана стал веком России. Цивилизаторскую роль по отношению к Кавказу, прогрессивное значение присоединения горцев к России отмечали классики марксизма-ленинизма¹². Речь шла не просто об исторической переориентации народов Дагестана, а о включении их в общероссийскую региональную общность, находящуюся в интенсивных контактах с процессами мировой цивилизации, обогнавшей по уровню социально-исторического развития страны Востока, приобщившейся к передовому общественно-политическому движению эпохи. Сказывающаяся в иных исследованиях тенденция архаизации социально-экономической действительности и принижения реального уровня общественного и культурного развития предреволюционного Дагестана по своему объективному смыслу чревата недооценкой действительной роли России в историческом прошлом этого края.

Русско-дагестанские культурные связи XIX в. воспринимаются как результат потребности исторического развития русского и горского общества. В борьбе русского народа против крепостничества и абсолютизма и в борьбе горцев за национальную свободу и независимость рождалось сознание единства интересов народов. Открывалась перспектива взаимного согласия, которая была исторически прочувствована и понята как русской, так и местной демократией. Решающую роль в сближении русского и горских народов передовая Россия отводила «оружию цивилизации» (В. Белинский). «Не штыками, нагайками и кулаком, — говорил М. Дахадаев, — российская демократия сроднилась с Дагестаном, а пробуждением сознания народа». Рождалось осознание единства интересов народов в составе многонационального государства.

Россия, стоявшая перед «необходимостью в исключительно

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом Энгельс — Марксу. 23 мая 1851г. // Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241; Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. Собр. соч. Т. 3. С. 594—595.

¹¹ Там же. С. 612.

быстром и решительном движении вперед»¹³, манила за собой многочисленные национальные меньшинства своего региона. Так что ускоренное социально-культурное развитие малых народов берет свое начало еще в дореволюционном прошлом и находит отражение в лучших традициях национально-русских взаимосвязей. С проникновением русской цивилизации, например, связано появление в Дагестане еще к середине XIX в. первых школ светского содержания и первых лечебниц, основанных на науке. Первыми учеными, серьезно и глубоко принявшимися за изучение истории и географии, археологии и этнографии, филологии и медицины, первыми разведчиками природных богатств — недр и почвы, флоры и фауны здесь были видные представители русской научной интеллигенции. России обязаны своим зарождением дагестанское книгопечатание и дагестанская периодика. Внимание к национальным художественным ценностям народов Дагестана говорило о том, что признание за каждым народом больших духовных качеств было исконной чертой русской литературы и искусства.

Огромна заслуга русской культуры в формировании во второй половине XIX в., хоть и немногочисленной, но собственной светской демократической интеллигенции из представителей коренных народностей Дагестана, горячо взявшей за выращивание ростков родной культуры нового типа. Таковы авторы целого ряда работ по истории, этнографии, фольклору и языкам своих народов: Д.-М. Шихалиев, К. Зулпукаров, А. Чиркеевский, М. Хандиев, А. Омаров, М. Амиров, Г. Алкадари, М. А. Казимбек, М.-Э. Османов, Б. Далгат, С. Габиев и др. Носителями лучших интернационалистических черт своего народа, горячими поборниками русско-дагестанской дружбы, «людьми, мыслящими уже всероссийски» (М. И. Калинин), проявили себя энергичные и просвещенные горские интеллигенты пролетарского периода русского освободительного движения, смело и творчески переносившие на дагестанскую почву идеи и опыт революционной борьбы, — М. Дахадаев и Дж. Коркмасов, У. Буйнакский и К. Агасиев, С. Габиев и М.-М. Хизроев, Г. Саидов и М. Далгат, С.-С. Казбеков и А. Тахо-Годи, Э. Батырмурзаев и др. С именами «просвещенцев» и революционеров связано создание дагестанской литературно-публицистической традиции на русском языке.

При рассмотрении закономерности развития русско-дагестанских культурных связей привлекают внимание некоторые особенности.

Одна из них состоит в одностороннем характере этих связей: на протяжении многих десятилетий, начиная с рубежа XVIII—XIX вв., это был процесс освоения русской культурной дагестанской темы, проявления пристального интереса к новой окраине империи, особенно и прежде всего к народно-освободительному движению горцев. «Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музы,

поэтической их родиной»¹⁴. Кавказские и дагестанские произведения А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Т. Г. Шевченко, А. П. Полежаева, А. А. Бестужева-Марлинского, К. Ф. Рыльева, А. Фета, Л. Н. Толстого и многих других подтверждают правоту В. Г. Белинского. Гуманистические традиции русской литературы были подхвачены и развиты выдающимися художниками эпохи Г. Гагариным, Ф. Горшельдтом, Ф. Рубо, Н. Ярошенко, И. Айвазовским, Е. Лансере и др.

Другое своеобразие состояло в том, что русская культура в Дагестане натолкнулась на сильные и устойчивые арабоязычные традиции: лицом к лицу сошлись здесь две культуры, две идеологии, две тенденции развития. Все большее расширение сферы русско-дагестанского двуязычия в противовес традиционному арабо-дагестанскому было знаменем качественных перемен в духовном развитии народов края. Несмотря на то, что русско-дагестанские связи складывались в условиях великодержавных установок, с одной стороны, и феодально-анархической идеологии клерикализма и панисламизма — с другой, неумолимый процесс оттеснения позиций ислама объективно расчищал почву для местных, подлинно национальных культур. Шло ко все большей социологизации литературного творчества, демократизации его формы, к тому, чтобы жизнь стала главной заботой искусства слова, а человек выдвигался на первый план эстетического интереса общества. Неприятием существующего мира и складыванием на рубеже XIX—XX вв. новой концепции человека дагестанская литература стала созвучна великой русской литературе.

Влияние русской литературы на дагестанскую художественную культуру шло путями, обычными для закономерностей взаимодействия культур: непосредственно — через подлинник, перевод, личные контакты сторон, и опосредованно — через общность жизни в пределах единого региона. Осваивался опыт русской культуры и путем заимствования художественных приемов, мировоззренческих позиций, литературных форм и жанров. Это было характерно особенно для дагестанских просветителей начала XX века, благодаря которым в литературах ряда народов Дагестана — в кумыкской и лакской — зародились жанры повести, драмы, даже романа. Национальная художественная литература шла ко все большей жанрово-структурной дифференциации. Русская литература возбуждала в местных литературах собственные духовные и творческие силы, стимулировала возникновение и закрепление в них новаторских традиций.

Русская литература не знает так называемого «колониального романа» — этого специфического жанра идеологического обслуживания имперских интересов с их расовым знаменем. Разрабатывая и осваивая инациональную тему, русские художники первыми и с наибольшей полнотой создали реалистическую картину горской действительности и реалистический образ горца. А. С. Пушкин,

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 138.

¹⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 543.

М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, обращаясь к извечной кавказской теме, отвергли широко распространенное описание горцев в чисто этнографических, экзотических, архаических красках как несовместимое и с подлинно романтическим, и реалистическим воссозданием действительности. Одним из творческих побудителей вступления дагестанской национальной литературы в полосу реалистического направления в начале XX века по праву можно считать русский художественный опыт, традиции русской материалистической эстетики.

Отметим особое место русского языка в системе русско-дагестанских отношений, его функциональную роль в дореволюционном Дагестане. Благодаря своей «переимчивости» и «общежителюности» (А. С. Пушкин) русский язык легко вошел в большую семью дагестанских языков; все шире завоевывая позиции языка общения народностей, пополняя лексический арсенал местных языков, сказавшись в известном смысле на развитии здесь литературных языков.

История сама разрешила спор, в котором, как отмечал еще П. К. Услар, лицом к лицу сошлись арабский и русский языки, тягубу, в которой вопрос стоял так: «Которому из них суждено владеть Дагестаном?»¹⁵ Тенденция исторического развития была такова, что прогрессивное народное предчувствие сделало свой выбор. Так, например, в 1913 г. в Дагестане функционировало 84 школы с преподаванием на русском языке, в которых обучалось 6650 учащихся, в их числе 41,4 процента представителей коренных горских народностей, «На Кавказе, — заметил В. И. Ленин в конце 1913 г. — представители нерусских народностей сами стараются научить детей по-русски»¹⁶. Однако потребовалась Великая Октябрьская социалистическая революция, чтобы сбылись чаяния передовых людей горского общества и чтобы русский язык завоевал «подобающее ему по своему величию место»¹⁷. Не арабскому, не персидскому, не тюркскому, — несмотря на многовековые их притязания на такую роль, — а русскому языку было суждено стать первым в истории языком межнационального общения, языком сплочения, сотрудничества и консолидации народов Дагестана.

Таким образом, речь идет о реальном характере все растущего совокупного воздействия российской деятельности, демократической культуры и передовой литературы России на интенсивный процесс формирования в Дагестане национальной литературы — особенно во второй половине XIX — начале XX вв. Процесс этот был демократическим, перспективным и вместе с тем ускоренным. Переключение зональных литературных систем Кавказа, Поволжья, Средней Азии и других народов нынешнего советского Востока в общероссийскую региональную общность было явлением эпохаль-

ной значимости для дальнейших судеб этих народов, для развития их национальных культур, для возрождения их литератур. Русская культура, русский язык, русская литература явились мощными стимуляторами формирования и роста литератур многочисленных народов России.

3

Опора на типологический и системный подходы к анализу художественного процесса позволяет выдвинуть коренные вопросы оценки дагестанского литературного феномена XIX в. К какой из литературных эпох он может быть отнесен? В которую из зональных и региональных историко-культурных общностей он включен? На каком из стадийных уровней развития данная художественная система зафиксирована?

Историко-типологический анализ обнаруживает ряд интересных сходжений, когда литературы народов Дагестана в своем становлении пережили периоды и типы, аналогичные имевшим место в целом ряде других точек на всемирной карте художественного развития. Разумеется, речь идет о внегенетическом диахронно-типологическом «родстве» литературных явлений. Системный же подход дал возможность выявить в пространственных и временных пределах Дагестана XIX и начала XX вв. генетические корни структурного единства явлений, понять механизм смены типов художественного мышления внутри этого единства. Историческая и эстетическая логика литературного процесса привела к формированию здесь оригинального многонационального идейно-художественного единства литератур, общность которых — в самом их генезисе и эволюции: в ренессансных чертах культуры, в просветительских тенденциях, в романтической и реалистической системах, порожденных соответственными «общественно-эстетическими потребностями» (М. Б. Храпченко) и протекавших в синхронно-типологических срезах.

Историческая логика литературного процесса в Дагестане характеризует трехсотлетний (XVI—XVIII вв.) период местной арабоязычной литературы и богатых устно-поэтических традиций и находит ему аналогию в европейском средневековье (VI—XIV вв.), отмеченном зарождением феодализма, утверждением монотеизма, господством языка церковного богослужения, религиозно-моралистической проповедью смирения и терпения. Духовная, культурная жизнь народов Дагестана XVIII и XIX вв. в целом осмысливается и воспринимается как эпоха раскрепощения сознания от пут средневековья и поворота литературы к новым гуманистическим идеалам, как сказать, возрожденческого типа. Концепция эта, отражая тенденции идеологического наполнения современной национальной действительности и создавая своего рода ситуацию, близкую к ренессансной, подтверждает всемирный характер Возрождения, протекшего, по определению Н. И. Конрада, как великая волна цивилизации по всем континентам и странам земли. В ней же

¹⁵ Услар П. К. О распространении грамотности между горцами. С. 7.

¹⁶ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 116.

¹⁷ ЦГА ГрузССР. Ф. 2. Д. 3136. Л. 19.

содержится, на наш взгляд, дополнительная аргументация научной достоверности идеи «Восточного Ренессанса», которую выдвигал еще в 40-х годах И. Ш. Нуцубидзе и обсуждали в 1977 г. на страницах «Вопросов литературы».

В методологическом отношении не бесспорным представляется постулирование исторической несовместимости европейского Возрождения и дагестанской культуры прошлого: «Не может быть разговора о типологическом сходстве там, где мы имеем глубокое историческое своеобразие»¹⁸. Ведь типологическая сущность включает не только единообразие явления, вовсе не «снимает» индивидуальное и особенное¹⁹. «Не обязательно, чтобы элементы Возрождения в других странах развивались именно в тех сферах, в которых они развивались в первой ренессансной стране»²⁰. Тем более не обязательно, чтобы в каждой стране элементы той или иной эпохи проявляли себя во всей классической полноте и комплектности.

Такой подход раскрепощает исследователя в поиске и оценке литературного процесса Дагестана, смысл типологической и системной периодизации которого состоит не в унификации, а в раскрытии многообразия, в прочтении исторической логики последовательного движения, в упорядочении общего и особенного в этом движении. Именно своеобразием интересна и ценна дагестанская многонациональная литература в системе региональной и общемировой художественной культуры.

Широкий и вместе с тем дифференцированный взгляд на историко-культурное прошлое края приводит к выявлению, истолкованию и систематизации национальных и зональных черт дагестанской культуры, которые во многом напоминают явления ренессансного типа. Обратимся к некоторым из наблюдений.

В XVII—XVIII вв. наметились тенденции размежевания общественно-философского сознания на противоположные направления — религиозно-идеалистическое, цепляющееся за богословскую трактовку природы и общества (Шаабан Ободинский, Абубакар Аймакинский) и прогрессивно-рационалистическое, тяготеющее к опытным путям познания (Мухамед-Мусалав Кудутлинский, Дамадан Мегебский). Установкам божественного предопределения, проповедям презрения к земной жизни была противопоставлена критика феодально-клерикальной, шариатской ортодоксии, повышение интереса к проблемам реальной действительности, вообще раскованная творческая мысль. Явственней обозначились проповеди демократических форм бытия, таких как идея равноправного содружества народов Дагестана, их добрососедских отношений с народами Кавказа, защиты независимости родины, вплоть до провозглашения равного права людей на пользование землей.

Выдвижение человека «на первый план бытия» (Н. Конрад) стало главным в общественной мысли Дагестана XIX века, и это

¹⁸ Юсуфов Р. Ф. Дагестан и русская литература. М.: Наука, 1964. С. 263.

¹⁹ Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Худож. лит., 1977. С. 271.

²⁰ Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 242.

было существенной категорией ренессансного гуманизма. Идеал образованного человека, культ разума как «источника истины», открытие человека гор в «живой личностной категории», противопоставление его средневековому образу «сына божьего», и «сосуда гнева и скверны» (Б. Сучков) были доминирующими в философской и поэтической мысли эпохи. В открытости идеи и чувства, в вольнодумстве и насмешливом отношении к канонам теологических установлений и традиций, в наметившемся повороте от «обожествления» человека к «очеловечению» бога заключалась ведущая тенденция движения творческой мысли М. Кудутлинского, Батырая, Е. Эмина, Али-Гаджи из Инхо и др.

Известный «религиозный индифферентизм», конечно же, не означал, что объектом отрицания дагестанских гуманистов была сама религия. Им была характерна оппозиция средневековому аскетизму и религиозному ханжеству, но не антирелигиозность и не атеизм. Путь к идеальному обществу и совершенной личности у Г. Кудалинского и многих других лежит через ислам, за чистоту которого они ратуют. Нравоучительные и моралистические наставления, обращенные к человеку — «носителю добра и зла», сентенции о справедливости и добродетели у М. Кудутлинского мотивируются с опорой на бога («Аллах не оставит у власти угнетателей»). Еще более показателен пример С. Ярагинского, облачившего зародившуюся в народном сознании идею социальной борьбы в сектантскую ризу мюридизма. Тем не менее антифеодалная борьба, в которой отозвались освободительные и объединительные тенденции горских народов, как представляется, была по типу и пафосу своему установкой ренессансной.

Далее, XVIII—XIX вв. дагестанской культуры отмечены формированием нового типа национальной гуманистической интеллигенции — ученых, мыслителей и поэтов, в корне отличавшейся от деятелей прежнего типа — «мудрецов», «ясновидцев», «шейхов» и святош и порвавшей со средневековьем. Особую прослойку составляли мыслители-универсалы, соединявшие в одном лице философа и теолога, филолога и правоведа, большинство из которых были государственными и религиозными деятелями, идеологами, политиками, дипломатами и принадлежали в основном к арабоязычной литературе (М. Кудутлинский, М. Мегебский, Г. Кудалинский, Дибир-Ради Хунзахский, М. Ярагинский, С. Араканский, М.-Г. Карахский, Г. Алкадари и т. д.). Широкий диапазон интересов и разносторонняя образованность позволяли им вступить в тесные международные научно-идеологические контакты. Многие из них обучались и жили в Стамбуле, Каире, Мекке, Йемене, Хиджазе и т. д.

В ином облике предстает прослойка четко дифференцированной творческой интеллигенции. Классику дагестанской национальной поэзии составляли крупнейшие лирики — Батырай, Казак, Эмин, Али-Гаджи, Чанка, Махмуд и др. Выделились просветители, романтики, реалисты. Большое развитие получила дидактическая и са-

тирическая поэзия. Сформировалась плеяда ученых-филологов, этнографов, публицистов светского типа.

К дагестанским ученым и поэтам приложима отмеченная Ф. Энгельсом черта ренессансной интеллигенции. Выдающиеся умы этой эпохи, писал он, «почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе»²¹. Дорого стоила борьба за справедливость, разум, добродетель Кочхюрскому, Эльдарилаву, Уриже, Анхил Марин, Казаку, Махмуду, уделом которых стали страдания, увечье, гибель.

Антифеодалность ренессансной идеологии вообще не означала, что она явилась опорой зарождавшихся буржуазных отношений: такая альтернатива чужда гуманизму. Творчество дагестанских поэтов XIX в. содержит мотив неприятия откровенно денежных отношений, в нем уже угадываются прототипы буржуазного человека, наименее подвержены родимые пороки и отвратительные черты господина Купона, который, по известному замечанию В. И. Ленина, «безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»²². Так что, не будучи ни феодальной, ни буржуазной, возрожденческая литература в Дагестане осуждала пороки той и другой формации.

Важнейшей вехой истории Дагестана явилось открытое проявление в XVIII в. тенденций «национализации» народностей. Выработка родной письменности («иджама») для основных народностей края явилась отправным пунктом осознанного преодоления так называемого языкового барьера, затруднявшего доступ культуры к широким массам, и важнейшим фактором обособления литератур по национально-языковому признаку, т.е. распада зональной арабоязычной литературной общности на национальные литературы. Уже в начале XIX в. возник целый ряд сочинений на дагестанских языках, появились фрагменты переводов крупнейших памятников восточной словесности — «Калила и Димна», «Тысяча и одна ночь», «Лейла и Меджнун», медицинский трактат Авиценны, хроника «Дербент-наме». Подобно тому, как в соответствующие эпохи Алишер Навои, Нарикаци, Руставели, Низами, Джами заложили начало национальной литературной классики, процесс литературного «размежевания» и формирования литератур на родных языках Дагестана был увенчан в XIX в. поэзией даргинца Ватырая, кумыка Йырчи Казака, лезгина Етима Эмина, аварца Али-Гаджи и других, вошедших в сознание народов ареала как родоначальники национальных литератур.

Процесс «национализации» идеологии не был индифферентен к тенденции формирования национальных государств, которую Ф. Энгельс признал «одним из важнейших рычагов прогресса в

средние века»²³. Так возникло на социально-политической карте Дагестана и Чечни в условиях народно-освободительной борьбы горцев и функционировавшее в середине XIX века государство военно-теократического типа — так называемый имамат Шамиля как первое в истории общедагестанское, или даже дагестано-чеченское государственное объединение народов, созданное в противовес существовавшему здесь на протяжении веков конгломерату национально-государственных феодальных образований — шамхальств, удийств, майсумств, ханств. Государство это пробило обширную брешь в дагестанском средневековье: оно размывало границы, изолировавшие народности по национально-этническому признаку, поддерживало объединительные устремления народа, поднимало общенациональное сознание горцев, содействовало их новому, более широкому, в известном смысле гражданскому, мировосприятию. Сложившаяся многонациональная межэтническая общность дает основание говорить о многонациональной общности данной этнокультурной зоны.

В числе явлений, свойственных позднефеодальному развитию и означавших существенную активизацию национально-общественной жизни в крае, может быть рассмотрено также возникновение на территории Дагестана крупных центров торговли, ремесел, культуры, напоминавших средневековые очаги городского тина, а также бурные процессы активизации в других отраслях художественной культуры, прежде всего в народном декоративно-прикладном искусстве и народном музыкальном творчестве, в котором уже в XIX в. обозначена профессиональная индивидуализация созидательного и исполнительского начал. Такая синхронность и сопутствие ренессансных явлений характеризует многосторонность и целостность процесса, происходящего в общественном сознании и эстетическом мышлении. Поистине Возрождению присущ «одновременный взлет всей человеческой энергии, совпадение ритмов развития всех сфер духовной культуры»²⁴.

Возрожденческий характер ситуации, сложившейся в дагестанской литературе XIX в., прослеживается на целом ряде чисто «литературных» факторов. Среди них: увлеченность творческой интеллигенции вопросами стилистики, поэтики, метрики стиха, вплоть до освоения «Риторики», «Поэтики» Аристотеля в переводе на арабский; интенсивный процесс канонизации национальных языковых средств изображения, выработки форм ритмической и интонационной организации стиха; обращенность поэзии к высоким идеалам социальной борьбы и защиты отечества, к теме героики народного подвига, к романтическому решению эпической темы; ведущее место лирической поэзии XIX в. в литературном процессе. Именно дагестанская любовная лирика оказалась тем узловым

²¹ Энгельс Ф. Диалектика природы//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 347.

²² Ленин В. И. Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 595.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 410.

²⁴ Гуттузо Р. Микеланджело — человек и художник//Вопросы философии. 1975. № 11. С. 116.

пунктом, в котором сошлись все нити, идущие от гуманистических порывов века по преодолению мистики, раскрепощению личности, пересмотру общественных ценностей. Она явилась выразительницей народного духа и национальной энергии дагестанцев в данную эпоху, в эпоху, шедшую на смену средневековья. Романтическая кощеница свободы чувств с ее идеей раскрепощения плоти, как известно, составляла неизменную тему творческого мироощущения ренессансного порядка.

Дагестанская поэзия XIX века, отвернувшаяся от идеологического средневековья, была поэзией нового типа, поэзией более высокого художественного сознания и национального самосознания дагестанского общества, поэзией цельного и раскрепощенного мироощущения. Будучи отмечена возрожденческой тенденцией, она не провозглашала и не декларировала себя таковой, а реализовывалась в самой образной и интонационной структуре произведений, в их естественном бытии. Эта поэзия и вошла в сознание своих народов как классика национальных литератур Дагестана.

Как национальные «стимуляторы» прослеженных выше тенденций характеризуются наиболее крупные события XVII—XIX вв. в национальной истории народов Дагестана, такие как «отечественная» война против нашествия Надир-шаха (1741—1745), тридцатилетнее народно-освободительное движение горцев (1830—1859), целая полоса крестьянских волнений второй половины XIX столетия, наиболее крупным из которых было восстание 1877 г. Среди народных движений и социальных потрясений, определяющих силу и ритм пульсации национальной жизни, особое место отводится героической борьбе горцев за свободу и самоуправление, возымевшей переломное значение во всей социально-политической и общественной истории народов Северовосточного Кавказа и столь ярко отозвавшейся на судьбах всего дагестанского общества XIX в. Объективный анализ позволяет услышать в движении пафос ранесансного ряда: он и в мотивах, разжигавших пламя борьбы, и в буре страстей и умов в ходе борьбы, и в кажущихся парадоксальными позитивных последствиях ее поражения.

В силу причин, всецело укладывающихся в марксистско-ленинскую характеристику народных движений периода разложения феодального уклада, поражение горцев было исторически неминуемо. И в самом крушении мюридизма отягощенного, несмотря на возлагавшуюся на него освободительную миссию, грузом средневекового консерватизма, склалось одно из крупнейших завоеваний возрожденческой энергии века. Оно было исторически оправдано, ибо облегчало процесс преодоления феодального застоя и ускорения движения к новой формации. Духовная трагедия, вызванная крушением освободительных иллюзий, обернулась пробуждением в горце неизмеримо обогащенной гражданской личности, глубокой переоценкой им многих считавшихся незыблемыми ценностей, в том числе и религиозных. Центр внимания передовых людей времени переместился к идее свободы личности, идее, которая не без импульсов

цивилизующей роли передовой России становилась все более осознанной, острой.

Поражение мюридизма, приведшее к кризису феодально-исламской идеологии, и окончательное присоединение к России с присутствием ей более прогрессивными формами жизнеустройства означали для судеб народов Дагестана исторический рубеж, за которым последовало начало Нового времени. Область художественной литературы оказалась здесь той сферой пробуждения мысли и чувства, в которой явственней всего сказались главные прогрессивные тенденции эпохи — демократизация жизни, гуманистическое восприятие личности, рационализация и социологизация идеологии. Принципиальное значение имел качественный сдвиг в идеологической сфере эпохи, заключавшийся в перегруппировке творческих сил дагестанской зоны, обусловленной выпадением последней из прежней — аравовосточной системы типологических связей и интеграцией в новый — общероссийский региональный комплекс развития. Такая культурно-историческая переориентация существенно меняет границы, состав и содержание типологической общности, в которую включен Дагестан, а также характерологические черты и сущностные тенденции собственно дагестанской зональной системы.

Обращает на себя внимание то, что начало складывания общероссийской региональной общности и «вписывания» дагестанской зоны в нее хронологически относится к рубежу XVIII—XIX в., который, как известно, является началом Нового времени в мировом развитии. Этим же рубежом отмечено и складывание мировой литературы, на карте которой наблюдаются крупные изменения, затронувшие как традиционные общности регионального литературного развития, так и «литературы, находящиеся в процессе своего становления» (И. Г. Неупокоева). Последнее касается литературы народов Дагестана.

В условиях, когда Ближний и Средний Восток переживал период длительного застоя и в силу определенных условий продолжал пребывать в объятиях средневековой слячки, а на арену выступала прогрессирующая Россия, куда в недалеком будущем переместится центр международного революционного движения, — в этих условиях историческая справедливость стояла на стороне русского демократического «вторжения» в Дагестан и в другие зоны, переключившиеся сюда с прежнего поля восточного тяготения. На смену прежним, слабым и случайным контактам опосредованного типа теперь пришли непосредственные, устойчивые, плодотворные связи с Россией, Европой, Западом.

Вступление в новый региональный контекст не означало, что дагестанская культура отныне сожгла все мосты, связывавшие ее с арабским прошлым, и утратила память о традициях прежнего культурного региона. В равной мере ошибочно мнение, будто возникший здесь во второй половине XIX в. вариант своеобразного «западно-восточного» синтеза не есть явление дагестанской национальной действительности, продукт интеллектуального опыта народов Дагестана. Не литературным контактам, а факторам национального развития края, исторической, политической и идеологической ситуа-

циям, сложившимся здесь благодаря включению в российскую общность, принадлежала решающая роль в ускорении национального литературного развития и усилении возрожденческих тенденций в художественном прогрессе.

«Ренессанс был каким угодно, но только не одноцветным, однообразным, школьно-прописным»²⁵. Очевидно, не было и в Дагестане единого ренессансного потока, а были ранессансная и антиренессансная линии развития национальной культуры. Общие трудности периодизации художественного процесса и сложности типологической классификации литературного материала здесь обусловлены многими национально-историческими факторами неравномерности общественного развития. Вступление, например, литератур народов Дагестана на путь художественного развития Нового времени, несмотря на столь внушительное окружение высокоразвитых литератур — русской, грузинской, азербайджанской, осуществляется лишь во второй половине XIX в.

Рассматриваемой литературной эпохе и литературному процессу в Дагестане свойствен ряд характерных особенностей. Одна из них состояла в том, что литература здесь продолжительное время бытовала и развивалась по преимуществу в рукописях и распространялась в списках. Это был сложный научный, публицистический и собственно литературный комплекс рукописного наследия. К печатному способу обнародования эта литература пришла лишь к концу XIX в. Другая особенность сводилась к литературному двуязычию, а нередко многоязычию. Дагестанская зональная литература не могла обходиться без «второго» коммуникативного языка — вначале это был арабский, затем функции эти перешли к русскому. Помимо наиболее распространенного — дагестано-арабского и дагестано-русского — двуязычия, известны различные типы многоязычия: дагестано-арабо-русское, лезгинско-азербайджано-арабское и т.д. Ведущей тенденцией XIX века был перевод литературного творчества на редьсы родных языков, и тенденция эта была реализована в развитую художественную систему.

Наконец, третья особенность состояла в наличии здесь литературно-художественного потока, бытовавшего в устной форме и представленного такими яркими именами, как С. Кочхюрский, Батырай, Сукур Курбан, Ыйрчи Казак, Эльдарилев, вплоть до вершинного феномена этого типа С. Стальского. Тем не менее, опираясь на черты неповторимой художественной индивидуальности «устных» поэтов, сугубо профессиональное отношение их к искусству слова, идентичность выполняемых «устной» и «письменной» литературой функциональных задач, можно и нужно оспаривать правомерность обособления этого типа творчества в автономный ряд и целостную эпоху художественного развития. Генерализация «устности», воведение ее в «фольклорность» — не более чем схематическое увлечение. Живучесть традиции «устной литературы» в Дагестане может быть объяснена целым рядом обстоятельств, в их числе слабой

²⁵ Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. М.: Наука, 1974. С. 178.

распространенностью национального письма, относительной малочисленностью каждой из здешних народностей, что облегчало восприятие живого слова, коллективного «рассказывания», «прослушивания», устного перевода «с листа», обсуждения по ходу. Эта была своеобразная форма «эстетической информации» без письма и печатного станка.

Нынешний уровень разработки истории культуры не позволяет проследить наличие в «дагестанском Возрождении» собственной древности, хотя теоретически такая возможность не должна быть исключена: искусство художественного слова любого народа существует так же издревле, как и наскальные изображения. Из пришествует исходить, допуская, что роль компенсатора древности здесь могла играть, например, доисламская поэзия арабов или культура эпохи мусульманского Возрождения IX—X вв.: многими компонентами напоминает последнее дагестанскую действительность XVIII—XIX вв. — разрастание центров городского типа, бурное развитие ремесел, торговли, обмена, дифференциация течений в науке и богословии, синкретизм интеллигентской деятельности и системы образования, аналогичность типов художественности и чества при примате эпистолярного жанра и т.д. Похоже, что именно дагестанский пример подтверждает возможность возникновения того или иного типа Возрождения под решающим влиянием других ренессансных культур²⁶.

Филологическое источниковедение, выдвигающееся ныне на одно из первых мест в исследовании истории литературы народов Дагестана, призвано уделить подобающее внимание проблеме всестороннего изучения арабоязычного духовного наследия дагестанской зоны. Половинчатая концепция, оставляющая за бортом внимания культуры, уходящие своими корнями далеко за XVIII в. и многообразно связанные с мировой культурой.

Таким образом, сбалансированное сочетание факторов внутреннего и внешнего порядка, определивших формирование литератур народов Дагестана, являет собой удивительное родство, благодаря которому в чертах одной из них узнаешь другую, а все они, вместе взятые, воспринимаются как единая, цельная многонациональная литературная система — дагестанская по типологии, по генетической природе, по социально-этнической и этно-психологической сущности. Идентичность духовных традиций, структурная и идейно-художественная их однородность, многообразная связанность со своей эпохой, внутренняя устойчивость развивающихся литературных структур, несмотря на их подвижность, обеспечивают литературное равновесие народов дореволюционного Дагестана «динамическое равновесие системы», о котором говорил Д. С. Лихачев применительно к славянским литературам²⁷. Цельность и системность художественного про-

²⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 241, 244.

²⁷ Лихачев Д. С. Древнеславянские литературы // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Прага, август, 1968. Доклады советской делегации. М. Наука, 1968. С. 5.

цесса — явление, безусловно, отсылающее нас к качеству возрожденческого порядка.

Так что, похоже, что народам Дагестана также довелось встретить «утреннюю зарю», оповещающую о начале Нового времени (Гегель). То, что этот шаг здесь был совершен относительно недавно — всего около полутора столетий тому назад, не означает, что Дагестан начисто минул такую величайшую эпоху человеческого прогресса, эпоху, признанную всемирной и общечеловеческой. Национальное, зональное, региональное своеобразие тех или иных явлений истории и культуры не есть отступление от всеобщих закономерностей.

4

Художественный опыт народов советского Востока позволяет оспаривать трактовку ренессанса как эпохи внеметодной, установку, согласно которой возникновение художественного направления зафиксировано лишь на послеренессансной отметке стадильной шкалы²⁸. В литературах Средней Азии, например, возникновение романтизма приходится на «национальные» эпохи Возрождения. Даже в русской литературе отнесение поэзии Пушкина к явлению ренессансной природы, признание продолжения ренессансной стихии в творчестве Герцена, Островского, Лескова, Достоевского подтверждают мысль о зарождении и романтизма и реализма еще в недрах развитого Возрождения²⁹.

Это же относится и к дагестанской литературе, меченной, как это было прослежено выше, ренессансными чертами. Многослойной была в Дагестане литературная жизнь, своеобразен художественный синтез, причудливо сплетение различных стадий и уровней в общем потоке, и обусловлено это было ускоренным типом социально-культурного развития Дагестана в данную эпоху. Однако незавершенность того или иного процесса, недореализованность той или иной тенденции, хронологическая совмещенность нескольких принципов или даже нерасчлененное их сочетание не означали ни отсутствия таковых, ни недифференцированности системы, ни «разрыва», ни «пробела» в логике процесса. Тут присутствовали элементы многих направлений, вылившиеся к Новому времени в просветительскую струю, романтическое течение, реалистическую стадию. В историческом движении, отмечал К. Маркс, нельзя перескакивать через естественные фазы развития, можно лишь облегчить «муки родов»³⁰.

Дагестанская зональная система обнаруживает, что так называемый «пропуск» в одной сфере художественной деятельности восполняется ее активностью в другой. Так, отставание прозы на протяжении всей истории литературы здесь компенсировалось расцветом

поэзии; отсутствие жанра романа дагестанский реализм возместил развитием поэмы; обилие драматических коллизий в эпических и лирических жанрах поэзии явилось здесь своего рода «заменителем» драмы.

Сложное синкретическое сосуществование неоднородных и противоречивых форм литературной жизни в Дагестане наблюдается на протяжении всего XIX в. Такая «полиэстетичность» — не признак эклектики, а «важнейший этап роста национальной литературы»³¹. В ней выражена закономерность смены одного направления другим. Несмотря на живучую преемственную связь со средневековым и зримые тенденции романтизма и реализма к выходу за пределы поля тяготения ренессансных сил, такого рода «синкретическая формация» (М. Поляков) явилась характерологической особенностью данной литературной эпохи в Дагестане и подтверждением ее реальности. Как и любой местный вариант общего, модель дагестанской художественной культуры этого типа раскрывает в рамках общей ренессансной теории собственные черты и своеобразие национального развития. В каждой исторической эпохе, писал В. И. Ленин, «кроме типичного есть всегда иное»³².

Лишь обратившись к конкретной духовной практике народов дореволюционного Дагестана, можно проследить в этом сложном эстетическом комплексе ведущие черты литературной общности, системности, стадильности, выделить в ней основные типологические линии и направления процесса, формы их проявления и смены, их внутренние противоречия и преемственные связи. Обратимся к реалиям литературной жизни.

Ярким представителем дагестанского художественного синкретизма XIX в. Етому Эмину и Али-Гаджи был свойствен глубокий рационализм и гуманизм. Одинаково успешно пользовались они жанрами и формами дидактической и сатирической поэзии. Не нуждались сочинительства лирического и эпического плана. Присущий им романтический и реалистический заряд таил в себе потенции, реализация которых приведет национальные литературы к новой стадии системного развития, к расчленению их на художественные направления — романтизм и реализм.

Для Етима Эмина и Али-Гаджи характерно очень высокое, профессиональное отношение к поэзии. Их поэзии как «поэзии высокого интеллекта» присущи признак рационалистической сдержанности чувственно-образного выражения, принцип точного и весомого слова. Вместе с тем, вытесняя из него сухость назидания и холод дидактизма, они шли навстречу эмоционализации слога. Тщательно работали тот и другой над формой стиха, строфической, ритмической. Виртуозным было использование ими возможностей родной речи. Отромна их заслуга в выработке литературных норм языка лезгин и аварцев.

²⁸ Введение в литературоведение. М.: Высшая школа, 1976. С. 347.

²⁹ Кожин В. Русская литература и термин «критический реализм» // Вопросы литературы. 1978. № 9 С. 107, 122.

³⁰ Маркс К. Капитал. Предисловие к первому изданию // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 23 С. 10.

³¹ Храпченко М. В. Размышления о системном анализе литературы. С. 107.

³² Ленин В. И. — Г. Е. Зиновьеву. Август 1916 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49, С. 287.

Етим Эмин и Али-Гаджи были сынами своего века и через их творчество проходили противоречия этого века. Они возвышались на стыке двух эпох: одной ногой будто стояли «там», в старом мире, а другой — «здесь», в Новом времени. Но сильно и ценно было их творчество обращенностью в Новое время, чуткостью к его велению. Ни теологическая образованность, ни стезя служителей мусульманского культа не сделали их слепыми приверженцами религиозной ортодоксии. Это были страстные жизнелюбы, которым чужда «потусторонняя» трактовка смысла жизни, мил и дорог этот «грешный мир». Человек входит в их поэзию как высшая ценность, во имя него звучат в ней и протест против социального неравенства, и антиклерикальные унастроения, мотивы гуманистического «очищения» божественной темы.

Крушение освободительных иллюзий в середине XIX в. усилило интерес к человеческой личности. Только теперь просветители считали, что устранение социального зла и общественной несправедливости должно быть достигнуто не силой оружия, а нравственным, духовным совершенствованием личности. В разуме и сознании видели они источник всех добродетелей, с этих позиций вели критику феодальных установлений и средневековых догм, проповедовали равенство и согласие людей. «Более всего человеку не хватает разума», — говорил Али-Гаджи. Отсюда — и глубокие философские раздумья поэтов над смыслом жизни. В распространении званий усматривали они путь к устранению человеческих пороков. Все порочное и злое, раздоры и столкновения — от невежества. Человек со знаниями выкарабкается «из пучины буйной реки» и «не дрогнет на круче скал» (Али-Гаджи). Резкое противопоставление материальных и духовных ценностей, разума и существующего миропорядка, изображение совершенного человека в облике ученого, активная пропаганда разумного образа жизни и образования содержали сильный просветительский заряд, приведший к смене средневековых представлений. Сам по себе культ разума, вера в его решающую силу и безграничные возможности, стремление к идеальному общественному бытию, гражданское понимание признания человека — позиция, характерная для дагестанских поэтов и мыслителей XIX века, и она обладала в целом качествами возрожденческого и просветительского плана. Возрождение здесь как бы вливается непосредственно в просветительство.

Характернейшей чертой творчества Етима Эмина, Али-Гаджи и других поэтов-гуманистов было присутствие в нем чувства скорби и мечты как порождения трагизма человека и выражения просветительно-романтической симбиозности. Отсюда и мотивы «переходности мира» («панадунья») как временного жилища на земле («караван-сарай»). Скорьбь эта не от религиозного сознания, она характеризует силу романтической мечты об истинном и желанном мире «Еще полудня нет, а солнце уже закатилось», — так выразил Али-Гаджи ягучее несогласие с действительностью. Боль рождала мечту «орлом бы пестрокрылым стать, чтобы парить в небесах», «поплыть бы рыбкой бездумной в пучине морской». А дальше уже: «саблей бы

булукарковской» стать, чтобы разить тиранов». Мечта чревата проливом. Просветительская социологизация понятий Добра и Зла с особой наглядностью прослеживается в подходе к теме верхов и низов общества, власти и народа, которая позволяет обнажить социальную сторону отношений этих полярных сил собственнического общества и освободительные тенденции времени.

В дагестанской литературе XIX и начала XX вв., в нашем представлении, прослеживаются просветительские потоки нескольких типов. Прежде всего, была прослойка идеологов и творческих деятелей, близко стоявших к традиции арабовосточной культуры, но круто повернувших свой интерес к судьбам национальной действительности (Дибир-Кади Хуизахский, Саид Араканский, Г. Алкадари, Етим Эмин, Али-Гаджи из Инхо и др.). Другую прослойку образовала зародившаяся под непосредственным влиянием русской культуры горская просвещенческая интеллигенция нового типа, ратовавшая за изучение национального культурного наследия, постановку просвещения народа, посвятившая себя делу практического осуществления этих идей (Казанфар, А. Омаров, М. Хандиев, А. Чиркеевский, Г. Амиров, И. Далгат и др.).

Непосредственно к «просвещенцам» примыкал тип национальной интеллигенции, для которой, помимо просвещения народа, характерны освободительные и демократические идеи в рамках так называемого «нового ислама», с позиций компромисса с ним (М.-Э. Османов, Г. Гузупов, Ю. Муркелинский, М. Алибеков и др.). Думается, что религиозно-реформаторские иллюзии дагестанских просветителей имели родословную в определенных тенденциях современной им гурецкой, азербайджанской, татарской литературы.

Вершинный этап просветительского развития литературы здесь составили художники начала XX в., приобщившиеся к идеям русского революционно-демократического движения, посвятившие себя задачам социального преобразования национальной действительности (С. Габиев, Г. Саидов, Н. и З. Батырмурзаевы и др.). В социологизированном их творчестве скреплялись просветительские, романтические и реалистические линии, характерные для кануна революционных потрясений и переворотов. Творчество это складывалось в условиях обострения национально-и социально-освободительного самосознания горцев, когда «господствующей осью» (А. Герцен), вокруг которой разворачивалась жизнь просветителей, стало осознанное отношение к своему народу, любовь к нему, вера в него, страстное желание участвовать в его судьбах и помогать ему. Идеалы просвещения народа и патриотизма здесь сошлись с резкой критикой ислама, остатков средневековья, современной политической системы. Осуществление идеалов требовало перехода от мечты к действию. «Где бессильно перо, там в действие должен вступать меч» (Н. Батырмурзаев). Так дагестанские просветители встали на платформу идеологии революционного обновления мира, а зачастую и в ряды активных участников этой борьбы.

Значительная роль в таком повороте принадлежит выходу дагестанской литературы на арену, давшую ей возможность сомкнуться

с общероссийским литературным движением и, в первую очередь, с мощной просветительской идеологией и художественной культурой русского народа, народов Грузии, Азербайджана, Татарии.

Смена «этапов пера» «этапом меча» в определенном смысле символизировала перерастание реализма от просветительского к критическому типу.

Романтический подъем в дагестанской литературе приходится на вторую половину XIX и начало XX вв. — период, опереженный эпохой романтизма в странах Европы и в России на целое столетие. Романтизм здесь звучал в сложном и своеобразном социальном и эмоциональном комплексе и являл собой наиболее целостное, четко очерченное и наиболее «реактивное» из творческих направлений и литературных течений.

Сравнительный и системный анализ позволяет дифференцировать романтические проявления в дагестанской литературе. Религиозно-моралистический тип романтизма присутствует в творчестве Этира Эмина, Али-Гаджи из Инхо, Г. Алкадари, Ю. Муркелинского, а так называемый гражданский, просветительский тип присущ М.-Э. Османову, С. Габиеву, М. Алибекову. Ярчайшими представителями наиболее выраженного гражданско-личностного, интимно-лирического типа, характеризуемого как прогрессивный романтизм, выступают Омарла Батырай и Махмуд из Кахаб-Росо. К ним же примыкают Сукур Курбан, Эльдарилав, Чанка и др. При всем многообразии проявлений романтизм в дагестанской литературе — явление не привнесенное, а собственно-национальное, возникшее как идейно-эстетическая реакция на важнейшие процессы исторической и социальной жизни: решающую роль в его становлении сыграло, например, поражение народно-освободительной борьбы горцев.

Дагестанские романтики создали совокупный образ неустрашенности, мятежника и «протестанта», негодующего на неустрашенность мира, в котором человека давило все: феодал и колонизатор, предприниматель и шарлатан, а кроме того, бедность, предрассудки и запреты. Батырай и Махмуд не нашли искомой гармонии, мечта о которой получила у них высокое поэтическое выражение. На разладе мечты и реальности основывалась и модель дагестанского реализма. Постулирование трагической несовместимости двух извечных антиподов — общества и человеческого духа выразилось в ставшей классической формуле Махмуда — «я и они»:

С целым этим миром тяжба у меня.
Ни я не уступаю, ни он не отступает

Тема любви в дагестанской романтической поэзии была генеральной. К ней сводится всеобщий смысл жизни в ее социальном и гражданском преломлении. История любви Махмуда и Муя выглядит своеобразной призмой, через которую раскрываются духовные проблемы горского общества. Иллюзорен, но прекрасен этот мир любви, преисполненный романтической стройности и автономности. Песня любви была реакцией на жестокую действительность, но не бегством

от нее. Единственный смысл существования — в любви, понимаемой как чувство высшего порядка: ее не променяешь на «все золото мира». «Нищий полюбит и станет богат», «Не стоит любви даже царская власть» (Махмуд). Лишь романтизму свойственно такое максималистское восприятие жизни и любви: «Равнялся действительным героем общества — почти в блоковском духе: «Только влюбленный имеет право на звание человека». Или как говорил М. Горький: «От любви к женщине все прекрасное на земле». Через образ любимой интерпретировалось все вокруг: «Весь мир, словно в зеркале, вижу в тебе я» (Махмуд).

Открытое, торжественное восприятие и выражение чувства любви было знаменем огромного сдвига в общественном сознании, отхода его от средневековья, торжества ренессансного сознания, победы Нового времени, Романтическое искусство слова смело прежние «запретные зоны», установленные средневековым «литературным этикетом». Уже в том, что любимая, Коран, Кибла в творчестве дагестанских лириков выступали как понятия и ценности равнозначные, усматривалось святотатство. Чанка, например, во время намаза шепчется не с аллахом, а с любимой. А Зияудин-Гади представил себе изображение любимой на мечетской стене, чтобы правоверный в час молитвы вставал на колени не перед аллахом, а перед ней. «Можешь рай себе оставить, мне любимую оставь» — то был вызов Махмуда самому всевышнему.

Романтизм дагестанской поэзии распространялся и на тему героики и подвига. Носителем лучших черт героического народа, самоотверженным и благородным встает храбрый горец, образ которого дан крупными мазками в «вещных» чертах, с известным мифическим налетом. Типичную романтическую лепку образа всемогущего героя видим мы в песенном цикле Батырая «О герое, который может все: «взмахом плети достичь облака» и «забрать в плен волчьих стада», «рушить скалы на скаку» и «поймать сокола на лету». Схватив «гриву чудидца», скачет он по-над хребтами. Герой Батырая — не отвлеченный образ удалца, а сугубо социальный тип народного заступника, который по зову отечества «против ста один пойдет». Эпически величественен и скульптурно осязаем образ самого Батырая, странствующего по свету, «точно, как алмаз стекло, рассекая грудью мир», «как на пастьбе жеребец, растоптавший этот свет». В том же ключе решен и образ Махмуда, угрожающего затеять такую пальбу, от которой «задрожат короли» и «оглушит слух небес и земли».

Романтическим было, далее, ощущение дагестанскими лириками своего единства, слитности с миром природы, к которой их приводят поиски светлых и чистых идеалов. Весь многокрасочный и звучный мир окружающей природы — небо голубое и солнце красное, облака и тучи небесные, журчанье рек и перекличка лесных зверей — свободно и естественно вливается в песни дагестанских романтиков и одушевляется в них. Не людям, а златогорным турам

и белокрылым тучам, сказочным джейранам и весенним ветрам открывает свои чувства влюбленный.

Я давно позабыл как живет человек,
Лишь со зверем делюсь я словами печали,—

признается Махмуд, «среди туров устроивший дикий ночлег». Мотив отчуждения людей, дружбы с миром природы получает невиданное развитие в романтическом человековедении лириков. Дагестанским романтикам также было присуще искусство умение «проецировать себя в тайники природы, переселять ее в свое сознание» (А. Веселовский).

Самая иррационально личная, сугубо автобиографическая, казалось бы, тема в творчестве дагестанских романтиков приобретает значение всеобщности, универсальности. Через чувство любви проходит для них водораздел между двумя берегами, на одном из которых любящий, страдающий, бунтующий поэт, а на другом — равнодушный мир, с которым они «никогда не смогут примириться» (Махмуд).

Я мир ненавижу земной и загробный,
И к прелестям жизни утратил я вкус,—

говорил Махмуд, покинутый любимой и обществом. Это был крик надломленной и разуверившейся души. Трагизм выразился в том, что он «воздвиг для вселенной и королей земли дворец любви, а сам очутился у рухнувших опор».

Типичная для романтического мировосприятия личная разочарованность переориентирована на реальный, действительный мир. Она переросла в трагическую разочарованность в самом человеке:

Неужели нет хороших людей на свете?
Неужели человечности нет в человеке?

(Махмуд)

Вспомним: «Как много в человеке бесчеловечья», — сокрушался романтик Гоголь. К формуле «найти человека в человеке» (Д. Благой) сводились искания романтизма.

Эволюция романтика в реалиста намечена уже в батыраевском цикле «О жизни», обращенном к реалиям дагестанского аула, к будням «стершего сохой руки» хлебопашца. Поэт обращается к Солнцу с мольбой, чтобы оно заглянуло хоть разок в окошко к негодным беднякам и согрело их своим теплом.

Поэтическими полотнами крупного романтико-реалистического симбиоза предстают также поэмы Махмуда «Сон» и «Мариам». Романтико-реалистическая слитность мироощущения отражена Батыраем в сравнении себя с гигантом, который обвит бедой вокруг, как Дербент глухой стеной, в «завещании» Сукур-Курбана — «в могилу меня не кладите, могилою стал мне мир»; в «жалобе» Р. Нурова — «украли солнце у меня, весну, родной аул!»

Романтический мир Батырая и Махмуда содержит в себе глубокую социальную правду о жизни народа, о его настроениях. Одним из главных факторов, образовавших социальную потребность в роман-

тизме, было широкое внутреннее сопротивление зарождавшимся буржуазным отношениям. На этой же историко-жизненной основе шел процесс трансформации романтического мировоззрения в реалистическое. Однако, несмотря на «реалистичность» дагестанского романтизма, Батырай и Махмуд — в главных эстетических измерениях — все-таки оставались убежденными романтиками. Они же воспринимаются и как дагестанские пререалисты.

Личность самого поэта, страстная и граждански активная, выступала благодатной средой, в которой осуществлялся синтез обоих миров — «сущего» и «должного» на уровне революционного романтизма³³. Смена темы романтической любви темой революции в творчестве лириков-романтиков — в частности Махмуда — воспринимается как явление естественное. Для Махмуда, «певца любви и блаженства», революция открылась как величественное явление природы, как «очистительная гроза и буря, сметающая этот мир», как «поток, несущий свежее дуновение». Сравним: революция, писал А. Блок, «сродни природе... Революция, как грозный вихрь, как снежный буран», как ревущий поток, как «музыка, которую имеющие уши должны слушать»³⁴... Не случайно Н. С. Тихонов назвал Махмуда «кавказским Блоком»³⁵.

Романтизм был явлением исторически закономерным для развития литературы в эпоху распада феодализма. Закономерным стало и появление реалистического типа художественного отражения действительности, обусловленного утверждением капитализма и выходом на арену нового социального человека. Именно эту переходную стадию имел в виду Н. И. Конрад, когда писал: «Литература в странах Востока на этом этапе их истории как бы торопилась. Едва — и вполне закономерно! — ступив на путь романтизма, она, не успев этот путь как следует освоить, уже спешила дальше — к реализму»³⁶. Реализм и в дагестанской литературе наступал на пятки романтизму.

5

Вопросы типологии и исторической периодизации реализма в литературах советского Востока остаются, пожалуй, одной из наименее разработанных и дискуссионных областей нашего литературоведения. Исключения не составляют и литературы народов Дагестана.

Традиционное ограничение проблемы реализма лишь его «критической стадией», к тому же нередко преподносимой в качестве «модификации» романтизма, сужает ее грани и далеко не охватывает всей системной общности понятия. Ибо «свойства и особенности, присущие реалистическому творчеству более позднего периода, не-

³³ Неупокожа И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М.: Наука, 1971. С. 10.

³⁴ Блок А. Собр. соч. Т. 6. М., 1962. С. 12—13.

³⁵ Тихонов Н. С. Поэты старого. Л. Советский писатель, 1961. С. 12.

³⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток. С. 347.

верно рассматривать как образец для более ранних его этапов»³⁷. С другой стороны, терминологическая автоматизация этапов, пройденных реалистическим искусством — по типу «ренессансного», «просветительского», «романтического» — не получила до сих пор достаточно четкой, удовлетворяющей научно-обоснованной мотивировки. Та и другая методологическая коррективы тем более плодотворна для дагестанской литературы, где эти этапы и периоды нередко выступают в синкретическом, нерасчлененном виде, во всем своеобразии проявления.

Эволюция реализма в дагестанских условиях укладывается в пределах одного столетия, в то время как в иных зонах и регионах аналогичный период растягивался на многие века. Собственно, век дагестанского реализма — со второй четверти XIX по начало XX в. — есть век формирования национальной художественной литературы народов Дагестана. В этом одна из особенностей дагной социальной общности.

Реализм имеет дело с новой концепцией личности как продукта общества, и ознаменовался он переходом от внеисторического рассмотрения «естественного человека» к социально-историческому его исследованию. Как художественное направление реализм оплодотворялся в недрах романтизма. Именно на рационализации художественного восприятия мира и поэтизации эмоциональной сферы сошлись еще в искусстве Возрождения реалистическое и романтическое начала. Победа чувственного и реального над аскетической моралью, формирование земного жизнеощущения характерны и для дагестанской литературы этого периода. «Смерть ведь — ничто, свобода — наша вожделенная мечта», — утверждал Етим Эмин, отвернувшийся от упований на потусторонний мир и больше озабоченный миропорядком на «грешной земле».

Реалистическим было само обращение дагестанских художников к злобе дня, к важнейшим событиям эпохи. Грандиозные масштабы социального и идеологического противостояния враждующих сил и величие народно-освободительного порыва, выраженного в поступках и мыслях участников событий, вырисовываются в «героической» поэзии Магомед-Бека из Гергебиля и в хронике Мухамеда Тахира ал-Карахи. Осуждение народного бесправия слышно в обобщенно-оценочном отношении ранних дагестанских реалистов к несправедливому мироустройству. «Зря тебя сотворили!» — упрекает Етим Эмин мироздание, которое «не в силах дать людям прокормить счастье». «Будь неладен этот свет!» — клял Омарла Батырай. «Да погибнет этот мир!» — вторил ему Мунги Ахмед. Тут нет индивидуализированных характеров, но это не означает отсутствие реалистичности. Преобладающая на данной стадии форма художественного обобщения может быть охарактеризована как «типизация общих свойств социальной жизни» (М. Б. Храпченко).

Ярким представителем «обобщенного типа» реализма был родо-

начальник кумыкской литературы Йырчи Казак (1830—1879). Реалистическое осмысление быта, нравов, чаяний горского крестьянства привело его к резкому осуждению социальной несправедливости. Казак создал образ своего современника, образ мыслителя-бунтаря, гуманистический идеал которого — в утверждении таких качеств, как честность и достоинство, бедняцкая солидарность и мужская дружба. В том и состояло своеобразие раннего реализма, что человек рассматривался им, прежде всего, как богатое, сложное единство нравственных достоинств, изначально присущих его природе.

В острых сатирах Казака слышны суровая правда жизни, отзвук обозначившегося «обуржуазивания» кумыкского аула, на фоне которого вырисовывается сущностное противоречие собственнического мира — конфликт между трудом и «хозяевами жизни». «Чужую землю пашем на равнине», — пишет Казак, отражая трагедию обезземеленных кумыкских крестьян. Наряду с обобщенными оценками действительности («настали новые времена», «времена перевернулись», «все продается в этом мире») Казаку свойственна и вполне определенная тенденция к конкретизации явления и образа. В «Письме к Магомед-Эфенди Османову» поэт жалуется:

~~Друзья~~ ~~Визками~~ стали, душою кривят,

Друг друга продают: сын — отца, брата — брат.

Всюду злоба, доносы, наветы, разврат,

Все пошло кверху дном, Магомед-Эфенди.

Ощущение социальной природы народных бедствий и нравственной порочности собственнического общества свойственно и другим дагестанским поэтам. «Рабами стали даже собственные руки», — писал с болью Али-Гаджи из Инхо, поэзии которого присуще воспевание труда как первоосновы человеческого бытия и нравственного формирования личности. Высока и гуманна мечта поэта «о свободе солнечной, где люди были бы едины и равны», о том, чтобы «все руки стали бы одной рукой» и «одну мотыгу люди подняли бы разом вместе». Установка поэта-мыслителя — явление типа просветительски-реалистического симбиоза.

Одним из проявлений своеобразия художественного процесса в Дагестане явилось то, что преодоление просветительских иллюзий в национальном искусстве слова здесь происходило на базе синтеза творческих направлений — романтического и реалистического. Со- существование направлений в сжатых хронологических рамках этого синтеза означало их соперничество, полемику, борьбу. Победа реализма, отражавшего наиболее существенные тенденции эпохи и представлявшего более высокий уровень литературно-художественного сознания, означала, что в этом соперничестве он добился собственного утверждения, но ни в коем случае не отчуждения романтизма. Напротив, дагестанский реализм продолжал извлекать уроки из опыта романтизма.

Литературная борьба как одна из форм преемственности была характерна для всех стадий художественного развития народа. «Но, увь, не люблю боевых описаний, если в них не идет разговор о лю-

³⁷ Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М.: Сов. писатель. 1976. С. 37.

бви», — писал романтик Махмуд, отстаивая свою приверженность устоявшимся формам. «Не лежит моя душа к песнопениям любовным», — заявил реалист Цадаса, провозглашая поворот к иным творческим принципам. Когда еще Али-Гаджи, художник ренессансной ситуации, очутился перед дилеммой — кем быть: то ли бездумной рыбкой или веселой птицей вдали от земных забот, то ли саблей, обнаженной против тиранов? — уже тогда намечались пунктиры трансформации романтического отношения к действительности в реалистическую ее интерпретацию.

Жизненные импульсы, питающие реализм в разных странах, в разное время и у разных художников, далеко неоднородны. В то же время генетические корни реализма, формы его проявления, темы и мотивы, присущие той или иной зоне, обладают типологическим единством. Это можно проиллюстрировать на примере творческой плеяды так называемых «рабочих поэтов» — своеобразной прослойки художников, выходцев из пролетарской среды трудовых горцев — крестьян, познавших на себе все прелести капиталистической эксплуатации. «Хоть люди те же, но как на свете разны мы живем!» — писал поэт-художник М. Тлохский, окунувшийся головой в жизнь нефтяного Баку. Капиталистический Баку являл собой социальный фон, на котором вырисовывался типический образ тех, кто «должен вживе гнить, хлеб с ядом есть, отраву пить» (Г. Ахтынский), где «дешевы деньги, зато дорог хлеб», где «люди вымазаны и завшивлены, скрючены и сгорблены» (М. Тлохский). Обойдя в поисках заработка полсвета — вплоть до Парижа — Мунги Ахмед пришел к заключению:

Да погибнет этот мир, в коем правды ни на грош.
Десять шуб у одного, у другого ни одной.
Десять жен у одного, у другого ни одной,
Ни одной, как у меня. Будь он проклят этот свет!

Знаменателен поворот мысли Эльдарилава в «Песне строителей дорог» от исповеди к прозрению и отмщению: «Куда вдохновенней были бы мы, копая могилу для тех, кто повыше».

Обрисовка ужасающего бедствия и гнетущего зла — не жалоба на неурядицы. В реалистической рабочей поэзии ощущается энергия ненависти к «сильным мира» и борьбы с ними. В ней — предчувствие конца народного долготерпения. «Восстанем и убьем бедность», — призывает М. Тлохский. «Как один пойдем в бой за правду», — заявляет Тайгиб Ободинский. Рабочие поэты сами стали участниками борьбы, подвергались арестам, суду, ссылкам. Так, при всей одноплановости, дагестанская «рабочая поэзия» была поэзией реалистической, тенденциозной, критической.

Реалистами, шедшими к воссозданию жизни «во всей ее наготе и истине» (В. Белинский) и сумевшими подняться до уровня типизирующего эстетического мышления, предстают в дагестанской дореволюционной поэзии Гамзат Цадаса и Сулейман Стальский. Им оказалось под силу создание социального портрета явления в реальном бытовом окружении. В их творчестве осуществлен пере-

ход литературы от созерцательного восприятия мира к художественной типизации и обобщению явлений.

Новаторским было уже начало поэтического пути С. Стальского (1869—1937) в лезгинской литературе. Его отношение к действительности и художественному слову разрушало сложившиеся представления и консервативные восприятия. Полемика С. Стальского со сладкоголосым соловьем, закончившаяся «низложением» певуна с привычного «престола», имела взрывную силу, изменившую взгляд на назначение искусства, ознаменовала смену направления в лезгинской поэзии.

С. Стальский, чуткий к перепадам социальной действительности и народной жизни, знал эту жизнь и свет не по книгам — он их прошел пешком и верхом. Воочию увидел, как «везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку». Отсюда и обращенность поэтического идеала к судьбам людей труда. Глубокая искушенность в жизни народа придала поэтике С. Стальского высокую степень социальной и художественной типизации. Точно схвачен тип аульского священнослужителя, который, «то речь ведет по-арабски, то отвечает по-турецки», или кюринского обывателя, «который к труду не привык, зато молится каждый миг»; или облик изолированного от белого света Саид-Кента, который апуг сравнивает с «яйцом в скорлупе»: «сюда вести не приходят».

Творческому почерку С. Стальского присуще ироническое восприятие явлений, и это придает ему своеобразный колорит. Вместе с тем лезгинская литература не знала такого яркого сатирика, как С. Стальский. Сатира его была непосредственна, нравственно-дидактична, порой оглушительна, несколько патетична, но политически всегда содержательна. Тетива его обличения, казалось, была натянута до предела — благодаря сосредоточенности гнева против социального и нравственного зла, против носителей духовной и светской власти современного дагестанского аула. Адресат критики указан в самих наименованиях сатир: «Старшине», «Судье», «Богачам-чиновникам», «Муллам» и т. д.

Обличая зло, поэт думал о простых людях, об их нелегких судьбах. По-народному конкретно и просто и вместе с тем с потрясающей идейной и художественной силой говорит он о бесправии трудового люда: «Неужели на таком крючке повесят все твои права, народ!» Проклиная «звериный лик» жизни, отраву которой испил люди труда, С. Стальский с гневом бросает: «Погибни, старый мертвый мир!». Поэзия С. Стальского предвещала не просто гибель старого, но рождение нового мира, за которое шел в бой самый передовой класс:

Проспись, трудовой народ!
Нас время грозное зовет, —
Зовет, чтоб мы бойцами стали.

Высокий уровень типизации явлений действительности, изображение их в социальной обусловленности, острая критика и отрицание существующего общественного уклада, требование его смены придают реализму С. Стальского критический характер.

Реалистический тип художественного мышления был определяющим и для дореволюционного творческого опыта Гамзата Цадасы (1877—1951). Новаторство первых же его произведений выразилось в пародировании отживших традиций в национальной художественной практике. Поэт пародировал устаревшие жанрово-стилистические каноны, избитые поэтические «жаргоны», церковно-книжные и обрядово-бытовые стереотипы. Он отвергал абсолютизированную концепцию «ратного подвига» и «пылающей любви» и тем самым вставал на путь преодоления романтического штампа, на путь переориентации национальной поэтики на новый эстетический ключ. Юмористическая стилизация жанра, стиля, идеи дискредитировала не только их, но и действительность, породившую стилизуемый литературный источник. В этом сказался эффект «двойного искушения» (А. С. Пушкин), которое составляет высший смысл литературной пародии. Так было, например, с циклом «Песен о набегах».

Новое эстетическое отношение Цадасы к действительности было воспринято как «третья струна горского пандура» (наряду с эпической и лирической «струнами»), которой близки были мелодии и темы, подсказанные самой жизнью, а не литературной традицией. Перемещение центра художественного зрения ориентировало искусство на реальную действительность. Освобождаясь от поэтических трафаретов, Цадаса создает целую галерею образов типических представителей массы. На смену безликому «стандартному горцу» в литературу пришел живой, конкретный человек, с индивидуальными чертами, в которых отражаются время, национальный быт, психология среды. Литература аварцев «пропахла» трудовым горским крестьянством, к правдивому образу которого шел Цадаса.

Сатира — наиболее сильная сторона реализма Цадасы. Она дискредитировала патриархально-сословные предрассудки, религиозные догматы, военно-феодальные порядки, идеологию частного предпринимательства, процветавшую с проникновением сюда капиталистических порядков, ее отвратительные порождения — «привычки» накопительства, стяжательства, прислужничества, раболепия, чиновничества.

Свободомыслие молодого Гамзата было беспредельно. Дохлаю собаку — «существо нечистое» мусульмане хоронят с почестями и агрибуциями, достойными самого благочестивого правоверного. Присвоение же прожорливой и дряхлой собаке прозвища «Аргут» выглядит как «увековечение» печальной памяти генерал-губернатора области Аргутинского-Долгорукого. В едкой сатире Цадасы как бы зашифрована расстановка социальных сил современного ему горского общества. Ассоциация достигается благодаря смеху, который обладает замечательной способностью «приближать предмет», ощущать его: «Смех уничтожает страх и шепчет перед предметом»³⁸.

Как и С. Стальский, Г. Цадаса обладал чувством «фиксирующей художественной детали» (М. Б. Храпченко), позволявшим раздвинуть социальные рамки случая и приводившим к результатам,

порой непредусмотренным субъективным намерением автора. Реалистический образ Цадасы и Стальского объективирует действительность. «Для нас,— говорил Н. А. Добролюбов,— не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что сказало им»³⁹. В этом — сила искусства типизации. Герои Цадасы — конкретные люди из окружения поэта. Но, будучи «пропущены через мельницу поэта» (Цадаса), эти простолюдины обретают типические черты, оказываются социальными типами, «знакомыми незнакомцами» (В. Белинский). Цадаса дает им новую жизнь, вводит их в мир «вечного бытия» как освоенные художественные образы. Человеческая обычность и социальная конкретность составляли характерную черту способа типизации у Цадасы.

Цадасе чужда тенденция к изолированному и внесоциальному рассмотрению человека. «Стихи о харчевне» (1898) и «Поход по тревоге» (1912) демонстрируют, как поэт художественным чутьем улавливает и высвечивает психологию социально-классового поведения сатирических типов, разгадывает момент их зарождения на национальной почве и вступления на новую социальную арену. В этом и проявился принцип историзма. При этом, намечая тему зреющего в народе самосознания, Цадаса поднимается до высмеивания пресловутой «правдоискательской» концепции «добротного государя» как не совместимой с идеей социального освобождения людей труда.

Горькие истины высказывает поэт о крестьянской психологии забитых и обреченных, о рабской привычке к безвольию и повиновению. «Спина болит, копь не давит ноша», — говорил один из его персонажей. Как отмечал В. И. Ленин, мужик «привык к своей безысходной нищете»⁴⁰. В обращении к массе малоприметных, приниженных, подавленных социальным окружением и подчиненных обстоятельствам людей — ощущение тревог жизни, восприятие людей на конкретном социальном фоне и в определенном «историческом потоке» (Ф. Энгельс), ощущение народа как силы, затаившей огромную потенцию к действию.

Буйволы, потравившие пшеничные поля,— на воле,
А в темницу загнаны телята беззубые.

Аллегорическое иносказание, заключенное в антитезе «буйволы — телята», по-эзоповски подразумевая «сильных мира сего» и «послушных им рабов» (у Цадасы — «безгрешные рабы»), возведено во впечатляющее сатирическое обобщение социального антагонизма власти и народа.

Одно из центральных мест в творческом наследии Цадасы принадлежит теме разоблачения паразитарной сущности духовенства, представляющего собой могущественную социальную силу старого дагестанского общества. Критикой его невежества, прислужничества, потребительского, меркантильного отношения к самой ре-

³⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 97.

⁴⁰ Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либералиама//Полн. собр. соч. Т. 5. С. 25.

³⁸ Бахтин М. Эпос и роман//Вопросы литературы. 1970. № 1. С. 109.

лигии Цадаса сумел обнажить внутреннее несоответствие между той ролью в жизни общества, на которую претендует духовенство, и тем, что оно представляет собой в действительности как интеллектуальная сила дагестанского аула. Эта необоснованная в сущности претензия и становится предметом сатирического обличения Цадасы, что, собственно, и лежит в основе эстетики его смеха. Новаторским был осуществленный Цадасой в сатире «Дибир и Хомяк» (1895) перенос негодования с носителя зла на само зло — на философские основы проповедей ислама, идеи фатализма, «законы судьбы». Наказывая и казня «чертей», Цадаса не забыл про «болото» (М. Салтыков-Щедрин). Поэт вплотную подошел к отрицанию пресловутого «непротивления злу насилем» — реакционнейшей концепции социального примирения. Это уже не просто богохульство, а развенчание духовенства как бы изнутри, через критику его устоев.

Эстетика реализма Цадасы — эстетика натуральной реальности, конкретики, документальности. Бытовые аксессуары и фактические подробности здесь имели то качество, что преодолевали статичность и отвлеченность рационалистических «откровений» Али-Гаджи из Инхо и условность романтической образности Махмуда из Кахаб-Росо. Установка на показ «мелочей жизни» таила в себе немалую опасность «удариться» в голый натурализм и бытовизм. Но метод Цадасы таков, что он не копирует факт действительности, а «дорисовывает» и объясняет его.

В безыскусности и искренности стиха, в способности создавать естественную атмосферу взаимности с широким читателем, атмосферу доверительной откровенности и талантливой шутки — привлекательная черта творческой индивидуальности Цадасы. Удалась ему и сюжетно-композиционная разработка поэтики. Развитие сюжетики — одно из новаторских завоеваний эстетики поэта. Уже в ранних его сатирах обнаруживаются признаки социально-культурной дифференциации языка, отчуждение от эстетствующих словопрений, отступление от засилия арабизмов. Речь Цадасы, как и Стальского, — это речь реального, современного им человека.

Критическое отношение Цадасы к действительности эстетически четко дифференцировано в сатире и юморе, в богатом многообразии их приемов и типов — гиперболе, иносказании, гротеске, аллегории, метафоре. Цадаса вооружен тончайшими оттенками и гранями шутки и насмешки, иронии и сарказма. «Умение погружаться в стихию смешного» (М. Поляков) и ощущение кризиса отрицаемого явления присущи самой природе его таланта. Сатира и реализм в сатире — в этом удел Цадасы как художника.

Ясный, трезвый реализм Цадасы породил трезвый, порой жесткий юмор, под покровом которого был скрыт демократический пафос всего его творчества. Выделяясь в самостоятельную эстетическую структуру, юмор характеризовал уровень коллективного художественного опыта народа и высшее достижение реалистического письма в национальном искусстве слова Дагестана до революции. Он же усиливал критический дух утверждавшегося реализма. Дагестанский художественный опыт подтверждает право-

мерность предположения о том, что сатира и юмор в искусстве выступают как характерная и закономерная особенность периода зарождения и развития реалистической литературы.

Реализм Цадасы и Стальского черпал силы в преемственной опоре на предшествующий художественный опыт своих народов. Но каждый из них мог сказать о себе: «Я проложил в горах свою тропу» (Цадаса). Новаторами были для своего времени Етим Эмин и Али-Гаджи из Инхо, Батырай и Махмуд из Кахаб-Росо. Художественный прогресс, например, в дореволюционной аварской литературе может быть представлен по восходящей линии «Али-Гаджи — Махмуд — Цадаса. Если для первого из них исходным был культ разума, а для второго — культ чувства, то главным героем Цадасы стала правда.

Цадаса и Стальский еще до революции обладали искусством поднимать незатейливое, житейское, будничное до высоты поэтического созидания и эстетического обобщения, осмысливать правду социальной жизни, воссоздавать действительность, «опознанную и поступками оцененную» (М. Бахтин), мотивировать ее несостоятельность, возбуждать в людях чувство поиска нового, более разумного и справедливого миропорядка. Для их творческого облика присущи такие зрелые черты реалистического искусства, как жанровая и стилистическая свобода, органическая слитность формы и содержания, сочетание общечеловеческого и национального в «манере видеть вещи» (В. Г. Белинский), единство творческих сил художника с «самим духом народа» (Н. В. Гоголь). Это был метод художественного реализма в его критических тенденциях.

Тем не менее не перевелись еще в исследовательской практике тенденции оспаривать наличие реалистических начал в дореволюционном литературном опыте народов Дагестана. Распространеннейший методологический анахронизм при изучении дагестанского реализма состоит в попытках накладывания теоретически обобщенной структуры метода на каждый отдельный случай художественной практики, на каждую разновидность художественного открытия, на каждую национальную литературу, в силу чего искусственно сужается действие метода, которому присуще самое широкое многообразие своей реализации. Во-первых, ограниченный характер проявления реализма в той или иной национальной литературе не означает отсутствия реализма. Во-вторых, всеобъемлющую и эталонную модель реализма не преподнесла история ни одной литературы. Да и локальный характер литературной жизни горских народов в дореволюционном прошлом, которая протекла в собственных национальных рамках, а подчас в пределах округа или родного аула, не лишает эти литературы общих закономерностей развития. Если данная национальная литература могла дать крупных представителей, то она способна принять участие и в наполнении литературного процесса.

В ряду широко распространенных ошибок в подходе к проблеме реализма обращает внимание, например, неправомерность отождествления идейных позиций писателя с уровнем эстетического вопло-

щения идеи. Не оправданы также попытки обусловить творческий метод совокупным объемом литературного материала, количеством художников и даже численностью представляемого ими населения: реализм — категория не количественная, а качественная. В равной мере очевидна несостоятельность утверждения, что метод в литературе лишь тогда метод, когда он осознан как таковой самим художником. Художественный реализм не провозглашался, а реализовывался и существовал как живая практика. Отвергая фетишизацию капиталистической формации как условия зарождения и критерия признания критического реализма, одновременно необходимо преодолеть не менее устоявшуюся привычку к чрезмерной архаизации уровней социально-экономического и духовного развития дореволюционного Дагестана.

История литератур преподносит немало подтверждений того, что сущность исторически предшествующих явлений в чистом виде следует искать в последующем развитии литературы. Так, творчество С. Стальского и Г. Цадасы в период гражданской войны, а также в 20-е годы (к примеру, «Метла адатов») обнаруживает, что они и до революции твердо стояли на реалистической почве, что их сатира поднималась на уровень метода реализма в его критических чертах. Прошлое — не архивное достояние: оно раскрывается и воспринимается через призму настоящего. Даже классика не неподвижна, не статична — настоящее размыкает и ее. Художественная правда дагестанских реалистов выдержала внутреннюю логику дальнейшего развития искусства.

В неприятии существующего строя и миропорядка состоял пафос всего дореволюционного творчества С. Стальского, Г. Цадасы и других реалистов. С. Стальскому и Г. Цадасе были присущи обращенность к народной жизни, к народным низам как носителям потенциальной освободительной силы, показ нового социального человека, ищущего выход из существующего миростроения. С. Стальский и Г. Цадаса шли к реализму критического типа всем духом отрицания морали, права, быта современного общества, в поисках подлинно человеческих основ жизни. Их творчество отражало идеологию, интересы, мировоззрение горского крестьянства. Не правомерно упрекать художников той поры в том, что в их творчестве эти черты не проповедовались и не декларировались как метод. Важно, что они вытекали как тенденция. А «тенденция» — по утверждению Ф. Энгельса, — должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать»⁴¹.

В пределах данной историко-культурной общности это была стадия реализма в художественном развитии, хронологически совпадающая с мировым литературным развитием. Неравномерность социально-культурного движения истории делает несостоятельными попытки «сличения» «реализмов» в художественных литературах различных зон — скажем, среднеазиатской, закавказской, северокавказской, поволжской.

Дагестанская литература начала XX века круто повернулась в сторону народных судеб и правды жизни и выработала национальные традиции реализма критического типа, художественные импульсы которого были использованы, развиты и обогащены в поэзии кануна революции и периода борьбы за власть Советов.

* * *

Таким образом, исторические судьбы литератур народов Дагестана отмечены сложным сочетанием общего и особенного, целого и отдельного, обыденного и исключительного. Причудливо здесь преломление общечеловеческого в национальном и национального в общечеловеческом. В этом своеобразии есть своя логика развития, закономерности. Закономерно и то, что в целом на XIX век приходится становление дагестанского искусства слова как развитой литературной системы. В сущности, он и стал веком возрождения социально-культурной истории народов Дагестана, художественный прогресс которых обозначен значительными процессами и ключевыми этапами, позволяющими говорить о стадийных и системных закономерностях этого развития.

Дагестанская литература, развиваясь, уходила от кастовой и сословной атрибутивной принадлежности, от элитарной сущности к общенародной обращенности и сопричастности с национальной историей от слепого следования арабовосточным образцам и пагубной подверженности влиянию теологических установлений к национальной самобытности и светскости; от рационалистичности и холодной рассудочности к народной образности и художественности; от мертвой «книжности» и напыщенной риторичности к «натуральной живости» и естественной простоте; от романтической мечтательности к «земной» реалистичности. Литературная система дагестанской зональной общности в своем типологическом единстве знала ярко выраженные просветительские черты, восходящие к рационалистическим традициям, цельное романтическое направление, наиболее рельефно и красноречиво представляющее литературный век, реализм в новую полосу тенденций как знамение вступления искусства в эпоху завоеваний художественного развития.

Все народы многонациональной Страны гор выдвинули из своей среды целую плеяду ярких индивидуальностей, показавших меру художественных возможностей своих народов, возведших поэзию в дело национального достоинства дагестанских народов.

⁴¹ Энгельс Ф.— Мияне Каутской, 26 ноября 1885 г.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 333.

НОВОЕ ОБЩЕСТВО, НОВОЕ СОЗНАНИЕ, НОВОЕ ИСКУССТВО (1917—1945 гг.)

1

Революция и социалистический миропорядок обусловили ускоренный процесс художественного развития наций и народностей страны, особенно тех, кто ранее отставал в своем историческом движении, в частности таких многонациональных регионов, как Сибирь и Дальний Восток, Урал и Поволжье, Средняя Азия, Северный Кавказ, Дагестан. Своеобразие процесса состояло в том, что на путь создания нового искусства вступили народы, стоявшие до этого на различных ступенях исторического и социально-культурного развития.

Уникален в этом отношении опыт многонационального Дагестана, на социальной и этнической карте которого истари наблюдается сложное, причудливое сочетание различных культур, красочная мозаика традиций и нравов, свойственных необычному множеству народностей и этнических групп. Становление новой культуры, нового искусства на социалистических началах здесь сопровождалось пересмотром и использованием прежнего национального и современного опыта историко-культурного развития, переработкой устоявшихся традиций художественного мышления народа, преодолением устаревших форм и приемов образного освоения действительности, социальной малоискушенности и творческой робости перед новизной и величию эпохи и ее ошеломляющих свершений. Современная литература Советского Дагестана — это результат и итог творческих усилий населяющих его народностей — аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев, табасаранцев, ногайцев, татов и др. Эта целостная художественная система, органически входящая во всесоюзный литературный процесс и деятельно участвующая в его судьбах.

Выявление общих закономерностей и национального своеобразия развития литератур народов Дагестана, осмысление проблем, связанных с формированием их единства, раскрытие их художественного богатства и многообразия, новаторской сущности художественной культуры, прошедшей сложный и противоречивый путь становления и развития и выдержавшей суровые порой испытания, — вот предмет, темы и аспекты многих исследований обобщающего характера, осуществленных в Дагестане за последние 30—40 лет.

Художественная культура — своего рода мир глазами искусства, аккумулирующего в себе социальный и духовный опыт народа, чем,

собственно, и обусловлена широта спектра его отношений с действительностью. «Материальный» и культурный контекст искусства — не просто один из возможных аспектов научного интереса, а непременный, необходимый угол зрения современного литературоведения при воссоздании истории той или иной национальной литературы, при осмыслении творческого пути того или иного художника слова.

Особенно наглядно и обнаженно взаимоотношения искусства и действительности проявляются в период революционных сдвигов, в условиях, когда на историческую арену вступают социальные силы, создающие новое общество. Более того, процесс зарождения нового мира, обновления жизни народа получил в области культуры, литературы и искусства более выразительное отражение, чем в любой из других сфер общественного сознания. Социалистическое общество с самого своего начала имело то преимущество, что это было общество, организованное, управляемое, направляемое передовой теорией, сознанием и волей передового класса и его авангарда, когда миллионные массы трудящихся, огромное множество наций и народностей вступили «на дорогу самостоятельного творчества новой жизни»¹.

Ромену Роллану принадлежит замечательная аллегория: «Вы хотите создать новое общество? Начните с создания народа, свободного, имеющего досуг, неразделенного нуждой, трудом, недурманенного суевериями, фанатизмом, народа-владыки своей судьбы и победителя в борьбе»². Такое общество было создано в Советской России. Было оно создано и в Советском автономном Дагестане, у основания и истоков которого стояли Ленин, партия, революция. Революция устами руководителя дагестанских большевиков У. Буйнакского громогласно провозгласила победу советской власти: «Отныне судьбу жителей ущелий и скал, судьбу всех трудящихся Дагестана будут решать не царские чиновники, не министерства Временного правительства, не шейхи и богачи, а мы сами»³.

«Искусство всегда участвует в битвах своего времени»⁴. Но оно и обогащается, закаляется в горниле этих битв, преобразуется в самой структуре своей, совершенствуется в идейно-эстетической содержательности и одухотворяется новыми идеями, революционным пафосом и созидательным смыслом. История не знала подобного сближения литературы с действительностью: оно означало в сущности не только сближение, а в известном смысле и слияние литературы с социализмом. Для советской литературы реальная действительность была не фоном, не генетическим лоном, не темой, а органической средой, в которой она живет, болея ее недугами, мучаясь ее страданиями, процветая ее здоровьем, блаженствуя ее счастьем.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 199.

² Роллан Р. Собр. соч. М.: Время, 1932. Т. XII. С. 101.

³ Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1960. С. 72.

⁴ Роллан Р. Собр. соч.: В 14-ти Т. М.: ГИХЛ, 1958. С. 563.

Настоящее имя этой действительности — революция»⁵.

В. И. Ленин предвидел новую «свободную литературу», обращенную к «миллионам и десяткам миллионов трудящихся», оплодотворенную «опытом и живой работой социалистического пролетариата»⁶. Новая литература для своей реализации должна вербовать в свои ряды новые и новые силы. Ибо, как известно, сами по себе «идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идеи требуются люди, которые должны употребить практическую силу»⁷. Именно люди, которые были бы готовы и способны посвятить свой опыт, разум и сердце делу претворения в жизнь ленинской идейной и эстетической концепции социалистического искусства, реализовать заложенные в этой концепции принципы партийности и народности литературы, воплотить в художественном творчестве идеалы передовой революционной мысли и революционного класса. Партия четко представляла себе всю остроту, которую обретает проблема творческих кадров на окраинах России, в республиках и областях советского Востока, которые в силу исторически сложившихся социально-культурных условий были «настолько бедны местными интеллигентскими работниками, что каждый из них должен быть привлекаем на сторону советской власти всеми силами»⁸. Разрыв между потребностью жизни и наличием национальных кадров становится особенно разительным на фоне гигантского размаха развернувшейся в стране преобразовательной и созидательной деятельности, в свете величественных перспектив социалистического строительства, и этот разрыв долго давал знать о себе. Даже в 1933 году, после стольких триумфальных для своего времени свершений культурной революции, нарком просвещения ДАССР А. А. Тахо-Годи вынужден был в одном из своих писем Эф. Кадиеву признать и сетовать: «Живых, талантливых, культурных людей так мало у нас, что надо думать об охране каждого, где налицо хоть проблески этих качеств»⁹.

При анализе предпосылок новой литературы исследователи не могут обойти вниманием такой важный фактор, как наличие в дореволюционном художественном наследии народов Дагестана как едином целом достаточно развитой гуманистической линии и революционно-демократической энергии. Осмысление творчества крупнейших художников национального искусства слова второй половины XIX — начала XX веков — Омарла Батырая и Етима Эмина, Йырчи Казака и Махмуда из Кахаб-Росо, Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы, Саида Габиева и Нухая Батурмурзаева, Гаруна Саидова и целой плеяды так называемых «рабочих» поэтов позволяет обнаружить огромные потенциальные возможности, заложенные в многоопытной поэзии, в набравшей силы прозе и публицистике,

даже в делающей первые шаги драматургии Дагестана. Эти потенции, собственно, и дали столь бурные всходы под плодотворным воздействием революции.

Вообще была известная закономерность в том, что сформировавшаяся в начале века в национальных районах страны демократическая культура, демократическая литература выдвинула из своей среды целый ряд ярких талантов большого общественного веса и национальной значимости. Наиболее выдающиеся из них уже не останавливались на критике пороков современной социальной действительности. Нередко поднимались они до воплощения в своем творчестве идеалов грядущих социальных преобразований. В творческом методе, например, крупнейших художников слова Дагестана предреволюционного периода ощутимы черты, которые сближают их с литературой социалистического типа. Представляется, что эти процессы собственно и стали в дальнейшем определяющими для складывающихся советских литератур, в первую голову для молодых национальных литератур. Неодинаково сказывались эти проявления в творчестве различных дагестанских художников — у С. Габиева и Г. Саидова, например, в одном плане, а у Г. Цадасы и С. Стальского — другим образом, но это была литература твердых демократических установок, прогрессивных социально-классовых оценок и трактовок, в которой уже **ключом** была указанная тенденция.

В идейно-творческом активе предреволюционной дагестанской литературы были повести Н. Батырмурзаева «Несчастная Хабибат» (1910), «Давуд и Лейла» (1912), «Гарун и Зубайдат или Несчастная Джанбике» (1914), повесть С. Габиева «В народ» (1913), поэма Махмуда из Кахаб-Росо «Мариам» (1915), пьеса Г. Саидова «Лудильщики» (1914), бичующий стих С. Стальского и острая сатира Г. Цадасы, ряд публикаций по вопросам литературы в издававшейся С. Габиевым в Петрограде газете «Заря Дагестана» (1912—1913 гг.) и в возглавляемом Н. Батырмурзаевым и Т. Бейбулатовым журнале «Танг Чолпан» (1917—1918 гг.), живая работа возникших в 10-х годах театральных кружков Г. Саидова и З. Батырмурзаева, яркая революционно-публицистическая деятельность У. Буйнакского, Махача Дахадаева, Дж. Коркмасова, С. Габиева и др. — убедительное свидетельство того, что в пределах и условиях дореволюционной российской общности шел неумолимый процесс демократизации художественного сознания народов Дагестана, усиления в нем просветительского слоя и его сближения с революционным сознанием. Решающую роль в этом сыграло русское освободительное движение, вступившее в пролетарский период своего развития.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и такой существенный фактор, как свод национальных нравственно-этических представлений, выразившихся в героических, гуманистических и освободительных фазах, пережитых историей литературы народов Дагестана и вылившихся в ведущие черты общественной мысли и народного идеала. Фактор этот, воздействия которого не избежали все новые и новые поколения, естественно, не прошел стороной и поколение, совершившее социалистическую революцию. В преданности литера-

⁵ Горький А. М. Наши достижения. 1931. № 5, С. 2.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т. 12. С. 104.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2, С. 132.

⁸ КПСС в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, Т. 1. С. 762.

⁹ См. Дагестан, 1966, № 4. С. 36.

туры идеалам свободы трудового народа следует видеть свидетельство социальной непримиримости и классовой ненависти к эксплуататорскому строю, к царскому колониальному режиму и предательско-продажной натуре национальной буржуазии, феодально-помещичьей и клерикальной верхушки, показатель громадной притягательной силы идей социализма, Непреходящим было значение отмеченного опыта для литературы, порожденной революцией. Можно без преувеличения сказать, что с Октябрем пошла почти все из дагестанских литераторов, кто начал и творил до революции.

Приверженность ведущих творческих сил идеям просвещения и освобождения народа в значительной мере предопределила их выбор в социальных столкновениях и классовых сражениях, а многие из них заняли место в рядах активных участников и руководителей революционной борьбы. Г. Саидов еще в апреле 1917 года возглавил вместе с У. Буйнакским Дагестанское агитационно-пропагандистское бюро, программа которого предусматривала «дать возможность народу вникнуть в смысл и значение происходящего», «проводить в рабочую среду идеи и принципы социализма»¹⁰. С. Габиев руководил борьбой казикумухских партизан против контрреволюционных банд Н. Годинского, а впоследствии стал председателем Дагревкома; Р. Нуров командовал партизанским отрядом и был награжден в 1921 г. орденом Красного Знамени. С оружием в руках сражались против внутренней контрреволюции и интервенции в Дагестане Б. Астемиров, И.-Х. Курбаналиев, З. Гаджиев, Деникинскими палачами замучены и расстреляны в 1919 г. отец и сын Н. и З. Ватырмурзаевы, Г. Саидов. По наущению главаря дагестанской контрреволюции Н. Годинского, в том же году убит Махмуд из Кахаб-Росо. Есть объективная историческая логика в том, что целому ряду первых дагестанских советских поэтов довелось разделить участь выдающихся революционеров и руководителей борьбы за власть Советов в Дагестане, замученных и расстрелянных врагами Свободы в те же 1918—1919 годы: Махача Дахадаева, Казимагомеда Агасиева, Уллубия Буйнакского, Оскара Лещинского, Султан-Саида Казбекова и многих других. Скрепленная кровью солидарность, «дружба меча и пера» была знаменательной сама по себе и в высшей степени плодотворной в смысле утверждения революционной нови.

Проблема взаимоотношения художника и революции все еще остается в истории дагестанской литературы областью недостаточно полно разработанной и слабо освещенной. Тем не менее бесспорным является то, что дагестанская многонациональная советская литература как наследница лучших духовных традиций своего народа в результате Октябрьской революции вступила на принципиально новый этап своего развития. С самого зарождения и становления это литература революционная, ее путь — путь борьбы, путь преодоления, путь открытий. Принципиально важно отметить, что главный для интеллигенции вопрос социалистической революции — «Принять или не принять?» — в Дагестане не вызывал той остроты

и не принимал того затаенного характера, как это имело место в других, подчас более опытных, национальных культурах и литературах. В первые же дни революции и победы Советов ответ дагестанского искусства, дагестанской литературы на этот коренной вопрос был в целом однозначным: «Моя революция!».

Художественная интеллигенция народов Дагестана не стояла в стороне от той гигантской, сложной, многогранной борьбы, в пучине которой решались исторические судьбы народов Дагестана. Напротив, осознанно и открыто, разборчиво и вдохновенно включилась она в движение за дело революции и освобождения трудящихся, честно и без обиняков разделила тяготы этой борьбы и тем самым еще на заре своего становления сделала принципиальный социальный выбор, нашла свое прочное место в строю борцов за Свободу. На первый взгляд это выглядит парадоксальным для тогдашней социальной действительности Дагестана, столь сложной, запутанной, противоречивой. Поразительным было здесь многообразие участвующих в классовых битвах национальных и социальных сил, противоборствующих политических группировок. Неповторимый местный колорит придавало борьбе различие граней и оттенков во взглядах и тенденциях. «Отец часто сражался против сына, брат против брата, а недавние неразлучные друзья становились злейшими врагами», — вспоминал один из руководителей борьбы с контрреволюцией в Дагестане Н. Самурский¹¹. Дагестанская литература в эти сложные и ответственные годы национальной истории не дала повода для того, чтобы она могла быть заподозрена ни в участии на стороне капитуляции, ни в идеологической иммиграции. И это делает ей честь.

Разумеется, не все из тех, кто причастен к закладке основ дагестанской советской литературы, обладали на первых порах социалистическим мировоззрением, но то, что мироощущение у каждого из них было на стороне борющегося класса, на стороне народных идеалов свободы, на стороне революции и власти Советов, — это истина бесспорная. Мировоззренческая четкость и зрелость, умение видеть мир в социальных измерениях пролетариата и изменять мир в категориях революции придут к дагестанским художникам скоро, очень скоро, в ходе преобразовательной и созидательной поступи нового строя.

Рубеж 1917 года перешагнула целая группа литераторов, представлявших различные народности Дагестана и обладавших известным творческим опытом. К их числу относятся писатели просветительских традиций Нухай Батырмурзаев и Темирбулат Бейбулатов, поэты революционно-романтического склада Гарун Саидов и Саид Габиев, прославленный лирик-романтик Махмуд из Кахаб-Росо, популярные в своем народе поэты-реалисты Сулейман Стальский и Гамзат Цадаса. В унисон с эпохой борьбы в защиту завоеваний революции подала свои поэтические голоса замечательная плеяда поэ-

¹¹ Самурский Н. Из истории гражданской войны в Дагестане // Борьба за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1957. С. 174.

¹⁰ Время. 1917. 24 мая.

тов-борцов: Зейналабид Батырмурзаев, Багавудин Астемиров, Рабадан Нуоров, Алимпаша Салаватов, Мухидин Чаринов, Заид Гаджиев, Ибрагим-Халил Курбаналиев и др., а также группа поэтов рабочей гвардии — Гаджи Ахтынский, Магомед Тлохский, Мунги Ахмед, Курбан из Инхело и др. Подключились к разработке тематики созидательной жизни народов поэты дагестанского крестьянства — Абдула Магомедов, Абуталиб Гафуров, Азиз Иминагаев, Казияв Али, Тагир Хурюгский и др.

Реальный вклад в национальное художественное развитие народов Страны гор, высокий уровень идейно-эстетического содержания литературного творчества, сознательное, преданное, активное служение делу свободы, интересам трудового народа и идеалам социализма определили крупнейшим художникам слова место зачинателей нового направления в художественной эволюции их народов, родоначальников национальных советских литератур, основоположников реалистического социалистического искусства народов Дагестана: Сулейману Стальскому — в лезгинской, Гамзату Цадасе — в аварской, Гаруну Саидову — в лакской, Зейналабиду Батырмурзаеву — в кумыкской и Рабадану Нуорову — в даргинской.

«Нашей стране нужны тысячи писателей, — писал А. М. Горький в 1925 г., — и вот они идут. Неуклюже, крикливо, но — смело и с большой силой»¹². Шло пополнение писательских сил и в Дагестане. По свидетельству Эф. Капиева, к концу «первого послеоктябрьского десятилетия», примерно к 1926—1927 годам, относится «начало резкого перелома в развитии советских литератур Дагестана», связанного с выдвиганием «целой плеяды молодых даровитых поэтов и писателей, сразу ставшей во главе литературного движения»¹³. В плеяду, которую имел в виду Эф. Капиев, вошли, в первую очередь, М. Чаринов, Ю. Гереев, Г. Гаджибеков, Н. Ханмурзаев, С. Абдуллаев, А.-В. Сулейманов, М. Бахшиев, А. Джафаров, А. Аджаматов, а затем в 30-е годы влилось уже новое поколение — Р. Динмагомедов, А. Фатахов, К. Султанов, М. Хуршилов, Ю. Хадпалаев и некоторые другие. Далеко не последнее место в этом ряду занимала живая, энергичная, беспокойная натура самого Эф. Капиева. Вместе с наркомом просвещения республики, незаурядным историком и литературоведом, крупным общественным деятелем А. А. Тахо-Годи, которого справедливо называли «дагестанским Луначарским», Эф. Капиев явился подлинным центром объединения и вдохновения литературных сил Дагестана.

Численный состав писательских рядов Дагестана продолжал расти круто вверх. Так, к осени 1930 года Дагестанская ассоциация советских писателей (ДАСП) объединяла 30 человек¹⁴. А уже весной 1932 года в постановлении Дагестанского обкома ВКП (б), посвященном подготовке к республиканскому съезду писателей, говорилось, что «в народных массах таятся лучшие таланты формирующейся

социалистической культуры, в ряды писателей идут из самых отдаленных аулов, из среды культурно-отсталых народностей гор». Предварительным учетом Дагестанской ассоциации пролетарских писателей (ДАПП) к этому периоду было охвачено до 200 человек. Первый писательский съезд республики предусматривал участие 100 делегатов¹⁵.

Оптимальную количественную характеристику творческих сил дагестанской советской литературы не трудно представить, если учесть, что в разряд писателей в условиях бурного развития местной печати включался большой отряд работников газет и журналов. Дело в том, что именно на эти годы пришелся период бурного расцвета национальной периодики: выходили республиканские газеты на пяти основных языках, множество районных газет, ряд журналов, расширялось издательское дело. Собственно работа писателей протекала почти исключительно в газетах, вокруг которых создавался актив творческой интеллигенции Дагестана¹⁶.

Периодическая печать всегда была своего рода генетическим лоном дагестанской художественной литературы. Именно она являлась наиболее широкой и действенной трибуной. Писательская судьба С. Габиева неразрывно связана с работой в газетах «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета» (1912—1914 гг.); Г. Саидова — с газетой «Илчи» — «Вестник» (1917 г.), Н. и З. Батырмурзаевых и Т. Бейбулатова с журналом «Танг-Чолпан» — «Утренняя звезда» (1917—1918 гг.). Г. Цадасы — с газетой «Багларал Мутлрул» — «Красные горы» (1921—1922 гг.) и т. д. В редакциях органов печати прошли творческую школу и профессиональную закалку поколения поэтов и прозаиков республики — А.-П. Салаватов и З. Гаджиев, А.-В. Сулейманов и Р. Динмагомедов, Н. Ханмурзаев и А. Фатахов. По существу периодическая печать была незаменимым звеном, выводящим писателя на непосредственный и оперативный контакт с читателем, создающим благодатное поле их духовной взаимности и единства, без чего функциональная жизнь литературы немислима и невозможна.

Заслуживает внимания еще одна важная грань становления и формирования дагестанской творческой интеллигенции. Она сводится к той типологической черте творческой личности, которая может быть отнесена в разряд, так сказать, «синкретизма» современного образца. Иначе как синкретическим не назовешь тип дагестанского писателя 20-х и 30-х годов, который так хорошо уловил еще Эф. Капиев: «При малочисленности культурных сил и при колоссальных потребностях в этих силах писателю буквально некогда заниматься литературой. Ему поручают составление учебников, его мобилируют на переводы партийно-советских решений, он обязан корректировать рукописи Даггиза. Не считая его основной работы — он либо педагог, либо редактор, либо завучреждением, председатель колхоза»¹⁷.

¹² Литературное наследие. Т. 70. М., 1963. С. 152.

¹³ Капиев Э. Предисловие//Дагестанская антология. М.: ГИХЛ, 1934. С. 5.

¹⁴ Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 11. Д. 273. Л. 344.

¹⁵ Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 12. Д. 249. Л. 49.

¹⁶ Капиев Эф. Предисловие. С. 5.

¹⁷ Цит. по Капиева Н. Жизнь, прожитая на белом. М.: Сов. писатель, 1969. С. 36.

Писатели входили в комиссию по разработке новых алфавитов и первых букварей, привлекались к составлению терминологических и орфографических сводов. Замечательный поэт Б. Астемиров работал народным комиссаром просвещения ДАССР, Р. Нуров — директором государственного издательства, драматург А. П. Салаватов — научным сотрудником Института национальных культур, А. Гафуров — артистом Дагестанского радио. Писатели не чурались «черновой работы» в ходе культурной революции. Они были и в числе застрельщиков культсанштурма, и в рядах ударников ликвидации неграмотности в горном ауле. Их можно было встретить и на клубной сцене исполняющими главную роль в новой пьесе своего коллег, и музыкантами в оркестре народных инструментов. Дагестанский поэт, писатель, драматург являлся личностью универсальной, деятельной, вдохновенной. Это был подлинный деятель национальной культуры, сложившийся и выскристаллизовавшийся тип советского писателя.

На длительном и нелегком пути роста писательских кадров не обошлось без промахов и упущений, без потерь и жертв, что видится особенно наглядно и обнаженно с высоты сегодняшнего прозрения и обновления. Однако важно сознавать, что судьбы дагестанской советской литературы у самых истоков ее формирования оказались, к великому счастью, в верных и достойных руках. Важно, что главное направление развития социалистического искусства с первых же шагов легло в русло нового метода, выражавшего реалистические принципы социалистической культуры, новый угол зрения, новое направление. Новый метод в дагестанской литературе рождался и складывался в горниле борьбы за революционное преобразование социального уклада общества, защиту завоеваний трудового народа, в всенародном движении за культурную революцию, стремительном наступлении на бастионы невежества и походах культсанштурма, в энтузиазме обновления и возрождения материальной и духовной жизни освобожденного народа. И Первый писательский съезд народов Дагестана (1934 г.) — вопреки участвовавшим ныне крайним нападкам на его содержание, пафос и значение — дал блестящее подтверждение того, что количественное и качественное становление, идейное и организаторское упрочение творческих сил нового общества стали важнейшей реальностью движения эпохи. И это был процесс поступательный, ускороенный, восходящий.

Нелегко путь становления дагестанской советской литературы. Сказывалась недостаточность национального художественного опыта. Подчас не доставало идейной закалки и профессиональной зрелости. Ощущаю, а то и по наитию приходилось прокладывать тропы по неизведанным материкам новой действительности. Преодолению подлежал не столько «груз прошлого», сколько барьер новизны незнакомого мира, в пучину которого доводилось окунуться с ходу, без подготовки и который открывался каждый раз во все новом свете и неожиданных ракурсах. Перед новизной этой трепетали не только молодые литературы. «Никому не было известно, — писал А. Фадеев в своей автобиографии, — какими словами можно выразить в искус-

стве этот неожиданный поворот в жизни, в быту, в сознании людей. Да и, казалось, можно ли выразить это вот так, сразу, на другой день, еще почти в огне схватки»¹⁸.

«Даже поэты, ставшие на путь революции, не всегда были в состоянии найти в самой действительности жизненную основу для своих революционно-романтических устремлений»¹⁹. Как следствие — преобладание в ряде случаев приемов описательного, прямолинейного решения актуальной темы, увлечение иллюстративностью, недостаточная мотивированность образа. Наблюдался примат воспитательных задач над образным раскрытием поэтической сущности новизны. Имел место разрыв между прогрессивным характером содержания и консервативной неподвижностью формы. Дидактизм приглушал звучание образа. Литература на первых порах не успевала за потоком событий революционной действительности. Но это были все-таки трудности поиска нового и освоения этого нового. Трудности роста и постижения, движения и обновления. Совершался исторический подвиг преодоления и становления. И он, этот подвиг, был совершен.

Творческая интеллигенция разных поколений и различной национальной принадлежности, далеко не одинакового жизненного и художественного опыта, не совпадающих стилевых течений и эстетических взглядов, будучи абсолютно разрозненной в организационном отношении, проявила удивительное единодушие в радикальном решении основного вопроса и без раздумий и колебаний встала на позиции трудового народа, впервые в своей истории почувствовавшего перспективы национального и социального освобождения и преобразования общества на социалистических началах. Относительно безболезненным оказался процесс вхождения романтических и реалистических традиций, просветительских исканий национальных литератур аварцев, даргинцев, лезгин, кумыков, лакцев в новое русло своего развития, переключение их на принципиально иной «режим» и «климат» функционирования — сознательного, целенаправленного, принципиального служения интересам народа. В аналогичном русле шел и процесс зарождения и становления новых письменных литератур и других народностей Дагестана — табасаранцев, татов, ногайцев. Так складывался по существу новый тип отношения искусства и действительности, тип, в своих ведущих чертах общий и единый для данного многонационального региона.

В основе идейно-эстетического единства, проявленного дагестанскими национальными литературами в первые годы революции и Гражданской войны, а также в годы социалистического строительства, лежит общность исторической и социальной действительности, породившей данное эстетическое сознание. Вместе с тем эта общность не может не отсылать нас к той многонациональной общности художественной практики, которая сложилась еще в прошлом на литературной карте данного региона. Концепция многона-

¹⁸ Советские писатели. Автобиографии. Т. 2. М., 1959. С. 548.

¹⁹ Лурье А. П. Поэтический эпос революции. Л., 1975. С. 128.

циональной литературной системы дореволюционного Дагестана, пользующаяся ныне признанием в дагестанском литературоведении, получила свою наивысшую поверку как раз на начальной стадии становления советской художественной культуры. Такая системная общность — и в обращенности творчества художников к наиболее существенным сторонам и ведущим чертам развития революционных событий и борьбу за Советскую власть, и в тематической близости, в идейной целостности их эстетического мышления и поиска в этот период. В этой общности — залог консолидации творческих сил формирующейся социалистической литературы, наметившегося единства многонациональной литературы Советского Дагестана и ее творческого метода.

И, наконец, сам процесс становления дагестанской советской литературы, «технология» ее складывания, реальная творческая практика этих лет начисто отвергают как беспочвенные, набившие оскомину измышления советологов Запада о якобы навязанном, декретированном и поэтому наднациональном характере единства многонационального искусства народов СССР, в их числе и Советского Дагестана. Концепция эта той же фальшивой пробы, что и не раз битая версия о возможности насаждать революции извне или сверху. Огромное реальное воздействие революционной России и других передовых наций на исторические судьбы многих народов, прогрессивное значение которого невозможно ни отрицать, ни недооценивать, не означает, однако, что этот фактор может игнорировать национальную почву социальных, в их числе и революционных, процессов, захватывающих в свою орбиту данный регион, равно как не может и отменить национальную природу художественного творчества, порожденного этой действительностью.

Общность революционной действительности в стране, единство освободительных задач борьбы трудящихся в ходе гражданской войны, одинаковое в целом представление о социальных ожиданиях масс определили сходство и идентичность встававших в первые после-революционные годы перед всеми национальными литературами страны проблем и тем, общесоветский, соподчиненный характер выполняемой ими функциональной роли. Художественное внимание было приковано, прежде всего, к теме свободы и революции, теме их утверждения и защиты. Главный пафос творчества сводился к восторженному восприятию освободительных, социалистических свершений революции, к воодушевлению масс на борьбу за дело социальной справедливости, на подвиг во имя свободы. Четко был обозначен центральный конфликт — непримиримое противостояние свободы и неволи, революции и контрреволюции, борцов за народное счастье и ненавистных угнетателей, узурпаторов.

Таким образом, несмотря на неравномерность литературного развития разных народов, глубокое своеобразие национального художественного опыта каждого из них, формирование литератур всех народов на социалистических началах происходило в рамках единого советского искусства и на стержне единого реалистического

творческого метода. Это обстоятельство предполагает рассмотрение судеб каждой национальной литературы в отдельности и делает невозможным изолированное друг от друга их изучение. Вместе с тем оно же оправдывает и обуславливает региональный подход к осмыслению многонационального литературного процесса в масштабе Дагестана и в системной целостности.

2

Революционная литература Дагестана была оплодотворена идеями, настроениями, красками, звуками революции. И отношение художника к революции определялось логикой развития действительности, своеобразием процесса борьбы за новый мир. На энергии поэтического голоса сказывались приливы и отливы этой борьбы.

В сложнейший и ответственный период национальной истории и социальных судеб прозвучал дружный голос дагестанской поэзии на всех языках. Песню о «Хурият» — Свободе горцы воспринимали как синоним Революции. Это можно понять. Свобода была вечной мечтой народов Дагестана, веками изнывавших под национальным и социальным гнетом. Как поется в песне, с словом «Свобода» на устах умирали джигиты и седые мудрецы; это слово вавещали потомкам предки, сыновьям — отцы. Мечта о Свободе и борьба за ее завоевание составляли идеал, который сблизжал, объединял многочисленные народности и племена этого края. Перед этим идеалом отступали все другие побочные заботы и иные проблемы поколений. Октябрьская революция принесла народам вождественную Свободу.

Романтическим провозвестником наступившего расцвета предстает пламенный поэт-революционер З. Батырмурзаев в поэтическом обращении к горцам, социальное прозрение которых стало необходимым как никогда:

Эй, выше голову, народ печальный,
Взгляни вокруг: зарей сияет высь!
Проснись, народ! Спать на рассвете вредно,
Повсюду утро настает — проснись!²⁰

Когда же враги — «свои» и «чужие» — вознамерились посягнуть на завоевания революции, на святая святых — Свободу многонационального народа, весь многоликий Дагестан поднялся на ее защиту. Вновь зазвучал знакомый клич «Восстань, Дагестан!», ставший лейтмотивом поэтического воззвания другого популярного романиста и бойца Р. Нурова. «Восстань, Дагестан!» было веление времени. Кавказско-дагестанское революционное восстание, ярким пламенем горевшее в Дагестане и на Кавказе, отстоялось в памяти народа и вошло в его историю как свидетельство величия духа свободолюбия

²⁰ Поэзия народов Дагестана: Антология: В 2-х т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1. С. 549.

и преданности горцев идеалам революции. В разгар сражений 1919 г. родилась знаменитая песня Г. Саидова о свободе:

Мы долго терпели, друзья, не пора ль
В бою испытать амугаишскую сталь?
Мать — свобода!
Свет — свобода!
Враги наши — ханы, купцы и князья.
За нами победа! Мужайтесь, друзья!
Мать — свобода!
Свет — свобода!

Ей суждено было стать боевым гимном дагестанских красных партизан, народных ополченцев, которых Абдурашид из Араканы символично назвал в те дни в поэме «День плача» «Армией Свободы».

Однако в разработке освободительной темы С. Стальский пошел дальше. В его произведениях 1919 г. на первый план выступает тема партии как силы спасения Свободы, как единственной надежды горцев. Это было шагом вперед и в собственной эволюции Стальского, в его восприятии и осознании смысла происходящего. «Жди, Сулейман, большевиков!» — решил прозревший поэт. То был подвиг — в сложные времена, в обстановке запутанного переплетения интересов и устремлений противоборствующих политических сил разобратся и определить — откуда и от кого ждать спасения Дагестану, терзаемому со всех сторон акулами всех мастей — от мусульманского клерикализма и казачьей белогвардейщины до турецких и германских интервентов.

Доколь терпеть, как чужаки
Рвут нашу землю на куски?
Ответь: где большевики?
Без них нам избавления нет²².

Свое отношение к большевикам выразил и другой поэт старшего поколения — Г. Цадаса, который соизмерял слова и поступки людей, размечал добро и зло времени, правду и ложь эпохи на «весах разума»: чаша истины и справедливости показывала, что «большевики — люди чистые». «И я с Вами!» — заявил поэт в послании к защитникам революции.

Одна из существенных черт многонациональной дагестанской советской литературы на первых порах ее становления сказалась в обобщенном типе художественного воплощения действительности, что было обусловлено масштабным, глобальным, всеобщим характером основного конфликта. Неподражаемым мастером художественного образного обобщения стал в дагестанской литературе Сулейман Стальский. Как представляется, в этом состояла наиболее сильная сторона его эстетического облика. И, как ни парадоксально, у не-

грамотного ашуга, к неискренности которого все поровали относиться с сочувствием и со снисхождением, ярче и убедительней всего эти качества проявлялись как раз в области лирики гражданского, социальной, политической. В свое время на эту сторону творчества С. Стальского обратил внимание такой тонкий знаток поэтики лезгинского ашуга, в сущности первый его исследователь, как Гаджибек Гаджибеков. «Главной отличительной особенностью творчества Сулеймана, — писал он в 1927 году, — по сравнению с другими поэтами является то, что он, прежде всего, политик и больше всего затрагивает политические темы»²³. Политическую сущность поэзии С. Стальского отмечал Вл. Луговской. «Политическая поэзия, — писал Вл. Луговской, — это то, чем жил Сулейман. Едва ли он так называл ее — он просто жил ею. Она была для него естественна, как природа, как жизнь, как песня»²⁴.

Вдуматься только: «Погибни, старый, мертвый мир», — писал поэт еще до революции. «О, революция моя!» — воскликнул он в 1917 году. «Ответь, где большевики!» — требовал в трудный 1919 г. А затем ашуг провозглашает свою главную заповедь: «Я буду неть большевиков!» Лишь на первый взгляд могут показаться сулеймановские строчки образчиками декларативности. На самом же деле перед нами подлинные образцы поэзии опыта и мысли, поэтики образного обобщения и типизации. Сила их в достоверности: они подсказаны самой жизнью, движением времени. В них — работа сердца и ума. Поэтому и изречения великого ашуга становились крылатыми и входили в обиход народного сознания.

С. Стальский оставался верным своему пониманию художественности и в дальнейшем, в 20-х и 30-х годах, по существу всю творческую жизнь. Наилучшим образом это прослеживается в тематике, посвященной революции, партии, Ленину, тематике, разработка которой составляет одну из ведущих линий становления и развития дагестанской да и всей советской литературы первых десятилетий. Можно сказать, что уже в середине 20-х годов в искусстве Советского Дагестана формировалась своя Лениниана, в эпиграфе к которой — популярные слова из аварской народной песни:

Ты первый пришел и людьми нас назвал,
Оружье победное в руки нам дал²⁵.

В Ленине дагестанская литература видела символ революции, социальной справедливости, воплощения народных чаяний о Свободе и счастье.

Он нас — простой парод — любил,
Умом и сердцем нашим был²⁶,

Писал С. Стальский в стихотворении «На смерть Ленина». В изобра-

²³ Красный Дагестан. 1927. 21 авг.

²⁴ Цит. по: Султанов К. Этюды о литературах Дагестана. М.: Сов. писатель, 1978. С. 24.

²⁵ Антология дагестанской поэзии. Махачкала. Т. 1. С. 23.

²⁶ Там же. Т. 3. С. 176.

²¹ Дагестанские лирики. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 331.

²² Поэзия народов Дагестана: Антология: В 2-х Т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 2. С. 318.

жении дагестанского ашуга Ленин — «мысли великан», «тот, кто светил тебе в пути», «насадил сады кругом». И такое понимание отражало художественное сознание народа, которое определялось и сверялось опытом социалистического возрождения.

Уровень разработки темы партии и Ленина служил своего рода идейно-эстетическим мериллом зрелости и ценности любого национального искусства. Дагестанская советская литература, несмотря на досадные деформации, порожденные засильем культа личности, в целом была на уровне этих критериев. В ней шаг за шагом утверждалась концепция личности новой формации, концепция создателя и борца, горячего патриота социалистического Отечества.

Сулейману Стальскому принадлежат слова, ставшие хрестоматийными:

Я буду честен до конца,
И волю Ленина — отца,
И славу скромного борца
Я пронесу сквозь жизнь страны.

Вот образец художественного обобщения, типичный для поэтического почерка, стиля, метода Сулеймана Стальского.

Было бы, однако, неверно выделение публицистической обобщенности образного решения темы как характерологической черты эстетики С. Стальского истолковывать таким образом, будто прославленному ашугу вообще не свойственно стремление к детализации образа, к более конкретной мотивации художественного открытия. Нет, конечно, Стальский не чуждался в своем творчестве конкретики поэтического мышления ни в прошлом, ни в послеоктябрьское время.

Поэта гордость — звонкий стих,
Но стих не терпит слов пустых.

Наблюдения дают основание предполагать, что уже на ранней стадии своего становления дагестанская советская литература решала сложную задачу — быть ближе к трудовому народу, идти вместе с ним, мыслить его категориями; она ощущала потребность глубже освоить события и процессы, разобраться в широком окружении мира, прежде всего — в социальных благах Свободы, принесшей людям избавление от лишений и бед. Безусловно, в этом надо видеть шаг вперед в художественном освоении темы революции, что столь явственно, например, в стихотворении Г.А.Цадасы «Горской бедноте» (1920). Большого эффекта достиг поэт благодаря лучшей мотивировке социальных отношений в горском обществе и более глубокой расшифровке характера добытых благ Свободы, конкретизации общественных сил — тех, кто принес себя в жертву ради простолюдия, и тех, кто стал незаконно претендовать на эти блага. А ведь лик свободы был отнюдь не призрачен, а реален и веществен. Как просто и хорошо сказал рабочий поэт Курбан из Инхело:

Много житейских благ
Принесла революция людям:
Сколько голодных накормила!
Сколько голых одела!

Думается, что в тенденциях этого порядка следует видеть важнейшую черту художественного творчества, которая, пусть на первых порах не в очень развернутом виде, все-таки выражала реалистические тенденции развития новой литературы. Именно в наметившейся ориентации на большую зримость, четкость, предметность изображения, на большую детализацию и конкретизацию образа видится верный путь к освоению нетрадиционных принципов реализма. На этом пути и происходит сближение, слияние романтики и реалистической конкретности, космической патетики и земной повседневности.

В трудах по истории дагестанской советской литературы различаются две тенденции ее становления и развития — реалистическая и романтическая. Нередко эти тенденции возводятся в некие течения и даже целостные направления. По сей день продолжают иметь место попытки отводить романтическим началам литературы 20-х годов преобладающую, ведущую роль в формировании художественной культуры в Советском Дагестане, в победе здесь принципов социалистического искусства. Вопрос о множественности направлений и методов советской литературы — тема, не исчерпавшая себя и продолжающая будировать научно-поисковую мысль.

Общеизвестно, что реализм рождается в недрах романтизма. А социальная революция гигантски ускоряет этот процесс. Исследователю важно проследить, как проистекает он в каждой национальной литературе, какова его внутренняя логика. Процесс этот вполне реальный, осязаемый, наглядный. И логика его достоверна и убедительна. Веский пример «переориентации» романтика в реалиста преподносит, как нам представляется, творческая эволюция Махмуда из Кахаб-Росо. Дело в том, что лирика прославленного «певца любви», страстная и граждански активная, выступает благодатной средой, в которой осуществляется синтез обоих миров — мира сущего и мира должного на уровне революционного романтизма²⁹, в силу чего смена темы романтической любви темой революции в его творчестве воспринимаются как явление логическое и естественное. А разве Блок пришел к революции не по той же закономерности?

Перед Махмудом революция открывалась как величественное и грандиозное явление природы, как сокрушительная буря. Такой романтический пафос революции был вызван не только романтической сущностью мировосприятия поэта: он соответствовал самому духу времени, героике событий, т. е. имел под собой твердую реалистическую основу. Смещение личных чувств и переживаний в сторону общественных и народных, в сторону ощущения близкого торжества и неизбежного возмездия, превращение «певца любви»

²⁹ Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М.: Наука, 1971. С. 10.

в рупор коллективных эмоций и устремлений — чрезвычайно знаменательно.

Лишенные доли земли, не имеющие скотины в хлеву,

Встаньте, — бурей сметем этот мир!

И для души моей, полной огня любви,

Несет этот поток свежее дуновение (прохладу)³⁰.

(Подстрочный перевод)

Здесь ощущаешь реальные отношения реального мира: обездоленные люди родных гор, назревшая необходимость изменения социального миропорядка, трезвая и отоблизованная воля поэта, его горячее участливое сердце. Это была последняя песня Махмуда, трагически погибшего в 1949 г., на рубеже, обозначившем столь зримое революционно-романтическое превращение художника и обещающем подлинно реалистическое восхождение его высокой и спокойной поэзии в условиях социалистического обновления мира.

Версия о преобладающем месте романтического начала не подтверждена не только реальными художественными созданиями дагестанской литературы 20-х годов. Не получает она подкрепления и в практике традиционно развитых литератур. Признавая, например, что «современное искусство (первых послереволюционных лет. — Г.Г.) идет к своеобразному сочетанию реализма с романтизмом», А. Воронский однако считал, что это такое сочетание, «в котором реализм остается все-таки господствующим началом»³¹. Практика национальных литератур народов Дагестана, да и других регионов страны этого периода дает убедительное подтверждение того, что романтика советской литературы — не метод, не направление и даже не течение, а одно из интереснейших свойств и достоинств социалистического искусства.

Пафос принятия и эстетического утверждения нового справедливого миропорядка был главным в содержании и направленности дагестанской советской литературы 20-х и 30-х годов. Естественным было и то, что утверждение нового достигалось, главным образом, путем резкого отрицания отживающего, но цепкого прошлого. Восприятие новых социальных процессов, достижение подлинного величия революции было связано с познанием социальных столкновений, которые, хотя и обретали иные формы и вступали в полосу своего затухания, были обусловлены все еще неопределенным разделением общества на непримиримые лагеря. Продолжался острый конфликт двух миров, двух миропониманий, двух тенденций развития. Так заметил еще начинающий Эф. Капиев в одном из первых своих ранних произведений, в стихотворении в прозе «Начало»: «Два врага, два времени, две жизни сталкиваются друг с другом»³².

Эстетика предельных контрастов, «контрастов светотени в словесной живописи» (М. Горький), была присуща всем советским

национальным литературам, она выражалась в характере самой тематики, в названиях произведений и вносила свой колорит даже в структуру художественной реальности. «Два мира», «Мы и они», «Вчера и сегодня», «Там и тут», «День и ночь», «Зима и лето», «Враги и друзья», «Лицом к лицу», «Возмездие», «Расплата» и др. — вот ведущие мотивы творчества художников, в которых выражена антитетичность и конфликтность реальной действительности, которые составляли идейный и сюжетный стержень литературы тех лет. Старое и новое здесь сопоставлялись, как понятия несовместимые и взаимно исключающиеся во времени причем разрешение конфликта чаще всего выражалось в простейшей альтернативе: «было — стало». Все более осмысленнее обращались поэты и писатели к извечным нравственным категориям добра и зла, правды и неправды, справедливости и несправедливости и с позиций народного мировосприятия и трудового опыта подходили к пониманию, толкованию, оценке смысла и значения совершаемого. Именно так, проще и достовернее, воспринимались начинания и опыт Октября и социалистических преобразований.

Большой интерес в этом отношении представляет, на наш взгляд, стихотворение Г. Цадасы, озаглавленное «Кого выбирать в Советы»³³ и опубликованное в областной аварской газете «Красные горы» в июле 1921 года. Речь шла о выборах в Советы, которые были назначены на осень того же года. Новая революционная власть, власть Советов, пришла в горы не в торжественных декларациях и программных директивах, но в облике вполне реальной, живой силы общества, как жизнедеятельная организация, формирующая массы, как система непосредственного социального действия, как реализация социалистической демократии. Впервые в истории трудящимся горцам были предоставлены право и возможность самим выбирать приемлемых для них представителей в органы государственного управления, а также быть избранными в народные Советы. Цадаса подошел к проблеме как бы изнутри — заглянув в корень вопроса, зорко разглядел в нем главную суть: решающий фактор — не бестелесные Советы сами по себе, а люди, которые войдут в них от имени трудовых масс. В стихотворном обращении Г. Цадасы дан своего рода этический кодекс заповедей, которым должен руководствоваться доверенный и полномочный представитель народа в Советах. Кодекс, выраженный в духе лучших народных традиций и вместе с тем идеалов социалистической демократии.

Стихотворение целиком построено на антитезе: какими достоинствами должен обладать депутат и от каких пороков — свободен. Кого народ приемлет и кого — отвергает:

Тень от палки кривой .
Не может быть прямой.
Пусть людьми правят люди
Честные, праведные.

(Подстрочный перевод)

³⁰ Махмуд из Кахаб-Росо. Произведения. Махачкала, 1954. С. 222.

³¹ Прожектор. 1923. № 12. С. 20.

³² Цит. по: История дагестанской советской литературы: В 2-х т. Махачкала, 1977. Т. 1. С. 103.

³³ Цадаса Г. Сочинения. Махачкала, 1977, С. 110. Авар. яз.

Внушение основной массе народа, простым людям, что их ожидания сбылись, что их время наступило, что подлинные хозяева жизни теперь они, сами, — вот как представляется основной лейтмотив творчества Г. Цадасы в этот период. Свобода не сама пришла, а взята силой и стоила жертв, и «теперь править миром дано вам», обращается поэт к людям труда: «Государство ведь наше, да мы сами государство»³⁴. Не правда ли, — созвучно нашим дням!

Научить батрака хозяйскому отношению к новой жизни, приучить его к мысли о том, что завоеванная свобода — его свобода и новая власть — его власть, — в этом и состоял смысл той великой революции, которую необходимо было совершить в психологии горца, в его сознании.

Литературная жизнь Дагестана рассматриваемого периода отражает меткую характеристику А. М. Горького о том, что молодая советская литература «живет в состоянии войны со старым миром и в напряженном строительстве мира нового»³⁵. Пафос борьбы с «неправдами старого мира» (А. Фадеев), отрицания мерзостей жизни и есть признание и удел художника-реалиста, одна из родимых черт нового художественного метода.

Дагестанская художественная культура 20—30-х годов породила мощный поток литературы, направленный на развенчивание пережитков религии. Как известно, борьба эта была сопряжена с грубейшими перегибами и перехлестами, стоила немало крови, и пагубную роль в этом сыграли вульгарно-социологические установки на насильственное низложение религии и избавление от верующих. Вместе с тем реалии эпохи заключались в том, что вопиющее несоответствие духовенства той роли, на которую оно продолжало претендовать в новых условиях, составляло лейтмотив многих тем и жанров искусства этого периода, на которых мало кто из дагестанских художников слова не опробовал свои силы. Можно говорить даже о дагестанской антирелигиозной литературе как о некоем целостном феномене данной эпохи, представленном остросатирическим поэтическим памфлетом и стихотворным фельетоном, рассказом и повестью, социальной драмой и комедией. Образы воинствующих святош-мулл и отчаявшихся шейхов стали объектом художественного обличения и высмеивания в произведениях А. Иминагаева и С. Абдуллаева, З. Гаджиева и Н. Ханмурзаева, Р. Нурова и Т. Хурюгского. Самые разнообразные грани темы отражают простой перечень наименований произведений: «Разоблаченный шейх», «Жалоба муллы», «Признание муллы», «Плач муллы», «Как Хаджи попал в рай» и т. д.

До наших дней не перестают доставлять читателю эстетическое наслаждение замечательные сатирические циклы антирелигиозных новелл и притч Юсупа Гереева, вошедших в его сборник «Спутник-Муллы Насреддина» (или «Лекарство от каждой беды человека») и «Сапар-елдаш и молитвы Моллы Насреддина» (или «Самые по-

лезные молитвы»), изданные в 1928 году. Эффект воздействия этих сатир на массового читателя поразителен, и он достигнут благодаря постоянному обращению к фольклорной основе, изобразительному переосмыслению традиционного сюжета в духе современного звучания, неожиданному повороту замысла острее к нуждам и потребностям злобы дня. Примечательнейшей особенностью рассказов Ю. Гереева была их конкретика — в них точно обозначено место действия, угадываются конкретные прототипы, определен адресат. По своей композиции новеллы напоминают сатирические сказки, в которых, опираясь на жизненную основу действительности, развенчиваются и дискредитируются каноны и догматы религиозной ортодоксии.

Другим цепким и могущественным злом, сковывавшим усилия, направленные на социально-культурное возрождение края, долгие годы оставалось совокупное множество разнородных пережитков — отсталых обычаев и вредных адатов, устоявшихся здесь еще со времен патриархально-родовых отношений и не желавших уступать неумолимому движению истории. Адат проникал во все поры общественной жизни, им регулировались семейные, бытовые и общественные отношения людей: предписания адата обретали в глазах и предствлениях горцев значения нормы закона. Естественно, враги революции делали ставку на силу обычаев — «нерушимых законов гор», истолковывая любые действия органов новой власти, самые гуманные, благородные ее шаги как злостное покушение на незыблемые устои национального уклада, как попытки совращать людей, навязывать им порядки, не укладывающиеся ни в рамки ислама, ни в нормы адата, этих двух «великих двигателей» сознания и поведения горца.

Наиболее живучей в дагестанских условиях была кровная месть. Культивировавшееся с незапамятного прошлого и передававшееся из поколения в поколение чувство кровной мести мешало формированию в обществе здорового нравственного климата. Поэтому борьба с обычаем кровной мести в Дагестане была поставлена на уровень государственной политики и дела огромной идеологической значимости. Тема эта пронизывала, можно сказать, всю художественную практику времени, ей посвящались стихи и рассказы, пьесы и повести. «Кровь за кровь» — называлась повесть Р. Динмагомедова. Одна из первых дагестанских пьес «Хаскиль и Шамиль» З. Гаджиева была всецело построена на сюжете нелепой вражды двух закадычных друзей, ставших жертвами кровомщения. С развенчиванием диких чувств кровной ненависти выступал в своих рассказах С. Абдуллаев. Обширный цикл сатир Г. Цадасы был посвящен кровной мести: в них отвергалась стародавняя мораль дедовской пословицы: «Кровь не высыхает, долг не пропадает».

Знаменательна сама по себе метаморфоза, которая произошла во взгляде горца на такой его традиционный национальный атрибут, как кинжал. Цикл стихов Г. Цадасы, посвященных теме кинжала в современной жизни дагестанского аула, — это смелая и умелая нравственная дискредитация кинжала, некогда символа храбрости

³⁴ Там же.

³⁵ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. С. 253.

и воинства свободолюбивых горцев, превратившегося в символ отжившей свой век патриархальщины, косности и отсталости.

Тебе здесь нечего делать:
Теперь не дуло клинка,
А жатвенный серп и молот —
Народа мощь и рука, —

писал Г. Цадаса в «Разговоре с кинжалом»³⁶. «Антикинжалные» стихи Г. Цадасы обладали такой действенностью, что становились повесткой дня сельских сходов. Так возникло в 20-х годах в аварских районах оригинальное народное движение под девизом «Перекуем кинжалы на серпы». Повсеместно создавались комиссии по примирению кровников.

Подлинный суд над стариной, над всеильным адатом совершила дагестанская литература на попроще борьбы за равноправие, за раскрепощение горянки. В дагестанских условиях пороки женского бесправия выражались в диковинных и античеловеческих проявлениях — в выдаче несовершеннолетних замуж, принуждении вступить в брак за нелюбимого, обручении против ее согласия, лишения инициативы на развод, ущемлении в правах при разделе наследства и т. д. Горянка полностью была отлучена от участия в общественной жизни. Она была поставлена в положение рабыни семьи. Как писал Г. Цадаса, «из-за неверного взгляда на женщину мир хромает на одну ногу»³⁷.

Проблема раскрепощения горянки в рамках просветительских идей выдвигалась еще в дореволюционных повестях Н. Батырмурзаева. Остро ставил ее в годы революции и гражданской войны Г. Саидов. Но целенаправленный, можно сказать, программный характер борьба за достойное место женщины в жизни общества обрела в творчестве художников слова 20—30-х годов. Ее затронул А.-К. Закуев в повести «Обманутая любовь», Р. Нуоров в пьесе «Айшат в котях адата», М. Чаринов в драме «Шагалай». Крылатое обращение З. Гаджиева «Проснись, горянка! Хватит спать!» облетело в 20-х годах всю Аравию. Неповторимы в своих самобытных поэтических решениях циклы песен и стихов Г. Цадасы, посвященные горянке. Надо сказать, что в литературах народов советского Востока первых десятилетий, пожалуй, наиболее драматические страницы относились к изображению судьбы женщины.

Борьба с пережитками прошлого, с «элементами разложившегося старого общества» (В. И. Ленина), со всем тем, что становилось на пути и мешало строительству нового общества, — емкая страница революционного героизма. Советская литература причастна к этому героизму на всех этапах созидательной жизни страны. Отличаясь своеобразием форм и проявлений, в зависимости от многообразия национальной и региональной действительности, борьба эта составила неотъемлемое свойство всех литератур. Вместе с тем справед-

ливости ради следует отметить, что вульгарно-нигилистические тенденции в отношении духовного прошлого национальной культуры обернулись в тот период огульным попранием многих добрых, гуманистических народных традиций. Не избежал извращений этого порядка и опыт социалистических художественных культур Дагестана.

Дагестанская литература тех лет создала немало сатирических образов бюрократов, искривлявших линию партии на том или ином участке политического, хозяйственного, культурного строительства, допуская высокие меры и чванство, прибегавших к методам запугивания и угроз. Развенчивались порождения известного периода — угодничество и подхалимство, укрывательство и нечистоплотность, обывательщина и головоунытие, перерожденчество и отступничество. Это была, в сущности, борьба против новоявленного и оживающего мещанина, который «довольно успешно начинает строить для себя дешевенькое благополучие в стране, где рабочий класс заплатил потоками крови своей за свое право строить социалистическую культуру»³⁸. Развенчанию комчванства отводилось заметное место в сатирическом творчестве многих поэтов и писателей Дагестана.

В условиях, когда прошлое, хотя и было «перевернуто, но не пережито», а настоящее еще «не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д.»³⁹, важен был сам угол зрения художника, вступающего в борьбу со старым миром. В этой связи необходимым представляется обратить внимание на неприемлемость попыток некоторых авторов сводить разоблачительный пафос советской литературы по отношению к прошлому к признанию наличия в нем критического реализма как самостоятельного, автономного творческого метода. Такого рода утверждения имеют место и в дагестанском литературоведении. Между тем художественная критика остатков прошлого и недостатков настоящего вовсе не есть удел лишь критического реализма. Развенчание реальной действительности, острая их критика составляют одно из существенных свойств реализма социалистических начал с его принципиально новым углом зрения на жизнь общества. Причем пафос критицизма в малой или большей степени присущ всем советским литературам, и он, как и пафос романтики, должен быть рассмотрен и понят лишь в рамках современного реализма. Эти качественные характеристики советской литературы зарождались уже на ранней стадии ее становления и формировались как важнейшие особенности нового творческого метода.

Действительность заставляет смотреть на себя, не отводя глаз от самых возвышенных и от самых низменных ее сторон. Собственно отсюда и происходит в литературе тех лет своего рода чередование высокого, восхищенного восприятия социалистических чудес с возмущенным взглядом на изъяны и ограничения, которых не

³⁶ Цадаса Г. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1978. С. 92.

³⁷ Цадаса Г. Сочинения. Махачкала, 1977. С. 542.

³⁸ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 24, С. 476.

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390.

лишена сложная действительность. Весьма примечательно, что утверждение и восприятие нового мира, создание образа нового человека, нового героя, сопровождалось и достигалось отрицанием старого мира, дискредитацией прежнего, ложного героя, что выразилось в тему прощания со старым бытом, старым порядком, старым образом в тему высмеивания традиционного романтико-героического идеала горца. При этом важное значение обрело чуткое умение различать и улавливать подлинно национальное и псевдонациональное в национальной действительности и художественном сознании.

В плане борьбы с устаревшим и отжившим в быту людей, косным и извращенным в сознании трудящихся, со всем пережиточным в облике эпохи, большой интерес представляет сатирико-публицистическая поэзия Г. Цадасы 20-х, 30-х и 40-х годов. Художественным явлением уникального порядка стал первый сборник его произведений с красноречивым наименованием «Метла адатов» (1934), чем-то родственной сатирической практике Вл. Маяковского. «Метла адатов» — это тоже своего рода правдивая картина данной эпохи в момент ее комического расставания с прошлым, расставания со смехом. Это смелый, дерзкий, уверенный почерк умудренного опытом художника, мастерски владеющего оружием сатирика и достигающего эстетического развенчания всего низменного, пошлого и злого в жизни.

В гамзатовской «Метле адатов» — подлинная житейская правда, обращенная не в прошлое, а в будущее, правда, которой свойственно не копирование статичного факта, а его переосмысление с известным «забеганием вперед». Здесь нет места обычной для художественной практики тех лет яркой плакатной символике, условной гиперболе и обобщенности. Г. Цадасе всегда были близки — и в данном случае это свойство поэтического облика поэта сказались с еще более полной силой — проясненность создаваемой картины, четкость образа, зримость реалистической детали. Конкретность, повседневность, обыденность действия, изобразительных средств и разговорной речи как бы приземляет пафос ложной романтики и героики с их претензиями на всеобщность и абсолютность. Именно на этой бытийной основе, житейской правде строился художественный мир «Метлы адатов», зиждилась ее поэтика.

Примечательнейшая сторона данного поэтического цикла состояла в мобилизации человеческого потенциала в людях, казалось бы нецифрованных, а то и «испорченных», оскверненных старой жизнью. В гамзатовском смехе прослеживается становление индивидуального человека личностью коллективной. Именно этого типа «переворот, который произошел в деревне, когда мелкий собственник делается коллективистом», возвел в свое время А. Фадеев в фактор всемирно-исторического значения⁴⁰. И литература Дагестана осознает факт этого превращения, а в целом — коллективного национального портрета дагестанского аула.

А там, где поэт обращается к росткам социалистической новизны под пером Цадасы происходит как бы превращение простого, на-

меренно заурядного, ничем в сущности не примечательного, рядового явления в нечто значительное, одухотворенное, сильное, «непохожее на самое себя» (Г. Ломидзе). То есть имеет место процесс обогащения личности, раскрытия в ней скрытых возможностей, зарождение нравственности нового, типа, элементов социалистического образа мышления и поведения, и в этом состоит общая тенденция всех национальных литератур Советского Дагестана периода 20-х и 30-х годов. Новое здесь выглядело всегда лучше, выше, благороднее прошлого, в этом новом всегда была слышна музыка творимого сегодня, музыка обновления и созидания, музыка известных мотивов завтрашнего дня. Требовалось уметь радоваться успехам и достижениям социализма, и дагестанская литература умела радоваться. Ибо казалось, перефразируя известное выражение О. Берггольд, что даль социализма была уже близко, совсем рядом.

Принципиально важным представляется обратить внимание на действительную роль смеха Г. Цадасы в разработке концепции человека, в утверждении его личности. Смех этот гуманистичен и оптимистичен — он полон веры в светлую природу человека. Смех этот добр, ибо направлен не на уничтожение личности, а на его очищение, на кристаллизацию положительных начал в человеке. Природа смеха Г. Цадасы состояла в том, что, устанавливая ту точку зрения, в которой предметы смешны, автор добивался утверждения положительного идеала, так сказать, негативным путем. Идеалом смеха Цадасы и был положительный герой, которого однако критика не всегда замечала или вовсе не замечала.

Таким образом, «Метла адатов» относится к реалистическим созданиям, в которых глубоко раскрывается процесс формирования нового человека. Новое восприятие, новое понимание человеческой личности связано и с новизной самого художественного сознания, рамой литературы. «... Художественное постижение мира и человека сказались прежде всего в отделении полностью объективизированного и индивидуализированного образа-характера от автора повествования»⁴¹.

3

Искусство в своей основе всегда есть борьба «за» и «против». В этой борьбе достигалась победа нового мира, шаг за шагом отеснившего старый мир и утвердившего свое историческое право на существование и процветание. Если одним из крыльев зарождавшейся и крепнувшей дагестанской советской литературы была эта борьба со старым, то вторым ее крылом стало утверждение новых социалистических начал в действительности. Пафос утверждения и развития нового миропорядка, пафос удовлетворенности реальными успехами социалистического строя определил оптимистический, оптимистический настрой художественного творчества. Удивительно

⁴¹ История советской многонациональной литературы: В 6-ти т. М.: Наука, 1971. Т. 2. Кн. 2. С. 198.

⁴⁰ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стеногр. отчет. М., 1934. С. 233

образно и обобщенно представил С. Стальский решение спора двух миров: «кто кого».

Гнила трясина триста лет —
Засыпали трясину мы ⁴².

«Нужно учиться видеть, как в чадном тлении старой гнили вспыхивают, разгораются огоньки будущего» ⁴³. Огоньки эти составляли характерологическую картину новой жизни, нового мира. Осмысление новой действительности, открытие новых социальных и этических проблем, основное содержание которых — социальная революция, открытие нового человека в этом мире и нового героя в литературе относятся к области тех глубоких сдвигов, которыми отмечена дагестанская советская поэзия уже на ранней стадии послеоктябрьского зарождения и становления.

«Новый мир» — это было распространеннейшее сочетание слов: оно служило наименованием печатных органов и изданных книг, художественных произведений и поэтических сборников. «Чудо света» коммуна в горах и прославленный Сталинаульский колхоз, новообретенные аулы и людей, переселившихся из теснин гор на просторы равнин, красочный пейзаж садов, разведенных на склонах альпийского высокогорья; первый репродуктор в горном ауле и первая лампочка Ильича в сакле горца, первый автомобиль, мчавшийся по только что проложенным горным серпантинам, первый трактор, распахавший межи обобществленных пашен, первый самолет над хребтами и долинами родного края — вот они живые символы социалистической нови, предмет восхищения и вдохновения художников слова Дагестана. Отсюда мажорность интонации, сгущенность настроения, возвышенность восприятия, «потребность часто не сказать, а крикнуть» (А. Воронский)

Весны большевистской пути неуклонны...
Штурмуют поля трудовые колонны... ⁴⁴ —

пишет в стихотворении «В долинах Карахчая» М. Чаринов. Романтическим налетом окрашены чувство и слог Б. Астемирова, обратившегося в 1930 г. к теме грандиозной программы Сулакгэсстройа.

Скоро, скоро заводских гудков голоса
Дерзновенно разбудят от дремы веков
Эти скорбные доли, ущелья, леса,
Эти дикие пики во мгле облаков ⁴⁵.

В унисон откликнулся из далекого Хунзаха Г. Цадаса:

Мы рек поседелых смирили стремнины.
И трудятся реки, вращая турбины.

Мы, большевики, — вдохновенные люди,
Еще и не то нами сделано будет! ⁴⁶

Дыхание грядущего явилось существенным моментом, обусловившим взгляд литературы на перспективу, определившим «третью задачу социалистического искусства» ⁴⁷, а именно: выведение борьбы за новый мир на ведущее место, известное провидение этого нового, лучшего мира. Новый мир дагестанским художникам виделся как подлинное реальное чудо, чудо победившей, состоявшейся, реализованной революции. А чудо настоящее всегда чревато грядущим, пусть еще аморфным, «размытым», но сокровенным и близким, чем, собственно, и обусловлена изрядная «примесь романтизма» (А. В. Луначарский).

Известная степень романтической приподнятости над действительностью, идеальной трактовки явления и личности особенно свойственна литературе 30-х годов. Нет, не о патетике, не о риторике, не о выпренности в данном случае речь, а о пафосе как «особом импульсе идейно-эмоциональной направленности», о пафосе, который, «начиная от предмета изображения и кончая воздействием на читателя, организует произведение» ⁴⁸. На первом плане новой литературы — значение революционного преобразования общества и жизни, социалистического строительства, всего того, что стимулировало творческое вдохновение и активность, деятельную инициативу человека. Новый человек ждал «книг строго реалистических, но согретых огнем того трудового героического пафоса, которым полна ваша действительность» ⁴⁹.

Романтическая приподнятость литературы — от романтики самой действительности. И ею была содержательна и вдохновенна вся жизнь страны на ее безбрежных просторах, с ее жадной открытостью нового, невиданного в истории, с ее планетарным размахом и устремленностью в будущее. Ею были одухотворены люди, «сокрушающие скалы и воздвигающие горы» (Г. Цадаса), наслаждающиеся «пением турбин чудесной конторы на кручах скал» (З. Гаджиев).

Романтическая окраска человеческого труда, подневольного и тягостного в недавнем прошлом, сродни революции в эстетике национального искусства. Речь идет о рождении человека совершенно иной формации не только в социально-экономическом, но и в нравственно-психологическом аспекте, об известном духовном выпрямлении и обновлении так называемого «маленького человека» в советскую эпоху. Явление это обладало типологической общностью для всех наций и народностей, больших и малых, опытных и «начинающих». И оно нашло отражение в общественных тенденциях развития нацио-

⁴⁶ Цадаса Г. Избранное. М.: Худож. лит., 1977. С. 102.

⁴⁷ Луначарский А. В. Задачи социал-демократического художественного творчества // Вестник жизни. 1907. № 1. С. 134.

⁴⁸ Гей Н. К. Активности искусства социалистического реализма // Социалистический реализм сегодня: Проблемы и суждения. М.: Наука, 1977. С. 233.

⁴⁹ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 26. С. 77.

⁴² Стальский С. Сочинения. Махачкала, 1984. С. 250.

⁴³ Горький М. Литературно-критические статьи. М.: Гослитиздат, 1937. С. 469.

⁴⁴ Дагестанская антология. М.: Гослитиздат, 1934. С. 191.

⁴⁵ Астемиров Б. Стихотворения и поэмы. Махачкала, 1961. С. 35.

нальных художественных культур. «Новая культура,— писал М. Горький,— начинается с уважения к трудовому человеку, с уважения к труду»⁵⁰. Это означало, что тема труда и человека труда для социалистического искусства явилась в сущности новаторской областью художественного освоения мира. По своему содержанию и пафосу тема эта и есть тема созидания нового человека и нового мира.

Контуры нового человека отчетливей всего вырисовываются в процессе борьбы за новую жизнь, в ходе появления ростков нового, переделки общественных отношений, героики первых пятилеток, на полевом стане, на альпийских пастбищах, на рыбных промыслах, везде и всюду, где совершалось героическое, то самое, что всегда есть преодоление и высшее проявление возможностей человеческого духа.

Страна строилась, и строили ее люди. На необъятных просторах отечества, в горных теснинах и на равнинных разбегах. Такова была социалистическая действительность, и она сама подвела нашу литературу к теме труда и человека труда. Тема эта взвивалась стихом чеканным и песней звонкой. Трудовой подвиг в искусстве соизмерялся с «переделкой человеческого материала» (А. Фадеев), с закалкой людей, с совершенствованием личности нового типа. «Как куются люди?» назвал Г. Цадаса одно из лучших поэтических созданий начала 30-х годов, в котором к разработке темы революционного труда и человека труда подошел с философско-этической стороны.

Только труд растит людей,
Но труд с душой и вдохновением.
Если разом народ ударит,
То и киркой можно сокрушать скалы.
Дружное старание людей
Может воздвигнуть новые горы⁵¹.

(Подстрочный перевод)

Цадаса развивает мысль о взаимообусловленности человека и труда: труд формирует человека из «сырого материала», а человек в свою очередь «впрыскивает душу в труд», одухотворяет его. Поэту было свойственно горьковское понимание труда как творчества. Дагестанская советская литература впервые в своей истории ввела в систему моральных критериев человеческой личности общественно полезный труд как важную сферу самосуществования и самочувствия индивидуума.

Прекрасную картину вдохновенного труда, его красоты и достоинства развертывает С. Стальский в стихотворении «Колхозница Инджихан» — одном из лучших, новаторских произведений дагестанской поэзии. Поэтики вдохновенного труда полны строки:

Я вышел в поле, где жнивье,
Она трудом увлечена, я видел...

⁵⁰ Горький М. Собр. соч. Т. 24. С. 364.

⁵¹ Цадаса Г. Сочинения. Махачкала, 1977. С. 191.

Серп исчезал, мелькнув едва,
Она трудом увлечена, я видел...
Прислала столько ты воев,
Нажала столько ты снопов!..
О, легкий, быстрый взмах серпов!
Так трудится страна, я видел.
Проснется Инджихан с лучом
Рассвета. С сумкой за плечом,
С кувшином — на поле бегом!
Она трудом увлечена, я видел⁵².

В дружном, динамичном взмахе серпов увидел поэт, как трудится его страна, и в этом его высокое сознание, достоинство и гордость.

Принципиально новым и важным аспектом темы труда в дагестанской литературе 30-х годов стало обращение к теме индустриального труда.

Неожиданным и необычным оказалось поэтическое описание Г. Цадасы его встречи с Московским заводом АМО, восприятие им людей незнакомых дотеле профессий, людей, в которых «крестьянский поэт» с универсальной темой «сохи и ярлыги» узрел «сердце и лик державы и хлебопашца опоры» («О рабочем классе», 1935). Художник увидел, что человек у плавильной печи или прокатного стана не менее поэтичен, чем пастух с ярлыгой в руке или пахарь, тянущий черную борозду.

Сложный мир молодого горца Гасана, расставшегося с аулом и окунувшегося в неведомую атмосферу промышленного производства, революция, которая произошла в его душе, нашли своеобразное эпическое выражение в известной поэме А. Фатахова «Ударник Гасан» (1931). В поэме показано, как социалистическая действительность открывает перед молодым горцем новый, неведомый мир прекрасного, как он показывает радость преодолений и свершений, как он, перестраивая мир, перестраивается и сам, как ему приятно

Чувствовать, что труд твой прочно
Обрастает в плоть и кровь⁵³.

Безусловно, поэма «Ударник Гасан», охарактеризованная еще Эф. Кадиевым как талавливое, наиболее значительное произведение дагестанской литературы своего времени, явилось одновременно одной из успешных попыток создания полнокровного образа современника — человека труда, представителя нового национального пролетариата. Чрезвычайно важным представляется то, что А. Фатахов одним из первых в дагестанской литературе вплотную подошел к художественному решению задачи, связанной с формированием нового человеческого типа, с «выработкой в самом нашем человеческом материале, в нашем гражданстве нового образа чувствования и новой этики»⁵⁴. Вера в труд, добро, знания составила идей-

⁵² Стальский С. Сочинения. Махачкала, 1964. С. 266—267.

⁵³ Дагестанская антология. С. 246.

⁵⁴ Луначарский Л. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Худож. лит. 1967. Т. 7. С. 524.

ный и нравственный пафос «Ударник Гасана». Значение творческого опыта А. Фатахова нужно видеть еще и в том, что в этом опыте преодолен барьер национального эстетического традиционализма и освоены новые существенные грани социалистического реализма в дагестанской и во всей дагестанской литературе. Поэтической натуре А. Фатахова была свойственна быстрая реакция на динамичную реальность, жадность к новым явлениям окружающей жизни, тяга к фиксации и осмыслению неожиданных сторон и факторов действительности. Молодые национальные литературные силы учились извлекать главное, ведущее из жизненного материала, находя в нем высшее вдохновение. «Первые механизмы — паровоз, трактор, первые советские эмблемы — серп и молот сами по себе для поэтов высочайшей поэзией»⁵⁵.

Новая концепция человека — это кроме прочего еще и вопрос выявления нового национального характера, создания образа положительного героя в литературе. Поиски дагестанских художников в этом направлении были сопряжены со многими трудностями, связанными с новизной проблемы, с отсутствием достаточного опыта, хотя литературная практика уже засвидетельствовала появление на страницах книг человека нового типа, рожденного в огне революции и событиях гражданской войны, закаленного в буднях социалистического строительства. Как справедливо заключает «История дагестанской советской литературы», «поэзия 20—30-х годов выдвинула и разработала новое понимание человека»⁵⁶.

Новизна опыта советской литературы заключалась, в конечном счете, в новом герое. Эстетическое открытие в жизни нового человека — собственно, это и есть новое творческое направление в искусстве. В поисках героев и состояла вся проблема. А героев новых, неподдельных, настоящих рождала реальная жизнь. Предстояло приглядеться к так называемым низам-простолюдинам «под лохмотьями овчинных тулупов» (Г. Цадаса), тем, кого революция и советская власть подняла «на верхние этажи» (С. Зарьян). Характерной чертой молодой дагестанской литературы 20—30-х годов было введение в искусство действующих лиц и героев, невыдуманных, взятых из самой действительности, порой из близкого, знакомого окружения. Удивление перед именем человека, перед его творческим горением, перед его героическим свершением всегда будоражило разум и зажигало сердца дагестанских художников. Это был ориентир на разработку положительных образов рядовых, так называемых «маленьких» людей, на задачу, к решению которой вплотную подошли С. Стальский и Г. Цадаса, А. Фатахов и Р. Динмагомедов, А. Салаватов, С. Абдуллаев и Ю. Гереев.

В активе дагестанской литературы рассматриваемого периода есть образы положительных героев, навсегда вошедших в сознание

⁵⁵ Кедрина З. С. Пути развития социалистического реализма в казахской литературе // Социалистический реализм в литературах народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 307.

⁵⁶ История дагестанской советской литературы: В 2-х т. Махачкала, 1967. Т. 1. С. 26.

народа и ставших на уровень художественного открытия. Это молодой рабочий, подлинный новатор из поэмы А. Фатахова «Ударник Гасан», бесстрашный народный заступник Айгази из одноименной пьесы А.-П. Салаватова, легендарный герой революционер Махач из повести Ю. Гереева «Весна, пришедшая с Севера», мудрый певец народов Сулейман из книги новелл «Поэт» Эф. Капиева...

«Поэт», пожалуй, — лучшее произведение дагестанской прозы этого времени, свидетельство зрелости эстетического мышления народа, явление оригинальное и своеобразное в художественной истории многонационального Союза. Книга эта, вышедшая из-под пера потомка вчерашнего лакского кустаря и написанная отточенным русским языком, стала завоеванием национальной дагестанской художественной культуры, с одной стороны, и достоянием русской советской литературы — с другой. Со страниц блистательных новелл Эф. Капиева сошел на землю герой не ординарный, а яркая личность обновленной революцией действительности, колоритная фигура народного поэта, олицетворявшего собою духовный облик возрожденного края и его цветущей жизни. Вот он, неграмотный ашуц Сулейман, наблюдая из окон своей сакли новый мир, открытый перед человеком труда, почувствовал себя хозяином этого мира, и песня его взлетела над страной широкой, а сам он как посланец своих соплеменников в высшие органы народной власти встал вровень с теми, кому доверено и кто вправе управлять великой державой рабочих и крестьян. образу Сулеймана суждено было стать одним из ярких в многоозвучной и многокрасочной литературе народов СССР на рубеже 30—40-х годов.

Лучшие реалистические создания дагестанской литературы свидетельствуют об увенчании длительного и трудного разведывательно-поискового литературного процесса созданием образа людей, судьбы которых находятся и воспринимаются в сложных, органически взаимообусловленных соотношениях с судьбами общества, об эстетическом утверждении героя, сознающего себя не только объектом, но и «субъектом исторического действия» (И. Г. Неупокоева). То была концепция человека, прежде всего, общественного и социально значимого, концепция личности совершенно нового типа, немисливой вне коллектива и не воспринимаемой вне сферы общественно полезного деяния. Такая личность — продукт не известного дотоле миропорядка...

Вместе с тем с высоты сегодняшнего художественного сознания не сложно увидеть трудности и неудачи, в основе своей восходящие к известному разрыву между идейным и эстетическим уровнями литературной практики. В целом существо взгляда на человека в те годы во многом определялось не художественной, а идейной концепцией личности. Тем более, что такого рода перенос акцента на социальное истолкование характера долгие годы проповедывался и поощрялся пролеткультовскими установками и рапповской «критической мыслью», от которых дагестанское искусство с трудом извлеклось все 30-е годы.

Исторической доминантой образа человека и характеристики яв-

ления продолжал оставаться не столько психологизм как сущность образного воплощения, а социальная, классовая определенность. Живой многообразный, неоднозначный мир человеческой личности нередко преподносился в выпрямленном, сглаженном, обесцвеченном и потому непривлекательном виде. Порок этот был в известной мере общим и характерным для эпохи, и потому не случайно в литературной критике раздавались тревожные голоса. Ограниченность эстетического зрения этого плана коснулась творчества даже наиболее преуспевающих, общепризнанных литераторов. Складывалась определенная атмосфера культивирования примата социального фактора и доминанты общественных истин. Климат «социологизации» эстетической плоти искусства накладывал известный негативный отпечаток на творческий пафос, личность художника, в целом на литературную жизнь.

Однако было бы не объективно и не справедливо драматизировать пережитые трудности и помехи, просчеты и ошибки, тем более, выпячивать теневые стороны опыта и пользоваться ими для незаслуженных приговоров весомым страницам истории дагестанской художественной культуры. Между тем приговоры этого рода явления чуть ли не обычны для нынешнего взгляда на историю советской культуры. На фоне справедливого осуждения культа личности Сталина сложилась концепция игнорирования наличия каких-либо положительных начал в опыте первых десятилетий социалистического строительства, огульного отрицания революционных преобразований в экономической, социальной и духовной сфере жизни нового общества, вплоть до непризнания самого социализма как общественной формации. Вместе с развенчиванием и ополчением общественных и нравственных идеалов, ложным объявляются чуть ли не каждое реальное художественное завоевание известного периода, ставятся под сомнение искренность общепризнанных художников слова, сеется недоверие к их творческому и общественному облику. Дискредитация подлинно народных эстетических ценностей социализма сопровождается безудержной и безразборной идеализацией так называемой «репрессированной» литературы, просчеты и ошибки на сложном пути становления и развития подвергаются суровому осуждению, недостаток опыта — осмеянию.

Попытки сводить чуть ли не всего Стальского, а то и всю дагестанскую поэзию 30—40-х годов к «поэзии культа» могут исходить от людей, незнакомых с реальной картиной литературного развития края в этот период. Культ личности пагубно сказался на всей советской литературе, в том числе и дагестанской. Вместе с тем, не «поэзия культа» определяла лицо многонациональной литературы народов Дагестана. Напротив, подлинные творческие завоевания и реальные художественные ценности этой литературы не имеют никакого отношения к культу личности, более того, ей были не чужды и оаздания антикультового в своей основе пафоса.

Крайний негативизм с примесью мстительного экстремизма по отношению к прошлому уязвим тем, что он недостаточно объекти-

вен и мало в нем взвешенного подхода к осмыслению явлений. Как ни крути, невозможно игнорировать и отречься от объективной реальности истории: все-таки 20-е и 30-е годы нашей литературы — это годы ее становления, формирования и бурного развития, годы прокладывания ее эстетических принципов на новых, социалистических основах, освоения ею нового художественного направления и творческого метода, годы крупных эстетических завоеваний. Это славные традиции национального искусства, мощный потенциал литературного развития. Это, прежде всего, поэзия, проза и драматургия; это песня и поэма, повесть и рассказ, драма и комедия; это лирическое, эпическое, сатирическое наполнение нашего литературного течения. Наконец, это годы, когда в многонациональной дагестанской литературе утвердилась и восторжествовала новая, гуманистическая концепция мира и человека.

Герои дагестанской литературы 28—30-х годов — люди новой формации, они осваивали черты формирующегося советского образа жизни, активно отстаивали идеалы нового мира; они сильны сознанием своей принадлежности к общей и единой социалистической Родине и готовности к самопожертвованию во имя интернациональных интересов трудового человека. Вот какого человека вырастила советская действительность и какого героя заимело социалистическое искусство еще в предвоенные годы.

Незабываемое предвоенное время. Сколько было в поэзии тех лет чувства любви к своей Родине, гордости за ее защитников, за Красную Армию, уверенности в завтрашнем дне! Она дышала предчувствием грозных испытаний и грядущих побед. В ней жила знаменитая горьковская клятва: «И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, — я тоже пойду рядовым бойцом в его армию»⁵⁷. Великий С. Стальский как бы вторил А. М. Горькому:

Настанет день, настанет час,
Страна на подвиг кликнет нас.
Всю силу сердца, зоркость глаз
Мы отдадим борьбе достойно⁵⁸.

Сухим держала порох дагестанская советская литература. И когда настал час, многие художники слова сменили перо на штык... На крымской земле застала гибель Раджаба Динмагомедова. В сталинградских траншеях принял смерть Мусаиб Стальский. Под Ельней был сражен Мухтар Абакаров. У днепровских ворот захоронен Багаудин Митаров. Не вернулись с поля боя М. Дадашев, А. Кашеев. На хирургическом столе военного госпиталя перестало биться сердце незабвенного Эффенди Капиева... На пыльных дорогах войны и под свинцовым градом сражений закалялись слова и перо А.-В. Сулейманова и М. Бахшиева, С. Абдуллаева и Х. Авшалумова, И. Керимова и Н. Власова и других, на чью долю выпали честь и труд воссоз-

⁵⁷ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953. Т. 25. С. 49.

⁵⁸ Стальский С. Избранное. Махачкала, 1948. С. 272.

дания поэтической летописи и художественной эпопеи героики Великой Отечественной. Победа над врагом ковалась не только в окопах: в мощный хор литературной державы влился звучный и задушевный голос старейших художников слова Дагестана — Г. Цадасы и А. Гафурова, Т. Хурюгского и Казияу Али, а также З. Гаджиева и А. Аджиева, З. Эффендиева и М. Хуршилова, А. Аткая и Ю. Хаппалаева, А. Назаревича и Г. Залова, Дм. Трунова и А. Батырова...

Если свободу добыть мы сумели,
Как же ее нам не отстоять,—

писал народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров в те первые дни войны.

И рядом с писателями и поэтами на защиту Отчизны встали тысячи дагестанцев, ставших прототипами героев дагестанской литературы. Среди них и Гасан, и Али, и Алибек, и тысячи их соплеменников пойдут в бой за Родину, за родной Дагестан — у Бреста и под Москвой, в Севастополе и Ленинграде, у Сталинградских берегов неприступной Волги. А затем погонят врага и загонят его в логово, и раздавят. Знаменательно, что тот самый Али, молодой и горячий герой гамзатовских стихов о коллективизации, теперь победу встречает в Берлине: в своей послевоенной поэме «Сказание о чабане» поэт изобразил его скачущим на дагестанском коне у стен рейхстага. Таков был победный путь дагестанца от предгорий Кавказа до берегов Эльбы. Это из тех же Али, Гасана, Алибека выросли прославленные на всю страну герои — легендарный подвизник северных морей Магомед Гаджиев и бесстрашный ас кавказского неба Валентин Эмиров, доблестный страж донских берегов девятнадцатилетний Ханпаша Нурадилов и герой итальянского сопротивления Гасан Камалов. Это и юноша-танкист Магомед-Загид Абдулманатов, подвиг которого вошел в легенду: очутившись вместе с семьей русскими воинами в фашистском плену, на предложение врага: «Ты не русский, выбирай жизнь» — безусый смельчак бросил: «Я тоже русский. Мы дети одной советской семьи!» И выбрал смерть, но вместе с русскими братьями.

Вот как раздвинулись границы Родины горца, в каких масштабах предстал перед ним мир. Это было действительно завоевание, приобретение всемирно-исторической значимости — чтобы вчерашний чабан и хлебопашец, все представления и понятия которых о мире замыкались в пределах родного аула, округи и маленькой горной окраины, преобразовался и вырос так, чтобы прочувствовать и признать за свою подлинную Родину всю многоликую Страну Советов от края до края; чтобы все, что касается ее судеб, что делается в ней и к чему она стремится,— чтобы все это стало для горца делом своим, кровным, личным. Не здесь ли следует видеть тот знаменательный перелом в социальной и национальной психологии горца, равно как и представителей других нерусских, так называемых малых народностей страны, который нельзя понимать и объяснять иначе, как результат бурного процесса формирования социалистического

сознания и поведения, принципиально иного образа жизни. Литература народов Дагестана военных лет воплотила в себе великие завоевания в становлении личности новой формации, подлинного гражданина, патриота, интернационалиста.

Война, смертельная опасность, нависшая над Родиной, мобилировала все силы и резервы искусства. Пламенная любовь к отчизне и ее защитникам, жгучая ненависть к фашизму и завоевателям, беспредельная верность идеалам гуманизма, готовность к величайшим жертвам и подвигам во имя свободы, чести и достоинства наций и народов Союза — вот те высокие нравственные факторы, которые организовали и объединили волю и энергию деятелей литературы и искусства, вызвали к жизни новые силы и потенции художественного слова и в конечном счете определили смысл и пафос литературного творчества военных лет. «Все для фронта, все для победы!» — вот девиз, в котором воплотились думы и чаяния, разум и воля народов, девиз, придавший мощный импульс дагестанской многонациональной поэзии, сообщивший новый толчок молодой национальной прозе, расширивший идейно-тематический диапазон драматургии. Острее стало жало традиционной сатиры, задушевней, роднее и звучней — голос национальной лирики.

Да, именно годы тяжелейших испытаний, лишений и невзгод дали небывалый выход поэзии чувств, лирике, не только и не столько гражданской, сколько интимной, любовной. Песни А.-В. Сулейманова, А. Аджиева, Ю. Хаппалаева, З. Гаджиева и Т. Хурюгского читались и пелись на фронте и в тылу. Даже престарелый Г. Цадаса, известный по преимуществу как убежденный сатирик, переключил в ту пору «скорость передач» своего творчества на лирику. Стихотворные послания на фронт и с фронта, письма подруги к любимому и его ответ с поля боя, песни матерей и сестер — огромен круг разновидностей лирических жанров, получивших бурный расцвет не только в творчестве известных и опытных поэтов, но и у бесчисленного множества безымянных авторов из народа.

Особый пласт литературной жизни тех лет составили памятники устно-поэтического творчества, воссоздающего героическое патристическое прошлое народов. Так, выдающаяся дагестанская народная «Песня о разгроме Надир-Шаха», посвященная победе горцев над «грозой вселенной» шахин-шахом иранским получила в сущности свое второе рождение спустя 200 лет после исторического события: памятник был опубликован, переведен на многие языки, по его мотивам появились театральные постановки, произведения живописи и т. д. Аналогичным образом зачитывались люди песнями, воскрешавшими героики народно-освободительных движений прошлого. Историческая альтернатива «Родина или смерть» всколыхнула духовные силы и творческую энергию, аккумулированную народной памятью в течение тысячелетий.

Дагестанская литература в суровые времена войны жила интенсивной общественно-политической жизнью. Ведущие писатели республики выступали с ярким публицистическим словом в центральной и местной печати, произносили пламенные речи на анти-

фашистских митингах и народных сходах, выезжали на встречу к воинам в прифронтовые районы, вели обширную переписку с воинскими частями и бойцами действующей армии. Явлением уникальным и порождением специфики самой эпохи стала в те годы газета «Дагестан своим фронтовикам», необычное периодическое издание, созданное по инициативе народного поэта Дагестана Г. Цадасы, доносившее до фронтов и солдат вести из родного края и пользовавшееся у них широкой популярностью. Высокая гражданственность и патриотизм дагестанской художественной интеллигенции проявились не только в сфере литературного творчества: смертью храбрых на фронтах войны пали два сына Г. Цадасы, сын Казияу Али.

Можно назвать огромное множество поэтических созданий дагестанских авторов, десятками исчисляются прозаические и драматические произведения, опубликованные художниками слова республики и ставшие фактом идейно-эстетического творчества в период Отечественной войны. Не все среди них равноценно и полномерно. Но свою высокую патриотическую миссию в годину, когда на чашу весов была поставлена судьба Отечества, эта литература выполняла честно и сполна. Сатира Г. Цадасы и С. Абдуллаева, лирика А.-В. Сулейманова и А. Аджиева, повести Р. Динмагомедова и М. Хуршилова, пьесы А. Курбанова и Г. Рустамова, очерки А. Назаревича и Д. Трунова, поэтические начинания Н. Власова, М. Магомедова, Р. Гамзатова в лучших своих образцах вошли в художественное сознание своего времени и оставили неизгладимый след в истории дагестанской многонациональной, а через нее и всей советской литературы.

Все-таки особое место в художественной летописи Отечественной войны принадлежит Эф. Капиеву благодаря замечательному циклу его фронтовых очерков и особенно знаменитым «Записным книжкам». В них Эф. Капиев подтвердил свою приверженность к новелле как жанру чрезвычайно оперативному и лаконичному, емкому и весомому под пером подлинного мастера. Стихия и манера Капиева — будничность события и документальность факта, предельная краткость слога и уплотненность смысла, острое чувство эстетического вкуса и меры.

«Во время войны, — говорил писатель, — никто не должен иметь право говорить «слышал», «говорят», а только «видел», каждая строка — истина». И он все видел сам. Сам же и воспринимал до точности и оценивал без ошибки, с документальной достоверностью. «Записные книжки» Эф. Капиева — это наблюдения не просто военного корреспондента, а тонкого и взыскательного художника на дорогах войны, — нет, не свидетеля, а непосредственного участника; это картинки поля боя и освобожденной деревни, это невыдуманный рассказ о мечте и поступке бойца, раздумья о судьбах людских, о жизни и смерти, о прошлом и настоящем, о народе, о Родине; это находчивые заметки и талантливые суждения неравнодушного, страстного, заинтересованного художника, мастерски исполненные

заготовки для будущих масштабных полотен, оставшихся неосуществленной мечтой автора.

«Записные книжки» Эф. Капиева тем не менее выдержали многократные переиздания, перешагнув границы республики и страны, их по праву принято называть в числе лучших образцов советской военной прозы.

Тема войны и мира, как известно, не исчерпывается литературой военного времени. Осмысление неувядаемого подвига народа в годы решающих испытаний, когда на карту были поставлены жизнь народа и судьба революции, осмысление его подлинного величия и гуманистического смысла оказалось по плечу лишь в последующем и не без участия новых творческих поколений. Думается, что дагестанская художественная культура все еще в долгу перед героическими свершениями многонациональной республики и массовым героизмом ее народа в годы минувшей войны. Все еще ждет своего идейно-эстетического решения проблема войны и народных масс, что, собственно, вырастает в концепцию действительности и личности — основополагающую концепцию социалистического искусства. Речь идет о проблеме подлинной правды о войне, о реальной цене Победы, о действительных уроках тяжелых испытаний и самоотверженных поступков и подвигов.

4

Таким образом, художественное сознание Советского Дагестана как объективная реальность нашло свое объективное и полное выражение в литературе социалистических народностей с новой концепцией мира и человека. Литературы эти развивались в тесной взаимосвязи с жизнью своего народа, с судьбами многонационального региона, с историей социального и культурного развития всей страны. В дагестанской советской литературе периода его становления и формирования были представлены все ведущие роды и виды искусства слова — поэзия, проза, драматургия, публицистика, литературная критика. Налицо было преимущественное развитие традиционных поэтических жанров — лирической песни и эпической поэмы, сатирической басни и элегии. Все смелее стали шаги национальной прозы, которая записала в свой актив целый ряд повестей, рассказов, новелл и очерков. Драматургия заявила о себе в жанрах драмы, трагедии, комедии.

История дагестанской советской литературы рассматриваемого периода — это революционные песни и стихи Г. Саидова и З. Батырмурзаева, романтические произведения Б. Астемирова и Р. Нурова, политическая лирика С. Стальского и сатирическое творчество Г. Цадасы, поэзия И. Х. Курбаналиева и А. Иминагаева, З. Гаджиева и М. Чаринова, Н. Хаимурзаева и А.-В. Сулейманова, А. Фагахова и А. Аджаматова, А.-М. Джафарова и Б. Митарова, А. Аджиева и Ю. Хапалаева. Это повести «Обманутая любовь» А.-К. Закуева, «Весна, пришедшая с Севера» и «Лекарство от всех бед» Ю. Гереева, «Кровь за кровь» и «Герои в шубах» Р. Динмагомедова, «Рыбаки» М. Бахшиева, «Поэт» и «Записные книжки» Эф. Капиева; это пьесы

«Лекарь» Б. Малачиханова, «Айшат в когтях у адата» Р. Нунова, «Габибат и Гаджияв» М. Чаринова, «Айгази», «Красные партизаны» и «Карачач» А.-П. Салаватова, «Сундук бедствий», «Айдемир и Умайганат», «Базалай» Г. Цадасы; это десятки поэтических сборников и прозаических изданий. Только в течение одного 1934 года, года созыва Первого Вседагестанского и Первого Всесоюзного съезда советских писателей, в Дагестане было издано 91 наименование книг художественной литературы, в их числе сборник стихов и поэм С. Стальского. Г. Цадасы, А. Магомедова, А. Гафурова, Казияу Али, А. Фатахова и т. д. Еще раньше выходили книги поэзии и прозы — З. Гаджиева, Н. Ханмурзаева, Р. Нунова, Б. Астемирова, А.-В. Сулейманова, А. Омаршаева, З. Эфендиева и т. д.

Десятки пьес были поставлены на национальной профессиональной и самодеятельной сцене, большое количество критических статей и литературных обзоров было опубликовано в периодической печати. Значительным событием стали первые переводы дагестанской поэзии на русский язык, первые публикации в центральной печати. Первым сборником «Дагестанские поэты» (1932), «Антологией дагестанской поэзии» (1934), сборником «Поэты Дагестана» (1944) была увенчана кропотливая переводческая и организаторская работа, прежде всего, Эф. Капиева, К. Султанова, А. Назаревича, получившая высокую оценку и одобрение всесоюзной критики.

Вместе с литературой шло зарождение и становление литературной критики, первые шаги делала наука о художественной культуре, что было связано с именем А. Тахо-Годи, который был в первых рядах тех, кто задался целью «помочь вывести горцев из великого культурного тупика» и проявлял столько заботы о талантах и об искусстве народов Дагестана. Успешно работал в области критики в те годы Г. Гаджибеков. Страстно и на высоком профессиональном уровне выступал Э. Капиев. Печатались и критические статьи молодого К. Султанова. Глубокое понимание природы словесного искусства проявлял Т. Бейбулатов, Б. Малачиханов, А. Шамхалов, Ю. Гереев, А.-П. Салаватов, А. Назаревич и т. д. Появился целый ряд публикаций критического и литературоведческого плана, обративших на себя внимание. Это — «Словесность кавказских горцев» (1925) Л. Пасынкова, «Старая и новая аварская песня» (1927) Л. Жиркова, статьи, посвященные Махмуду (А. Пешковский — 1927), С. Стальскому (Г. Гаджибеков — 1927), Г. Цадасе (Р. Фатуев — 1932). С серией статей о прошлом и настоящем дагестанской литературы и фольклора выступал в 1933—1934 годах на страницах печати Г. Лелевич.

Литературная жизнь Дагестана протекала непрерывно, активно, интенсивно, в борьбе мнений, со всеми минусами и плюсами, заблуждениями и завоеваниями, но непременно по линии неуклонного роста, накопления, обогащения опыта. Это был неумолимый процесс преодоления трудностей и «болезней роста», процесс становления дагестанской советской многонациональной литературы.

И все-таки, несмотря на публикации С. Габиева и Н. Батыр-

мурзаева библиографического характера, заметки А. Шамхалова о фольклоре и литературной классике аварцев, статьи Г. Гаджибекова о творчестве лезгинских поэтов, в частности С. Стальского, выступления молодого К. Султанова по различным аспектам литературной жизни современного Дагестана, представляется, что именно Эф. Капиеву принадлежит заслуга разработки принципов полнокровной литературной критики на дагестанской национальной источниковой базе и в конечном счете формирования здесь литературной критики как самостоятельного и равноправного вида идейно-эстетического мышления и творчества — наряду с поэзией, прозой и драматургией.

Появление капиевской личности в тех конкретных условиях культурного строительства в Дагестане было обусловлено требованиями времени. В истории дагестанской литературы на долю Эф. Капиева выпал недюжинный ряд задач кардинального порядка, и в их числе — борьба за зрелость национальной литературы, которую он не представлял без творчески зрелой литературной критики. Именно в сфере художественной критики видел он «один из наиболее уязвимых участков советской литературы». Обращаясь же к проложению дел в литературах народов Северного Кавказа и Дагестана, Эф. Капиев искренне сетовал на то, что «зачастую» сталкивается с полным отсутствием какой бы то ни было критики вообще⁵⁹.

Отличительными чертами Эф. Капиева как критика и художника были самозабвенная влюбленность в народную культуру — традиционную и современную, в искусство вообще и в искусство слова в особенности, тончайшее чувство прекрасного — врожденное и обретенное, неутолимая жажда поиска, прямота и смелость, умение дерзать и по-доброму злиться. Созерцательность, равнодушие, лень мысли и чувства приводили его в бешенство.

При всей горячности Эф. Капиев был исследователем вдумчивым и исключительно объективным. В самые кульминационные периоды вульгарно-социологического разгула в искусстве не изменял он нормам научного подхода к оценке художественных созданий, открыто, самоотверженно отстаивал подлинно партийные принципы литературно-художественной критики, вступал в нелегкую порой гласную борьбу в защиту талантов и художественных ценностей. И «от чистого сердца радовался всем успехам молодых литераторов родной республики. Мало того — Эфенди Капиев был первооткрывателем талантов, не замечаемых другими»⁶⁰.

Надо сказать, что существенным началом капиевского взгляда на литературу было глубокое, всестороннее проникновение, восприятие и истолкование художественной природы и эстетических свойств искусства, иначе говоря, то, что в наше время принято называть ценностным подходом к анализу достоинств и недостатков художественного творчества, произведений литературы и искусства.

Капиеву как критику и художнику в корне был чужд нигилизм Пролеткульта по отношению к национальному культурному про-

⁵⁹ Даг. правда. 1934. 11 апр.

⁶⁰ Султанов К. Этюды о литературах Дагестана. М.: Сов. писатель, 1978. С. 131.

плоту народов. Но в наименьшей мере претили ему все более вторгавшийся в современную литературную практику стиль гладкости с ее панегирическим, «яшасынским» отношением к действительности, манера экзальтированного и умилятельного, упоительного, хвастливого восприятия явлений жизни и искусства. Стилю этому подстать были та патетичность и декларативность, риторичность и назидательность, которые лишали произведение подлинной эстетической плоти.

Эф. Капиев был деятель безупречной идейности, но, в отличие от рацловских последышей, достоинства художественного слова он не сводил к социальной значимости и социальной эквивалентности. К оценке искусства слова он подходил по законам самого искусства. Во главу угла своего подхода к осмыслению и восприятию произведений искусства Эф. Капиев ставил эстетическую ценность, то, что составляет душу и плоть искусства. И, как нам представляется, именно интересами ценностных начал литературы руководствовался Эф. Капиев, бросая на первом писательском съезде Дагестана свой крылатый клич: «Зрелость и никаких скидок!» За эту зрелость национальной литературы боролся он всем жаром беспокойного сердца и своим незаурядным интеллектом. И борьба эта порой острая, сложная, нелюбимая, но всегда принципиальная, обходила критику и художнику весьма дорого.

Как известно, одну из замечательнейших страниц истории дагестанской советской литературы составляет совместная творческая работа Эф. Капиева и С. Стальского, дружба двух выдающихся художников слова многоязычной Страны гор, носителей различных по времени и опыту традиций словесного искусства. Это было удивительно плодотворное сотрудничество, взаимопонимание, взаимопроникновение традиционного и новаторского начал творчества, своеобразное совмещение фольклорных и литературных типов образного мышления, синтез восточного и западного образцов художественного сознания. Очевидно, дружба эта была и их судьбой, и ей они были оба благодарны — и старый лезгинский ашуг Сулейман и молодой лакский поэт Эффенди. Капиев стал для Стальского как бы добрым спутником, опираясь на которого ашуг держался в седле современности и сумел пропеть на всю страну свою «Одиссею» «Гомера XX века». Стальский же послужил для Капиева своего рода родником, черпая из которого он глубже и шире познал душу своего народа и сумел в неповторимых красках, в необыкновенно высоких и чистых образах поведать миру о красоте и богатстве поэтической души горца. Благородства была полна эта дружба, достойная восхищения и удивления. И в этом сотрудничестве так неповторимо ярко сказался выдающийся талант Капиева как писателя и критика, как наставника и организатора литературного дела.

Литературной жизни 20—30-х годов в Дагестане присущ ряд характерных особенностей, обусловленных спецификой социально-культурного развития края. Как известно, художественный процесс в Дагестане на всем его протяжении обозначен преимущественным

развитием поэзии. Рассматриваемый период не был исключением, поскольку «революция началась со стихов» (В. Маяковский); но он был отмечен вспышкой нового, нетрадиционного для Дагестана рода искусства — драматургии, которая по темпам и количественной характеристике опережала прозу. Увлечение сценическим жанром литературы было здесь таким повальным, что захлестнуло чуть ли не всю творческую интеллигенцию — поэтов, прозаиков и просто любителей. Десятками насчитывается число созданных в эти годы драм. Широко проводились конкурсы на лучшие пьесы. Так, во вседагестанском конкурсе 1932 года на лучшее драматическое произведение приняло участие 26 национальных авторов. Пьесы публиковались, распространялись и ставились на сценах самодеятельных художественных коллективов и кружков, только что созданных национальных профессиональных театров. Не все, разумеется, было равноценно, но важно то, что вскоре количество это перешло в известное качество, и дагестанская драматургия заимела в своем активе произведения, которым было суждено стать театральной классикой национального искусства, это прежде всего пьесы Г. Саидова, А.-П. Салаватова, М. Чаринова, Г. Цадасы и др.

Думается, что явление это можно отчасти объяснить объективными факторами. В условиях неупорядоченности и трудностей налаживания печатного дела на языках, целого ряда помех, связанных с барьерами многоязычия и пока еще высокой степенью неграмотности коренного населения, зрелищность, игровой характер представлений должны по логике своей обладать и действительно обладали большей доступностью и привлекательностью. Нельзя сбрасывать со счетов также то, что по наблюдениям историков искусства в Дагестане издавна сложились относительно развитые традиции народного зрелищного искусства, массовых игровых представлений. Далее, представление о литературной жизни Дагестана 20-х годов не было бы полным, если не учесть довольно интенсивную для начала переводческую практику, главным образом, с русского языка на языки народов Дагестана. Так, в самом начале 20-х годов здесь вышли в свет переводы «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого, ряда произведений Н. В. Гоголя, Д. И. Мамина-Сибиряка. Уже в 20-м году были обнародованы переводы революционных песен — «Интернационал», «Смело, товарищи, в ногу!», «Марсельеза», «Варшавянка». Далее в переводе на дагестанские языки вышли в свет «Измаил-Бей» и «Бала» М. Ю. Лермонтова, «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого, «Ванька» А. П. Чехова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Сигнал» Гаршина, «Отелло» В. Шекспира. Появились поэтические переводы А. Пушкина, Н. Некрасова, И. Крылова, В. Маяковского, Д. Бедного, А. Безыменского, Н. Тихонова, И. Бехера, А. Лахути, А. Исбаха и т. д.

Широкая переводческая деятельность развернулась здесь в связи с созданием первых национальных театров. Так, например, в конце тридцатых годов видное место в репертуаре дагестанских театров занимали пьесы «Гроза» А. И. Островского, «Мещане» А. М.

Горького, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Отелло», «Ромео и Джульета» В. Шекспира, «Коварство и любовь», «Разбойники» Ф. Шиллера, «Скупой рыцарь» Мольера, «Слуга двух господ» К. Гальдони, «Овечий источник» Лопе де Вега, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Разгром» А. Фадеева, «Падь серебряная», «Кремлевские куранты», «Человек с ружьем» Н. Погодина, «Мятеж» Д. Фурманова, «Разлом» Б. Лавренева, «Гибель эскадры», «В степях Украины», «Платон Кречет» А. Корнейчука и т. д. В годы же Отечественной войны со спен национальных театров с горцами разговаривали герои пьес К. Симонова «Русские люди», А. Корнейчука «Фронт», Л. Леонова «Нашествие» и др. На дагестанских языках появились также произведения художественной литературы братских народов страны, в частности азербайджанского, татарского и т. д.

Переводческое дело для многих национальных художников слова стало своего рода второй творческой специальностью. Увлеченно и плодотворно трудились на этом поприще Ю. Гереев, А. Фатахов, М. Чаринов и особенно Т. Бейбулатов, личность широкого интеллектуального диапазона и опыта, разносторонней культуры и одаренности, крупный деятель дагестанского искусства, одинаково успевавший в области литературы, театра, музыки. Русская и западноевропейская художественная классика само по себе и работа над ее переводом служили для дагестанской творческой интеллигенции подлинной школой мастерства; на этих образцах учились опыту реалистического письма, осваивали приемы современной эстетики образа и характера, обогащали идейно-художественный кругозор. Русский художественный опыт оказывал благоприятное воздействие на становление национальных литератур, возбуждал в местных культурах внутренние потенции, способствовал раскрытию эстетических возможностей. Думается, одним из плодотворных и решающих источников новаторских творческих свершений Эф. Капиева, Ю. Гереева, А. Фатахова, М. Хуршилова послужило их раннее приобщение к русской литературе. Аналогичное влияние русской эстетической мысли сыграло свою роль и в становлении дагестанской литературной науки, в частности в литературно-критической деятельности того же Эф. Капиева, А. Тахо-Годи, Г. Гаджибекова, К. Султанова.

Наконец, органической составной частью художественного процесса рассматриваемого периода стала поэтическая классика народов Дагестана, памятники его фольклорного наследия, публикации которых, вопреки многим условиям времени, впервые в истории были осуществлены уже в 20-х годах. Так, в 1926—1929 гг. вышли в свет одностомные избранные поэтические сборники Омара Батырая, Махмуда из Кахаб-Росо, Магомеда-Эфенди Османова, Саида Габиева, своего рода антологии национальной поэзии аварцев, кумыков и лезгин, включавшие стихи Йырчи Казака, Али-Гаджи из Инхо, Чанка. Был опубликован также целый ряд памятников устно-поэтического наследия народов Дагестана. Помимо того, что эти публикации становились фактом художественной жизни современного Дагестана, значение их состояло еще и в том, что они по-

казывали, насколько внимательна и заботлива новая власть к духовному опыту народностей Страны гор, опыту, который в прошлом отрицался и всячески попирался.

Естественно, столь многообразный, многогранный и разнородный художественный процесс в условиях многонационального Дагестана выдвигал целый комплекс непростых проблем, прежде всего, по организации этого процесса и управлению им. Комплексного подхода требовала задача профессионального объединения, сплочения и направления творческих сил, весьма существенно различающихся по опыту и традициям. Особенно остро ощущалась такая целесообразность в условиях национальных республик, где в силу известного отставания в историко-культурном и социальном развитии особую угрозу представляли проявления вульгаризаторского провинциализма и пролеткультовского радикализма. По-видимому, именно в силу недостаточности опыта и зрелости обычная, казалось бы, литературная борьба на местах нередко переплескивалась через край нормального русла и подменялась малоквалифицированными потасовками и «кулачными боями», сопровождаемыми порой и «кровопролитием». Пафос ниспровергательства и разоблачительства, пафос убежденного и вдохновенного нигилизма довлел над отдельными деятелями в их отношении к старой интеллигенции, к национальному художественному наследию, к культурному прошлому народов в целом.

При всем единстве общих закономерностей становления многонациональной советской литературы, литературной жизни 20-х и 30-х годов в Дагестане были присущи специфические особенности, обусловленные своеобразием исторического, социально-культурного, художественного развития народов края. Одна из этих особенностей сводится к тому, что та сложная, продолжительная, непримиримая борьба идеологических и литературных течений и группировок, которыми изобилвала действительность центральных районов страны — Москвы, Ленинграда, Украины, Грузии и т. д., здесь не обладала той степенью развития, зрелости, принципиальности. Более того, эта борьба здесь протекала в русле внелитературном, в сфере внехудожественной, ибо это не было явлением национального происхождения, а скорее носило отраженный характер и не располагало глубокими местными корнями.

Далее, так называемой групповой литературной борьбе в дагестанских условиях суждено было возникнуть, «возродиться» значительно позже, спустя многие годы, уже в послесъездовский период, во второй половине 30-х годов. При этом групповщина приняла здесь такие диковинные формы, что, казалось, в ней перемещалось все, что было худшего, незрелого, низкого, некрасивого у пролеткультовских ниспровергателей, напостовских ортодоксов, затмивших худшие времена авербаховщины и раповщины. В этом тоже — своеобразие положения.

Дагестанская художественная культура 20-х годов не знала противоборствующих фракций, группировок и течений. Даже деятель-

ность Пролеткульта, столь могущественного движения составившего целую веху на пути становления советской культуры в общесоюзном масштабе, здесь была настолько слабо обозначена, что не оставила каких-либо заметных следов. Эхо центра до окраин доносилось с некоторым опозданием и воспринималось с известными отклонениями и переборами. Ассоциация же пролетарских писателей в Дагестане, хотя еще в 1927 году имели место попытки организовать в национальные — лезгинские, кумыкские, лакские — кружковые объединения, стала реальным фактором лишь в 1930 году, после объединения писателей в ВОАПП. История культуры многих национальных республик говорит об аналогичном положении и в других окраинах страны — Удмуртии, Чувашии, Бурятии, Башкирии, Абхазии, Мордовии, республиках Северного Кавказа. Очевидно, сказывается типологическая общность условий и обстановки.

В 1930—1932 годах функционировал оргкомитет Дагестанской ассоциации пролетарских писателей (ДАПП) с национальными секциями — аварской, кумыкской, лезгинской, даргинской и русской. Была организована и дагестанская секция Всероссийской писательской ассоциации во главе с С. Мстиславским. Существовал даже печатный орган ассоциации — журнал «ДАПП», выпускавшийся на разных дагестанских языках, хотя и весьма нерегулярно. Известен также журнал «Штурм», который успел выйти всего один раз. Ассоциация, по данным 1930 года объединяла 30 поэтов и писателей Дагестана. Работу оргкомиссии ДАПП в разное время возглавляли А. Тахо-Гади, Эф. Капиев, Г. Гаджибеков, М. Чаринов, Р. Динмагомедов, Т. Бейбулатов и т. д.

Общий курс был взят на подготовку к созыву Первого писательского съезда. В постановлении Дагобкома ВКП(б), предусматривающем созыв съезда в апреле 1932 г., была выдвинута «задача объединения пролетарских и колхозных писателей национальной по форме и социалистической по содержанию литературы трудящихся масс Дагестана», и задача эта обуславливалась тем, что «в ряды писателей идут из самых отдаленных аулов, из среды самых культурно-отсталых народностей гор». Тем не менее, программа ДАПП была выдержана в обычном рапповском духе: литературный процесс уподоблялся «литературному фронту», где художественному творчеству предписывались задачи сугубо социально-классового содержания.

Между тем реальное движение советской литературы было шире и мощней, ее могучий поток переклестывал узкие, секстанские рамки рапповской кружковщины. Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» потому и было встречено в Дагестане как своевременное и многообещающее. Взамен ликвидированной оргкомиссии ДАПП был учрежден комитет Союза писателей Дагестана в составе Б. Астемирова (председатель), Р. Нурова, Р. Динмагомедова, М. Чаринова, А. Джанибекова, Аурбиева, Назарова⁶¹. В состав северокавказского оргкомитета по

⁶¹ Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 13. Д. 58. Л. 59.

подготовке Всесоюзного съезда советских писателей были включены Б. Астемиров, Р. Нуров, Г. Цадаса, С. Стальский, Нуруллаев.

Провозглашенная Центральным Комитетом партии задача объединения многонационального отряда советских писателей, стоявшая на платформе Советской власти; посвятивших свой труд делу социализма и руководствовавшихся в работе марксистско-ленинскими идейно-творческими принципами, вызвала в стране небывалый интерес к национальным литературам. По инициативе М. Горького в течение 1933 и 1934 гг. в Дагестане для оказания практической и методологической помощи местным творческим силам побывали две авторитетные бригады — первая в составе писателей Н. С. Тихонова, В. Луговского и П. Павленко и вторая в составе профессора-кавказоведа А. Аршаруни, известного ученого фольклориста Ю. Соколова, писателя Л. Пасынкова и др. В центральной периодической печати появились статьи и очерки московских авторов о Советском Дагестане и его литературе. Творческие голоса многих дагестанских писателей, таких как С. Стальский, Г. Цадаса, А. Магомедов, обрели новое звучание и новый общественный вес, благодаря чему накануне форума дагестанских писателей указом Президиума ДагЦИКа всем троем было присвоено только что учрежденное почетное звание народного поэта Дагестанской АССР. Усилено было также внимание к устнопоэтическому творчеству, фольклорному наследию народов Дагестана.

В повестку дня состоявшегося 15 июня 1934 года Первого съезда советских писателей Дагестана были включены Отчет оргкомитета ДССП, вопрос «Социалистический реализм в дагестанской поэзии», а так же оргвопросы. Съезд дагестанских писателей образовал правление Союза в составе Б. Астемирова (председатель), Эф. Капиева (секретарь), Р. Нурова, Г. Гаджибекова, Р. Динмагомедова, А. Фатахова, М. Чаринова, Г. Лелевича⁶². Была избрана также делегация дагестанских писателей на Первый Всесоюзный съезд советских писателей, куда вошли Б. Астемиров, А. Аджамаров, Р. Нуров, С. Стальский, Г. Цадаса, Р. Динмагомедов, И.-Х. Курманалиев, М. Курманалиев, Г. Лелевич⁶³. Дагестанская писательская делегация, представленная художниками, творившими на семи языках — аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, абхазском и русском, была одним из 52 национальных отрядов писателей, участвовавших в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей СССР. Съезд продемонстрировал, что «разноязычная разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое» (А. М. Горький), и единство это было создано в идейно-художественном плане, осмыслено в контексте прошлого и современного мирового литературного развития, утверждено принятыми съездом организационными и методологическими основами небывалого в истории культуры профессионального объединения людей творческого труда, Уставом Союза писателей СССР.

⁶² Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 86. Д. 620. Л. 120.

⁶³ Там же. Л. 190.

Таким образом, двадцатые годы и начало тридцатых годов — время, когда все литературы переживали процесс коренной перестройки, поисков новых путей творческого включения в жизнь, будь это литературы с многовековой историей или литературы, во многом начинающие свой путь от фольклорных традиций, еще создающие свой поэтический язык, свою письменность. Это сказало на известной неравномерности их вступления в литературный процесс, хотя Октябрьская революция как бы поставила разом все национальные литературы страны в равное положение в смысле решаемых задач и возлагаемой на них миссии. В этом одна из принципиальных предпосылок и источников общности литературного процесса и в то же время особенностей, характерных для включения разных литератур в этот процесс.

Народы Дагестана и их литературы не были исключением из общей закономерности становления и развития многонациональной советской художественной культуры. Национальные литературы Советского Дагестана совершили за короткий исторический срок крупный скачок в своем становлении и развитии и образовали поразительную идейно-эстетическую общность, своего рода прообраз всесоюзной общности социалистических национальных искусств. Литературы народностей этого уникального многонационального края достигли такого расцвета и сближения, что могли быть объединены под наименованием «дагестанская советская литература» с общедагестанской доминантой функционирования.

Октябрь 1917-го — вот рубеж, с которого берет начало новая эра в истории народов СССР и новая эпоха их художественного развития. Это прекрасно понимали и подчеркивали старейшие певцы республики — первые народные поэты Дагестана — лезгин Сулейман Стальский, аварец Гамзат Цадаса, кумык Абдулла Магомедов, лезгинди, видевшие две жизни, испытавшие две судьбы. Когда на Первом съезде писателей Дагестана престарелого А. Магомедова спросили о его возрасте, он не задумываясь ответил: «Год рождения? 1917!» Когда в 1947 году отмечалось 70-летие Г. Цадасы, в своем выступлении на торжественном собрании юбиляр стал «оспаривать» свой возраст:

Только после Октября
Стал я жить на белом свете⁶⁵.

И, кажется, что судьба всей дагестанской поэзии отражена в знаменитых словах Сулеймана Стальского из его речи при получении в 1936 г. ордена Ленина из рук М. И. Калинина: «Я подобен, — сказал 70-летний ашуг, — зарытому в землю заржавленному оружию, которое Коммунистическая партия и Советская власть раскопали и придали блеск и остро отточили»⁶⁶

Разумеется, высказывания первых и старейших народных поэтов, носили чисто символический характер, но в них отражались искренние чувства и реальные представления горского крестьянства о гуманистической природе социалистической революции, которая имела действительно непреходящее значение для судеб трудового народа и которую в наше время столь огульно и очень часто несправедливо третируют как чужие, так и «свои».

Всю страну облетела ставшая хрестоматийной оценка творчества С. Стальского, высказанная А. М. Горьким на Всесоюзном съезде писателей. «На меня, — сказал в своем заключительном слове А. М. Горький, — и — я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать жемчужины поэзии, какие создает Сулейман Стальский»⁶⁷. В этих словах пролетарского писателя, стоявшего у руля литературного движения социализма — и радость, и восхищение, и забота о талантах, об искусстве, о духовном возрождении наций и народностей великой разноразноязычной и многокрасочной Страны Советов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁶⁴ Цит. по: Султанов К. Этюды о литературах Дагестана. М.: Сов. писатель, 1978. С. 250.

⁶⁵ Цадаса Г. Избранное. М.: Худож. лит., 1977. С. 205.

⁶⁶ Стальский С. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1948. С. 385.

⁶⁷ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 27. С. 342.

ДАГЕСТАНСКИЙ РОМАНТИЗМ И МАХМУД ИЗ КАХАБ-РОСО

Художественный романтизм в дагестанской дореволюционной литературе — реальность, получившая достоверное научное признание и приковавшая к себе пристальный исследовательский интерес. В наиболее целостном, сконцентрированном виде сущность «местного» романтизма сводима к так называемому гражданско-личностному типу этого направления, который вполне отвечает прогрессивным тенденциям эпохи. В творчестве крупнейших представителей классики дагестанской поэзии отчетливо наблюдается выдвигание нового толкования личности горца в его подчеркнутых индивидуальных чертах — благородстве чувств, человеческом достоинстве, нравственной чистоте, чем обусловлено небывалое расширение эмоциональной сферы художественного слова. Резкое развитие личностного начала и возрастание лирической стихии придают дооктябрьской горской поэзии причастность к общим закономерностям развития такого всемирного художественного феномена, как романтизм.

Вряд ли следует видеть преувеличение в том, что дагестанскую поэзию второй половины XIX в. и в известном смысле начала XX в. принято воспринимать в целом как романтическую. И важно то, что черты прогрессивного романтизма, наблюдаемые исследователями в лирическом творчестве Эльдарилава, Чанки, Махмуда и др., возникли здесь не извне, а на собственной национальной почве — как реакция на важнейшие исторические явления века, такие, например, как поражение горцев в народно-освободительной борьбе и крушение идеалов справедливого жизнеустройства, усиление социально-классового расслоения в горном ауле, обновление социальной и общественной ситуации в крае. В эстетическом плане господствующее положение романтизма способствовало преломлению в поэзии этого периода героико-эпической и лирической линии в своеобразном их синтезе.

Романтизм дагестанских поэтов-лириков выступил как отражение горькой неудовлетворенности человека жизнью и недоволь-

¹ См., напр.: Хайбуллаев С. Проблема генезиса и закономерности формирования дореволюционной аварской литературы: Автореф. дис. докт. филол. наук. Тбилиси, 1974. С. 25.

общественным укладом, неразрешимого противоречия, в которой оказалась личность с обществом, бунтарского вызова, брошенного перед лицом действительности. Лирическая поэзия Батырая и Сукур Курдара, Чанки и Эльдарилава, особенно Махмуда, создала совокупный образ бунтаря-одиночки, который долон жажды борьбы и саможертвования ради любви и свободы. Разлад между мечтой и действительностью породил здесь бунтарский дух лирической поэзии во всех ее жанровых разновидностях.

Уже в поэзии Батырая, Эльдарилава, Чанки явственно ощущалось перемещение внимания художника на внутренний мир человека, его сугубо личные, интимные переживания и чувства. Это означало возведение о появлении на арене нового типа героя. Новый же человек нес на себе отпечаток века.

Романтическая модель во всех литературах сходится на противостоянии личности и действительности. Стремление Батырая или Махмуда вырваться из-под власти непонятных и враждебных им социальных сил и условий к народным идеалам добра и справедливости отражает столкновение человека, осмободившегося от чувствословной зависимости, с противостоящими ему внеличными силами. Дагестанские лирики кинулись в поиски гармонии и убежища в ее отсутствии, а впоследствии — и в невозможности ее. Именно в поиске идеала, в мечте о нем достигли они тех высоких вершин поэзии, в которых сочетались жизненная реальность и гуманистическая идеальность. Они шли к мудрому познанию человеческой души.

Романизм постулировал трагическую несовместимость двух вечных антиподов — общества и человеческого духа, их неразрешимое противоречие, которое вылилось в бунт личности и воспринималось как критика и отрицание современной действительности. Вся поэзия Батырая и Махмуда — это открытый бунт против старых нравственных устоев, это низвержение основ изжившего себя домоустройства, это неприятие иерархии чинов и денег собственного мира, мира бессердечного чистогана, в котором «прославлен лишь тот, у кого крупнее хинкал» (Махмуд), где путают мура с героем, осла с конем (Батырай). Бескомпромиссен был разлад дагестанских романтиков с обществом, растоптавшим великое чувство любви и вместе с ней идеал жизни и человека.

С целым этим миром тяжба у меня,
Ни я не уступаю, ни он не отступает ².

Высшее утверждение в поэзии того и другого получает образ мятельного героя, бросающего открытый вызов предрассудкам и условностям, общественному мнению, господствующей морали, всему тому, что противоречило призванию и названию человека. Романистическому духу Батырая и Махмуда присуще противопоставление одиночества «роевой жизни» (В. Днепров), он отвергает корысть и равнодушие, будничность и прозаичность, покорность и умиро-

² Махмуд из Кахаб-Росо: Произведения. Махачкала, 1974. С. 129.

творенность. «Я и они» — вот ставшая классической формула разлада махмудовского героя и общества, расстановка, на которой зиждется поэтика дагестанского романтизма. Как отмечает В. Днепров, романтики создали «образ личности, способный в трагическом одиночестве сопротивляться влиянию среды и не поддаться — пусть ценой гибели — ее давлению, личности, развернувшей свою внутреннюю жизнь до некоего замкнутого микрокосма»³. Именно «ценой гибели!» Не раз писалось о трагических судьбах Батырая и Махмуда, Сукур Курбана и Эльдариллава, Анхил Марин и Урижи. А все они убежденные романтики.

Стихия дагестанских лириков — это стихия поэтической напряженности и страсти, романтической строптивости и автономности. Тема любви в их творчестве становится знаменем времени, она обретает социальное звучание и гражданское содержание. История любви Махмуда и Муи явилась своего рода призмой, через которую раскрываются духовные проблемы современного горского общества. Иллюзорен, но прекрасен и романтичен мир любви и красоты чувств, и они выступают как естественная реакция на жестокую действительность, но ни в коем случае не как бегство от нее.

Да, единственным смыслом существования для Махмуда становится любовь — в ней он видит и равенство, и источник благополучия и удовлетворения, которого не достигнуть «за все золото мира»: «нищий полюбит и станет богатым».

Что жизнь без любви? Кто не любит — сгорает.
Не стоит любви даже царская власть⁴.

Такое тождественное восприятие жизни и любви свойственно лишь романтизму с его максимализмом: конец любви — конец жизни. «Разрушится мир, но любовь не умрет» (Махмуд). Влюбленный объявлялся действительно героем общества: он не претендует на мудрость и славу, согласен на безрассудство глупца, но вместе с любимой. Невольно приходят на память слова А. Блока: «Только влюбленный имеет право на звание человека». Тот же романтический максимализм в воспевании любви, яркой, возвышенной, мы видим в батыраевском цикле «О любви».

Если бы не эта близость и общность жизнеощущения, если бы не это духовное и эстетическое родство, романтизм не был бы творческим направлением, цельным, всеобщим и обязательным для определенных стадий развития всех национальных литератур. И именно любовь выдвигалась на первый план романтического видения и осмысления мира, через чувство любви интерпретировалась и понималась вся жизнь. Махмуду принадлежат строки:

Смотрю на тебя, перед чудом немея:
Весь мир, словно в зеркале, вижу в тебя я⁵.

³ Днепров В. Историзм в понимании реалистического художественного метода // Гворческий метод. М.: Искусство, 1960. С. 98.

⁴ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. М.: Гослитиздат, 1959. С. 28.

⁵ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. С. 29.

В этой романтической гиперболизации глубокая правда, ибо, как говорил К. Маркс, «человек — это мир человека, государство, общество»⁶.

Чувство любви для дагестанских романтиков — это чувство особого значения и высшего порядка. Любовь у Батырая может в «зной льдом покрыть реку», а в «лютую зиму — травами покрыть лед». У Эльдариллава при появлении любимой небо синее, холмы зеленеют. У Чанки «излучение» любимой способно «растоплять» облака на горных склонах. А у Г. Алкадари любимая словно флаг на холме: она видна отовсюду. Махмуд же в стихотворении «Сон» видит себя — любящего и любимого — владыкой чертог золотых, к которому устремляются народы земли с поздравлениями, и он с балкона важно и благочинно шлет поклоны племенам и державам, ведомым королями и послушным его велению. «Радугой в мотыле» представляется Батыраю любимая даже после его смерти.

Открытое выражение чувства любви к женщине и открытое признание возлюбленной во взаимности ознаменовали огромный, в сущности своей революционный шаг, символизирующий собой отход от средневековья в общественном сознании и вступление в новое время. Любопытно содержание стихотворного послания арабского ученого Али-Багдада, адресованного известному дагестанскому средневековому ученому Шаабану из Обода по поводу рождения дочери последнего:

Да будет дочь вдали от глаз людских,
Будет, как мать Исуса, чиста душою,
Не будет видеть никого, кроме дозволенных,
Будет стыдлива и богомольна.

Дагестанские романтики отвергли этот идеал суфийского толка как несостоятельный и не соответствующий новому пониманию человеческой личности, как не отвечающий потребностям общественного прогресса. Они были теми, кто первыми заговорили здесь о любви как о земной радости и великом счастье, об озарении среди средневекового мракобесия. И нашли они для них слова чистые и глубокие, едкие и страстные. Романтическое искусство художественного слова народов Дагестана смело «запретные зоны» тематики, установленные средневековым «литературным этикетом». Махмуд поднялся до понимания и осознания того, что истинность счастья не в мусульманской благочестивости, не в обрядности и догматической ритуальности правоверного, а в реальности земной осязаемости. «Я живу на земле, — декларирует Махмуд, празднуя «праздник земной и греховный», — и не нуждаюсь в отраде духовной».

Я к любимой отправлюсь, и там, согреша,
Обретет и свободу, и счастье душа⁷.

⁶ Маркс К. К критике гегелевской философии правда // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 414.

⁷ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. С. 14.

Думается, что это не просто равнодушие к религиозным канонам, не просто возрожденческий индифферентизм религиозного чувства. Это значительно выше и ближе к нашим временам. Ибо уже в том, что любимая, коран, кибла в творчестве дагестанских романтиков выступали как понятия и ценности равнозначные, усматривалось своего рода святотатство. Ортодоксальное духовенство не устраивало утрата истинными религиозными реликвиями ислама своей мистической сути, сравнение «небесного края» с землей, по которой ступает любимая «крышами, на которые она поднимается, тропинками, по которым шагает» (Махмуд). Отвечая на наветы духовенства, предавшего влюбленную поэтессу анафеме как «греховодницу», Анхил Марин, романтическая певица чистой и высокой любви, личности вольной и сильной, свободной от предрассудков природы, писала:

Если страстью сгоревших неверными звать,
То с крестом на груди должен каждый ходить ⁸.

Или вчитайтесь в трагические предсмертные строки заточенной мракобесами в пещеру аварской поэтессы Урижи:

Вы, кому доведется вырыть могилу,
Выройте, пожалуйста, поглубже ее.
Грудью, что не насытилась любовью чистой,
Вдоволь надышусь в земной тиши.
Вы, кому придется укладывать плиты,
Укладывайте их, пожалуйста, плотнее к телу моему,
В объятиях, в коих милый не побывал,
Буду прижимать те плиты и тем утешусь ⁹.

Как велика дистанция между проповедью упомянутого багдадского ученого и этой раскрепощенностью духа горянки, вступившей в новое время.

В каких только образах, фантастических и сказочных, не рисуют дагестанские лирики свою любимую: это — «вера и религия моя» (Г. Алкадари), «орнамент на коране и золотой амулет иерусалимский» (Сукур Курбан), «кибла заветная» (Чанка). Сравнения эти отправляют читателя к великому Вагифу, который за 100 лет до Махмуда воспевал любимую:

Ты Кааба, Карбала, Мекка, Медина моя!
Ты священна всегда и благостна для меня,
Я святынями считаю изгибы твоих бровей,
День и ночь молюсь тебе, голову преклоня ¹⁰.

В момент богослужения видится Чанке встреча с любимой. Еще

⁸ Поэзия народов Дагестана: Антология: В 2-х т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1960. С. 232.

⁹ Горянка. 1954. № 5. С. 10.

¹⁰ Антология азербайджанской поэзии. М., 1939. С. 91.

дальше пошел Зияудин-Кади, который «украсил бы смело стены мечети», начертив на них чудный портрет любимой.

Чтоб, видя его, мусульманин любой
В минуту молитвы вставал на колени
Не перед аллахом, а перед тобой ¹¹.

Лишь в рамках романтизма и благодаря опоре на романтическую свободу могла возникнуть такая острая, бескомпромиссная, лицом к лицу полемика поэта с самим аллахом.

О творец, не зови меня в свою Каабу,
И за сотни твоих Кааб не отдам зов и простор этой жизни ¹²,—

писал татарский романтик А.-Г. Ибрагимов. «Можешь рай себе оставить, мне любимую оставь» ¹³ — обратился к аллаху Махмуд. И не мудрено, что такой «романтически прекрасной и дерзко свободной» и увидела себя горянка — «рабыня шариата и адатов» — в песнях дагестанских лириков. «Аварский Петрарка, — пишут Н. Кадиева и В. Огнев о Махмуде, — через всю жизнь пронес образ своей Лауры» ¹⁴, Лаурой Махмуда была Муи.

Однако романтизм дагестанской поэзии распространялся не только на область интимной лирики и на образ любимой женщины. Романтическим был подход и к теме героини и подвига, мужской удали и благородства. Носителем лучших черт героического народа, смелым и недоступным, выносливым физически и нравственно, самоотверженным и великодушным предстает перед нами горец — дитя земли, любящее и хозяин ее. Сказочны и фантастичны его фигура, движения, крупны мазки, создающие его яркие, «вещные», осязаемые черты. Непревзойденные образцы романтической рисовки и лепки образа всесильного и могучего горца содержатся в цикле песен Батырая «О герое». Этот герой может все: «взмахом плети достичь облака» и «забрать в плен волчьих стаи», «рушить скалы на скаку» и «поймать сокола на лету», «повалить дом грозой» и «в жизнь любимой ворваться, как войска в Нарын-кала». «Гриву чудяща схватив» и «вместо плети сторяча взяв за голову змею», скачет он по-над вершинами хребтов и «грудью своего коня укрывает караван».

Есть справедливость в том, что стихотворение «Гриву чудяща схватив» Камиль Султанов относит к числу высших достижений Батырая-романтика и всей дагестанской поэзии XIX века ¹⁵. Лишь на первый взгляд батыраевский герой кажется бездумным удальцом, данным в отвлеченном облике безотносительно к земным заботам. По сути же своей это сугубо социальный тип народного заступника,

¹¹ Дагестанские лирики. М.: Сов. писатель, 1961. С. 215.

¹² Цит. по: Алиев С. Дорога в современность. Махачкала, 1977. С. 81.

¹³ Махмуд из Кааб-Росо. Песни любви, М.: Гослитиздат, 1959. С. 56.

¹⁴ Кадиева Н., Огнев В. Дагестанские лирики: Предисловие//Дагестанские лирики. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 42.

¹⁵ Султанов К. Романтические веяния в творчестве Батырая//Батырай. Махачкала, 1976. С. 103.

который в час зова Отечества и веления родного люда «против ста один пойдет». Традиции романтического подвига не были чужды и для Махмуда, которого принято считать исключительно певцом любви и блаженства.

Как начну я стрелять — задрожат короли,
Оглушу я стрельбой слух небес и земли,¹⁶ —

писал он в «Письме из казармы».

Безусловно, это было романтическое миропонимание, таковым оно воспринимается и сейчас. Трудно понять Ф. Абакарову, когда она утверждает, что Батырай якобы «преднамеренно» (?) «возвращался к стилю романтическому, возвышенно-величавому, к предельно нравственной аффектации героя»¹⁷. Думается, что творческий метод как категория, исторически обусловленная и объективная не определяется субъективным волеизъявлением того или иного художника. И к Батыраю романтизм пришел не по его выбору. Романтизм был методом Батырая, и он не может быть понят и воспринят вне романтизма или помимо него. В романтизме Батырай весь, в нем его натура и стихия.

Точно, как алмаз стекло,
Рассекая грудью мир...
Вышел из дому один,
Ой, Омарла Батырай!¹⁸

Или еще:

Как на пастбище жеребец,
Растоптал я этот свет¹⁹.

Если бы Батырай мог этого не сказать, он не был бы тем Батыраем, каким он памятен и дорог народам Дагестана.

Романтизм героев Батырая и Махмуда не только в их самозабвенной и всеполагающей одухотворенности, но и в ощущении ими своего единства и слитности с миром природы, к которой приводят их поиски светлых и чистых идеалов, поиски гармонии. Весь многокрасочный и звучный мир окружающей природы — небо голубое и солнце красное, облака и тучи небесные, выси гор и журчанье рек, перекличка лесных зверей и птиц — свободно и естественно вливается в песни дагестанских романтиков и одушевляется в них. Не люди, а златорогие туры и белокрылые тучи, сказочные джейраны и весенние ветры служат посредниками между поэтом и влюбленной, к ним обращаются они с мольбами, с ними делятся своими думами.

¹⁶ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. С. 59.

¹⁷ Абакарова Ф. Батырай. Махачкала, 1977. С. 42.

¹⁸ Батырай. Песни. М.: ГИХЛ. 1959. С. 85.

¹⁹ Дагестанские лирики. С. 186.

Я давно позабыл, как живет человек,
Лишь со зверем делюсь я словами печали²⁰, —

признается герой Махмуда, «среди туров устроивший дикий ночлег». Нечто подобное слышалось уже в «Кавказском пленнике» А. С. Пушкина:

Нет, я не знал любви взаимной,
Любил один, страдал один;
И гасну я, как пламень дымный,
Забывтый среди пустых долин.

Как заметил М. Поляков, «темы отчужденности, одиночества и странничества пересекаются в социопсихологической структуре вероя»²¹. Сравнивая странствия того же Махмуда, убеждаешься в том, что затерянность героя в чуждом ему мире, превращение его в странника — черта, безусловно, романтическая. И этот мотив отчуждения от людей, дружбы с миром природы вовсе не связан в своем возникновении с восточной поэзией, как предполагают отдельные исследователи, а восходит к традициям дагестанской народной поэзии и получает невиданное развитие в лирическом человековедении романтиков.

Дагестанским романтикам также было присуще искусное умение «сродниться с природой», проектировать себя в ее тайники, «переселить ее в свое сознание», как характеризовал А. Веселовский одну из общих для романтизма черт искусства слова²².

На высокой вершине
Два влюбленных цветка
Наклонились друг к другу,
Но вовек не сплетутся,
А в глубокой теснине
Льются два родника,
Устремились друг к другу,
Но вовек не сольются²³.

Романтический образ, в котором проецированы реально сложившиеся отношения двух влюбленных, но разделенных жизнью сердец, создает реалистическую картину, навеянную личной драмой дагестанского Меджнуна — Махмуда из Кахаб-Росо.

Трагизм Махмуда, как и других дагестанских лириков, не сводился только к личной неудовлетворенности, к неразделенности любви. Трагична была вся его жизнь, вся его судьба, социальный и классовый смысл которых находит острое и концентрированное выражение в чувстве любви. Через чувство любви и через объект любви проходит для него водораздел между двумя берегами, на одном из которых — любящий, страдающий, бунтующий поэт, а на

²⁰ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. С. 64.

²¹ Поляков М. Цена пророчества и бунта. М.: Сов. писатель, 1975. С. 186.

²² Веселовский А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. С. 199.

²³ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. С. 76.

другом — равнодушный, налагающий запреты, ненавидящий мир, с которым он «никогда не сможет примириться». В сложном пересечении «автора» и «гражданина» сосредоточен смысл лирического «я», в мир которого входят отношения человека с обществом, природой, вселенной. «Самая иррационально личная, — отмечает М. Поляков, — казалась бы, по видимости неразрывно связанная с индивидуальной биографией поэта приобретает значение всеобщности, универсальности. Только в этой личности, субъективности лирического освоения духовно-эмоциональной драмы, как, например, в лирике Фета, скрыта всеобщность и социальность»²⁴.

Поистине глубок надлом, который претерпел Махмуд под давлением социальной несправедливости, нравственного разврата и «порчи» общественных идеалов, когда «совершенство под ногами ничтожества, а подлость на троне ханском восседает».

Я мир ненавижу земной и загробный,
И к прелестям жизни утратил я вкус,²⁵ —

признается поэт, покинутый обществом и любимой, и это был крик надломленной и разуверившейся души. Трагизм состоял еще в том, что он, певец любви, «воздвигший дворец страсти для вселенной, сам вдруг очутился у развалин», «проложив мост любви для королей земли, сам застрял на круче скал у рухнувших опор»²⁶. Эта разочарованность, характерная по сути своей для романтического мировосприятия, несла на себе большую нагрузку и вела к серьезной переориентации на реальный, действительный мир. А своего апогея трагизм романтической личности достигает в результате разочарования в самом человеке, которого так хотелось бы видеть носителем чести и добра, величия и независимости, прямоты и чистоты. Как крушение надежд звучат махмудовские строки:

Неужель нет хороших людей на свете?
Неужель человечности нет в человеке?²⁷

По мнению Д. Благого, именно к формуле «найти человека в человеке» сводилось творческое кредо романтизма. «Как много в человеке бесчеловечья», — сокрушался еще романтик Гоголь. Так намечается эволюция романтика в реалиста. Именно к этому ведет мысль известного болгарского ученого Т. Павлова: «...Писатель-романтик может исходить в своем творчестве из чисто субъективных мечтаний, чувств, целей, но в своем процессе своего дальнейшего развития начинает искать правду о конкретно данной общественно-исторической объективной реальности; оставаясь романтиком, он постепенно может включать в творчество отдельные элементы именно реалистической правдивости»²⁸.

²⁴ Поляков М. Цена пророчества и бунта. С. 96.

²⁵ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни любви. С. 52.

²⁶ Махмуд из Кахаб-Росо. Произведения. С. 198.

²⁷ Махмуд из Кахаб-Росо. Песни о любви. С. 59.

²⁸ Павлов Т. К вопросу о реализме и романтизме // Творческий метод. М.: Искусство, 1960. С. 76.

Черты этой «реалистической правдивости» мы находим почти у всех дагестанских лириков-романтиков. И это имело место в тех случаях, когда художник в своих творческих решениях исходил не от себя, не от характерной для романтизма идеи и абстракции, а от жизни, от непосредственной действительности, когда он искал в современной ему действительности не необычное и скрытое, а обыденное и открытое, когда он стремился выразить не свои вознесенные идеалы, не свой внутренний мир, а обнаружить в жизни типичное и создавать тип явлений. Наблюдая особенности поэтического мышления Шекспира, Б. Сучков писал: «...Не книжность и эрудиция питали его творческое воображение, а сама реальная повседневная жизнь, текущая рядом, рождающая собственные конфликты, душевные драмы, психологию и образ поведения его героев»²⁹. Думается, что эти черты присущи и романтической поэзии Батырая, Махмуда и др., которая, опираясь на конкретный опыт людей, тем не менее достигала возвышения над уровнем повседневности человеческого бытия. Махмуду больше, чем кому-либо из его современников, было свойственно подчеркнутое исследование в творчестве Шекспира «чувство справедливости, истинности происходящего, несмотря на гиперболичность и даже усложненность изобразительных средств, словесную пышность, ассоциативную свободу и конкретность диалогов и монологов»³⁰.

Поэтический цикл Батырая «О жизни», обращенный к реальной жизни дагестанского аула, к будням его простого, «стершего руки сохой» хлебопашца, служит для исследователя поводом высказывать суждения о реализме поэта, в котором осуществлено соединение жизненной правды с поэзией высокой социальности. Нельзя, однако, забывать, что известное ослабление характерной для прежних циклов романтической эмоциональности не дает еще основания поставить под сомнение то, что в лице Батырая дагестанская поэзия имела прежде всего и главным образом яркого романтика. Даже в стихах, относимых батыраоведами к реалистическим, в выраженной форме присутствует романтическая рисовка образа.

Я обвит бедой вокруг,
Как Дербент глухой стеной³¹.

В этом сравнении ощущается та удивительная сопряженность и слитность романтического и реалистического мироощущения, которые были присущи почти всем романтикам в заключительную фазу их творческой эволюции. Тот же мотив слышен в изумительных по силе художественного обобщения строках собственной эпиграфии поэтического сподвижника Батырая — Сукур Курбана:

В могилу меня не кладите —
Могилою стал мне мир³².

²⁹ Сучков Б. Л. Исторические судьбы реализма. М.: Сов. писатель, 1977. С. 40.

³⁰ Там же. С. 38.

³¹ Дагестанские лирики. С. 172.

³² Там же. С. 204.

«Украли солнце у меня, весну, родной аул», — вызывает к справедливости другой даргинский романтик предреволюционной поры Рабадан Нуروف.

С романтической страстностью вторгается в реальную жизнь людей О. Батырай — певец страданий и скорби народа, обуреваемый состраданием к обиженным и готовностью прийти к ним на помощь:

Солнце южное мое,
Глянь в окошко хоть разок,
Чтоб согреть твоим огнем
Неодетых бедняков³³.

Что здесь: реализм или романтизм? То и другое, их сплав. «Сплав реализма и романтизма, — пишет К. Султанов, — в разной степени осуществлен у всех великих поэтов, в том числе Батырая, являющегося одновременно романтиком и реалистом»³⁴. Возможно, как пишет Ф. Абакарова, «Батырай-реалист «спорил» с Батыраем-романтиком»³⁵. По-видимому, при постановке важных социальных проблем романтическим методом Батыраем был намечен «путь реалистического подхода к действительности» и была дана заявка на реализм³⁶. И все-таки Батырай-романтик превосходит Батырая-реалиста, и о подлинном реализме Батырай говорит не приходится. Это была **реалистичность**, свойственная всем дагестанским романтикам, но не **реализм**. Наличие у романтиков социального, классового момента не означает еще их трансформацию в реалистов. Изображение социальных противоречий эпохи романтизму присуще в не меньшей степени, чем реализму, который как эстетическая категория обладает иными отличительными чертами и принципами. Тем более методологически недопустимо противопоставление обоих творческих направлений друг другу, равно предпочтении одного другому. Метод — не оценочная категория.

Известно, что великолепные образцы реалистического обобщения принадлежат и Махмуду из Кахаб-Росо, поэзия которого по праву считается вершиной дагестанского романтического искусства. Махмуд достиг больших успехов в социологизации идеи и демократизации формы лирических песен, в приближении поэзии к жизни. В поэме «Сон» показано, как в мир романтики и красоты вдруг вторгается реальная действительность, которая подвергает его жестокому разрушению. Из сказочного хрустального дворца герой попадает в собственную комнату — затхлую и сырую, «где тоска день-деньской». «Бескрылый я мотылек», — сознается поэт, которому только что чудились райские блаженства наедине с любимой. Здесь к Махмуду приходят образы и картины, реалистически достоверные и объективные, манера письма — описательно-повествовательная,

язык — живой, близкий к разговорному, непосредственность и простота выражения.

С еще большей наглядностью процесс приближения романтизма к живой действительности и выход его к прямым связям с реальным миром прослеживается в знаменитой поэме Махмуда «Мариам». Как отмечал еще Эф. Капиев, в поэме, «наряду со зрелым мастерством, ярко сказались неспокойная протестантская натура поэта, его темперамент и мировоззрение»³⁷, но отраженные в ней картины природы Карпат, образы людей далеких городов, чужих краев и наций, облик родного аула и буден казарменной жизни, вся языково-выразительная структура делают «Мариам» поэтическим полотно крупного реалистического плана.

Рост реалистичности отражения событий, предметов и деталей внешнего мира, отказ от чрезмерной, барочной насыщенности, цветистости и трафаретности образов, стремление к конкретности и простоте изображения и в целом к освоению жизненной правды были характерны и для эволюции многих других романтиков. Но в Махмуде — как в высшем продукте и синтезе дагестанского возрождения — наиболее очевидно зрел зародыш последующего развития. Как представитель нового времени, представитель вершинного этапа местного романтизма Махмуд всегда был устремлен вперед, в будущее: он не уединялся, не уходил в свой замкнутый мир — в область самоизолированных интимных чувств и переживаний, сугубо личных радостей и страданий, чаяний и упований, как это представлялось отдельным исследователям в 30-е годы. Незаслуженно ему приписывались порой черты религиозно-мистического содержания, каковые переплетались в творчестве некоторых других романтиков, например Чаики. Вопреки ложным представлениям, бытовавшим в пору исследовательского упрощенчества и вульгаризаторства, Махмуду и в целом дагестанской лирической поэзии чужды были откровенная чувственность, развязность, тот изощренный гедонизм, который процветал в разные времена на Востоке и на Западе, от Персии до Андалузии.

Историко-жизненную основу романтического мировоззрения Махмуда и реалистической его трансформации можно обнаружить в том, что «Закавказье и Россия», немислимо далекие от затерянного в горах Кахаб-Росо Карпаты и Австрия, революционный Петроград — весь огромный, пестрый, многоязычный мир поэт видел и наблюдал собственными глазами в период его самых разрушительных и преобразовательных бурь и катаклизмов. Катаклизмами и бурями грозного времени определяется и самоличное чувство поэта, трагизм которого был вызван и обусловлен не только своеобразием жизни дагестанского аула; опутанной горскими адатами, — трагической была эпоха, в которой жил поэт, все уголки земли, в которых он оказывался»³⁸.

Аналогичная трансформация романтического мировосприятия

³³ Поэзия народов Дагестана: Антология. Т. 1. С. 304.

³⁴ Султанов К. Романтические веяния в творчестве Батырая. С. 117.

³⁵ Абакарова Ф. Батырай. С. 42.

³⁶ Абакарова Ф. От романтизма к реализму // Батырай: Сб. статей. Махачкала, 1976. С. 131.

³⁷ Капиев Эф. Резьба по камню. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 94.

³⁸ Юсупова Ч. С. Поэтический мир Махмуда. Махачкала, 1974. С. 15—16.

в реалистическое отношение к жизни была свойственна крупнейшим представителям романтизма почти всех национальных культур. Таковыми были М. Лермонтов и А. Блок, А. Мицкевич и Н. Бараташвили.

Интересным представляется наблюдение В. Д. Сквозникова, которое, на наш взгляд, имеет прямое отношение к эволюции романтического искусства народов Дагестана. Одним из признаков реализма лирики он считает «такое воспроизведение человеческого переживания, при котором выражены или подразумеваются обусловившие его конкретные жизненные обстоятельства». При этом «исследующее сознание поэта должно, хотя бы невольно, быть уверенным в самоценности своего конкретного опыта»³⁹. Вот почему комментарии поэтических «переживаний» дагестанских лириков бытуют в народе как цельные повествования о жизни поэтов и их окружении. И невольно приходят на память предсмертные слова Махмуда: «Не думал, что так зря погибнет золотой мозг в серебряной оправе черепа», воспринятые в горах как своеобразная эпитафия поэта, глубоко сознававшего высокую «самоценность своего опыта».

Романтический мир Махмуда, как и Батырая, содержал в себе глубокую социальную правду о жизни народа, его настроениях, надеждах. Но этот вполне естественный процесс отнюдь не означал становления реализма как творческого метода. Батырай и Махмуд все-таки оставались убежденными романтиками. Оба они вошли в сознание своих народов и всего Дагестана, а также и в науку о литературе как романтики, и велики они были своим высоким искусством романтизма. Ибо лирический герой Батырая и Махмуда оставался по-прежнему натурой исключительной, страстной, патетически противопоставленной среде, а их художественному облику в целом были присущи не только просто романтический стиль, но и, говоря словами В. М. Жирмунского, «эстетическое единодержавие героя и субъективная лирическая погруженность в мир героя»⁴⁰.

Говоря о социальной потребности, вызвавшей к жизни романтизм, М. Поляков выделяет то широкое внутреннее сопротивление новым буржуазным отношениям между людьми, противостояние им, которое существовало в различных слоях в период становления капитализма. Но неоднородный характер этого сопротивления породил неоднородность самого романтизма, которая нередко ставит исследователей в тупик. Сказанное в еще большей мере относится к дагестанскому романтизму, на эволюции которого отразились самые различные причуды становления буржуазных порядков в этом специфическом крае. Так что романтик Батырай — это одно качество, романтик Махмуд — другое, романтик Габиев — третье. Как представляется, пафосу романтической поэзии Батырая больше присущи черты гуманизма возрожденческого типа, в то время как

прогрессивный романтизм Махмуда больше устремлен к реалистическому периоду художественного развития. Выросшей на просветительской волне публицистике Габиева доступнее всего оказался революционный романтизм. А то, что в целом дагестанский романтизм был в своей основе реалистичен, не противоречит типологическим представлениям о романтизме, а лишь подтверждает оригинальность, своеобразие, национальную природу этого явления.

Как известно, художественная структура в творчестве романтиков зиждется на «сущем» и «должном». Речь идет, с одной стороны, о господствующих в реальной действительности отношениях, которые романтиками «отражаются со знаком неприятия, отрицания, критики» (И. Г. Неупокоева) и, с другой, — о том, к чему они стремятся, о чем мечтают, за что борются, т. е. о социальной устремленности разума и чувства человека к должному. Но только — **устремленность**, освещенная ярким светом дружбы, любви, доверия. Предложить же реальное решение проблемы романтическая литература по природе не может⁴¹. Не могли предложить решения и дагестанские романтики. Трагизм — и Батырая, и Махмуда — состоял в расположенности должного и сущего на крайних, полярных полюсах, а это порождало у них, главным образом, ощущение фатальности, рока, смуты. Однако Махмуду повезло в том, что довелось изведать и ощутить торжественный, ликующий финал, веру в осуществление возмездия.

Анализ эволюции дагестанских лириков и романтиков снимает тот кажущийся алогизм, что в рядах таких признанных и убежденных революционных романтиков и просветителей, как С. Габиев, Г. Саидов, З. Батырмурзаев и Р. Нуоров, нашел себе место и такой сугубо «интимный певец любви», как Махмуд из Кахаб-Росо. Это сближение Махмуда с революционным романтизмом вытекает из той коллизии его творчества, основу которой составляет трагический конфликт между эстетическим идеалом романтика и реальным миром. Личность самого поэта, страстная и граждански активная, выступает благодатной средой, в которой осуществляется синтез обоих миров — мира сущего и мира должного на уровне революционного романтизма⁴². В силу этого смена темы романтической любви темой революции в творчестве романтиков, в частности Махмуда, воспринимается как явление естественное, оправданное, логическое и в известной мере неизбежное.

Перед Махмудом революция открылась как величественное, грандиозное явление природы, как сокрушительная буря. Романтический пафос революции был вызван не только романтической сущностью мировосприятия поэта: он соответствовал самому духу времени, самой героике событий, т. е. имел под собой твердую реалистическую основу. Вот как писал Махмуд в канун революции:

³⁹ Сквозников В. Д. Реализм лирической поэзии: Становление реализма в русской лирике. М.: Наука, 1975. С. 32, 39.

⁴⁰ Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л., 1924. С. 158.

⁴¹ Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976. С. 173.

⁴² Неупокоева И. Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М.: Наука, 1974. С. 10.

Лишенные доли земли, не имеющие скотины в хлеву,
Встапьте, бурей сметем этот мир!
И для души моей, полпой огня любви,
Несет этот поток свежее дуновение⁴³.

Романтическое восприятие революции было характерно для многих художников слова и явилось чертой, с особой наглядностью заявившей о себе в относительно молодых литературах и, в частности, в поэзии народов советского Востока. В этом и состояло одно из специфических своеобразий вступления этих литератур в фазу революционного развития.

Смещение личных чувств и переживаний в сторону общественных и народных, в сторону ощущения близкого торжества и неизбежного возмездия, превращение «певца любви» в рупор коллективных эмоций и устремлений — чрезвычайно знаменательно и закономерно для периода революционного обновления мира. Разве А. Блок пришел к революции не по той же закономерности? Революция, писал А. Блок, «сродни природе... Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран...»⁴⁴.

В свете приведенных сопоставлений еще раз проясняется, что Н. С. Тихонов действительно имел основание назвать Махмуда из Кахаб-Росо «кавказским Блоком»⁴⁵.

Вообще подвести итог исканиям дагестанской поэзии XIX века суждено было Махмуду из Кахаб-Росо. «Он как бы призван, — писал о Махмуде Н. С. Тихонов, — завершить огромный путь развития горской лирической поэзии созданием произведений, являющих высокий образец не только дагестанской, но и мировой лирики»⁴⁶. Талантом «недосягаемой самобытности и неповторимой индивидуальности», «владельцем маленького ключа от больших сундуков» называл Махмуда Г. Цадаса⁴⁷. «Роль Махмуда... в аварской литературе — роль новатора. Пиетет, которым окружают его имя интеллигентные и неинтеллигентные аварцы, — исключительный и может сравниться с положением Пушкина в русской литературе»⁴⁸. Развивая приведенную Л. Жирковым аналогию, можно сказать, что подобно тому, как Пушкин сумел воссоздать свою жизнь как национальную историю своего народа, так и у Махмуда все частное, казалось бы сугубо личное, приобретало смысл национально значимого.

Но новаторство Махмуда не есть лишь явление художественной культуры аварцев. Оно шире и «простирается на всю поэзию Дагестана. В старой горской любовной лирике нет углубленности, есть лишь предельная точность изображения — вещность образов. Батырай еще не заглядывает в глубину любящих сердец, не рассказывает

о чувствах сложных, развивающихся или изменяющихся. Он чаще всего говорит о данном, единственном мгновении. Многоголосое звучание, полифонизм чувств, углубленность в себя — вот то новое, что свойственно поэзии Махмуда и что вело к лирике наших дней, горской советской лирике»⁴⁹.

Вместе с тем романтическая поэзия Махмуда, так же как и Батырай, сталкивалась с новыми запросами, которые предъявляла эстетическому мышлению и художественному творчеству современная социальная жизнь. В силу этого романтическое отрицание и критика существующего, осуждение реалий действительности оборачивались пристальным интересом к окружающей жизни. В мире человеческих чувств и переживаний, сделавшихся предметом поэзии дагестанских романтиков, все больше стали отражаться не только личное начало, но и черты эпохи, проблемы действительности, в чем и проявились тенденции реалистичности изображения. Даже не-реалистическая романтизация образа горянки, которая предстала как обобщение лучших духовных качеств женщины, достигалась порой посредством реалистической образности, ибо внутренняя исповедь сердца горянки имела вполне реальную почву. Так что лирико-романтическое видение мира, человека и бытия исподволь вело к пробуждению интереса к реальности и постижению реалистических черт творчества. Жизнь и опыт романтиков сделали этот процесс объективно неизбежным и закономерным.

Однако романтизму не по плечу было в собственных рамках взяться за проблему, состоящую в том, чтобы верно и правдиво отражать новые глубинные процессы, связанные с активизацией капиталистических отношений и обнажением классовых противоречий в Дагестане, приобщением горцев к идеям революционно-освободительного движения. Анализ творчества наиболее крупных представителей литературы реалистического направления дореволюционного Дагестана, таких, например, как Сулейман Стальский и Гамзат Цадаса, показывает, что само их появление и формирование как поэтов обусловлено именно этими историческими факторами и связано с появлением и становлением в горах нового социального человека. Вместе с тем их творчество — закономерное, исторически обусловленное развитие демократических и прогрессивных традиций дореволюционных литератур народов Дагестана. В поэтическом наследии крупнейших просветителей и романтиков, во всем предшествующем эстетическом опыте и устном народном творчестве горцев и содержатся действительные национальные истоки новаторского творчества дагестанских реалистов. Батырай, Махмуд и многие другие романтики явились своего рода реалистами в дореволюционной дагестанской поэзии, к их творческому опыту восходило становление художественного реализма в литературах народов Страны гор.

Уместным представляется одно замечание методологического порядка. Известно, что реализм, как и романтизм, возник в недрах

⁴³ Махмуд из Кахаб-Росо. Произведения. С. 222.

⁴⁴ Блок А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 12.

⁴⁵ Тихонов Н. Поэты старого Дагестана//Дагестанские лирики. С. 12.

⁴⁶ Там же. С. 11.

⁴⁷ Цадаса Г. Собр. соч.: В 4-х т. Махачкала: Дагкнигиздат, 1953. С. 398.

⁴⁸ Жирков Л. И. Старая и новая аварская песня. Махачкала, 1927. С. 12.

⁴⁹ Капиева Н., Огнев В. Дагестанские лирики. С. 46.

искусства Возрождения. Но романтизм как направление был закономерен для периода распада феодализма, в то время как реалистическая литература стала явлением, исторически закономерным для эпохи утверждения капитализма. Рассматривая специфику проявления этих закономерностей в разных частях света, Н. И. Конрад отмечает весьма существенную сторону проблемы: «Литература в странах Востока на этом этапе их истории как бы торопилась. Едва — и вполне закономерно! — ступив на путь романтизма, она, не успев этот путь как следует освоить, уже спешила дальше — к реализму». При этом реалистическая литература продолжала некоторое время линию романтизма, как бы стремясь восполнить внутри себя недостаточную развитость необходимой предшествующей полосы, а затем, отталкиваясь, преодолевала ее⁵⁰.

Картина эта, на наш взгляд, характеризует положение и в литературе народов Дагестана. Некоторое «сопутствование» обоих творческих методов не отменяет стадийного характера их наступления. Романтизм как стадийная общность литературной системы и в местных условиях выступает в качестве генетического предшественника типологической общности последующей стадии — реализма. Несмотря на различие уровней социально-политического и культурного развития и на своеобразные черты проявления, романтизм и реализм представляют собой закономерные и магистральные творческие направления в художественном прогрессе всех народов, как больших, так и малых.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁵⁰ Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. С. 347—348.

О ПЕРВЫХ ШАГАХ ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЭМЫ

Фрагменты истории жанра

В настоящих заметках я решаюсь поделиться своими соображениями по вопросам становления и жанровой трансформации дагестанской поэмы. Я ограничусь лишь единичными примерами из истории родной аварской литературы XIX века: как говорят на Кавказе, достаточно и глотка, чтобы ощутить вкус вина.

Наблюдения эти интересны, прежде всего, тем, что еще раз развенчивают устоявшиеся представления о Дагестане как о некоем «каменном мешке» или недоступных «джунглях гор и племен», якобы стоявших в стороне от истории. Глубокие историко-литературные исследования советских ученых позволили установить, что художественная история народов Дагестана своеобразно вписывалась в контекст крупных региональных общностей, вступала в сферу неожиданных и нередко плодотворных контактных и типологических связей с явлениями мирового литературного развития, как восточного, так и европейского — разумеется, с учетом неравномерностей в хронологической протяженности процессов. Достаточно обстоятельно и, на наш взгляд, достоверно об этом писалось в ряде прежних исследований автора настоящей книги¹. Да и данное издание содержит дополнительные ссылки и свидетельства, подтверждающие справедливость приведенных положений и выводов. Из этого же разряда и предлагаемые наблюдения.

Позволю обратиться к известной поэме аварского поэта Али-Гаджи из Инхо «Взятие Мекки». Речь идет об эпическом полотне, созданном в середине XIX века и наиболее крупном — в 700 стихотворных строк — во всей дореволюционной дагестанской поэзии, в котором преодолены многие трудности разработки и организации жанровой структуры поэмы.

Название поэмы отсылает читателя к тем далеким временам начала мусульманского летоисчисления, когда посланник аллаха на земле Мухаммед с помощью магии слова и грозного меча закладывал основы новой веры. На первый взгляд, как будто закладывалась новая эпическая традиция, когда на смену живой актуальной национальной тематике приходит абстрактная религиозная материя. Но это только на первый взгляд.

¹ См.: Гамзатов Г. Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. М.: Наука, 1982.

Известно, что религиозная тематика занимала довольно видное место в истории эпической литературы многих стран и народов. «Религиозная поэма, начиная с Дю Бартаса, вплоть до прозаических библейских поэм XIX века, — пишет А. Н. Соколов, — конкурировала с историческим эпосом. Только «Генриада» порешила споры французских теоретиков и поэтов, утвердив национально-историческую тематику в эпопее. Создатель немецкой эпопеи Клопшток отказался от национально-исторического сюжета о Генрихе Птицелове в пользу религиозно-христианской темы. Ничего равного «Мессии» в области национально-исторического эпоса немецкая литература не дала. Итальянец Тассо воспевал крестовый поход, в котором ведущая роль принадлежала французским рыцарям. Наиболее полно национально-историческое содержание выразилось в английской эпопее. Но и Мильтон зашифровал его в религиозно-библейских образах и сюжете»².

Интерес к религиозному сюжету был естествен для дагестанца XIX в., для его мировоззрения. События, происходившие с единоверцами в далекой Аварии, жизнедеятельность пророка имели отношение и к истории духовной жизни борющегося за социальную и национальную свободу горца, волновали и трогали его живое религиозное чувство и были для него не более чуждедальными, чем, скажем, история похода французских рыцарей в Иерусалим к гробу господнему для итальянца Торквато Тассо.

В то же время идейное содержание «Взятия Мекки» не сводится ни к поэтическому выражению богословской идеи автора, ни к жизнеописанию пророка Мухаммеда. В еще большей степени, чем религиозным чувствам, отвечала поэма национальным эстетическим чувствам дагестанцев, таким как стремление к героическому, возвышенному. В этом смысле можно говорить, что появление данной эпической поэмы как жанра вполне соответствовало т. н. «социальным ожиданиям» современника.

Можно говорить и о том, что соответствующей была и реакция этого «жанрового адресата» на поэму. Суровый пафос борьбы, пронизывающий поэму, ее величавые и героические образы продолжали и развивали самые глубокие традиции их собственного народного эпоса, продолжали его героическую патетику. Именно влиянием народной традиции объясняется отсутствие в эпопее активного участия и вмешательства сверхъестественных сил в военных эпизодах и батальных сценах, столь распространенных в эпических поэмах многих народов («Освобождение Иерусалима», «Потерянный рай», «Россияда» Хераскова и др.). В сражениях, поединках «Взятия Мекки» сталкиваются, как и в народных песнях, характеры, их сугубо личностные качества — геройство, удаля, отвага, с одной стороны и малодушие, трусость, с другой. Победа дается тому, кто морально, нравственно ее заслуживает, а не с помощью небесных сил, не с помощью чудес и волшебств.

Любопытно, что на задний план отодвигается даже религиозная мотивировка выступления Мухаммеда — причина, побудившая пророка к походу, скорее мирская, светская. Происходит что-то напоминающее процесс «очищения» темы, придачи ей общегуманистического характера: защита слабого, месть предателям, примирение сторон, не считаясь даже с их религиозной принадлежностью и т. д.

Словом, в оценках восприятия «Взятия Мекки» создалась картина, довольно частая при оценках сложных, многогранных, многопрофильных произведений. Так разбились на две группы читатели «Освобожденного Иерусалима» — одни осуждали поэму за ее католический дух, другие, напротив, находили в ней слишком много светских, романтических начал. Аналогичным образом и религиозная тематика «Взятия Мекки» заставляет одних предполагать установку на узко богословскую ее истинность, на проповеднический характер ее содержания, однако внимательное прочтение поэмы все-таки убеждает в обратном, в превалировании человеческого начала над мистико-религиозным толкованием.

Не к аскетическим идеалам средневековья, а к совершенно противоположным гуманистическим идеалам человеколюбия тяготеет поэма Али-Гадли. Это сказывается даже в том, что в образе самого Мухаммеда автор выделяет сугубо человеческие, естественные, реальные проявления характера. Мы наблюдаем его в различных аспектах — в отношении к семье, к друзьям и близким, к своим воинам и врагам, видим его страдающим и торжествующим, смеющимся и плачущим, даже ошибающимся и кающимся. Это скорее образ живого человека из плоти и крови, нежели представление бестелесного и чистого духа, символа веры.

Интересно, что отдельные психологические состояния, в которых пребывают герои поэмы — тот же Мухаммед, его апостол Али, Абас, Абусупьян, Халид, Хатаб и т. д. — напоминают как раз о том своеобразном «абстрактном психологизме», который Д. С. Лихачев относит к «самому характерному и самому значительному явлению в изображении человека в конце XIV — начале XV в. («в литературе Древней Руси»³. Проявления аналогичного качества в поэзии Дагестана падают на XIX век, и такая диахрония, как известно, не является фактором, разрушающим общие закономерности мирового литературного процесса.

Анализируя «Взятие Мекки» с точки зрения собственно жанра эпической поэмы, следует указать на многозначность и богатство содержания, определившие, например, композиционную усложненность эпопеи, расширение ее прежних рамок. Здесь мы не найдем той традиционной безыскусно простой сюжетной прямолинейности. Сюжетное развитие поэмы усложняется введением большого количества персонажей и действующих лиц, множества сменяющихся эпизодов и событий, занимательным сочетанием главной сквозной

² Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955. С. 222.

³ Лихачев Д. С. Человек и литература Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 80—81.

линии развития действия и различных ответвлений (нередко с самостоятельным поэтическим решением), отведением значительного места в структуре произведения большим и малым лирическим вставкам и отступлениям.

Особо можно было бы коснуться мастерства художника в области эпопейной баталистики; умелого обращения к диалогичной форме повествования как традиционному приему дагестанской героической песни и одновременно как свидетельству ориентированности жанра на определенное, в массе своей демократического читателя; новаторского использования недр народного языка, богатого арсенала изобразительных и формообразующих средств и, наконец, ведущих стилиевых пластов поэмы, которые обнаруживаются в трех главных руслах — религиозно-мистическом, народно-поэтическом, лирико-романтическом.

Таким образом, на примере «Взятие Мекки» мы видим, как развивался и обогащался жанр поэмы в дагестанской литературе. Написанная рукой высокообразованного, обладающего книжной культурой своего времени, талантливую художника, поэма разворачивается в широкое эпическое полотно, которое опирается не только на достижения устно-поэтического народного творчества, но и на определенный литературный опыт. Поэма как литературный жанр воспринимается, опознается и в аспекте конкретно-исторического функционирования, и в плане типологической сопоставимости с явлениями мирового художественного опыта.

По свидетельству дагестанских ориенталистов-арабистов, материал, который лег в основу поэмы Али-Гаджи, был почерпнут из исторических хроник и средневековых житий о Мухаммеде. Однако, используя известный исторический и легендарный источник в качестве сюжета поэмы, дагестанский поэт переработал его в соответствии с духом своего времени, своей эпохи, изменил и углубил его идейное и реальное содержание, дал ему совершенно иное звучание. Разумеется, глубокая сравнительная работа с текстами использованных источников, сопоставительный их анализ могли бы пролить новый свет на многие вопросы развития дагестанской многонациональной литературы в целом и ее жанровой структуры в частности.

Такая работа еще впереди. Но сейчас важно отметить, что поэма «Взятие Мекки», несмотря на ее «оглядки» на древнюю духовную историю арабского Востока, была и продолжает оставаться созданием художественного гения данного народа. Перефразируя известное крылатое высказывание М. Бахтина по поводу жанра, можно сказать, что данная поэма действительно являет собою «представителя творческой памяти в процессе литературного развития» народов Дагестана.

Известному исследователю мирового литературного процесса И. Г. Неупокоевой принадлежит следующее наблюдение: «История европейской художественной культуры, если брать ее во всей широте

представлений современной науки, показывает, что сходные, при всем своем национальном различии, духовные процессы захватили к середине XIX века гораздо более широкую зону действия, чем принято считать на синхронических картах европейского литературного развития»⁵.

Хотелось бы в двух словах показать, что Дагестан не был исключением из логики такого развития. Свидетельство тому — яркая поэтическая личность Махмуда из Кахаб-Росо, его поэма «Мариам». Исследователи называли горского романтика «аварским Петраркой». Через всю свою жизнь пронес он образ своей «Лауры» — горянки по имени Муи. И вся поэзия Махмуда — это пламя сердца, обуреваемого страстью влюбленного, торжественный гимн любви, которая становится для поэта единственным смыслом существования. Трагедия поэта — в неразделимости и безответности любви. Отсюда разлад с жизнью, который приобретает присущий романтикам бескомпромиссный характер.

Разлад ведет к поискам иных норм. Закавказье и Россия, далекие от заброшенного в горах родного аула Карпаты и Австрия, затем — революционный Петроград — весь этот неслыханно пестрый и многоязычный мир поэт видел и осмысливал глазами горца в период его переломных испытаний. И везде его сопровождает неутолимое чувство любви к своей Муи, в ней как бы сконцентрирован высокий идеал жизни поэта, идеал прекрасного, к которому он стремился всю жизнь.

1915 год. Карпаты, Махмуд — доброволец на фронте (первой мировой войны). И здесь рождается лебединая песня поэта — поэма «Мариам». Та же высокая поэтизация, чистота и возвышенность чувства возводит образ любимой в романтический ранг вечной красоты и жизненности. Мечтающему, тоскующему по далекой возлюбленной поэту всюду мерещится этот образ. Он всюду ищет изображение, хоть отдаленно напоминающее любимую. Но вот что поразительно: настоящим портретом Муи, подлинным изображением возлюбленной становится для поэта икона в христианском храме в далекой Австрии. Символичность сравнения красоты горянки с образом богоматери представляется несомненной. Образ неверной, но дорогой сердцу возлюбленной сливается с образом Девы Марии, воплощением чистоты, непорочности, неувядания. От «Марии» — к «Мариам». Существенным представляется подчеркнуть то, что образ Девы Марии к аварскому поэту пришел не из литературного источника, а из жизни.

В поэме «Мариам» наряду с высоким мастерством художника ярко сказалась протестантская натура поэта. Именно как протестующее и бунтарское произведение и восприняли ее феодально-религиозные круги дореволюционной Аварии. Гнев и возмущение ортодоксального духовенства вызвало само сравнение горянки с христиан-

⁴ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 142.

⁵ Неупокоева И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976, С. 291.

ской иконой и само пребывание мусульманина в христианской церкви, его участие в поклонении богам неверных.

«Мариам» стала итогом исканий всей жизни Махмуда. Это не традиционная песня о неразделенной любви. Это поэма с продуманным композиционным строем, широким лирическим фоном. В ней есть лирический сюжет, есть движение. С необыкновенной легкостью и естественностью поэт сочетает реалистический рассказ о себе, о чужих городах, о далеком родном ауле с романтическим образом его единственной Мариам-Муи. И не случайно написанная на далекой галицийской земле при стечении обстоятельств удивительных «Мариам» с поразительной быстротой дошла до родины поэта, через перевод стала достоянием всех народностей многоликого Дагестана и потрясла соотечественников красотой и благородством человеческого чувства, несокрушимым жизнеутверждением, цельностью и негибимой стойкостью души человека, необычайным изяществом слога и музыкальностью. Налицо полное взаимное соответствие авторской ориентации и читательского ожидания.

Вот так и произошла своеобразная и весьма плодотворная встреча национальной романтической традиции с русским, европейским художественным опытом. Типология позволяет ассоциативно вспомнить многих романтиков, скажем, Байрона, а дальше и Блока. Много писали о легенде Байрона, о легенде Блока. Была в Дагестане и легенда Махмуда. Есть своя логика и в том, что известный советский поэт Николай Семенович Тихонов называл нашего Махмуда Кавказским Блоком.

Приведенные экскурсы в жанровый мир национального литературного прошлого народов Дагестана подтверждают мысль о том, что мы имеем дело с эстетической системой, в которой явственно слышен отзвук духовной культуры других народов и которая вместе с тем функционирует как неповторимая самоценность, входящая в мировой художественный опыт.

*

У НАРОДНЫХ ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

*

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР: НЕ ОТЧУЖДЕНИЕ, А ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

1

Как известно, осуществление культурной революции было сопряжено с немалыми трудностями по преодолению вульгарно-социологического нигилизма по отношению к духовному прошлому народов. В науке и жизни шаг за шагом приходилось утверждать ленинские взгляды на художественное наследие предков. Отвергнута концепция реликтового подхода к оценке устно-поэтического творчества масс. Вопреки предвещаниям ниспровергателей фольклор народов СССР продолжает утверждать себя как жизненный и действительный идейно-эстетический феномен. Обогащается и расширяется смысл его функционирования в жизни общества. Записанное из уст народа и изданное на родном языке, устно-поэтическое наследие возвращается к своему создателю и творцу, становится достоянием всего советского общества, пополняя его духовный арсенал, обогащая «общий культурный фонд» социализма. Широкие масштабы эдической работы, небывалый дотеле размах двуязычной публикации и обнародования национального фольклора означает вхождение все новых массивов устно-поэтического творчества в общественное и мировое обращение, образование своего рода многонациональной народной книги как неотъемлемой составной части советской культуры и важнейшей питательной среды социалистического искусства.

Современное состояние духовной жизни общества отмечено растущим интересом к воссозданию подлинно народных традиций культуры и искусства и переориентацией людей к национальным истокам художественного сознания¹. Вместе с тем это несколько не означает игнорирование или недооценку значения фактора неуклонного сближения национальных культур, все большего упрочения их взаимосвязей и взаимообогащения. Процесс приобщения людей ко всему ценному, что рождено талантом каждого из народов страны, далеко не исчерпал себя, он лишь обрел новые черты и новое содержание согласно условиям переживаемого времени, времени обновления и возрождения национальных культур². Интернациональная сущность и пафос советской культуры незыблемы.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 157.

² Там же. С. 169.

тивными условиями связан и тот огромный интерес, который наблюдается в нашей стране к народному творчеству, и соответственный рост миссии советской фольклористики, значительное повышение ее функциональной роли. Новый стимул к признанию растущего общественного веса и авторитета науки об устно-поэтическом творчестве мы вправе видеть в том принципиальном обстоятельстве, что литературоведение поставлено в ряд ведущих отраслей общественных наук. Думается, что фольклористика в данном аспекте неотделима от литературоведения, ибо имеет дело с анализом, осмыслением той же духовной сферы жизни современного общества, сферы, которая оставляет важнейшую сторону реальной действительности, на живую практику которой только и опирается обществоведение как наука.

«Литература и фольклор», «фольклор и литература» — извечная и нестареющая тема теоретической и практической филологии. И обусловлено это тем, что устно-поэтическое творчество народа есть родное лоно литературы, щедрая кормилица и кладезь мудрости искусства. Причем, как подтверждает духовная жизнь нашего времени, преемственная связь и взаимное общение между современной литературой и классическим фольклорным наследием — процесс не только реальный и живой, поступательный и непрерывный, но трансформирующийся и развивающийся. Процесс этот проявляет себя в самых многообразных гранях и формах и вместе с тем охватывает все новые культурно-исторические аспекты и национально-эстетические пласты народного мышления.

Происшедшее за последнее десятилетие расширение этногеографии, вторжения литератур во «владения» фольклорных традиций и реальное обретение устно-поэтической классикой каждой нации и народности «общесоветского восприемника» (В. М. Гацак) окончательно выбили почву из под разного рода концепций, предрекавших неминуемый уход фольклоризма национальных литератур в безвозвратное прошлое и провозглашавших век НТР в качестве рубежа, с которого искусство слова вполне может «обойтись без фольклора». Пока скептики и «ликвидаторы» от фольклора дискутировали и теоретизировали, отневая панихиду устно-поэтическим традициям народа, сам процесс развития советской многонациональной литературы обнаружил, что фольклорной «матери» отнюдь не чуждается и культура художественного письма космического века и глобальных эпох, что факт обращения к духовному наследию народа, к фольклору — «признак отнюдь не младенчества, а скорее зрелости литературы» (В. Санги), что, «сегодняшний реализм как раз одухотворен стремлением «вернуть» человеку историю» (Ч. Айтматов). Перед нами тот случай, когда реальный художественный процесс опередил, вернее, обогнал саму теорию, скорректировал ее посылки и ориентиры. Необъятный диапазон функционирования устного народного творчества в самых разнovidных сферах современного искусства — в художественной литературе и на театральной сцене, в произведениях музыки и хореографии, живописи и архитектуры,

в созданиях кинематографа и телевидения — подтверждает, что «фольклор, будучи воплощением «чайный и ожиданий народных», по природе своей устремлен в будущее и потому обладает потенциалом, действительным на столетия вперед»³. В сущности, во всех областях современного общественного быта и духовного сознания счезивно ощущение «эффекта» присутствия народной традиции и памяти. Жизнь современного человека и современная жизнь фольклора неразлучны⁴.

Более того, наше время дает основание говорить о глобальном, планетарном характере возрастания интереса к фольклорным истокам эстетического сознания и художественной практики. Здесь причины двоякого рода. В условиях социализма — это небывалый рост национального самосознания благодаря равным возможностям для развития и расцвета всех без исключения народов, широкому введению национального интеллектуального наследия в научный и общественный оборот. Это, так сказать, стимулы специфического порядка. В числе же причин более общего характера, свойственных современной эпохе, можно отметить реакцию на так называемую «массовую культуру», на общеупотребительные стереотипы и «технизмы», оппозицию по отношению к тенденциям нивелировки национального своеобразия, «перемалывания» народных начал на «мельнице XX века», к динамизму урбанизации, не дающему опомниться для человеческого, «размеренного, прочувствованного — и себя, и своей истории. Именно «память» — историческая и духовная — стала в нашу эпоху жизненным и эффективным средством целительной тяги и устремления человека как к своему изначально национальному, так и к общечеловеческому началу бытия⁵.

Таким образом, народное творчество, как и вся совокупность культурного наследия народа, — отнюдь не мертвое отложение прошлого, не архаическая неподвижность, а живая и действенная духовная реальность, находящаяся в постоянном саморазвитии и реализующаяся в сознании и деяниях каждого нового поколения, становясь бесценным достоянием всего общества и возвышаясь до уровня растущих эстетических запросов современного человека. Сама жизнь отклонила как несостоятельные шапкозакидательские прогнозы ретивых теоретиков советского культуроведения, предвещавших бесперспективность фольклорного бытия, неминуемость затухания общественного интереса к наследию предков и преданиям былой старины.

³ Гацак В. М. Фольклорное наследие народов СССР — достояние новой социальной и интернациональной общности // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 17.

⁴ Подробнее об этом см.: Галматов Г. Г. Художественное наследие и современность. Махачкала, 1982. С. 81—85; Его же Роль фольклора народов СССР в обогащении художественной культуры развитого социалистического общества // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984.

⁵ Чрезвычайно интересную и богатую картину представляет в этом плане обширная серия передач Центрального телевидения под названием «Радуга» — свидетельство все возрастающего интереса к народному творчеству, наблюдаемого на всех континентах и у всех народов Земли.

Неоспоримое опровержение такого рода антинаучных предположений и несостоятельных методологических установок — сама художественная практика нашего времени, духовная жизнь современного общества. Многонациональная советская литература несет в себе уникальный опыт интенсивного взаимодействия и взаимопроникновения устной и книжной культуры наций и народов, многосторонний и сложный синтез внутрилитературных и народно-поэтических традиций искусства слова, синтез, в котором явственно прослеживается непрерывающийся процесс трансформации фольклорной поэтики в самых современных видах, жанрах и образах художественного творчества. Положение это верно как по отношению к литературам молодым и немногочисленным, так и литературам традиционным, зрелым, развитым. Как утверждает П. С. Выходцев, «можно без преувеличения сказать, что в русской литературе советского периода все наиболее значительные ее завоевания в той или иной мере связаны с народно-поэтической традицией»⁶.

Есть непреложная логика и закономерность в самом приближении литературы к фольклору, в обращении художника к устной поэтике народа, в обретении им в ней новых идейных и эстетических импульсов для своего творчества. Именно в устной поэзии трудового народа, в которой «сжат идейный опыт бесчисленных поколений» и которая явилась предшественницей и родоначальницей книжной литературы, были созданы, по словам М. Горького, «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев»⁷. Как остроумно заметил К. Чуковский, это «великий русский народ... продиктовал своим гениальным писателям все лучшие детские книги»⁸. Вновь и вновь приходят на память знаменитое высказывание К. Маркса, который, обращаясь к бессмертному наследию Эллады, подчеркивал, что древнее искусство «в известном смысле сохраняет значение нормы и недостижимого образца»⁹.

Могут ли при этих предпосылках фольклор и литература, будучи генетически родственными эстетическими системами, герметизироваться, изолироваться, замыкаться в собственных замках, оставаться нейтральными и равнодушными друг к другу, чураться общения друг с другом? Взаимная потребность и привязанность у обеих систем органична и помечена родовым клеймом. Их взаимосвязь — реальность нашего времени, реальность активная, действенная, подвижная.

Разумеется, взаимодействие фольклора и литературы не всегда выражается в формах прямых и очевидных. Нелегко, например, обнаружить реальные результаты непосредственных связей обеих систем в эмпирически явных и наглядных проявлениях, скажем, на зрелых стадиях художественного развития. В этом смысле и понятен полемический пафос Л. И. Емельянова, когда он не приемлет абсолю-

тизации фольклоризма как «единицы измерения» уровня фольклорно-литературных взаимоотношений; когда он возражает против исследовательских пристрастий к поискам — при всех случаях и обстоятельствах — непосредственных зависимостей художника от народных традиций; когда он не воспринимает представления о фольклоре как о чем-то «основополагающем, нормативном, без чего, например, народность литературы не мыслится»¹⁰.

Вместе с тем вряд ли следует согласиться с автором там, где он, фиксируя «такие стороны литературного произведения, которые генетически не соотносятся ни с какими конкретными фольклорными источниками, но косвенным образом, так сказать, типологически в каких-то моментах с ними совпадают», проявляет тенденции, если не отрицать, то серьезно подорвать реальный характер природной соотносительности фольклора и литературы, противопоставить типологическую общность обеих систем их генетическому родству и отказать на этом основании исследователям в соблазне просматривать в типологических совпадениях литературных и фольклорных произведений мотивы и объяснения генетического порядка¹¹. Идея несовместимости типологии и генетического естества в области изучения литературно-фольклорных связей пропитана изрядной долей скепсиса по отношению к роли и возможностям устно-поэтического творчества в судьбах литератур и, очевидно, нуждается в большей мере обоснования и мотивации в научном и методологическом плане.

2

Актуальное теоретическое и историко-культурное значение проблемы взаимодействия литературы и фольклора обусловлено не только реальностью этого взаимодействия как животворного фактора развития литератур народов СССР. Важнейший исследовательский аспект состоит еще и в том, что по мере совершенствования социализма и духовного обновления общества меняются сам характер и масштабы взаимодействия двух эстетических систем. Процесс обретает новые качественные черты, в него вовлекаются новые народы и этнические регионы, на глазах одного поколения из фольклорных массивов и недр «отпочковываются» новые национальные литературы, выявляются десятки новых традиций, уходящих корнями в глубь веков. Происходит стремительное обогащение представлений и знаний о действительном облике устно-поэтического творчества народов СССР. Реальная практика социалистической культуры говорит о складывании нового представления о классическом фольклорном наследии народов СССР как о едином, интернациональном, всеобщем духовном достоянии и богатом источнике многонациональной советской литературы и искусства в целом.

⁶ *Выходцев П. С.* Об исторической закономерности взаимосвязей литературы и фольклора. — *Русская литература*, 1977, № 2. С. 20.

⁷ *Горький М.* О литературе. М., 1937. С. 34, 174 и 450.

⁸ *Чуковский К.* От двух до пяти. М., 1962. С. 338.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Об искусстве. М., 1957. Т. 1. С. 136.

¹⁰ *Емельянов Л. И.* К проблеме фольклоризма литературы. Методологические вопросы фольклористики. Л.: Наука, 1978. С. 177.

¹¹ Там же. С. 173.

Одновременно наблюдается широкое вторжение в литературную практику значительно более усложненных, утонченных, так называемых «скрытых» проявлений и форм фольклоризма. В сущности речь идет о наступлении качественно нового этапа взаимодействия литературы и фольклора, о новом уровне и новой стадии их межсистемного общения, о новом «витке» развития научного осмысления и познания данного двуединого процесса и как одного из существенных междисциплинарных аспектов и объектов фольклористики и литературоведения. Новые условия развития диктуют новые задачи поиска, видоизменение его путей и методов. Решить эти задачи — значит повернуться к назревшим нуждам социальной и культурной жизни народа, чутко реагировать на происходящие в ней перемены, держать в поле зрения возникающие явления — вот на что ориентирует наше время ученых-обществоведов.

Выделение и обособление литературно-фольклорных связей в значимый и самостоятельный аспект теоретической и практической филологии не сегодня стало реальным фактом развития современного обществоведения. Исследовательско-поисковая работа в этой области давно обрела облик целостного научного направления и характер системного изучения. Данной проблеме посвящаются разработки индивидуального и коллективного порядка, ведутся исследования монографического и диссертационного назначения, делаются попытки проследить процессы на различных общественно-исторических и идейно-эстетических уровнях, осветить явления национального своеобразия и региональной типологии. Практикуется проведение на базе различных научных центров страны всесоюзных и региональных сессий и конференций. Из года в год растет число научных публикаций в центре и на местах¹². Все шире становится геог-

¹² К числу наиболее заметных публикаций последнего десятилетия по проблеме литературно-фольклорных связей могут быть отнесены, например, работы (располагаются в хронологическом порядке): Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М.: Наука, 1975; Миф, фольклор, литература. Л.: Наука, 1978; *Емельянов Л. И.* Методологические проблемы фольклористики (гл. IX. К проблеме фольклоризма литературы). Л.: Наука, я; *Петров В. Т.* Фольклорные традиции в якутской советской литературе. М., 1978; *Азметов З. А.* Современное развитие и традиции казахской литературы. Алма-Ата, 1978; *Мирза-Азмедова П. М.* Национальная эпическая традиция в творчестве Чингиза Айтматова. Ташкент, 1980; *Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Саратов, 1980; *Далгат У. Б.* Литература и фольклор. М.: Наука, 1981; Фольклор и литература Сибири. Омск, 1981; *Пошатаева А. В.* Литература и фольклор (Взаимодействие современных литератур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с устным народным творчеством). М.: Знание, 1981; Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX в.). Кн. 1, 2, 3. Л.: Наука, 1982; Фольклор. Поэтика и традиция. М., 1982; *Ишугинко Е. Н.* В. Назор и фольклоризм в хорватской литературе. Киев, 1983; Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора (Межвузовский сб.). Воронеж, 1984; Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 1986 и др.

Много интересных наблюдений, плодотворных идей и обобщений рассматриваемой проблемы содержится в соответствующих разделах и статьях, входящих в состав изданий, посвященных другим аспектам и общим проблемам фольклористики. Таковы, например, межвузовские сборники «Фольклор народов РСФСР». Уфа, 1980—1985; Национальное наследие и современность. Горно-Алтайск, 1984; Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984; Народное творчество в культуре развитого социалистического общества. М.: Наука, 1984; Специфика

рафия изысканий, глубже — недры освоения, более зрелыми — идейно-теоретическая мысль и методологические подходы. Существенный смысл и важный результат разносторонней научной работы по осмыслению обширного комплекса вопросов, образующих проблему взаимосвязей и взаимодействия искусства и фольклора в прошлом и настоящем, должны были состоять и в известной мере состояли, с одной стороны, в выявлении в устно-поэтическом творчестве народов СССР все новых, не освоенных гуманитарных и художественных резервов, могущих быть с успехом переосмысленными во имя высокой миссии и идеалов современной литературы, театра, музыки, живописи, и признание, в свою очередь, за художественной культурой социализма неисчерпаемых возможностей все более плодотворного использования родников народного творческого мышления. Наше время и наша действительность — свидетели того, насколько реально и животворно это единство возможностей обеих эстетических систем — отдавать и одновременно перенимать.

Как ни странно, ни в фольклористике, ни в литературоведении не существует единого и общепринятого толкования и восприятия самого понятия «фольклоризм». Как отмечает В. М. Гацак, понятие **фольклоризм, расцениваемое** у нас и за рубежом как **вторичная форма традиции, получило** применение для обозначения любых нетрадиционных форм воспроизведения народного творчества. Однако, выражая понятные сомнения в оправданности столь расширительного толкования и восприятия данного явления, автор вполне резонно придерживается более разграничительного принципа его познания, более дифференцированного подхода к определению. В. М. Гацак предлагает, например, закрепить понятие «фольклоризм» в творческом инносистемным преобразованием фольклорной традиции у писателей, композиторов, художников¹³.

У. Б. Далгат придерживается несколько иного, еще более «суженного», варианта, считая, что это — действительно вторичная форма, но относящаяся к переработке и использованию элементов фолькло-

жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. М., 1985; Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985; Дагестанский фольклор во взаимосвязях с иноэпическим фольклором. Махачкала, 1985 и мн. др. Правомерным представляется также поминуть и о богатом и многообразном исследовательском пласте по проблеме взаимодействия литературы и фольклора, содержащемся в огромном множестве научных трудов по общей истории и теории искусства слова и прежде всего национальных литератур народов СССР. В этом плане могут быть названы исследования: *Толкуров З. Х.* Формирование социалистического реализма в балкарской литературе. Нальчик, 1974; *Борузалов М.* Единство национального и интернационального. М.: Сов. писатель, 1979; *Гамзатов Г. Г.* Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. М.: Наука, 1982; *Викмухамедов Р.* Орбиты взаимодействия. М.: Сов. писатель, 1983; *Хусаинов Г. Б.* Башкирская советская поэзия. 1917—1980. М.: Наука, 1983; *Гамзатов Г. Г.* Преодоление, становление, обновление. На путях формирования дагестанской советской литературы. Махачкала, 1986 и многие другие.

¹³ *Гацак В. М.* Указ. соч. С. 13.

ра лишь в литературе¹⁴. Причем автора устраивает не всякое обращение писателя к фольклорной эстетике, а лишь сознательное.

Можно было бы пройти мимо такой оговорки исследователя, очевидной, если бы не последующие авторские рассуждения и построения вокруг иерархий уровней литературно-фольклорных явлений в качестве теоретического обоснования выдвинутого условия. У. Б. Далгат различает, хотя и «несколько условно», уровень младописьменных литератур, с преобладанием фольклорных идейно-эстетических принципов, и уровень развитых литератур, на котором «соотношение между коллективным и индивидуальным творчеством изменяется в пользу индивидуального». Так, по мысли У. Б. Далгата, на первом уровне фольклор для литературы оставался «неотъемлемой и практически неосознаваемой эстетической формой», с преобладанием «бессознательного обращения писателей к их изначальному, т. е. фольклорному фонду», в силу чего преемственность народно-творческих традиций в литературе предстает как процесс неосознанный. Что же касается второго уровня, то здесь — прием осознанный и обусловленный «сознательной силой художника» (Л. Толстой)¹⁵.

Как ни парадоксально, из логики суждения У. Б. Далгата получается, что фольклоризм — категория, присущая лишь так называемым развитым литературам. Но нам всегда казалось — и это подтверждается реальной действительностью, — что художественная литература, отпочковавшаяся от коллективных форм словесного творчества, есть творение индивидуально-субъективного эстетического сознания, и создается она художником слова безотносительно к тому, на каком уровне своего развития она находится на данном этапе — младописьменном или зрелом. Индивидуальное творчество — процесс осознанный, целенаправленный, и вряд ли правомерно вообще говорить о бессознательном характере обращения писателя к фольклорному эстетическому фонду народа. В зависимости от уровня литературного развития положение могут вступить равнозначность и тип фольклоризма, но никак не сама реальность фольклоризма, который характеризуется как «прямое или косвенное, но в любом случае осознанное и целенаправленное использование в литературе отдельных фольклорных образов, сюжетов, поэтических средств и т. д.»¹⁶. Кто и каким образом может игнорировать, например, что и в «Повести временных лет», и в «Повести о разорении Рязани Батыем», не говоря уже о «Слове о полку Игореве», обращение к фольклорным образительным средствам было актом далеко не бессознательным, не случайным?¹⁷

Разумеется, нелепо представить себе, чтобы кто-либо из исследователей мог заподозрить, скажем, младописьменные литерату-

ры киргизов или балкарцев, разговаривающих с миром голосом Ч. Айтматова и К. Кулиева, в неосознанном характере фольклоризма. Или отказать Рытхеу, Шесталову или Санги в сознательной обращенности их творчества к фольклорным истокам и мифологическим традициям своих народов. Вероятно, вопрос просто в типе и характере собственного пути развития тех или иных литератур, скажем, в их молодости, а не только в их хронологической близости к народному творческому опыту. Дело в том, что литература всегда, во все времена нуждалась и продолжает нуждаться в фольклоре. Но «в каждый исторический период фольклор «нужен» был литературе разными своими сторонами, в разном объеме, в разном отношении. В одни эпохи обращение к нему определялось одними потребностями, в другие — другими»¹⁸. В свете этого схема «осознанного» и «неосознанного» уровней фольклоризма скорее умозрительна, неубедительна и правдоподобие ее не более, чем кажущееся.

Впрочем, на интересные размышления наводят наблюдения за развитием исследований в области фольклорно-литературных взаимосвязей, проводящихся на местах, в национальных республиках. Простой просмотр публикации за 50—70-е годы дает в целом картину, которая позволяет установить, что в регионах с преобладанием молодых и **новописьменных** литератур, особенно в республиках советского Востока, изучению рассматриваемой проблемы уделялось несколько больше внимания, чем, скажем, в районах страны, располагающих более зрелыми традициями литературного развития. Отмечая в советской фольклористике все более ощутимые импульсы, идущие из национальных республик, В. М. Гацак указывает на целый ряд интересных работ, выполненных на стыке литературы и фольклора, в частности исследования о роли фольклорных традиций в формировании многонациональной литературной системы в Дагестане, о значении народного эстетического опыта в складывании художественных литератур в Бурятии и т. д.¹⁹ Думается, что здесь сказались причины двоякого — объективного и субъективного порядка. Во-первых, именно в этих регионах сами связи литературы с фольклором оставались достаточно интенсивными и непосредственными (но всегда осознанными!) и выступали в формах и типах достаточно наглядных и очевидных. С другой стороны, складывалось представление о фольклоризме как о некой атрибутике «младенчества» известного круга национальных литератур, «неразвитости» эстетического мышления тех или иных народностей.

«Архаизированному» взгляду на природу фольклорно-литературных связей обязано, на наш взгляд, и такого рода исследовательское обыкновение, когда обращение научного поиска к явлениям фольклоризма в русской или в других развитых литературах, как правило, затрагивало лишь художественный процесс относительно далекого прошлого, по преимуществу литератур средних

¹⁴ Далгат У. Б. Новые черты фольклоризма в современной советской литературе // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 184.

¹⁵ Далгат У. Б. Литература и фольклор. С. 13—15.

¹⁶ Емельянов Л. И. Указ. соч. С. 173.

¹⁷ Там же. С. 183.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Гацак В. М. Указ. соч. С. 15.

веков²⁰. Действительно, нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, когда он находит, что «средневековая литература сходна с фольклором прежде всего тем, что в ней приблизительно то же соотношение индивидуального начала и коллективного. В ней притушено чувство авторской собственности»²¹. Но едва ли из этого следует, что взаимодействие устно-поэтических традиций народа и современного искусства — реальность не более чем мнимая и не столь уже значительная, как это склонны представить отдельные авторы. Кроме того, вряд ли правомерно автоматически распространять положение, имевшее место многие столетия тому назад, на механизм и логику складывания фольклорно-литературных отношений на младописьменном уровне современного художественного развития, когда вступают в силу идейные и социально-эстетические факторы иного порядка.

Споры, дискуссии и разночтения вокруг понятия фольклоризма, его типов и их сущности, очевидно, во многом обусловлены усложняющимся характером самих литературно-фольклорных связей в современной культуре, а нередко и неодинаковым подходом исследователей к пониманию и толкованию проблемы фольклоризма, его места и функциональной роли как фактора межсистемной общности. Однако, как известно, споры лишь тогда имеют смысл, когда они не запутывают проблему, а ведут к ее прояснению. К сожалению, не все дискуссии в области фольклористики и литературоведения доведены у нас до заветной цели, а известная дискуссия о фольклоризме застряла на полпути, оставив уйму вопросов без ответа, в их числе вопрос о том, правомерно ли ставить фольклоризм в один ряд с другими «вторичными» (вплоть до промышленных) формами воспроизведения традиций народного искусства.

3

Опыт социалистических художественных культур, как младописьменных, так и многоопытных, обнаружил и подтвердил, что народные истоки остаются в числе основополагающих начал искусства на самых зрелых стадиях его развития, что фольклорная «фактура» составляет один из действенных факторов реальных эстетических завоеваний нашего времени. Завоевания эти получили всеобщее признание и озаменовали своего рода «возвращения» — на качественно новом уровне! — современного искусства к духовной памяти народа, к нравственным истокам бытия, к ценностям народного творческого мышления.

²⁰ Вспоминаются, например, такие крупные исследования, как *Чиковани М. Шота Руставели и грузинский фольклор*. Тбилиси, 1966; *Андреанова-Перец В. П. Древнерусская литература и народное творчество*. Л.: Наука, 1974; *Базанов В. Г. От фольклора к народной книге*. Л., 1973 и др. Даже упомянутое выше трехтомное ленинградское издание «Русская литература и фольклор» обращено в основном к классике XIX в.

²¹ *Лихачев Д. С. Рецензия на книгу П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства»* // Известия АН СССР, серия филологическая. В. 1. 1972. Т. 31. С. 76.

Вслед за литературой на передовые позиции шагнуло и литературоведение, обратившись как бы лицом к проблеме изучения народно-поэтических традиций искусства слова. Впечатление таково, что «спохватились» и в центре, где — уже с позиций фундаментальных достижений и новейших методологических завоеваний современной филологической науки — взят курс на глубокую и масштабную разработку сложной и актуальной проблемы, одинаково присущей и фольклористике, и литературоведению. Разумеется, надежной опорой для новых поисков послужил богатейший опыт предшественников, накопленный в известных трудах крупнейших историков художественной культуры и теоретиков эстетического наследия народа, таких как Д. С. Лихачев, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, П. Г. Богатырев, Ю. М. Соколов, В. Г. Базанов, Э. В. Померанцева, Н. И. Кравцов, а также В. М. Гацак, Б. Н. Путилов, П. С. Выходцев, Л. И. Емельянов и мн. др. Сейчас мы можем говорить о существенном сдвиге в постановке и реализации целого ряда важнейших вопросов литературно-фольклорного взаимодействия как применительно к отдельным национальным литературам, так и в общеметодологическом и теоретическом аспектах.

Если обратиться к достижениям последних лет в разработке и осмыслении проблем взаимодействия фольклора и литературы, то в первую очередь следует отметить три капитальных тома «Русская литература и фольклор» (Ленинград), монографические исследования Д. Н. Медриша «Литература и фольклорная традиция» (Волгоград), У. Б. Далгат «Литература и фольклор» (Москва), межвузовский сборник «Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора» (Воронеж), коллективный труд дагестанских фольклористов и литературоведов «Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана» (Махачкала) и др. Привлекает расширение круга рассматриваемых проблем и многообразие характеризующих аспектов, сочетание теоретической обобщенности со скрупулезной аналитичностью, этногеографической масштабности с этнокультурной сосредоточенностью на конкретике. Временами подкупает методологическая оснащенность поиска и концептуальная нацеленность выводов и предположений. Налицо разнообразие исследовательских подходов, обращение к историко-генетическому и сравнительно-типологическому рассмотрению, стадияльному и системному анализу, совмещение идейно-тематического и поэтического изучения эстетических ценностей.

Пусть не все в этих публикациях безупречно и равнозначно, пусть в чем-то недостает полноты и мотивировки, пусть порой кое-что вызывает возражение, но важен и ценен сам по себе тот свежий импульс, который вызвал к жизни дремавшие в забвении потенции поиска, тот пафос, который обещает проблеме фольклорно-литературных связей новый исследовательский уровень и подобающее ей по значимости место в структуре советской фольклористики, заодно — и советского литературоведения.

Представляется чрезвычайно важным, что современная фольклористика, к каким бы методологическим подходам и приемам иссле-

дователь ни прибегал, уяснила для себя, что при установлении характера взаимодействий литературы и фольклора, выявлении логики отношений между ними мы имеем дело с двумя вполне самостоятельными, глубоко отличающимися друг от друга, но находящимися в тесном и постоянном взаимодействии друг с другом художественными системами. Поскольку «начало искусства слова — в фольклоре» (М. Горький), литература соотносима с фольклором как принципиально различные этапы эстетического развития человека и общества — по всем системным параметрам, отраженным в структуре жанров и сюжетов, идейно-тематическим характеристикам, художественной основе созидания и восприятия. Сопоставимость обеих систем понятна, объяснима и необходима, ибо в художественном развитии человечества первая не просто продолжается во второй, а претерпевает существенную трансформацию: литература — не равнодушный преемник, а субстанция активная, требовательная, генерирующая и созидающая.

«Фольклор и литература, — писал В. М. Гацак, — это как бы два различных художественных состояния, если угодно, — две разные эстетические субстанции и поэтические системы. Между ними не только контакты, преемственность и взаимность, но и эстетическая эволюционная оппозиция. Именно здесь кроется одна из основных историко-теоретических проблем взаимоотношения литературы и народного творчества»²². Да, рассматривая народную поэзию и литературу в «ранге» носителей «двух различных состояний человеческой мысли, относящихся друг к другу «как ступень предшествующая и последующая», А. А. Потебня, верный своему историческому подходу к предмету, с присущей ему прозорливостью усмотрел разницу между народной поэзией и литературой «в способе изменения образа»²³.

Именно «в способе изменения образа» — суть проблемы соотношения двух эстетических систем на уровне поэтики. Отрадно далее, что нашей фольклористикой все более осваивается та неперемнная истина, что единственно предпочтительным научным основанием для дифференцирования и типизации «фольклоризмов» в литературном тексте может служить художественная функция фольклорного произведения. Иными словами, ценностная ориентация исследователя фольклоризма должна учитывать и исходить из того, что реализация устно-поэтического образа — в подлинном смысле этого понятия и истинном его значении — осуществляется в эстетической сфере и художественной структуре современной литературы и искусства, и только в ней.

Книга Д. Н. Медриша как бы подтвердила, что в самом подходе к изучению проблемы взаимодействия фольклора и литературы исследователи имеют дело с двумя художественными системами. Интерес к каждой из систем — устной и письменной у автора обуслов-

лен тем, что их взаимодействие, взаимовлияние и взаимопроникновение есть реальность, без учета которой наши представления ни о той, ни о другой, ни о складывающейся из них общей системе словесного искусства (Медриш ее называет «метасистемой») не могут быть полными. При этом для автора важны не только сами по себе эти системы, но и выявление общих, региональных и национальных закономерностей их взаимодействия, которые не обнаружить иначе как путем типологического сопоставления обеих сторон, стоящих на столь далеких друг от друга уровнях стадийального развития. Вместе с тем такое сопоставление обеих сторон в органическом сочетании с осмыслением их генетических связей открывает, по мысли исследователя, наибольшие возможности для решения, во всяком случае, для постановки, вопросов более общего характера, относящихся к словесному искусству как таковому²⁴.

Другим актуальным и интересным моментом внимания Д. Н. Медриша представляется вопрос о взаимном характере фольклорно-литературных связей, об обоюдном встречном «интересе» обеих систем друг к другу. В самом деле, взаимодействие фольклора и литературы предполагает влияние с той и другой стороны — так оно и есть в реальной истории художественного развития, хотя, как метко заметил В. Г. Базанов, «история знает и разлады, столкновения, противоборство двух художественных и идейных систем»²⁵. Поэтому дело не может сводиться лишь к изучению фольклорных истоков литературы; оно подразумевает и исследование «последствий» фольклорных проникновений, их дальнейших судеб в литературном окружении. Тесно соприкасаясь на этой почве, фольклористы и литературоведы в своем исследовательском подходе не могут, однако, руководствоваться лишь принципами и методами, заимствованными друг у друга. Вместе с тем выработка обоими «лагерями» собственных методологий отнюдь не означает из взаимную нетерпимость и тем более противоборство, «тяжбу». Как подчеркивает автор книги, «произведения фольклора могут стать предметом литературоведческого анализа, а произведения литературы — оказаться в поле научных интересов фольклориста. В первом случае в центре внимания будет фольклор как искусство слова, во втором — фольклоризм писателя»²⁶.

Разумеется, работа Д. Н. Медриша не во всех постановках и ре-

²⁴ Медриш Д. Н. Указ. соч. С. 12, 14.

²⁵ Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1973. С. 5.

²⁶ Медриш Д. Н. Указ. соч. С. 10. Обращает внимание противоречивый характер суждений многих авторов вокруг фольклористического и литературоведческого подходов к изучению литературно-фольклорных связей. В упомянутой выше работе Л. И. Емельянова, например, мы читаем, с одной стороны, что «исследования этого рода — это исследования, посвященные либо самим проблемам фольклора, либо общим вопросам эстетики». А с другой, рассматривая фольклор как одну из традиций литературы, автор считает, будто вопрос отношения обеих систем «должен быть целиком внесен в область литературоведения», и «проблема взаимоотношений литературы и фольклора должна стать проблемой в полном смысле слова литературоведческой» (Емельянов Л. И. Указ. соч. С. 196—197). Не только не последовательно, но и весьма спорно и не очень убедительно.

²² Гацак В. М. Роман и фольклор: Ион Друцэ. «Бремя нашей доброты» // Роль фольклора в развитии литератур народов СССР. М.: Наука, 1975. С. 18.

²³ Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 393.

шениях безупречна. Встречаются в ней положения, побуждающие к возражениям и сомнениям. Досадны отдельные стилистические небрежности, а порой и издержки «затеоретизованности»²⁷. Однако несомненным представляется то, что благодаря глубокому проникновению в природу генетических связей фольклора и литературы, вдумчивой попытке осуществить сопоставительный анализ и выявить типологические соответствия, успешному применению системного подхода к характеристике их функционирования как двуединого процесса художественного развития многолетний труд Д. Н. Медриша стал реальным шагом в разработке проблемы фольклорно-литературных связей.

4

Характеристика генетических системообразующих отношений, в которых находятся фольклор и литература, и обстоятельный анализ важнейших сторон трансформации фольклорной поэтики в литературную на различных уровнях и стадиях развития составляют, пожалуй, наиболее плодотворные аспекты работы У. Б. Далгат «Литература и фольклор», представляющей собою исследование во многих отношениях итоговое и обобщающее. Рассматривая вопрос главным образом с его литературоведческой стороны, наблюдая за проявлениями как межсистемной «оппозиции», так и «апелляции» литературных жанров к фольклорным, характеризуя «поведение» фольклорных элементов в литературном контексте, в литературной иносистеме, автор методично и доказательно возражает против устоявшейся концепции разрушения литературных канонов под воздействием устно-поэтических традиций и демонстрирует то идейно-эстетическое богатство и индивидуально-неповторимое своеобразие, которые обретает литературное произведение благодаря обращению художника к коллективному духовному сознанию, творческой корреляции и художественному синтезу фольклорных приемов в литературном творчестве.

Ценными представляются наблюдения У. В. Далгат за формообразующей функцией фольклорного «вклада» в литературу. Изучение соотношений обеих эстетических систем, выяснение процесса их взаимопроникновения исследователь смело переносит на плоскость жанрового и структурного, композиционного и образно-стилистического, функционального и коррелятивного плана. Автор резонно исходит из той реальности, что относительно молодые лите-

²⁷ К таким могут быть, на наш взгляд, отнесены нарочито усложненные рассуждения автора, например, по поводу фольклорного типа повествования: «наличие непроницаемых... видов высказывания — речи повествователя и прямой речи — изоморфно протеканию времени по закону хронологической несовместимости». Или суждение: «Отказ от хронологической несовместимости позволяет придавать описанию и повествованию различные, в том числе и противоположные первоначальной роли темпоральные функции». Или такое утверждение: «В нарративном фольклоре... момент повествования перелевантеп...» (Медриш М. Д. Указ. соч. С. 63). Аналогичным образом окрашены рассуждения автора и о лирической ситуации в фольклоре и литературе, о природе вымысла (с. 162).

ратуры исторически и структурно более близки к фольклорным истокам и в силу этого в них легко читается преобладание тех же жанровых традиций, которые доминировали в фольклоре. Достоверны, в частности, выводы о жанрообразующем воздействии фольклорных форм на литературное развитие народов Северного Кавказа, о преимущественном развитии в литературах многих народов данного региона эпических жанров, в то время как у народов Дагестана литературы на заре своего становления оказывали предпочтение жанрам лирическим, чему благоприятствовал большой эстетический опыт, накопленный в народной лирике, которая достигла здесь совершенных форм медитативной утонченной поэзии²⁸.

Интересны суждения автора относительно роли оппозиции индивидуальности коллективным принципам в становлении творческой личности и его «духовной индивидуальности» (К. Маркс) и связанной с этим логики формирования индивидуальных стилей²⁹. При этом устанавливается закономерная детерминация: «Чем больше становится оппозиция, чем больше выделяется из коллектива и усугубляется творческая личность, формируется ее «духовная индивидуальность», тем больше проявляется она в определенном стилевом выражении»³⁰.

Слов нет, закономерная связь и зависимость между оппозицией творческой индивидуальности народному типу эстетического мышления и формированием индивидуального стиля художника — в целом реальны и объективны. Вместе с тем в такой ли решающей мере эта закономерность безусловна и абсолютна, чтобы при «неопределенности» оппозиции фольклорной системе отказать художнику в индивидуальном стилевом своеобразии? Верно, что характер такого рода оппозиции столь же различен, сколь разнятся уровни развития той или иной национальной литературы. Но, видимо, из этого не следует, что младописьменная литература не способна — пусть даже на самых начальных стадиях своего становления — выдвигать художников яркой индивидуальности и неповторимой стилевой самобытности.

Как известно, фольклорные истоки относятся к числу важнейших факторов, «делающих стиль» художественного творчества во всех без исключения видах искусства. Собственно, стилевое многообразие советской многонациональной литературы — в значительной мере и от многообразия подхода различных художников к исполь-

²⁸ Далгат У. Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. С. 33. Следует, однако, заметить, что последующие изыскания дагестанских фольклористов и литературоведов вносят некоторые коррективы в привычную постановку. Оказывается, закономерность эта не абсолютна: по имеющимся наблюдениям, например, в жанровом составе поэзии кумыков эпическая традиция достаточно сильна. Суждение подтверждается и другим ярким примером — появлением еще в 1915 г. на кумыкском языке крупного эпического повествовательного жанра — романа «Амалхор» А. Ибрагимова, основанного по преимуществу на устно-поэтических народных преданиях, восходящих к событиям XVII века. Имеются данные, говорящие о том, что эпические традиции не были чужды также аварцам и лакцам.

²⁹ Там же. С. 62—63.

³⁰ Там же. С. 65.

зованию этнофольклорных традиций, составляющих в своей совокупности стилеобразующую системную общность. Ни одно из национальных искусств не может стоять в стороне от стилеобразующих процессов, в том числе и литературы молодые, «начинающие». Однако существуют и другие мнения.

«Многим младописьменным писателям, — пишет У. Б. Далгат, — еще, не хватает стиля». Хочется спросить: а так ли уж много в развитых, традиционных литературах писателей, у которых достаточно собственного стиля? Или: мало ли в современной литературной жизни художников, начисто лишенных «своей» индивидуальности? С. Стальский, как часто говорят, принадлежал одновременно и к фольклору и к литературе, хотя, на наш взгляд, в его лице мы имеем явление профессионально-литературное. Но кто может отрицать за знаменитым ашугом наличие яркой творческой индивидуальности и самобытного индивидуального стиля? А «младописьменный» Ч. Айтматов? Разве творческие завоевания киргизского писателя не есть явление уникальное в современной мировой литературе и разве он не стал им прежде всего благодаря стилю, который уже осознан и по праву может быть назван «айтматовским», стилем, сформировавшемуся во многом в силу постоянной творческой апелляции и оппозиции к родникам народного духовного опыта?

В рассматриваемом аспекте литературной оппозиции по отношению к фольклору уместны наблюдения Т. Г. Леоновой, прослеживающей на примере сатирической сказки Щедрина жанровую трансформацию народной сказки в сказку литературную³¹. Убедительная характеристика, даваемая исследователем сказке-пародии XIX века как факту литературной борьбы. Любопытно, что мотивы аналогичной борьбы слышны и в истории дагестанской литературы, в частности в творчестве Гамзата Цадасы, который в своих ранних поэтических сатирах пародировал жанровые и сюжетные образцы аварских народных песен о набегах. Это была оппозиция, и она была реализована уже на изначальной стадии встречи литературы с фольклором на таком высоком идейном и эстетическом уровне, что межа между двумя этапами художественного развития была помечена достаточно резко, а поэтика и стиль одного из крупнейших национальных писателей Дагестана в этих произведениях были индивидуализированы вполне четко и зримо.

Вообще следует иметь в виду, что индивидуальный стиль — явление далеко не обыденное, это достояние лишь подлинного художника слова. Нет стиля — нет и художника в истинном значении этого слова. И тем не менее выдающихся художников может дать любая национальная литература — как традиционная и развитая, так и новописьменная и малоопытная — независимо от численности народа, духовному гению которого данная литература принадлежит. При этом не допустимы ни дискредитация роли устно-поэтических традиций народа в художественном развитии современного общества,

ни недооценка творческих возможностей нового искусства в успешном освоении духовного опыта прошлого и коллективной памяти народа.

Разумеется, освоение опыта и памяти в данном аспекте предполагает прежде всего обращение к «памяти жанра», «памяти языка» как наиболее устойчивым категориям поэтики словесного искусства, и в частности фольклорной поэтики. Речь не только о жанрово-родовой структуре словесности, но и о поэтике в самом широком смысле этого понятия. Именно поэтика является, на наш взгляд, тем заветным и реальным уровнем, на который необходимо поднимать теоретическое изучение вопроса литературно-фольклорных связей. И именно в силу этого план взаимодействия двух систем на известных этапах художественного развития должен быть непременно учтен при постановке и решении проблемы изучения исторической поэтики фольклора и литературы, ибо как раз в области поэтики эти связи находятся в прямой зависимости от исторического, поэтапного, восходящего художественного развития того или иного народа, общества, человечества в целом. Не случайно М. Б. Храпченко сетовал на то, что «преемственные связи, существующие в истории поэтических средств, изучены еще крайне слабо»³². При этом следует иметь в виду, что проблема изучения вопросов взаимодействия поэтики литературы и фольклора — не из простых, ибо лежит на стыке литературоведения, фольклористики и лингвистики и потому составляет малоработанный комплексный аспект, который может быть рассмотрен и до конца разрешен не иначе как усилиями всех трех наук.

Плодотворен подход и к осмыслению современных нравственно-философских исканий советской литературы в связи с традициями устно-поэтического творчества народа. В плане использования «эмоциональной энергии, накопленной человечеством в процессе художественного творчества с незапамятных «мифических» времен»³³, рассматривает, например, У. Б. Далгат трансформацию и переосмысление темы поиска истины и смысла жизни, противоборства Добра и Зла, темы заступничества за угнетенных в романе Ч. Амиреджиби «Дато Туташхиа». Интерес современной литературы к героико-эпической теме национальной истории демонстрируется на примере поэмы С. Наровчатова «Василий Буслаев», анализируемой в плане коррелятивных соотношений фольклорно-литературных форм и на уровне жанрообразующих и стилеобразующих функций народно-поэтических образно-языковых средств. Фольклоризм же произведений Б. Шинкубы прослеживается, с одной стороны, в плане выявления фольклорно-этнографического контекста произведения и, с другой, характеристики ингредиентов фольклорных элементов в составе современного эпического повествования.

Дифференцированно подходит автор и к анализу фольклорно-ми-

³¹ Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке. Томск, 1982. С. 146—192.

³² Храпченко М. Б. Историческая поэтика: основные направления исследования // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 78.

³³ Эбанидзе А. Не храм, а мастерская // Вопросы литературы. 1978. № 5. С. 79.

фологических мотивов в творчестве целого ряда самобытных национальных художников, создающих произведения по преимуществу на русском языке. Если в фольклоризме у И. Базоркина преобладает трансформация, а у В. Санги — принцип внесистемной переработки памятников народного творчества, то у Ч. Айтматова, в частности в его «Белом пароходе» и «Пегом псе, бегущем краем моря», фольклоризм характеризуется с точки зрения внутрисистемных связей, принцип которых стал, по мнению У. Б. Далгат, «господствующим в современной литературе, так или иначе обращающейся к фольклору». Иллюстрируя особенности фольклоризма современного писателя, представляющего литературу на наивысшем уровне ее развития, исследователь делает акцент на системообразующие, конструктивные функции фольклора, на стилиобразующую гармонию взаимодействия форм в системе выдающегося художника и при этом сосредоточивается на проблеме мифологизма в творчестве Ч. Айтматова, рассматриваемого в рамках фольклоризма на уровне морально-психологического переосмысления мифа и сказки.

В плане осмысления характера и типа трансформации народно-поэтических традиций в современной литературной сказке богатый опыт представляет творчество В. М. Шукшина³⁴. В сущности, в повести-сказке «Точка зрения» и сказке «До третьих петухов» рельефно обозначилась главная тенденция современной литературной сказки, определившей самостоятельное направление в развитии исторически сложившегося типа взаимосвязей фольклора и литературы в новых условиях. Шукшин в них, по наблюдениям Леоновой Т. Г., демонстрирует новые возможности в использовании фольклорных образов и приемов в их изначальных и трансформированных функциях во взаимодействии с сугубо авторскими. Фольклорное и авторское здесь синтезировано и подчинено общей цели³⁵. В сказках В. М. Шукшина обнаруживается развитие приемов комического, известного как комизм сходства и комизм отличий (В. Я. Пропп), и новаторство в совмещении этих двух приемов. Герои его сходны и с фольклорными, и с современными — одновременно.

5

Понятие «мифологизм» сплошь и рядом соседствует с понятием «фольклоризм», не становясь, однако, от этого ни проясненнее, ни бесспорнее. Термин этот при всей своей высокой употребительности продолжает оставаться практически не установленным в научном его значении. Очень часто он воспринимается как некий «магический жест» и «загадочное таинство» соединения представ-

³⁴ Думается, нашу фольклористику можно упрекнуть в невнимательности к целому ряду замечательных «сказочных» сюжетов, разработанных выдающимся русским писателем. Лишь в самое последнее время произведения В. М. Шукшина стали объектом фольклористского анализа.

³⁵ Леонова Т. Г. Современная русская литературная сказка и народно-поэтическая традиция // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 246.

лений и идей. Тем не менее, «мифологизм» — вполне реальный структурный элемент современного искусства слова, художественная цель которого — в «стремлении глубже познать человека в его родовой, субстанционной сущности и в смысле самого бытия его на земле»³⁶.

К сожалению, в отдельных литературоведческих трудах ощущается тенденция к неоправданному преувеличению места и значения условных типов изображения в современном художественном процессе. К числу этих тенденций Л. Новиченко справедливо относит, например, приемы безудержной деформации изображаемого, уточненные эксперименты над художественным временем и пространством, сплошную мифологизацию образного строя. Иногда можно услышать, замечает исследователь, будто только такие формы таят в себе подлинный новаторский потенциал³⁷. Имеют место даже попытки свести смысл современного мифологизирования к одному из существенных аспектов интеллектуального философского романа, причем такого мифологизирования, которое будто находится «в сложном синтезе с интеллектуализмом чисто европейского типа» (Е. М. Мелетинский). Как тут не обратиться к известному замечанию В. И. Ленина, который одну из психологических предпосылок подобного рода в эстетических ориентациях увидел в «бессознательном почтении к художественной моде, господствующей на Западе»³⁸.

Все премудрствования вокруг понятия и явления современной мифологизации художественного творчества отпадают, как только исследователь перестает пасовать перед кажущимся парадоксом, заключающемся в том, что в сознании и под пером подлинного художника-реалиста сказка и миф сверкают красками прочных эпических традиций народа и ярко выраженной национальной художественности и становятся эффективным средством реалистического письма. Поистине, миф — это вымысел, но такой, в котором отразились нравственный и эстетический идеалы народа. Как говорил А. Блок, вся область народной магии и обрядности — это та руда, где блещет золото неподдельной поэзии; то золото, которое обеспечивает и книжную, «бумажную» поэзию — вплоть до наших дней»³⁹. А. С. Есенин, находивший в народном искусстве надежную опору для будущего искусства, «с одной стороны, в мифологии и фольклоре черпал материал для метафоры, с другой — искал оправдания своим идейным и художественным концепциям»⁴⁰. Концепциям, которые тесно связаны с актуальными проблемами современной художественной практики, а вместе с ней и теории литературы.

Пожалуй, один из ярких и убедительных образцов переработки

³⁶ Новиченко Л. Вечно новый реализм // Избранные работы. М.: Худож. лит., 1985. С. 58.

³⁷ Там же. С. 5..

³⁸ Ленин о литературе и искусстве. М.: Худож. лит., 1979. С. 657.

³⁹ Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 37.

⁴⁰ Баганов В. Г. Древнерусские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Миф, фольклор, литература. Л.: Наука, 1978. С. 249.

и освоения мифологического структурного элемента представляют собой повести Ч. Айтматова, хотя бы те же «Белый пароход» и «Пегий пес...» Айтматов не просто воспроизводит патриархальный миф, он подчас «разрушает» его во имя современного его прочтения. В «Пегом псе...», например, автор выступает в образе эпического героя, для которого древние мифы — самая серьезная реальность и безусловная правда⁴¹. Миф в повествовании крупного мастера приносит «второй план и глубинную перспективу» (В. Кубилюс) и как народная традиция прочно живет в реалистическом методе Айтматова. Так прочно, что читатель не сомневается в реалистичности выдвинутой идеи и высказывания.

Да, чрезвычайно важно, подчеркивает Ч. Айтматов, чтобы читатель был «уверен в моральном праве того или иного писателя на свое «необычное» видение и изображение жизни, которому бы он мог верить безоговорочно. Нравственность искусства, убежден, проявляется в той мере, в какой читатель верит или не верит — не писателю, а человеку. И в этом один из принципов подлинного реализма, определяющий меру условности искусства, достоинства стиля, его языка»⁴². Айтматовское кредо реалиста — это кредо на стадии развитого реализма, характеризуемого самым высоким уровнем художественной индивидуальности, при котором «наблюдается яркая самобытность в обращении писателей к фольклору. Известная личностная автономность крупного художника по отношению к общему движению искусства сказывается и в сфере конкретных контактов с народной поэзией»⁴³. Добавим: и мифологией.

Мифологизм в реалистическом искусстве созвучен времени, конкретнее — современности. Глубоко освоив очевидную закономерность мифологизма в искусстве реализма, М. Пришвин в дневнике 1948 г. прозорливо заметил: «Мифологизм — вот что даст нам литература в ближайшем будущем»⁴⁴. И действительно, как выяснилось вскоре, «миф, поэтическая легенда, предание глубже подтверждает историческую реальность нашего сегодняшнего существования»⁴⁵.

Встречаются еще суждения, будто фольклорные традиции представляли собою серьезные помехи на пути становления социалистического реализма, помехи, без преодоления которых искусству грозит застой. В представлении отдельных, в их числе и современных, историков дагестанской литературы обращение к фольклору задерживало, затормаживало социальный анализ действительности. Глубокое заблуждение любителей списывать неудачи литературы

на фольклор — а такая тенденция долго довлела над литературной наукой и критикой, особенно в республиках советского Востока, — от непонимания того, что фольклорные традиции сами по себе не могут быть ни консервативными, ни стимулирующими по отношению к литературе, что эти традиции могут и мешать, и помогать развитию реалистического письма, как в литературах опытных, так и в молодых. Все дело в том, как художник обращается с ними — творчески или нетворчески. Как заметил Д. С. Лихачев, «искусство в реализме не сбрасывает с себя традиции, но овладевает ими. Вместо подчинения традициям оно подчиняет их себе»⁴⁶. Литературе и надобно «овладевать» фольклорной традицией.

В большинстве своем неудачи в опоре на фольклор проистекают от того, что иные из художников исходят не от жизни в ее бытовой реальности, а перепевают или перелагают мотивы, навеянные фольклорным источником, используя их скорее как декорацию и стилизуя произведение под дурной традиционализм, а порой, гонясь за дешевыми приемами этнографизации и экзотизации жизни и искусства, словом, впадая в абсолютную формалистическую зависимость от фольклорного художественного опыта. Устное народное творчество значимо достоверностью исторической и этнографической, психологической и изобразительной фактуры, и первейшая заповедь художника, обращающегося к родникам духовного мышления народа, — избежать и преодолеть книжное, внефольклористское представление как о фольклоризме, так и о самом фольклоре, являющемся средоточием нравственного и эстетического опыта народа, его гуманистических идеалов и художественной энергии. Именно здесь важный путь к народности литературы, которая, конечно, заключается не во внешних приметах и атрибутах, а в народном духе и национальном образе мышления.

Действительно, в органической связи с проблемой фольклоризма встает и проблема народности, проблема реализма. «Народность, — писал еще Н. А. Добролюбов, — понимаем мы не только как умение изобразить красоты природы местной, употребить местное выражение, подслушанное у народа, верно представить обряды, обычаи и т. п. ... Чтобы быть поэтом истинно народным, надо больше: надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ...»⁴⁷. Недаром выдающиеся национальные художники слова каждого народа всегда были крупными знатоками фольклора, замечательными «старателями» несметных языковых и изобразительных богатств, заложенных в недрах народного поэтического творчества. Известно, что при создании своих чудесных сказок А. С. Пушкин инстинктивно почувствовал потребность пожить непосредственно в стихии живой народной речи, проникнуться ее строем и звучанием, и он утолил

⁴¹ *Мирза-Ахмедова П. М.* Национальная эпическая традиция в творчестве Ахматова. Ташкент, 1980. С. 80.

⁴² Лит. газ. 1978. 19 марта.

⁴³ Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX в. Л.: Наука, 1982. С. 10—11.

⁴⁴ Цит. по: *Бармин А. В.* О природе мифологизма в эпическом повествовании (на материалах советской поэзии) // Миф, фольклор, литература. Л.: Наука, 1978. С. 110.

⁴⁵ *Якименко Л.* Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 30, 31.

⁴⁶ *Лихачев Д. С.* Искусство памяти и память искусству // Лит. газ. 1982. 15 дек. С. 4.

⁴⁷ *Добролюбов Н. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 260.

эту жажду народного чувства и народного духа на практике. Так что высшего эффекта фольклоризм достигает как раз тогда, когда литературная оценка действительности не расходится, а совпадает с «народным мнением об истории» (М. Горький). Да и опыт становления и развития многонациональной советской литературы дает убедительное подтверждение того, что народность самым тесным образом связана с фольклорными истоками искусства. Народность в сущности своей воспринимается в ряду лучших эстетических завоеваний прошлого, унаследованных реализмом.

Разумеется, из сказанного отнюдь не следует, что народность искусства проявляется лишь в фольклоризме, что народность исчерпывается последним. Прав Л. И. Емельянов, когда он протестует против попыток канонизировать фольклоризм, возведя его в своего рода «философский камень» народности, представлять его чуть ли не как нечто единственно обязательное, непременно детерминирующее художественный метод литературы. «В своих отношениях с фольклором реализм исходил не только из признания его объективных возможностей в «строительстве» литературы, но и из осознания его исторической ограниченности в условиях усложнившихся задач художественного развития общества... В таких сферах, как искусство композиции, как индивидуализация образа, как чувство конкретного объекта отражения и связанное с этим единство и полнота выражения, литература в силу естественных условий располагала несравненно большим опытом, чем фольклор, и не могла, конечно, учиться у него всему этому»⁴⁸.

Более того, даже обращение литературы к фольклорному художественному опыту происходило на такой широкой и глубокой творческой и эстетической основе, что позволило литературе выявить в фольклорных недрах такие возможности, которые в своем родном лоне не получали реализации. А это означает, что подлинное понимание истинного значения народных традиций, возрождение и эстетическое воспроизведение народной памяти и «народного мнения» о прошлом и настоящем способен дать лишь творческий метод, имеемый реализмом, метод, который только и может обеспечить «мобилизацию» всех художественных сил нации, всех завоеваний, достигнутых в процессе художественной деятельности народа.

Таким образом, народность искусства как один из основополагающих принципов и требований социалистического реализма, воспроизводящего действительность в формах самой действительности, предполагает органическую слитность двух сущностных начал искусства — апелляции к творческому опыту, выраженному в образном народном мышлении, к фольклорной поэтике, с одной стороны, и сопричастности к духовному потенциалу современности, его высшим завоеваниям, с другой. Народность же и роднит литературу и фольклор как взаимосвязанные и взаимообусловленные эстетические системы, в которых как бы отражается личность народа и

реализуется его совокупный духовный потенциал. Отсюда настоятельная необходимость и принципиальная важность рассмотрения фольклорно-литературных связей как фактора развития реализма в социалистическом искусстве.

Вместе с тем необходимо помнить, что, неся на себе определенный груз обязательств по отношению к народному художественному опыту, к фольклорному наследию, «реализм не делал из фольклора культа, но и не накладывал на него никаких запретов». Несмотря на реальность и масштабность эстетического вклада фольклора в литературу, последняя даже в периоды самых активных увлечений фольклором не утрачивала своего «эстетического суверенитета». «Реализм в этом смысле был вершиной ее интеллектуального развития, показателем ее наивысшей зрелости — социальной, философской и художественной». Отношение же реализма к фольклору, как уже отмечалось, не исчерпывалось простым фольклоризмом. Реализм открывал в фольклоре неизведанные творческие возможности, широко использовал их в своем становлении и развитии, не предписывая никаких рецептов и условий, за исключением, пожалуй, одного: чтобы привлечение фольклора осуществлялось в той мере, в какой это позволяет характер самого предмета отражения, и «использование это всегда было целесообразно, художественно оправдано, созвучно эстетической природе реализма»⁴⁹.

Приведенные наблюдения и соображения относительно роли и места фольклорных традиций в судьбах народности искусства и творческого метода литературы лишь подтверждают важную закономерность, заключающуюся в том, что одно из действительных проявлений народности искусства заключено в фольклоризме, хотя и не исчерпывается им. Она же роднит литературу и фольклор как взаимосвязанные эстетические системы, в которых отражается личность народа. Отсюда настоятельная необходимость рассмотрения фольклорно-литературных связей как фактора развития реализма в социалистическом искусстве. Объективная потребность и нужда в специальном исследовании фольклоризма в искусстве социалистического реализма с присущей последнему поэтикой социального анализа и осознанного историзма⁵⁰. И не только. Анализ этот обнаружит, что поэтика реализма ни в коей мере не чуждалась всего многообразия средств, приемов, путей из арсенала эстетических завоеваний человеческого гения, не исключая ни символики, ни мифологизма, ни фантастики; что реализм вполне уживается с традициями прошлых эпох. Фольклор для развития литературы реализма служит как бы «обогащительной фабрикой» (Д. Н. Медриш), и обращение к нему — само по себе один из существенных факторов становления и развития основного художественного метода советской литературы. Ибо, как писал Ч. Айтматов, «миф, включенный

⁴⁸ Емельянов Л. И. Указ. соч. С. 190—191.

⁴⁹ Емельянов Л. И. Указ. соч. с. 190, 192.

⁵⁰ Гацук В. Фольклорное наследие СССР — достояние новой социальной и интернациональной общности. С. 13.

в реализм и сам ставший реальностью жизнеощущения человека, — свежий ветер, наполняющий паруса времени и литературы»⁵¹.

6

На принципиально важную сторону исследования литературно-фольклорных взаимоотношений обратил внимание И. С. Брагинский, осмысливая судьбы и прослеживая пути таджикской народной поэзии. Речь идет о таком исследовательском подходе, когда литературное произведение может быть использовано как источник для изучения фольклора, для воссоздания фольклорной традиции народа. В сущности, научное представление об огромном поэтическом наследии таджиков, охватывающем чуть ли не целиком все средневековье, в силу известных причин могло сложиться и действительно сложилось благодаря опосредованному изучению письменной литературы — от Рудаки до *Насафи*. И лишь народное творчество, относящееся к более поздним эпохам XIX-нач. XX в., изучено здесь непосредственно, по появившимся записям⁵². Аналогичны наблюдения В. П. Андриановой-Перетц о возможности использования памятников русской литературы в качестве основы для воссоздания истории национального фольклора в средние века. Оказывается, отдельные литературные памятники, такие, скажем, как «Слово о полку Игореве», позволяют судить не только о внешнем облике и общем содержании, но и о поэтической форме отраженных в них сюжетов и мотивов устного народного творчества. Более того, «Слову» принадлежит известный примат в формировании представления о фольклорной основе памятника⁵³.

История мировой литературы преподносит немало примеров того, как явления и герои из народных легенд и преданий обрели свое подлинное величие и звучание лишь в индивидуально-авторском их переосмыслении и трансформации. Так, образ Фархада был впервые намечен у Фирдоуси на базе старинных легенд, но в народное сознание, собственно в устно-поэтический, фольклорный багаж народа он вошел уже после Низами, давшего подлинно художественную разработку образа. Далее, лишь в творческой обработке Гете обрела свое классическое звучание и мировое идейно-художественное значение немецкая народная литература о Фаусте, ставшем нестареющим образом интернационального масштаба. И разве не увлекательная легенда о великане Гаргантюа и народная книга о нем послужили непосредственным источником для Рабле при создании его знаменитого романа? Аналогичны творческие судьбы того же Уленшигеля или Санчо Панчо, образы которых были заимствованы Шарлем де Костером и Сервантесом из народных

⁵¹ *Айтматов Ч.* Кирпичное мироздание или энергия мифа? /Лит. газ. 1978. 29 марта.

⁵² *Брагинский И. С.* Из истории таджикской народной поэзии. М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 339.

⁵³ *Андрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л.: Наука, 1974. С. 5.

преданий, но ими же и возведены в эталонные создания творческого гения человечества.

Так что проблема так называемого устного бытования литературного произведения — проблема исторически вполне реальная, и многие «народные книги» действительно пришли в народ из литературы. Но, как подтверждает В. Базанов, они не просто «спускались» в народ... Они перерабатывались не только авторами, писавшими для народа, но и самим народом, который переосмысливал сюжеты мировой литературы и вносил в них новые, неведомые «высокой литературе» мотивы. И затем эти же сюжеты и мотивы, переработанные народом, снова входили в литературу, обогащая ее⁵⁴.

В течение эпох и веков происходила своего рода творческая циркуляция между литературой и фольклором, взаимное общение которых носило непрерывный характер и имело результатом обогащение обеих систем. Как в художественном развитии человечества фольклор продолжается в литературе, так и литература возвращает фольклору свои долги, притом с процентами. Процесс такого встречного движения двух систем, могущего быть схематически изображенным формулой «фольклор — литература — фольклор», протекал как в идейном плане, так и в аспектах «формальных», эстетических. Взаимообогащение литературы и фольклора — одна из плодотворных закономерностей их общего развития, сохранения и приумножения основных принципов, выработанных народом на протяжении веков и оплодотворенных в современную эпоху социалистическими идеями. Изучение его безусловно имеет принципиальное значение — и для фольклора, и для литературы.

С другой стороны, наблюдения лишь подтверждают мысль о том, что «подготовка литературных явлений» действительно происходит еще в фольклоре (А. Потебня), а «некоторые специфические фольклорные процессы ищут своего завершения в литературе»⁵⁵. Более того: фольклорная специфика порой способна на большее самооткрытие в литературном отражении. Фиксируя и характеризуя зависимость художника от фольклорных традиций, Л. И. Емельянов замечает, что в отношениях писателя с фольклором действует «своего рода закон превращения энергии: усваивая фольклор как одну из форм энергии, писатель превращает ее во многие другие, качественно отличные формы, в которых специфические признаки этой «привычной» формы исчезают, но которые тем не менее обязаны ей в какой-то мере своим происхождением»⁵⁶. Веками впитываясь в литературу, устно-поэтическая традиция народа не консервируется в фольклорных лабораториях и хранилищах, а проявляет большую продуктивность именно в литературе. И обнаружение больших традиций, процессов и явлений в недрах фольклора, еще на подходе к литературе, выявление метрической родословной фольклорных процессов, возрождающихся и преобразующихся в лоне лите-

⁵⁴ *Базанов В.* От фольклора к народной книге. С. 6—7.

⁵⁵ *Ничев Б.* Увод в южнославянский реализм. От фольклора к литературе и эстетическая развои на южните славян през XVIII и XIX век. София, 1971. С. 90.

⁵⁶ *Емельянов Л. И.* Указ. соч. С. 176.

ратуры, — дело опять-таки в равной мере и фольклористов, и литературоведов.

Таким образом, проблема изучения фольклорно-литературных связей в данном аспекте встает как двуединая задача осмысления, с одной стороны, роли фольклора в литературном процессе и, с другой — тех повадий, которые возникают в народном творчестве под воздействием литературы. Между тем аспект воздействия литературы на фольклор как научная проблема не стал еще объектом серьезного внимания и обобщающих исследований. Главенствующая роль при рассмотрении литературно-фольклорных взаимоотношений пока еще отводится точке зрения литературы, в то время как точка зрения фольклора учитывается как бы мимоходом и то в довольно редких случаях. Иными словами, больше характеризуются зазоры национальной литературы к фольклору, но вне поля зрения остается вопрос о способности самого фольклора откликнуться, ответить, удовлетворить эти вопросы литературы⁵⁷.

Очевидно, историко-литературный план исследования, какие бы широкие масштабы ему ни придавали, сам по себе не в состоянии исчерпать все принципиально важные аспекты проблемы фольклоризма. Направляется существенный поворот исследовательского внимания к фольклористическому подходу в анализе фольклоризма — естественно, не за счет забвения и игнорирования литературоведческого аспекта. Органическое сочетание всех приемлемых подходов и приемов наилучшим образом может дать, на наш взгляд, изучение литературно-фольклорных связей в системно-типологическом плане, нужда в котором ныне ощущается с собой остротой и наглядностью.

Обращаясь к проблеме изучения типологии фольклорно-литературных отношений, Б. Н. Путилов затрагивает такой интересный, сложный и потому все еще не проясненный вопрос, как единство историко-фольклорного процесса. В данном аспекте необходимо учитывать структурную многосложность любого национального фольклора, неоднородность связей различных жанров с действительностью, с которой каждый из них имеет свои сферы и свои принципы отношений. Надо также иметь в виду, что в фольклоре нельзя наблюдать прямых откликов на происходящее в действительности в той наглядности, как это имеет место в литературе, ибо «историко-фольклорный процесс в принципе течет медленнее, уподобляясь в этом отношении не темпам литературной жизни, но темпам и характеру бытовой жизни народов, движению его культуры в целом, языку»⁵⁸. Необходимо считаться и с тем, что в литературе, в профессиональном искусстве вообще, происходит неуклонный процесс накопления культурных богатств, сохранения и даже возрождения наследства, в то время как в фольклоре, если оно утрачено народной памятью,

уже не восстановимо, а пока оно живет — оно является живым наследием и подчинено иным, чем литература, законам⁵⁹.

Таким образом, дело не только в том, что развитие фольклора не совпадает с развитием литературы — как по стадильности и содержательности, так и по темпам и внутренней обусловленности. Более того, «фольклорный процесс в принципе независим от литературного, не синхронен и не подобен ему». Фольклорный процесс идет своим путем, обуславливается своими специфическими закономерностями. И именно «в рамках этой специфики могут быть рассмотрены и должны получить свое историческое объяснение факты влияния литературы на фольклор, случаи «аналогий» и параллелизма, проявления в фольклоре «литературности»⁶⁰.

Вместе с тем представляется не во всех своих нюансах точной и бесспорной категоричность Б. Н. Путилова в сведениях несинхронности и самостоятельности фольклорного и литературного процессов к отрицанию их взаимосвязанности и даже взаимообусловленности. И, как нам представляется, не столь уж парадоксально и алогично то, в чем автор видит парадоксальность: а именно то, что фольклорное творчество, «возникнув и развиваясь в классических формах как независимое от творчества литературного и предшествующее ему, ведомое своими закономерностями, на поздних этапах развития обнаруживает тенденции к сближению с литературой в ряде принципиальных моментов»⁶¹. Согласитесь: сближение фольклора с литературой — весьма существенный момент фольклорно-литературных взаимосвязей, наводящий на размышления о генетических корнях этих связей.

Разумеется, и это элементарно, привычные измерения историко-литературного процесса никак не могут накладываться на процесс историко-фольклорный. В этом плане невозможно не солидаризироваться с Б. Н. Путиловым, у которого возникают возражения, «когда сама история фольклора подверстывается к истории литературы и как бы растворяется в ней, когда даже при независимом рассмотрении истории фольклора в основу кладутся принципы литературоведческого подхода, когда заведомо предполагается, что развитие фольклора идет по тем же закономерностям и с теми же особенностями, что и развитие литературы, что к нему приложимы те же схемы и критерии»⁶².

И в этом нам видится одна из важнейших принципиальных методологических предпосылок изучения литературно-фольклорных связей.

К сожалению, в исследовательской практике все еще нередки случаи, когда системным подходом как таковым больше щеголяют, нежели пользуются широкими возможностями, заложенными в нем как методологическом принципе. Нет, это не модификация известного метода. И «торжествовать» он может не в декларации, а в реализации.

⁵⁷ См.: Медриш Д. Н. О системно-типологическом изучении литературно-фольклорных связей в области поэтики // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский сборник. Уфа, 1985. С. 102.

⁵⁸ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. С. 202.

⁵⁹ Там же. С. 200.

⁶⁰ Там же. С. 199—200.

⁶¹ Там же. С. 201.

⁶² Там же. С. 197—198.

Системный анализ потому и называется системным, что предполагает широкий, масштабный взгляд на объект исследования, всесторонний охват фактов, находящихся в определенном внутреннем единстве и обуславливающих его место в окружении реальных условий, внимательный учет аспектов, определяющих своеобразие его функционирования.

В нашем случае, например, анализ литературно-фольклорных связей мог бы обрести значительно большую полноту и системную представительность, если бы к анализу был привлечен ряд других, смежных видов искусства, которым присущи сходные явления и процессы. Это бы позволило проследить характерологическое их развитие, которое протекает в определенных временных, географических и этнических условиях как бы в унисон. Выход за пределы собственной дисциплины, своего рода межсистемная поисковая операция означала бы системность более широкого плана и уровня, своеобразную «междисциплинарную системность». Не следует думать, что возрастание интереса к народному творчеству относится лишь к области вербально-словесного наследия: в дагестанских, например, условиях обращение к фольклорному источнику для таких отраслей профессионального искусства, как театр, музыка, хореография, изобразительное и прикладное искусство, архитектуры, обрело статус условия чуть ли не фатальной необходимости, актуальности и эффективности. При этом в своем отношении к народным традициям все эти разновидности национального искусства обладают той общностью и единством, которые позволяют говорить о целостной системе национальной культуры. Подобное понимание проблемы дало бы возможность объединенными усилиями специалистов рассмотреть и осмыслить все виды искусства в их комплексной совокупности, всю художественную культуру в системной целостности. Известно, что именно на стыке отраслей культуры и соответствующих наук обнаруживаются нередко наиболее интересные процессы. Можно сослаться хотя бы на замечательный опыт Д. С. Лихачева, давшего блестящий анализ древнерусской литературы с привлечением, например, национального опыта иконописи.

Далее, с точки зрения системного подхода, для фольклористики и литературоведения важны не только сами по себе системы — устная и письменная, находящиеся, как известно, в постоянном взаимодействии. В смысле научного познания куда важнее и интереснее конкретное выяснение национальных и региональных закономерностей такого взаимодействия. Различное проявление общих закономерностей литературно-фольклорных взаимоотношений наблюдается не только на различных этапах исторического и художественного развития культуры, но и в связи с региональной и национальной принадлежностью последней. И дело не только в том, что проблема фольклоризма теснейшим образом связана с вопросом национальной самобытности искусства: на определенных стадиях литературного развития фольклор выступал в роли «своеобразного генетического кода» (П. Мовчан) национальной литературы. Очень важно, что в каждой национальной культуре между фольклором

и литературой устанавливается, своя, «национальная», система отношений, в которой общие закономерности получают своеобразное отражение. Не секрет, например, что фольклорные традиции во многом выступают как воплощение национальной эстетики, как выражение национального стиливого многообразия, как фактор модулирования литературного жанра у данного народа.

В том-то и дело, что исследователи фольклорно-литературных связей пока еще не переступили привычный порог и, строго говоря, не развернули глубокое научное осмысление общего и национально-специфического в этом процессе. Только этим можно объяснить встречающиеся порой недоразумения, когда исконно традиционное в искусстве квалифицируется как противоречащее новаторскому, несовместимое с ним, или любое новое, нетрадиционное в эстетическом решении воспринимается чуть ли не как «измена» национальному. Не сразу, например, был понят на своей родине Ч. Айтматов, с творчеством которого в сущности связан мощный взлет киргизской литературы, скачок, смысл которого — именно в новаторском сближении и соединении традиции с перспективой. Опыт Ч. Айтматова подтвердил, что «великие творческие индивидуальности... в некотором смысле «спорят» (а не отрицают! — Г. Г.) с первично национальным, ибо не только следуют ему, но и формируют его»⁶³. Он как бы нутром своим прислушался к мысли великого Гете, который считал, что каждый народ должен обладать правом и возможностью «сохранить свою особенность, с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность к всечеловеческому»⁶⁴.

Другой существенный аспект проблемы видится нам в выявлении и осмыслении иноэтнических фольклорных проникновений в художественную культуру данного народа, инонациональных фольклорных влияний на данную литературу, тех отношений между двумя эстетическими системами, которые могут быть охарактеризованы как «межнациональные фольклорно-литературные связи» — в отличие от «внутринациональных». Наличие таких связей — реальность, ставящая изучение взаимодействия национальной литературы и инонационального фольклора на различном национальном материале в один ряд с важнейшими аспектами проблемы. Это важно не только для обнаружения генетических основ отдельных литературных жанров, выявления особенностей эстетических категорий фольклоризма, характеристики специфических явлений в художественном процессе, но и для освящения целого ряда существенных сторон историко-культурного взаимодействия стран и народов в прошлом и настоящем. Проблема такого порядка правомерна, поскольку она производна от более общей задачи изучения фольклорного процесса в рамках национальных и одновременно выработки типологии этого процесса в рамках межнациональных, межэтнических —

⁶³ Национальное и интернациональное в советской литературе. М.: Наука, 1971. С. 153.

⁶⁴ Цит. по: Гацук В. М. Фольклорное наследие народов СССР... С. ii.

задачи, которую нельзя представить себе иначе как уяснение подлинного своеобразия народного творчества и которая продолжает будоражить мысль как один из насущных аспектов современной фольклористики⁶⁵.

Известно немало типов так называемого «инонационального» фольклоризма в эстетике национальной литературы. Многообразна эта связь в смысле воздействия, например, кавказского фольклора на эстетику русского романтизма. Соотнесенность в структуре образов и сюжетных ситуаций, цитирование фольклорных источников кавказских народов наглядно прослеживается в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского и т. д. А «Хаджи-Мурату» Л. Н. Толстого характерно, по наблюдениям У. Б. Далгат, изображение героя средствами не только литературными, но и заимствованными из горской народной поэзии, что ставит перед необходимостью учитывать двойную сущность анализируемых элементов — и фольклорную, и инонациональную — одновременно. Причем оба эти начала соподчинены целому, которое благодаря «сознательной силе художника» (по Толстому) достигает наивысшей сюжетно-тематической организации и эстетического выражения⁶⁶. С точки зрения стилистической соотнесенности инонациональной лексики, «чужого слова» в контексте повести, «перед нами в пределах одного контекста два речевых единства: единство авторского высказывания и единство высказывания героя»⁶⁷. Высшее проявление межсистемного синтеза на уровне стилеобразования.

Любопытен и другой пример, заимствованный нами у Р. Амонова, который, в свою очередь, ссылается на испанского фольклориста и литературоведа Рамона Менендеса Пидалья, исследовавшего арабскую поэзию на Пиренеях⁶⁸. В средние века, свидетельствует испанский ученый, «форма, известная под именем зиждаль, являлась простонародной заменой классической арабской касыды», в дальнейшем «андалузский зиждаль быстро распространился и в восточных мусульманских странах, в частности в соседствующем с Ираком Иране и в последующие века — от Марокко до Индии». «Очевидно, — заключает Р. Амонов, — зиждаль через Иран попал и в Среднюю Азию и благодаря своей простоте и мелодичности стал одним из излюбленных видов таджикской народной поэзии»⁶⁹. Перед нами классический случай, когда инонациональный литературный источник через длительный ряд опосредований попадает в данную национальную устно-поэтическую среду, благодаря чему становится фактором воздействия на жанровый состав националь-

ной поэзии — и фольклорной, и профессиональной.

И пример третий, относящийся к сравнительно недавнему прошлому дагестанской советской литературы. В 30—40-х годах из-под пера Гамзата Цадасы вышел обширный цикл литературных басен и сказок, представлявших собой творческую трансформацию и адаптацию сюжетов и мотивов всемирно известного памятника словесности Востока «Панчатантра», заимствованных автором непосредственно из арабоязычной его версификации, известной под названием «Калила и Димна». В интерпретации аварского поэта древнеиндийский фольклорный источник проявил такую «приживаемость» к местным условиям и традициям, что басни Цадасы были восприняты как живой и активный жанр национальной художественности, органически включенный в эстетический мир горцев и отвечавший образу их нравов и представлений, типу поведения и мышления.

Рассмотренные процессы межнационального и межсистемного взаимодействия фольклора и литературы представляли собою своеобразные «встречные течения» (А. Веселовский), обусловившие не только инонациональное бытование национального фольклора, но и «инобытие» последнего в других видах искусства. Эти «встречные течения» раздвинули рамки функционирования устно-поэтического творчества и выявили новые типы идейных и художественных интерпретаций и перевосплотений, что стимулировало общее развитие художественной культуры. Особенно интенсивны и ощутимы творческие импульсы — и это понятно — в пределах межнациональных общностей, обладающих генетическим родством языков и длительным территориальным соседством.

Большой интерес для исследователя представляет региональный аспект фольклорно-литературных связей, который, в свою очередь, выдвигает проблему сравнительного изучения отношений двух эстетических систем на уровне межнациональном и межрегиональном. Внутрорегиональный анализ историко-культурной жизни многонационального Дагестана позволил, например, выявить общерегиональную логику развития межсистемных связей фольклора и литературы на ранних стадиях: если литературы народов Дагестана например, в период их становления предстают как определенная идейно-эстетическая система с присущими ей стилевым и жанровым составом, структурой формы и изобразительного ряда, закономерностями национального и регионального своеобразия, то такого типа литературная общность непременно восходит к соответствующей региональной фольклорной общности.

Однако выяснение фактора преобладания в литературах многонационального региона жанрово-тематических и стилевых потоков, свойственных устному народному творчеству соответствующей эстетической общности, не дает еще исчерпывающего ответа на все аспекты проблемы. Нужен новый исследовательский уровень, нужна более «глубинная вспашка» связей, образующих те или иные характерологические явления «регионального фольклоризма» как определенного типа единства в многообразии. К воссозданию совокупной картины, на которой бы ясно прослеживались общерегиональ-

⁶⁵ См.: Путилов Б. Н. Указ. соч. С. 200.

⁶⁶ Далгат У. Б. Фольклор и литература. М.: Наука, 1981. С. 270—271.

⁶⁷ Ваггин М. Проблема поэтики Достоевского. 3-е изд. М., 1972. С. 319.

⁶⁸ Роман Менендес Пидаль. Избранные произведения. М.: Иностран. лит., 1961.

⁶⁹ Амонов Р. Отношение таджикской народной поэзии к письменной литературе // Взаимодействие литературы и фольклора (Материалы конференции «Взаимодействие литературы и фольклора народов Средней Азии и Казахстана», Душанбе, 1968). Душанбе, 1974.

ные и национально-специфические закономерности, скажем, становления тех или иных литературных жанров, возможно перейти лишь через конкретное выявление того модулирующего воздействия фольклора, которое обозначилось в генезисе каждого литературного жанра в отдельности у каждого из народов региона. Между тем роль фольклорных традиций, их национальной специфики и общенациональных черт в формировании общедагестанской мозаики индивидуального своеобразия и системной общности изучена и осмыслена все еще недостаточно конкретно, достоверно и глубоко.

На повестку дня встают регионы иных масштабов — Северный Кавказ и Прибалтика, Поволжье и Урал, Сибирь и Дальний Восток, Средняя Азия и Кавказ в целом⁷⁰. А далее — и общесоюзная карта этнокультурного сообщества, которое предстало в реальном облике новой социальной и интернациональной общности. Понятно, что особенно зримо на этой карте обозначена и все громче заявляет о себе проблема «Русский фольклор и многонациональный фольклор народов страны», которая ждет специального рассмотрения и осмысления. Создание же обобщающего коллективного труда, в котором бы прослеживались ведущие закономерности взаимодействия фольклора и литературы как многонациональных и полирегиональных эстетических систем, — задача архиважная, назревшая и реальная. Пафос труда такого масштаба и назначения должен, на наш взгляд, отражать возросший духовный авторитет всех без исключения социалистических наций и народностей, их национальное достоинство, умноженное на силу и мощь звучания их голоса, приобщенного к интернациональному многоголосию необъятной страны.

При всем этом следует помнить, что национальные особенности многообразного выражения художественной культуры, в том числе и фольклора, их многоцветье и полифония представляют собой огромную ценность общечеловеческого духа и смысла. Вместе с тем каждый раз уместно не забывать и о том, что как ни труден путь исследования историко-фольклорного процесса в рамках национальных, несравненно «труднее выявить межрегиональные типологические соотношения в этом процессе. Однако этот трудный путь, — как подчеркивает Б. Н. Путилов, — в конечном счете наиболее плодотворен с точки зрения возможностей глубокого познания истории фольклора»⁷¹. Добавим: и изучения взаимосвязей фольклора с литературой.

⁷⁰ Обращают внимание, например, наблюдения А. Аджиева, в которых сделана интересная и небезуспешная попытка выявить ряд закономерностей развития системы жанров северокавказского фольклора, что чрезвычайно важно для исследователей процесса становления, развития национальных литератур в пределах региона, ибо изучение истории региональных литератур во всей ее полноте невозможно вне учета внутрорегиональных особенностей и общерегиональных закономерностей фольклора. (См.: Аджиев А. М. Многообразие и единство в фольклоре народов Северного Кавказа // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985).

⁷¹ Путилов Б. Н. Указ. соч. С. 203.

Поистине, «фольклор доказывает свое реальное бессмертие, поскольку жива стихия устного слова»⁷². Но подтверждение этого бессмертия мы видим и в том, что фольклор своим поэтическим арсеналом активно функционирует в современной литературе, искусстве, во всем многообразии художественного процесса. В фольклоре ищет и находит художник любого уровня идейные и эстетические импульсы для собственного творчества. Не сбросил фольклор с себя и функции генератора» формообразующих и стилиобразующих зарядов живой поэтики. Во многом от того же фольклора — изящество и простота формы, подвижность и гибкость ритма, лаконизм слога. Примечательно, что именно искусству слова нашего времени свойственно активное вовлечение фольклорных и мифологических мотивов в решение новых идейно-эстетических задач, интенсивное протекание процесса ассимиляции народной версификации и т. д.

Как бы ни различались характер и тип переосмысления и эстетической актуализации фольклора на разных стадиях художественной эволюции, на каком бы уровне ни осуществлялся анализ фольклоризма того или иного художника, той или иной национальной литературы, в том или ином региональном масштабе, наиболее очевидными его формами всегда выступают фольклоризм стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя литературного произведения, фольклоризм социально-этнографический⁷³. Это означает, что от исследователя требуется широкий и всесторонний взгляд на проблему фольклорно-литературного взаимодействия — и в смысле изучения поэтики, и в плане осмысления творческого метода.

Вместе с тем внимательное рассмотрение всех аспектов проблемы межсистемных отношений устно-поэтического творчества и литературы, а также тщательный анализ явлений современного искусства как воплощения двуединого эстетического начала — творческого опыта народа и духовных завоеваний современности ориентируют в конечном счете на перенос центра исследования проблемы с внешней стороны на внутреннюю, смысловую, так сказать, художественно-мировоззренческую сторону, в план отношения художника к исторической действительности в самом широком смысле этого понятия. Иными словами, важен и нужен не только аспект освоения литературных элементов фольклорной эстетики, но и, прежде всего, нравственно-этический и гуманистический опыт народа. Нельзя не согласиться с В. Т. Петровым, когда он говорит, что «якутская литература черпает в фольклоре не только образы и изобразительные средства, но и мудрость народа»⁷⁴. Народная этика, народная психология, народная педагогика составляют неис-

⁷² Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л.: Наука, 1982. С. 10.

⁷³ Там же. С. 9.

⁷⁴ Петров В. Т. Фольклорные традиции в якутской литературе. М.: Наука, 1978. С. 83.

черпаемый родник исторического и духовного опыта человечества. Этот опыт может успешно служить задаче воспитания современного человека в духе тех же идеалов справедливости, совестливости, порядочности, высокие гуманистические категории которых в наше время возведены в важнейшие принципы морального кодекса советского человека.

Таким образом, воссоздание истории национальных и региональных литератур, постижение смысла общесоюзной истории художественного развития народов страны предполагают достаточно глубокое и полное раскрытие исторических процессов развития устной и письменной литератур в их сложных отношениях и взаимодействии. Оно предусматривает выявление и понимание логики выхода литературы и искусства на магистраль созидания общезначимых художественных ценностей, вершинных идейно-эстетических завоеваний, в которых устно-поэтические традиции претворялись бы как сложившиеся, устойчивые и долговременные народные идеалы. Проблема взаимодействия фольклора и литературы на современном этапе развития художественной культуры настолько актуальна и значима, что должна быть рассматриваема и изучаема, так сказать, по самому большому счету — по критериям высокой гражданственности, идейности, духовности, в тесной связи с проблемой «искусство — человек — общество».

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИИ В ЭПОСЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА: ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО

Сравнительная мифология позволяет проследить некоторые характерологические черты общего и особенного в дагестанской и общекавказской мифологии. Прежде всего необходимо уточнить само представление о мифологии у народов Дагестана, о ее содержании и границах бытования. Какое место ей отводится в системе мифологии северокавказского региона в целом? К чему сводятся их общие черты и как воспринимаются специфические особенности?

Исследователи дагестанского фольклора в целом сходятся на том, что говорить полным голосом о наличии в Дагестане мифологии как таковой в ее классическом выражении и типологической атрибутике весьма затруднительно. Не располагает наука данными, которые бы позволяли, например, проследить более или менее четкую генеалогию мифологических персонажей, дифференциацию их функций, достаточно развитое связное повествование об их деяниях, поступках, подвигах.

В то же время наука не может пройти мимо той реальности, что в Дагестане создавался и жил эпос. В том числе в его архаичных формах и видах, бытование которых напоминает о мифах и которые, как правило, восходят к мифу. Известно, что К. Маркс считал греческую мифологию «предпосылкой», «почвой» и «арсеналом» греческого искусства¹. Очевидно, и в дагестанских условиях мифология выступала как «предпосылка», «почва», «арсенал» эпоса и вообще искусства во многих его видах. Иными словами, здешний эпос сложился и развивался на основе своей, так сказать, собственной мифологии. Той самой мифологии, которая, как уже отмечалось, не выступала в своем классическом виде, а сказывалась и отражалась в сюжетах, элементах мифологической природы, выраженных, скажем, в самых различных жанрах — охотничьем эпосе, героических сказаний, предании, легенде, сказке и т. п.² Сюда же, естественно, относятся и так называемые формы действия, такие как обряд, песня, танец, игра. Нет, это не то определенное и целостное представление о мире, которое обычно принимает форму мифологического повествования, а несколь-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 736—737.

² См.: Халидова М. Р. Отражение мифологических воззрений в легендах и преданиях народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. Махачкала, 1979. С. 182—207.

ко иные реалии, в которых выражается мифологическое мироощущение.

В Дагестане, можно сказать, мифологические представления отражены в основном и прежде всего в так называемой «низшей мифологии»: т. е. в жанрах, которые исследователи называют быличками, побывальщинами, демонологическими рассказами и т. д., а также в некоторых паремиях, фразеологизмах, в богатом обрядовом комплексе и др. Ощущение таково, что в дагестанских условиях произведения этого плана выглядят фрагментами, реминисценциями, трансформированными отголосками мифов, бытовавших некогда в прошлом и подтергнутых впоследствии воздействием неких «подавляющих» сил. «Низшая мифология» здесь менее дифференцирована и слабее отгорожена от народных верований, которые не всегда обязательно были связаны с религией, религиозным культом, божеством, тем более отнюдь не тождественны им.

Отсюда и представление о бедности мифологической культуры в Дагестане. Действительно, мы сейчас не находим здесь столь законченной мифологической системы, как у других этнокультурных общностей Северного Кавказа, скажем, у абхазо-адыгов. Нет здесь и таких цельных законченных мифологических полотен, как в Нартиаде, столь ярко и мощно представляющей собой героический эпос многих кавказских народов — осетин, абхазов, адыгов, балкаро-карачаевцев и др., хотя наличие рудиментов представлений о партах в дагестанских героических сказаниях, преданиях, сказках — все-таки далеко не фикция и совсем не редкость.

Исследователи задаются вопросом: где же объяснение данному явлению? Где разгадка этой тайны? Неужели у народов Дагестана мифологии как таковой изначально не было суждено сложиться и развиваться? Неужели в данном случае был пропущен целый стадийный этап развития народного творческого мышления? А ведь Дагестан в древности и средние века находился примерно на том же уровне общественного развития, что и другие народы Северного Кавказа.

Относительная бедность сохранившегося мифологического пласта устно-поэтического творчества народов Дагестана, на первый взгляд, создает лишь трудности для научно-исследовательских поисков. Не отрицая этой стороны проблемы, вместе с тем необходимо отметить, что особенности архаичного художественного наследия Дагестана дают богатейший материал для теоретического осмысления аспектов генезиса, исторической эволюции и трансформации видов и жанров искусства. Существенно, что эти процессы типологически характерны и для фольклора других народов, регионов, однако в Дагестане, да и в целом на всем Северном Кавказе, они происходят в творчестве многочисленных малых этносов, живущих на небольшой территории достаточно компактно, взаимосвязанно, что делает фольклорные явления здесь более «уловимыми», более очерченными.

Чтобы ответить на поставленные выше сложные вопросы, необходимо опираться на современные достижения науки, в частности использовать методы комплексного анализа видов и жанров искусства

как системы, сравнительно-исторического и типологического исследования, на принципы реконструкции архаичных типов художественного мышления, т. е. рассмотрения материала в диахронии с выявлением региональных закономерностей эволюции фольклора. Разумеется, эти методы и принципы не отгорожены друг от друга «китайской стеной» — напротив, зачастую они взаимосвязаны, вытекают один из другого, опираются друг на друга, и в рамках нашего замысла они лишь намечены «пунктирно» и обобщенно.

Опыт дагестановедения, в особенности фольклористики, показывает перспективность комплексного подхода к исследованию проблем «мифология народов Дагестана», «роль мифологии в модулировании эволюции сравнительно поздних видов и жанров искусства» и т. д. Плохая сохранность архаики в дагестанском фольклоре делает практически невозможным воссоздание достаточно полной картины ее эволюции на древних этапах, если наряду с фольклористическим анализом не привлекать данные других наук. Для дагестановедов особую ценность представляют сведения тех наук, которые оперируют, так сказать, «материализованными», «эримыми» данными — археологии, языкознания, этнографии и др.

Так, из исследований археологов видно, что мифологические представления нашли богатое отражение в наскальных рисунках Дагестана, относящихся к X—V тыс. до н. э.³, в памятниках материальной культуры и т. д.⁴ Поскольку в этих материалах прослеживается преемственная связь с более поздними фольклорными явлениями, то, с учетом специфики отражения действительности в различных видах искусства и исторической эволюции самого принципа художественного отражения мира, мы можем говорить о достаточно развитых местных корнях дагестанской мифологии и обрядового комплекса.

Интересно, что довольно широко отражены ритуально-мифологические представления народов Дагестана на уровне языка. Особенно хорошо они «законсервированы» в устойчивых выражениях, фразеологизмах. Например, отголоски культа земли у аварцев сохранились в словосочетании «Рак'ул эбел» — «Мать Земли»; у кумыков, как у ряда других дагестанских народов, есть выражения «Ай тувду» — «родилась Луна» (или Солнце) в значении «взошла Луна», «Ай тутулду» — «Луна поймана» (или Солнце), т. е. «затмение луны» и др. В основе этих ставших метафорами выражений, несомненно, лежат мифологические представления, что подтверждается и широкими типологическими параллелями.

Много сведений о мифологических представлениях народов Дагестана можно почерпнуть из этнографических и фольклорных материалов.

При проникновении в логику становления и развития дагестанской сказочной прозы, эволюции значимых образов, характерных мотивов, сюжетов просматриваются, выявляются их историко-этно-

³ Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.: Наука, 1976.

⁴ Обряды и культы древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

графические истоки, прослеживается трансформация мифологических образов, скажем, культа близнецов, покровителя охоты, зверей, тотемистических, космогонических, богоборческих, демонологических образов. Развита была в Дагестане идея тотемизма, особенно представление о кровном родстве людей с реальными представителями животного мира. А разве распространенность в Дагестане традиций оролатрий, т. е. почитания «культовых гор», не говорит о развитой мифологической традиции? Горные вершины отдельных частей Дагестана, такие как Седло-Гора — для центральной Аварии, Вациллу — для лакских нагорий, Адалашуголь-Меэр — для Западного Дагестана, Шамбуз-Даг — для Южного Дагестана, Галариккуна — для ареала андийцев, были местами обитания своего рода сообщества языческих богов, что созвучно с средиземноморской концепцией мифотворчества («размещение» богов на горе, их человекоподобие и т. д.).

У кумыков есть детская игра «Ер есси» (букв. «Хозяин земли»), которая позволяет предположить, что в основе ее мог быть одноименный мифологический персонаж. Аналогична основа и другой игры кумыкских детей — «Сув-анасы» («Мать вод»). А у аварцев «Матерью вод» («Лъадал эбел») называют волосатика — обитателя стоячих вод. Дагестанский фольклор обильно «заселен» так называемыми враждебными человеку духами, мифологическую сущность которых предстоит еще разгадать. Интересно, что у каждого из местных народностей зачастую свой «злой дух», причем с собственными именами.

Не буду останавливаться на огромном множестве дагестанских легенд, полных чудесного, необыкновенного, с установкой на достоверность повествования, на жанрах и сюжетах, воспринимаемых как фантастические, сверхъестественные рассказы явно мифологического духа и содержания, но опять-таки с ориентацией на реальность, в чем следует видеть главный критерий историчности. В них воспроизводятся перипетии, связанные с нашествием арабов, татаро-монгол, орд Тимура, Надир-шаха. Можно полагать, что предпосылкой для становления исторических преданий были нартские сюжеты, предания о великанах, о легендарном герое эпоса лезгин Шарвили и т. д. Дагестанские предания зачастую группируются вокруг исторических лиц и исторических событий.

Обращает на себя внимание то, что мифологические представления не в одинаковой мере и «качестве» сохранились в разных генетически архаичных жанрах: былички, побывальщины больше ориентированы на сохранение верования, на «достоверную» информацию о сверхъестественных существах и явлениях, о духах, божествах, о необходимых оберегательных табу; в героических сказаниях, преданиях и легендах мифологические представления зачастую как бы «вплетены» в художественную ткань произведения, они как бы «незримы»; в сказках они уже, можно сказать, полностью трансформировались, стали средствами художественного изображения; в паремиях, баснях, детских играх, балладах ритуально-мифологические корни, основы (разумеется, если они имеются) обычно с трудом

поддаются реконструкции; в обрядовой поэзии прослеживается их магическая направленность, хотя в целом же она ныне бытует или как дань традиции, или трансформировавшись в новые внерелигиозные трудовые и семейно-бытовые празднества, увеселительные свойства и т. п.

Много ценного для научного осмысления эволюции фольклора и, в частности, мифологии дает использование сравнительно-исторического метода анализа, значимость которого особенно возрастает в таком многонациональном этнокультурном регионе, каким является Северный Кавказ.

Прежде всего следует иметь в виду, что исторические судьбы народов, населяющих Северный Кавказ, тесно переплетены между собой и скреплены самыми различными нитями связей, что позволяет говорить об определенной северокавказской региональной духовной общности, уходящей в глубь веков и продолжающей крепнуть в наше время. Отсюда признание и оправданность линии на совокупное и целостное осмысление истории и культуры народов Северного, да и всего Кавказа как одного из плодотворных методологических подходов научного освоения, восприятия, понимания региона. Прав оказался В. И. Абаев, когда писал: «Создается впечатление, что при всем непроницаемом многоязычии на Кавказе складывался единый в существенных чертах культурный мир»⁵. Разумеется, при этом имелись в виду не нивелировка разноэтничного художественного сознания и не общность типологического порядка. Мысль Абаева — уже на уровне сопоставления разноязычного народного устно-поэтического наследия региона — подтвердил М. Я. Чиковани: «Процесс взаимообогащения фольклорных традиций кавказских народов имеет многовековую историю»⁶.

Однако интенсивные межэтничные процессы в их фольклорном преломлении восходят в своем развитии не просто к контактному взаимовлиянию и взаимопроникновению устно-поэтических традиций народов. Накопленный опыт многонациональной кавказской фольклористики дает основание говорить также о генетическом родстве народного творчества целого региона при сохранении ярко выраженного национального своеобразия в эволюции художественного сознания. Представляется, что не без основания возникло и утверждалось в кавказской фольклористике понятие о «древнем общекавказском фольклорном пласте», который, разумеется, не исключает, предполагает этническую дифференциацию и «автономизацию» народного творчества, тенденции к которой все более сказываются по мере дальнейшей эволюции общества в средние века, что прослеживается и в эволюции жанра, и в развитии поэтики вообще. В древности же, помимо особенно четко выраженной типологии, взаимопроникновение фольклорных реалий на Кавказе — мифа, ритуала, нартского эпоса, сказок и др. — очевидно протекало намного интенсивней.

⁵ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 89.

⁶ Чиковани М. Я. Нартские сюжеты в Грузии (Параллели и отражения) // Сказания о партах — эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 226.

Для иллюстрации близости мифологических и фольклорных мотивов и сюжетов различных народов Северного Кавказа, восходящей к генетическим корням и подтверждающейся данными археологии, антропологии и лингвистики, ограничусь упоминанием цикла охотничьих преданий, особенно — популярнейшей дагестанской баллады «Али, оставленный в ущелье», восходящей в своих характерологических чертах к общекавказскому ритуально-мифологическому пласту, о чем свидетельствует разножанровый материал, бытующий в фольклоре грузин, осетин, балкарцев и карачаевцев, адыгских народов, чеченцев, рутульцев, кумыков и др.⁷

Впрочем, нелишне в данном аспекте напомнить, что яркими образцами фольклорных созданий, ставших общим достоянием многих дагестанских народов, главным образом в силу действия контактных типов взаимосвязей, могут служить песни о Хочбаре, о девушке из Агайни и юноше из Кумуха, о разгроме Надир-шаха, сюжет о каменном мальчике, не говоря уже об обширном цикле песен о героине Кавказской войны. Вместе с тем заслуживает внимания интересное наблюдение фольклористов, обнаруживших неравномерность развития того или иного жанра или цикла фольклорных произведений у различных народов. Сравнительный анализ показывает, как слабость развития, скажем, одного жанра у данной народности компенсируется пышным расцветом другого жанра у той же народности.

Неограниченный простор для сравнительного анализа дает Нартиада. Причем исследования показывают бесперспективность попыток объяснить общность мотивов и сюжетов в нартовых памятниках самых различных народов Северного Кавказа лишь как результат заимствования у какого-либо одного этноса. Но, несмотря на это, нартовые сказания и сказки в Дагестане зачастую трактуются лишь как произведения заимствованные, «отраженные». Не исключая роль заимствований, нельзя сбрасывать со счетов, что к мифологической «почве», «предпосылкам» Нартиады и Дагестан имеет определенное отношение, что «преднартовый цикл» сказаний у нас представлен достаточно хорошо.

Рассмотрим некоторые наблюдения о нартовых сюжетах в фольклоре народов Дагестана, прежде всего в плане выявления в них специфически особенного, оригинального. Как правило, образ нарта в народном творчестве дагестанцев — воплощение лучших общечеловеческих качеств, воинской доблести, ярко выраженных патристических чувств. Широко используется в обиходе у дагестанцев сравнение человека с нартом: как лучшая похвала звучит для него образ «вылитый нарт»; у кумыков, по обычаю, невесте положено давать родственникам и друзьям мужа новые имена и приятнейшим из этих имен считалось «Нарт-улан» («Парень-нарт»).

Как известно, одной из распространенных тем в нартовском эпосе Кавказа считается тема изобилия, благодати. Но вот кумыкское сказание «Как погибли нарты», подобно некоторым другим националь-

ным версиям, например, вайнахской или кабардинской, былую земную благодать — изобилие относит к донартовскому времени, тогда как исчезновение изобилия связывает с появлением нартов на земле. В ином ключе звучит трактовка нартовых мотивов в эпосе аварцев. Так, в предании «Сестры-нарты» героини выступают как бы в роли хранительниц домашнего очага, изобилия, древних — родовых и патриархальных — традиций. И земной благодати — изобилия сестры-нарты достигают исключительно благодаря своему самозабвенному, вдохновенному труду. Само понятие «благодать» у народа связано с трудом, о чем говорят аварские и кумыкские предания, где повествуется о строительстве древних стен Дербента, работах по перекрытию реки Сулак, многие другие произведения, которые с полным основанием могут быть причислены к оригинальным памятникам Нартиады.

В преданиях же, относящихся к позднему историческому периоду, идеализировавшиеся в прошлом нарты выступают уже в новой для них агрессивной роли. Богатырская архаика образа заменяется изображением реалистического плана. Оказавшись в конфликте с народом, нарты терпят неудачи, поражения. Самая активная роль подлинных борцов за справедливость отводится уже не нартам, а народным героям. И, тем не менее, в дагестанских произведениях о нартах мы видим отражение местных исторических событий, отложившихся и закрепившихся в народной памяти, обстоятельств, характерных для эпохи феодальных отношений. Образ жизни нартов — сооружение крепостей, столкновение с населением окрестных сел, взимание с него дани и т. д. — уподоблен средневековому. Нарты в этих созданиях народа изображаются как насильники и грабители феодального типа, как захватчики-чужеземцы. Например, в аварском предании «Ахсаир» повествуется о том, как на селение Ахалчи напали девять нартов.

В устно-поэтическом творчестве народов Дагестана нередко встречаются произведения, в которых образ нарта трактуется в основе своей в духе обихода для кавказской Нартиады традиций, тем не менее они воспринимаются как сугубо местные, оригинальные создания художественного гения дагестанского народа. Произведения эти характерны тем, что изображение быта героев в них максимально приближено к реальным условиям горской жизни. Так, согласно аварскому преданию «О нартах», последние обитали на горе Ричал, что над селением Гагатль, и основным их занятием, оказывается, было разведение свиней. Не чуждо было им и земледелие.

Таким образом, суждения об «отраженном» характере нартовых сказаний у дагестанцев — упрощенные суждения, которые по отношению к другим народам, можно сказать, уже наукой отброшены. В отношении же к Дагестану они зачастую еще сохраняются потому, очевидно, что, во-первых, современная плохая, слабая сохранность нартовых памятников принимается за изначальное явление (т. е. игнорируется эволюция), во-вторых, не учитываются региональные закономерности, специфика развития жанров на Северном Кавказе. Впрочем, общепризнанный специалист сравнительной мифологии

⁷ Аджиев А. М. Сюжет о гибели охотника: о ритуально-мифологических истоках баллады // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 43—62.

французский ученый Жорж Дюмезиль был куда проницательней: справедливо отмечал он наличие нартских сказаний, например, в фольклоре кумыков.⁸

Думаю, нет необходимости особо расшифровывать картину типологической общности отдельных произведений фольклора, жанров, тематики, идей, сюжетов, элементов поэтики у различных народностей. Хотелось бы лишь обратить внимание на то, что дифференциация межэтнических сходжений по типологическим и генетическим признакам оказалась для исследователей проблемой далеко не из простых. В то же время утешительным для нас фактором выступает то обстоятельство, что в целом Кавказ в этом плане предстает как своего рода «испытательный полигон» и «экспериментальная лаборатория» для пристального наблюдений и сопоставлений, углубленного анализа и обобщения. Благо в распоряжении фольклористов имеется замечательный опыт Ж. Дюмезиля по выявлению и объяснению эпических параллелей в древней словесной культуре такой крупной, сложной, неповторимой общности, как индоевропейские народы. Как известно, ему же принадлежит разработка методики изучения и понимания мифологических структур эпоса.

Работы дагестанских ученых показывают, что аналогии дагестанского фольклора не ограничиваются регионом Кавказа, и порою они уводят нас в древнейшие цивилизации Ближнего Востока, Средиземноморья, Средней Азии и др.

Так, в фольклоре лакцев сохранилась сказка, где фигурирует женский персонаж Иштара, во многом напоминающий аккадскую богиню плодородия Иштар. Отметим, что имя Иштар бытует и в антропонимии аварцев, даргинцев и лакцев. Не менее интересный факт: у аварцев записаны произведения детского фольклора, где фигурирует Гильгамеш. Известно, что герой под таким именем стоит в центре древнемесопотамского эпоса. В фольклоре кумыков распространено имя бога Тенгири, широко бытующее также у других турко-монгольских народов. А нет ли связи с шумерским 'dingir' и песенным рефреном аварской народной песни «Дингир-дангарчу»? На фоне этих фактов нельзя ли предположить определенные связи в довольно сходных сюжетах и образах кумыкской древней песни о Минкюлю и шумерских сказаний об Энкиду из «Эпоса о Гильгамеше»?

И еще: у аварцев, чеченцев и лакцев прослеживается местная трактовка общекавказской темы об одноглазом великане, которого непременно называют Нартом: «Гъадаро бер» или «ТӀяс Я» (букв. «Тарелкоглазый», «Тазоглазый»). Встречается представление о «Солнцеглазе» («Бакъул бер»), что, вероятно, позволяет отсылать к «солнечному божеству». Сравним и учтем, что, по преданиям индусов, Солнце создано из глаз Брахмы, а у древних персов Солнце — это глаз Ормузда.

В науке справедливо предостерегают от попыток искусственного

«удревнения» своей истории, от недостаточно аргументированных поисков «родства» своего народа с известными древними цивилизациями. Однако очевидно, что и накладывать «табу» на научные поиски в этом направлении было бы неоправдано. Накопившийся материал о связях некоторых кавказских и тюрко-монгольских, в частности дагестанских, народов с Древней Месопотамией, на наш взгляд, показывает перспективность дальнейших научных разысканий в этой области.

Использование диахронического метода анализа помогает лучше представить генезис, эволюцию и трансформацию мифологических образов. При исследовании этой проблемы в целом вырисовывается следующая картина. В эпоху развития космогонических представлений героин-близнецы (сестра и брат) отождествляются с Солнцем и Луной. Затем, в период бытования зооморфных представлений, героин-близнецы принимают зооморфный облик (птиц). Первоосновой популярных упомянутых выше дагестанских баллад о герое, оставленном в ущелье, мог служить культ близнецов. С утверждением охотничьих культов образы мифических героев-близнецов переосмысливаются в покровителей охоты, зверей.

Зооморфный образ покровителя охоты, зверей выступал и в облике змеи. Когда в новых исторических условиях, в связи с развитием скотоводства и особенно земледелия, роль охоты в экономической жизни уменьшилась, змея соответственно превратилась в один из атрибутов аграрного культа. Народное представление о змее как носительнице благополучия и счастья находит воплощение в образе покровительницы и хранительницы домашнего очага.

В процессе трансформации образ покровителя дома представлен в разных обликах — змеи, женщины в белом, с распущенными длинными волосами — Куни-хунул, Албаслы, доброго старца и т. д., а также наделен различными функциями — от доброго покровителя дома, духа благополучия, изобилия, «везения» до злого духа (хъегӀело, кьерхӀ и др.).

Однако встает тот же вопрос: каковы же причины того, что дагестанская мифология и мифологические жанры ныне представлены в целом слабо, несколько аморфно, что бросается в глаза даже при сравнении с ближайшими соседями?

Вдумываясь в данную ситуацию, порой приходишь к выводу, что в Дагестане, вероятно, как бы на своего рода компенсирующем уровне получил развитие именно малый повеллистический жанр в форме мифологической, бытовой в целом, несказочной прозы, которая, быть может, более всего соответствовала множественности и мозаичности этнокультурной системы неповторимого региона. Нельзя, видимо, исключить предположение о том, что мы имеем дело не столько с бедностью, сколько с раздробленностью мифа, не с «недоразвитостью», а с своеобразием жанра, поэтики и т. д., что в большей мере вписывается в сложившуюся здесь общекультурную модель.

Существует другая, более популярная версия объяснения неразвитости или незавершенности мифологической традиции в Дагестане. Она связывается с культурным, в частности религиозным, факто-

⁸ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. С. 10. 162, 186, 238.

ром, обусловленным ситуацией особого склада. Как известно, в Дагестане в разные времена утверждались и взаимовытеснялись монотеистические религии: зороастризм, иудаизм, христианство и, наконец, распространившийся в VII—XV вв. повсеместно ислам. Может быть, именно по этой причине мир языческих верований и древних религий представлен здесь беднее, чем в других областях Кавказа, и как предполагают исследователи, как бы фрагментарно, не вылившись в сложившиеся мифологические полотна или четкие системы. Выше уже отмечалось отсутствие в Дагестане такого шедевра мифотворческого фольклора, как знаменитый кавказский нартский эпос в циклизированном виде. Если слабая сохранность древних религий и верований, включая и мифотворчество, кажется закономерным следствием утверждения здесь мировых религий, особенно ислама, то объяснения фрагментарности и отсутствия цельноплановых мифологических систем, может быть, следует искать в этнокультурной раздробленности Дагестана. Ведь культурному партикуляризму каждой народности и даже отдельных обществ в средневековье соответствовал более «новеллистический» малый жанр или метасистема типа мировой религии, нежели миф-эпос.

Рассматривая предполагаемые катаклизмы, которые претерпела мифология у народов Дагестана под воздействием ислама и восточной культуры вообще, полагая, что развитие мифологии здесь было сначала приостановлено, а затем она была разрушена и трансформирована «в угоду» мусульманской религии, исследователи приходят к обобщениям более широкого плана. Интересно, например, что аналогичные явления прослеживаются в искусстве народного хорового пения горцев: именно горный Дагестан становится своего рода «островком» на Северном Кавказе, где совершенно отсутствует многоголосый, бурдонизирующий хор, истоки которого восходят к древним кавказским ритуально-мифологическим хороводам. Не лишне было бы в соответствующем ракурсе обратиться и к музыке, хореографии, живописи народов Дагестана. Не будем забывать, что тормозящая, разрушительная роль ислама в области традиционной народной культуры Дагестана тем убедительней, что Дагестан в эпоху средневековья оказался зоной, которая ранее всех и основательней, чем другие, подключилась к исламу и вскоре превратилась в своеобразный центр исламской культуры на Кавказе, во влиятельнейшего распространителя ислама на Северном Кавказе.

Вместе с тем чрезвычайно интересно и важно заметить, что мифологические и ритуальные произведения, связанные с трудовой деятельностью человека, с его бытом и героическим действием, могли не отрицаться исламом, а лишь трансформироваться, как это наблюдается, например, в обрядовой поэзии⁹. Все-таки история художественной культуры народов Дагестана показывает, что устное народное творчество дагестанцев в целом не только устояло перед натиском

⁹ См.: *Аджиев А. М.* Многообразие и единство в фольклоре народов Северного Кавказа // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 20—21.

и засилием ислама, но и отстояло свою свободу и самостоятельность от его религиозно-надстроечного всевластия¹⁰.

Это обстоятельство тем и замечательно, что вся система архаики была либо разрушена, либо приторможена в развитии, трансформирована и как бы «приспособлена» для выдвижения и решения новых задач, для становления народного творчества на новом уровне. Зарождаются стадияльно более поздние жанры, которые дают целостную системную картину. Жанры эти у народов Дагестана развиваются и раньше, и интенсивнее, чем, скажем, у других народов Северного Кавказа. К ним относятся, например, необрядовая, в частности любовная, лирика, более приближенные к реальности «историзованные» эпические песни, такие, скажем, как песни о Парту Патиме, Надир-шахе, Айгази и т. д. Даже сказки у дагестанцев содержат меньше архаики, чем у северных соседей. Думается, что и сравнительно более раннее развитие национальных литератур у народов Дагестана при богатстве письменных традиций в виде памятников, хроник, эпиграфики и т. д. во многом обусловлено указанными выше факторами «обновления» устно-поэтического творческого опыта народа.

Разумеется, обозначенная нами здесь логика художественного развития на Северном Кавказе далеко не абсолютна и требует глубоких исследований. Приведенный обзор наблюдений, суждений и предположений, носящих порой интуитивный, гипотетический характер, подтверждает реальность и предметность проблемы мифологии в системе национальных культур народов Дагестана как целостного и самостоятельного объекта изучения и познания. Вместе с тем своеобразием историко-культурного и этноязыкового развития края обусловлен ряд специфических аспектов и моментов, учет которых, как нам представляется, предполагает дифференцированный подход к исследованию дагестанской мифологии, нестандартную расстановку методических ударений и акцентов.

Обращение к национальной литературе, фольклору, мифологии всякий раз обусловлено ростом национального самосознания личности и общества, все возрастающим интересом и вниманием к индивидуально-неповторимому и национально-самобытному в истории и культуре народа. Интерес этот и внимание это предполагают историческую точку зрения на национальное прошлое как неперемutable условие дальнейшего развития гуманитарных наук. Безусловно, и развития науки о фольклоре и мифологии.

instituteofhistory.ru

¹⁰ *Гамзатов Г. Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978. С. 51—52.

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О ДАГЕСТАНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Сказка! Неразлучная спутница всех обитателей земли и всех ответвлений вечного Древа жизни! Многоголосая многокрасочная мозаика народной мудрости и смекалки, фантазии и юмора. В ней — аромат родной земли, краски ее природы, нравы и образы ее людей. В ней же — удивительное созвучие интересов Добра и Счастья, присущих народам земли, их общей боль и сострадание. Знакомый и незнакомый мир представлений ушедших поколений, мир мифический и действительный, сплав мечты и земных реалий. Таинственный мир народной сказки.

Это действительно так: истоком образного мышления народов Дагестана был фольклор — родное лоно и кормилица их литератур. Отражая богатство духовной жизни народа и его идеалы, устное народное творчество Дагестана вылилось в мощный самостоятельный и устойчивый поток эстетических и идеологических представлений. Художественный и социальный опыт дагестанской народной поэзии сказался на ее необычном жанровом многообразии и тематическом богатстве. Ей присущи типы и формы, свойственные любому развитому фольклору, и не случайно ею восхищались А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой и А. М. Горький. Этот опыт свидетельствует о глубоком исторически сложившемся реализме народно-мировоззрения, о преобладании в нем стихийно-материалистического мышления. Дагестанскому фольклору свойственны такие определяющие черты, как историческая причастность к судьбам народным и опора на явления реальной действительности, ярко выраженная социальность, насыщенность антифеодальными и антирелигиозными мотивами, национально-и социально-освободительная направленность, идейный и эстетический демократизм. Необыкновенно сильны в нем народно-объединительные тенденции, исторически сложившиеся традиции взаимной выручки и поддержки, что определяло гуманистический пафос народной словесности.

Наряду с эпическими и лирическими песнями, легендами и преданиями, пословицами и поговорками достойное место в семействе жанров дагестанского фольклора занимает сказка. Она — частица души народа, частица созданного им фольклора. В ней как бы выражена поэтическая мечта и мудрость народа. Установка на «авантюрный» вымысел и фантастическую выдумку — сущностная черта вся-

кой сказки. Заставляя с волшебной легкостью переживать небыль, она вселяет любовь к Родине, верность дружбе, боль за обиженных и оскорбленных, восхищение мудростью, подвигом, трудолюбием. Извечна, светла и живуча в ней тема победы Добра над Злом, Правды над Ложью, Света над Тьмой. Тема эта выкристаллизовывалась в дагестанской народной сказке на протяжении тысячелетней тяжелой борьбы и труда горцев.

Сколько мудрости и простоты в сказках гор, в этих бессмертных свидетелях богатства мысли, величия цели, красоты и героизма. Ночи напролет рассказывали в саклях горцев сказки, часто с продолжениями. Рассказывали эти удивительные сказки белобородые старцы и безусые юноши, рассказывали их у семейного очага согбенные старушки и юные девушки. Увлеченно слушали горцы и горянки захватывающие эпические повествования с напряженным сюжетом и со счастливым концом. Все их внимание сосредоточивалось на положительном герое, идеализация которого достигалась торжествующей разгадкой тайств, преодолением авантюры, испытанием волшебств, победой человека в его единоборстве с природой и со злыми силами, в семейных и социальных конфликтах. Этой же цели служила и вся изощренная декоративность системы выработанных веками изобразительных средств. Ничем нельзя было восполнить то познавательное, идейное и эстетическое воздействие, которое испытывал горец, слушающий сказки родного края.

Жилищем вездесущего мудреца Моллы-Насреддина, или Ходжи-Насреддина, стала вся планета. Жил он и в каждом дагестанском ауле. Он приходил сюда каждый день и в каждый дом. Более того, он имел у каждой из здешних народностей своего местного двойника: Али-бабу — у даргинцев, Куса — у аварцев, Кесе — у кумыков, Кас-бабу — у лезгин, Акул-Али — у лакцев, Кваса — у табасаранцев, Кажка — у ногайцев. Их сказочные приключения рождены самой жизнью, художественно отточены у семейного очага в бедной сакле горца, взлелеяны его верой и мечтой, печалью и радостью. В них неторопливая мудрость землепашца и быстрокрылая мечта золотокузнеца, увесистая правда каменщика и крылатый вымысел чабана, добродушная усмешка мельника и злая насмешка правдорбца. Их сотворил народ сообща. Потому от них веет терпким запахом старины и светлым ощущением грядущего.

Да, в сказках — история народа и его думы. В них переплетаются действительность и мечты. Действительность эту трудовой горец облагораживал, окрыляя мечтой. Отражая присущие ему демократические тенденции, горец утверждал свое социальное и моральное превосходство над «вершителями судеб», воспевая торжество практического ума простого человека, его смекалку и споровку, отвагу, изобретательность и благородство — в противовес алчности и лживости, тупости и жестокости, коварству и трусости «хозяев жизни», носителей светской и духовной власти в дагестанском ауле, распорядителей материальных и моральных благ. Потому так беспощадна народная сатира в изображении социальной сферы. Симпатии и антипатии народа здесь откровенны, очевидны. Комично пародирование,

остер сарказм, обличителен смех, зла ирония в арсенале оружия ненависти к ханам и бекам, торгашам и шейхам, муллам и кадиям, и служит все это утверждению культа труженика, народного заступника и героя.

Исследование межэтнических фольклорных общностей, которыми так богато наследие народов Дагестана, проливает свет на характер и содержание типологического, а нередко и генетического родства сказок этого своеобразного региона. Интернациональны в своем бытовании не только темы, сюжеты и жанровый состав сказок различных народов края, но, как правило, и их образно-изобразительные средства. Это, однако, не означает, что творения безымянных сказителей возникли и функционируют в народе безотносительно к национальности. Национальное здесь проявляется в самом характере сказочной фантастики, в сюжетном составе и содержательной структуре сказок, в языковых формулах и поэтических традициях, во многих чисто местных деталях и решениях, ассоциирующихся с особенностями быта, труда, пейзажа и составляющих здешний самобытный колорит. Дагестанская сказка переливается радугой самоцветов, в спектре которых отражается многоязычие и самобытность народов «больших» и «малых», письменных и бесписьменных. Даже на одноязычном языке веками развивался тот или иной сказочный сюжет, легенда и предание, элементы которых интерпретируются по-своему.

Но дагестанская сказка отнюдь не отгорожена от внешнего мира географическими рубежами родного края. Исследователи обнаруживают в этой области сложные межнациональные и межрегиональные связи, взаимопроникновения, взаимодействия. Более того, еще в прошлом веке В. С. Миллер нашел, что дагестанские и мингрельские варианты сказок о циклопах ближе к древнегреческому мифу о Полифеме. А. Н. Анучин записал у даргинцев сюжеты, близкие героическим мифам о троянском коне, о Дедале и Икаре. В стремлении во что бы то ни стало историзировать сказку, увязать ее события с родной и современностью отдельные фольклористы увидели то, что типологически сближает аварские сказки с репертуаром Африки. Сравнение дагестанских сказок со сказками других народов позволяет выявить многие черты такого рода сходства. Главный герой, например, сказок о животных и здесь — вездесущая лиса, чья хитрость и ловкость обыгрываются на все лады — точно так же, как и в кавказских, русских, западногерманских сказочных сюжетах.

По наблюдениям А. Ф. Назаревича, из 192 типичных сюжетов волшебных сказок, отмеченных в международном каталоге Аарне, в Дагестане обнаружено 86, а из 94 бытовых — повторяется 80. Помимо этого, зафиксировано 38 своих, специфически дагестанских сюжетов.

Дифференцированной характеристике поддается и жанровая структура общей массы сказок народов Дагестана. Так, сказки о животных здесь составляют 15,1 процента, а волшебные и легендарные — 2,7 процента. Наибольшая доля падает на бытовые сказки ре-

алистического типа — 57,4 процента. Прочие устные предания составляют 1,8 процента.

Сравнительный анализ с применением методов сопоставлений и подсчетов позволил исследователям различить некоторые специфические черты дагестанских сказок. Явственно обнаружено, например, два подхода к разработке сказочных сюжетов с участием лисы: одно решение, когда в сказке рядом с лисой стоит человек, другое — когда в сказке действуют одни звери. В первом случае лиса выступает в роли помощника и друга человека, ее действия согласуются с законами человеческого поведения. Во втором же — волшебства отступают и в силу вступают чисто звериные законы: право сильных и коварных на жестокость и неблагодарность, измену и корысть.

Дагестанской сказке характерна еще и такая особенность: в ней почти нет тех фантастических диковинок, вроде шапок-невидимок или сапог-скороходов, которыми изобилуют сказки других народов, в частности русского. Возможно, суровые условия природы, в которых складывалась жизнь горцев, сами были сродни фантастике и диковинке. И не вариации темы судьбы и невинности, занимающие, по классификационному указателю Андреева-Аарне, ведущее место в мировом фольклоре, а человеческий ум и смекалка, ловкость и изворотливость, приносящие торжество над социальным врагом, прославляет дагестанская сказка на все лады. Да, над социальным врагом, ибо, как выясняется, из 145 типизированных отрицательных персонажей, обнаруженных в массе дагестанских волшебных сказок, 99 — люди из реальной действительности: ханы, шамхалы, муллы, другие представители эксплуататорских сословий, и лишь в 45 случаях ими оказываются фантастические существа — многоголовый змей-аждаха, дев-великан, Энем и старуха Карт, напоминающие русскую Бабу-Ягу, стражи-владыки подземного мира. Даже волшебные сказки у народов Дагестана главным образом связаны с реальной жизнью, с социальными и классовыми отношениями людей.

Распространенность в Дагестане сказок о животных можно увязать с тем, что здесь, в горах, — мир древних охотников и скотоводов. Недаром на Кавказ отправлялись за золотым руном еще герои древнегреческих мифов. Хотя первоосновой и питательной почвой всякого животного эпоса по праву принято считать мифологию, дагестанская сказка не дает основания говорить о мифологии в ее классическом понимании: здесь можно обнаружить лишь отдаленные следы, едва уловимые отголоски древнего художественного вымысла. Специально и более подробно это освещается в нашей статье «К вопросу о мифологии в эпосе народов Дагестана: проблема общего и особенного», публикуемой в настоящей книге.

Однако исследование данных фольклора, этнографии, археологии и других отраслей научного знания дает возможность говорить о языческих божествах и духах, которые порою у разных дагестанских народов под различными именами упоминаются в фольклоре и сегодня. Здесь встречается и богиня вод, и бог болезней, и злая женщина-дух, которая ранее еще при матриархате, видимо, была доброй богиней, и демоническое существо с саблей или топором, торчащим

из его груди, и хозяин-дух земли, и бог дождя. До сих пор в аулах Дагестана можно услышать явственные отголоски старинных летних магических обрядов «вызывания дождя»: ватага полураздетой детворы с чучелами из веток, листьев и растений в знойный день шествует по улицам села, хором распевая куплеты магических «прошений,» и жаждущие аульчане обливают их водой из кувшинов. Немало здесь также рудиментов поклонения солнцу, луне, ветру, деревьям, отдельным животным — ежу, лягушке, змее и т. д. Все это в той или иной мере нашло отражение и в сказках, хотя и в трансформированном виде, в формах, переходных от первобытного мифа к аллегорическому воплощению человеческой мечты, к сказочной выдумке.

Таким образом, складывается впечатление, что мифология в Дагестане как таковая то ли не сохранилась, разрушилась и не дошла до нас, то ли не успела в свое время сформироваться. Существует предположение, что и в ее «разрушении» повинен прежде всего ислам, хотя прямое влияние ислама на дагестанские сказки наблюдается не столь явственно. Воздействие это не распространено дальше того, например, что джины здесь могут быть и мусульманскими, и христианскими: в первом случае — они добры и верны, а во втором — «гяуры» (неверные). Или еще: у дагестанцев, как и у многих восточных народов, в качестве «исцелителей» от бездетности выступают мусульманские святые, старцы-дервиши, и этот образ воспринимается как позднее, по существу исламское напластование на более древний, домусульманский магический персонаж.

Аналогичным образом поздняя «происламская» трактовка и «приспособление» языческих образов и мотивов могли быть и в некоторых других случаях, но в дагестанской сказке несравненно сильнее заявляет о себе другое, противоположное явление — больше, чем у многих других народов, здесь проходит не происламский, а антиклерикальный мотив. Тот факт, что удельный вес религиозных начал в сказках народов Дагестана составляет всего 3,3 процента, когда в мировом фольклоре он равен 7,5, красноречиво говорит сам за себя.

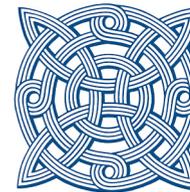
Приведенные выше наблюдения и суждения подтверждают, что дагестанские сказки предстают не только как духовная и эстетическая самоценность; они могут быть привлечены к обобщению народного художественного опыта целых регионов, к типизации совокупного сказочного мира на всемирной карте устного народного творчества. Поистине сходны народы в своей мудрости и благородстве, историческом разуме и величии духа. Загадочна эта изначальная близость, родство, общность. Сказка и есть та увлекательная область, где пролегал один из путей к разгадке этой удивительной загадки.

Собственно, в этом мы и должны видеть залог неослабевающего научного и общественного интереса к целеустремленной, продуманной, интенсивной работе по собиранию и систематизации, исследованию и публикации сказок народов Дагестана. Работа эта значима не только в силу ее познавательного назначения. Исключительно высок ее гуманитарный и нравственный смысл. У дагестанских фольклористов здесь непочатый край поиска, находок, раздумий.

*

В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР — БЛИЗКИХ И ДАЛЕКИХ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МАГИСТРАЛИ И ПАРАЛЛЕЛИ

Из опыта национально-русских литературных взаимосвязей

Взаимосвязи и взаимодействие народов и их культур имели место на протяжении всей истории человечества. Более того, это — естественное и объективное состояние их бытования и эволюции, историческая необходимость, важнейший фактор человеческой цивилизации. Не представляет исключения и культура советского общества, которая воспринимается как высший синтез социалистических национальных культур, как органический сплав создаваемых всеми народами страны духовных ценностей.

Коллективный художественный опыт народов СССР приобретает особое значение в условиях недостаточности собственного национального опыта литературы и искусства народов, в прошлом отстававших в своем развитии, к числу которых относятся, в частности, многочисленные национальности Северного Кавказа и Дагестана. Опыт традиционно зрелых национальных культур и в первую очередь опыт русского искусства слова, близкий и понятный другим в силу его общечеловеческого звучания и гуманистических идейно-эстетических принципов, наилучшим образом отвечал изменившимся и возросшим национальным духовным потребностям народов и обеспечил им ускоренное развитие собственного художественного сознания.

Для многих из этих народов процесс становления и развития национальных литератур шел путем ускорения, минуя отдельные, казалось бы неизбежные в обычных условиях ступени и стадии. Осознание и освоение столь богатого инонационального опыта избавило эти народы от многих мучительных заблуждений, ошибок, от различных модернистских тенденций в процессе развития литературы и искусства, пережитых и отброшенных затем зрелыми художественными культурами. Русская культура преподнесла культурам так называемых малых народов многие идейно-эстетические школы, течения, направления в готовом, отработанном, очищенном виде, приведя их в соответствие с мировоззрением и эстетическим мерилom советского человека. Это было своего рода «смягчением мук родов» (К. Маркс), обеспечившим искусству этих народов выход на самые передовые позиции наикратчайшим путем.

Перед исследователями стоит важная, сложная и во многом еще не решенная задача — осмыслить тончайшие процессы взаимовлияния культур, обратив при этом преимущественное внимание на процесс культурного синтеза, когда данная национальная культура,

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

долгое время развивавшаяся в своих собственных, традиционных рамках, переходит к творческому освоению опыта других, более развитых, казавшихся в еще недавнем прошлом посторонними или даже чуждыми, — и на этой основе создает ценности исключительного своеобразия. Можно было бы сослаться на творческий путь дагестанцев М.-Э. Османова, С. Габиева, М. Алибекова, Махмуда из Кахаб-Росо, Г. Саидова, З. Батырмурзаева. Еще более поучителен опыт Г. Тукая, М.-Ф. Ахундова, К. Хетагурова, Дм. Гулиа, других представителей нерусских народов страны, в чьих художественных исканиях проступают контуры и приметы нового стиля, получившего продолжение и мощное развитие в советское время, но уже на совершенно иной, принципиально новой социальной и мировоззренческой основе.

Ускоренное социально-культурное развитие многих «малых» народов берет свое начало еще в дореволюционном прошлом и находит отражение в лучших демократических традициях национально-русских взаимосвязей. Еще в те сложные времена исподволь шел процесс, прогрессивная сущность которого в исторической перспективе стала очевидной в свете разносторонних проявлений национального, социального и духовного возрождения народов Дагестана.

Как уже отмечалось, девятнадцатый век для народов Дагестана был «веком России». И когда речь идет о цивилизаторской роли России по отношению к Кавказу¹ и прогрессивных последствиях присоединения горских народов к России, следует иметь в виду не просто ослабление позиции традиционного восточного тяготения народов Дагестана и их историческую переориентацию, а включение этих народов в российскую общность, обогнавшую по уровню социально-исторического развития страны Востока.

Став перед необходимостью «в исключительно быстром и решительном движении вперед»², передовая Россия увлекла за собой многочисленные национальные и этнические меньшинства. В борьбе русского народа против крепостничества и абсолютизма, а горцев — за национальную независимость рождалось сознание единства интересов народов. Антинародная природа мюридизма, с одной стороны, и экспансионистского шовинизма — с другой, была исторически прочувствована и понята как русской, так и прогрессивной национальной демократией. Решающую роль в сближении русского и горских народов передовая Россия отводила «оружию цивилизации»³. «Не штыками, нагайками и кулаком российская демократия сроднилась с Дагестаном, а пробуждением сознания народа»⁴, говорил выдающийся революционер Махач Дахадаев.

Приобщение к передовой общественно-политической мысли, богатейшим традициям культуры, революционно-демократической идеологии России подняло духовное развитие горского общества на ка-

честве новый уровень, в значительной мере ускорило процесс размежевания и поляризации социальных сил, поддержав прогрессивные тенденции общественного развития в крае. «Для дагестанцев открылись двери к просвещению»⁵, — отмечал Г. Алкадари, призывая горцев к мирному труду «под сенью сей державы». «Русская культура приведет нас к более справедливому осмыслению жизни»⁶, — писал С. Габиев, и эта тенденция демократического развития отозвалась в самых различных сферах жизни горцев. «Ориентируюсь на революционную Россию, — заявил М. Дахадаев. — И никакой другой ориентации не признаю»⁷.

С Россией связано появление в Дагестане к середине XIX в. первых светских школ и медицинских учреждений, зарождение дагестанского книгопечатания. Первыми учеными, серьезно и глубоко взявшимися за изучение истории и географии, археологии и этнографии, филологии и медицины, первыми разведчиками природных богатств Страны гор были видные представители русской научной интеллигенции А. Берже, И. Березин, В. Комаров, Н. Дубровин, А. Неверовский, Ф. Леонтович, С. Броневский, П. Бутков, И. Гербер, Н. Львов, Г. Абих, Д. Анучин, В. Докучаев, Д. Голубятников, Н. Пиროгов, М. Ковалевский, П. Услар, Е. Козубский и многие другие.

Велика заслуга русской интеллигенции в формировании во второй половине XIX в. хотя и немногочисленной, но собственной светской демократической интеллигенции из представителей коренных народностей Дагестана. Это авторы целого ряда публикаций по истории, этнографии, фольклору и языкам местных народов: Д. Шихалиев, Э. Казанфар, А. Чиркеевский, А. Омаров, М. Хандиев, Г.-М. Амиров, М.-Э. Османов, Г. Алкадари, Б. Далгат и др. С их помощью во второй половине прошлого столетия появились первые этнографические обзоры края и исследования дагестанских языков, буквари и книги для чтения, публикации памятников местного фольклора, первые переводы Пушкина, Крылова, Некрасова, Ушинского на языки народов Дагестана.

Носителями лучших интернациональных черт своего народа, горячими поборниками русско-дагестанского взаимопонимания, самоотверженными борцами за революционное преобразование существующей жизни проявили себя энергичные и просвещенные горские интеллигенты, освоившие опыт русской духовной культуры и воспитанные на русских революционно-демократических идеях и традициях, — У. Буйнакский, М. Дахадаев, Дж. Коркмасов, К. Агасиев, М. Хиароев, М. Далгат, А. Тахо-Годи и др. С именами «просвещенцев» и революционеров связано также создание дагестанской литературно-публицистической традиции на русском языке, составившей своего рода «боковую ветвь» русской литературы в Дагестане и одновременно — неотъемлемую часть собственно дагестанской художественной культуры.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 244; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 594—595.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 138.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1956. Т. 10. С. 58.

⁴ Цит. по: Дагестан — Россия навеки вместе! Махачкала, 1960. С. 241.

⁵ Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 7.

⁶ Заря Дагестана. 1912. 31 мая.

⁷ ЦГАОР. Ф. 3718. Оп. 8. Д. 20. Л. 65.

Литературное взаимодействие осуществлялось в начале XX в. в разнообразных формах. Например, известную лиро-романтическую поэму Махмуда из Кахаб-Росо «Мариям» (1915) можно было бы, на наш взгляд, осмыслить не только с точки зрения отражения в ней «русского элемента», но и эстетического преломления в национальном художественном творении аварцев черт европейского образного мышления. Думается, что и образ Марии пришел к автору не из европейского литературного источника, а из самой жизни.

Можно согласиться с тем, что Г. Цадаса или С. Стальский не владели русским языком, но нельзя принять мнения, согласно которому они не испытали в своем творчестве воздействия русской культуры. Даже ранние их произведения, относящиеся к рубежу двух столетий, несут на себе печать русских влияний: у Цадасы, например, появляются русские персонажи, возникают русские образы и сравнения, арабизмы уступают место русизмам. Более того, самые значительные поэтические произведения дореволюционного периода литературной деятельности Стальского и Цадасы во многом навеяны идеями русского революционно-демократического движения.

Как достоверно установлено, многие просветительные и революционно-демократические идеи, темы и мотивы проникли в кумыкскую, лакскую и лезгинскую дореволюционную поэзию, драму и драматургию из культурной и литературной среды Азербайджана и Татарии, народы которых находились под значительно более сильным влиянием русской литературы и общественной мысли. Это можно проследить в творчестве М.-Э. Османова, Г. Гузунова, М. Алибекова, Г. Ахтынского, С. Габиева, Н. Батырмурзаева.

Замещение — известный и необходимый этап начальной стадии взаимодействия литератур — было особенно характерно для дагестанских просветителей начала XX в., усилиям которых литературы народов Дагестана (в частности, лакцев и кумыков) обязаны зарождением жанров повести, драмы, даже романа. То же самое можно сказать и о возникновении дагестанского театра. Национальная художественная литература шла ко все большей жанрово-структурной дифференциации. Русская литература пробуждала в местных национальных литературах собственные духовные и творческие силы, стимулировала возникновение и закрепление в них новаторских тенденций. Возросло общественное значение литературного творчества, сопровождавшееся демократизацией его форм. Главной заботой искусства становилась жизнь, на первый план выдвигался человек. Дагестанская литература на рубеже XIX—XX вв. в своем неприятии существующего порядка и попытке выдвинуть новую концепцию личности делалась созвучной великой русской литературе.

Вступлению национальных литератур нерусских народов в полосу реалистического направления во многом способствовали традиции русской литературы и материалистической эстетики. Как справедливо заметил Г. И. Ломидзе, русская классика была для национальных литератур «близка по характеру, по содержанию идейно-

эстетического опыта», она значительно раньше «художественно освоила те проблемы», с которыми другим литературам еще предстояло сталкиваться в последующем развитии⁸.

Рассматривая отдельные закономерности углубления русско-дагестанских культурных связей, необходимо выделить некоторые исторически обусловленные их особенности, порою — весьма противоречивые. Среди них — односторонний характер этих связей: с конца XVIII — начала XIX в. можно говорить о процессе освоения русской культурой дагестанской темы. Обозначился пристальный общественный интерес к народно-освободительному движению горцев. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что лучшие произведения русских классиков — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. А. Бестужева-Марлинского, А. И. Полежаева, А. А. Фета и других, посвященные кавказской и дагестанской темам, всем своим содержанием и духом поднимали нравственный авторитет горцев в глазах русской и всей европейской общественности. Восхищением и любовью к этому древнему краю с его неповторимой историей и самобытной судьбой вызваны к жизни самые вдохновенные создания русской поэтической мысли той эпохи. В. Г. Белинский отмечал, что «Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной»⁹. «Я начинаю любить Кавказ... сильной любовью», — писал Л. Н. Толстой¹⁰.

Гуманистической традиции русской литературы придерживались в своем творчестве также выдающиеся художники Г. Г. Гагарин, Ф. Ф. Горшельт, Ф. А. Рубо, Н. А. Ярошенко, И. К. Айвазовский, Е. А. Лансере, полотна которых согреты чувством любви и уважения к народам Дагестана. Вслед за русской художественной культурой (прежде всего — благодаря ее демократическому воздействию) к кавказской и дагестанской темам обращались крупнейшие представители других национальных культур — Т. Г. Шевченко, М. и А. Кунавабаевы, А. Казбеги.

Плодотворен опыт, накопленный русской творческой интеллигенцией в художественном отображении жизни нерусских народов. Тот факт, что русская литература не знает так называемого «колониального романа» с его расовым высокомерием, делает ей честь. Обращаясь к кавказской теме, они отвергли широко распространенное описание горцев исключительно в этнографических и экзотических красках как несовместимое с подлинно реалистическим воссозданием действительности. Не будет преувеличением, например, сказать, что именно русская литература в лице Пушкина, Лермонтова, Толстого впервые с наибольшей полнотой отразила реалистическую картину горской действительности, образ горца и тем самым во многом способствовала правдивому изображению жизни народов дореволюционного Дагестана. Не случайно пушкинскую «способность

⁸ См.: Социалистический реализм в литературах народов СССР. М., 1982. С. 10.

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 543.

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 47. С. 10.

всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций, перевоплощения почти совершенного» Ф. М. Достоевский считал «главнейшею способностью» русской национальности¹¹. Произведения русской литературы, писал И. Франко, «мучили нас, затрагивали нашу совесть, будили в нас человека, будили в нас любовь к человеку, будили любовь к бедным и оскорбленным»¹².

В высшей степени благородная черта русского духовного влияния на дагестанскую культуру сказалась и в другом. Речь идет о неопозитивном вкладе русской общественной мысли и науки в гуманистическое осмысление и объективную оценку национальных художественных ценностей, национального культурного наследия. Как известно, дореволюционная буржуазная наука отрицала сколько-нибудь положительное начало в духовной культуре народов Северного Кавказа, тенденциозно и с великодержавных позиций приписывала им исключительно примитивно-импровизаторский характер художественного мышления, выдвигая на первый план наиболее консервативные стороны культурных традиций восточных окраин империи. Совершенно иными были взгляды представителей передовой России — А. А. Бестужева, В. Г. Белинского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого — на народное творчество и поэзию горцев. Они относили их к «сокровищам поэтически необычайным»¹³ по своей художественной силе, вообще признание за каждым народом больших духовных достоинств оставалось исконной чертой русского искусства, обладающего высоким национальным тактом, чувством глубочайшего уважения к характеру и чертам человека — выходяца из нерусской национальной среды, его национальным традициям¹⁴.

Безусловно, огромное значение в процессе культурного взаимодействия народов России имел русский язык, особое место которого в системе дагестанско-русских отношений очевидно в силу исторически сложившегося дагестанского многоязычия. Вопреки официальной роли, которая отводилась ему в политике царизма, русский язык стал языком приобщения народов к достижению современной демократии и передовой культуры, языком, в котором социальные, культурно-эстетические и коммуникативные функции соединились.

Тенденция исторического развития была такова, что русский язык становился новым средством общения в Дагестане, способствовал обмену культурными ценностями, принадлежащими разным национальным цивилизациям и культурно-историческим срезам; благодаря ему горскому обществу стали доступны не только произведения русской литературы, но и памятники словесности других народов страны — грузин, азербайджанцев, татар. Многие значительные памятники устно-поэтического творчества народов Дагестана впервые получили путевку в «цивилизованный мир» и стали достоя-

¹¹ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 14-ти т. СПб., 1906. Т. 12. С. 414—415, 432.

¹² Франко И. Публицистика. Киев. 1953. С. 88.

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 62. С. 609.

¹⁴ Ломидзе Г. И. Истоки духовного единства советской многонациональной литературы // Единство, рожденное в борьбе и труде. М., 1972. С. 15.

нием общечеловеческой культуры с помощью русского языка. На русском языке стали создаваться многие произведения научной и художественной культуры, образовавшие особую ветвь дореволюционной дагестанской литературы. Значительно, что первые периодические издания Дагестана возникли и распространялись на русском языке (газета «Дагестан», 1906; «Дагестанский вестник», 1907; «Заря Дагестана», 1912).

Стремление горцев к русскому языку становилось все более очевидным, и об этой прогрессивной тенденции писал В. И. Ленин. «На Кавказе, — отмечал В. И. Ленин, — представители нерусских народностей сами стараются научить детей по-русски...»¹⁵

В одном из прошений горцев на имя кавказского наместника говорилось: «Распространение в Дагестане русского языка... есть обстоятельство чрезвычайной необходимости и потому желанное. С насаждением светских школ, несомненно, русский язык завоеует себе подобающее ему по своему величию место»¹⁶.

Обратимся к ленинской мысли: «...и мы, разумеется, стоим за то чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку», — писал В. И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык?» Но в то же время он предостерегал от «элемента принудительности»: «...великий и могучий русский язык, — указывал В. И. Ленин, — не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*»¹⁷.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции русский язык занял «подобающее ему по своему величию место». Не арабскому, не персидскому, не тюркскому, несмотря на многовековые их притязания на такую роль, а великому русскому языку было суждено стать первым в истории языком межнационального общения, языком сплочения, сотрудничества и консолидации народов Дагестана.

Таким образом, объективный анализ национальной жизни дооктябрьского периода неизбежно приводит к выводу о плодотворном воздействии передовой общественной мысли России на интенсивный процесс формирования в Дагестане и на Северном Кавказе национальной духовной культуры и художественной литературы — особенно во второй половине XIX — начале XX в. Процесс этот был прогрессивным, перспективным и вместе с тем ускоренным. Русская культура, искусство, литература оказались мощным стимулятором

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 116. К примеру, уже к 1913 г. в Дагестане в 84 школах преподавание велось на русском языке. В них обучалось 6660 учащихся, причем 41 процент из них составляли представители коренных горских народностей.

¹⁶ ЦГА ГрузССР. Ф. 2. Д. 3136. Л. 19. Известный дагестанский просветитель Б. Далгат писал в газете «Кавказ» (1894): «Обрусение, если понимать под этим словом распространение русского языка, русской литературы среди инородцев, русской науки и культуры... Такого рода обрусение само по себе охватит в недалеком будущем все инородческие племена России, и напрасно, бесполезно и вредно противиться такому обрусению» (Цит. по: Абдуллаев М. Мыслители Дагестана XIX и начала XX в. Махачкала, 1963. С. 209).

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 295.

развития духовного сознания и художественного мышления многочисленных народов, приобщившихся к российской государственности. Эта такая объективная историческая реальность, которую невозможно ни игнорировать, ни недооценивать. Как известно, «любовь к своей нации обязывает быть признательным тем народам, влияние которых было полезно для нее»¹⁸.

II

Взаимодействие национальных культур в условиях социализма — не просто продолжение прежнего опыта, а принципиально иной тип взаимоотношений. Они не сводимы к обычным культурно-эстетическим контактам, а представляют собой явление, осознанное обществом. Мы имеем в виду восприятие многонациональной советской литературы не как механической суммы отдельных национальных литератур, а как высшего интернационального единства, как художественного явления невиданного уровня и качества. В полном соответствии с тем, что говорил В. И. Ленин: «Социализм целиком интернационализирует»¹⁹ политическую и духовную жизнь общества. К своему органическому единству братские литературы пришли путем ускоренным, интенсивным, через тесное сотрудничество и сближение, шаг за шагом осваивая вершины, делающие возможным взаимобогащение.

Так что панорама литературного процесса на карте страны складывается из национальных литературных судеб, воспринимаемых в широком, устойчивом межлитературном контексте. Межлитературные связи как условие и как фактор становления и формирования многонациональной советской литературы предполагают развитие каждой из взаимодействующих литератур. Не составляет исключения и русская литература.

В центре бурных процессов интернационализации общественной жизни находился русский народ. Безмерной была его помощь отстающим в прошлом народам страны. Ощутимой была эта помощь во всех сферах социальной жизни, но особенно ярко и наглядно она выразилась в области духовной культуры. Русская наука и русское искусство еще на заре новой эпохи протянули руки дружбы народам далеких окраин страны.

В 1923 г. проблемы истории, археологии, этнографии, языков, фольклора оказались в центре внимания специальной экспедиции ученых А. С. Башкирова, Н. Б. Бакланова, Н. Я. Яковлева, Л. И. Жиркова и др., оставивших после себя неизгладимый след в освоении художественного наследия края. Годом позже, в 1924 г., открывается первое в истории Дагестана научно-исследовательское учреждение — Институт национальных культур²⁰, возглавляемый русским ученым Д. М. Павловым. А в 1925 г. в Дагестанский краеведческий

музей поступает из Москвы коллекция из 100 картин выдающихся русских художников. Интересно, что среди полотен Ф. А. Рубо, переданных сюда на хранение, находилась первая из трех его панорам — «Штурм Ахульго».

Чрезвычайно необходимой и плодотворной была забота русских писателей и поэтов о литературах так называемых национальных меньшинств. В течение лишь трех лет в Дагестане побывали три авторитетные бригады, в которые входили выдающиеся русские литераторы и филологи: летом 1933 г. — Н. Тихонов, П. Павленко и В. Луговской, в 1934 г. — А. Аршаруни, Л. Пасынков, Р. Фатуев, Ю. Смирнов, в 1935 г. — группа, возглавляемая замечательным советским фольклористом Ю. Соколовым.

Без преувеличения можно сказать, что если высокие достоинства горского фольклора впервые были по достоинству оценены А. Фетом и Л. Толстым, то литературная классика народов Дагестана, представленная поэтическим наследием О. Батырая и И. Казака, Е. Эмипа и Махмуда из Кахаб-Росо, стала открытием для России благодаря наблюдениям Л. Жиркова и особенно Н. Тихонова. Да и такие яркие поэтические индивидуальности, как С. Стальский и Г. Цадаса, стоявшие у истоков дагестанской советской литературы, получили доступ ко всесоюзному читателю при творческом содействии Н. Тихонова, П. Павленко и В. Луговского.

Обладающий великолепным даром узнавания и постижения психологии, нравов, традиций других наций русский писатель Тихонов стал своим для дагестанских народов. Около шестидесяти лет прошло со дня первой его встречи с дагестанской культурой, но все эти десятилетия разноязычный Дагестан с сердечностью и чувством родства произносит: «Наш Тихонов»²¹.

В целом русской литературе в ее отношениях с другими национальными литературами была присуща не только миссия, если так можно выразиться, организаторского характера. Значительно более существенная сфера ее участия относилась к творческой стороне дела. В истории советской литературы отмечено как событие появление нового типа русского художника, специализировавшегося полностью или преимущественно на инациональной тематике. Нет преувеличения в том, что многие так называемые малые и младописьменные народы СССР «впервые заговорили с миром со страниц произведений русских писателей»²². Именно в образах русской литературы воссозданы национальные судьбы и национальные характеры тех народов, которые в силу различных исторических условий не могли пока иметь развитые литературные традиции. В славу плеяду художников-интернационалистов вошли Н. Тихонов и А. Фадеев, П. Павленко и М. Пришвин, Ю. Лебединский и Л. Леонов, В. Ставский и другие писатели, чьи произведения органически вли-

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 15. С. 285—286.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 318.

²⁰ Ныне — ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.

²¹ Всенародное признание заслуг писателя в развитии дагестанской советской литературы было закреплено присуждением ему почетного звания заслуженного деятеля искусств Дагестана. Имя Тихонова носит улица в столице республики Махачкале.

²² Зелинский К. Литературы народов СССР. М., 1957. С. 41, 146.

лись в художественную историю нерусских народов и одновременно составили важную веху в становлении русской и всей советской литературной классики.

Активное восприятие русской литературы и утверждение принципов социалистического искусства облегчалось, с одной стороны, наличием в самих дагестанских литературных традициях достаточно сильных элементов реализма, с другой — интернационалистским пафосом русского художественного опыта. Обладая высоким «чувством собственной национальности», произведения Н. Тихонова, В. Луговского, П. Павленко, Б. Брика, Л. Пасынкова, Р. Фатуева, Л. Жиркова, посвященные дагестанской тематике, всегда следовали лучшим традициям отечественной классики и воспевали светлые идеалы горского народа. Как прекрасно сказал И. Бехер, «в подлинно национальном чувстве одного народа одновременно заключена основа для постижения подлинно национального чувства другого народа»²³.

Неотъемлемой частью литературных взаимосвязей было и остается переводческое дело. Беспрецедентен подвиг русских переводчиков, благодаря которым разноликий, многомерный и неведомый художественный мир огромного множества народов и племен страны стал доступен и понятен русскому читателю, а через него — и всему свету. В полный голос зазвучали в 30-е годы на русском языке «то гортанные, то задушевно мягкие, то призывно-ораторские, то философско-напряженные, то мужественно-сильные голоса Рыльского, Бажана, Тычины, Малышко, Купалы, Коласа, Чаренца, Леонидзе, Чиковани, Тициана Табидзе, Вургуня, Рустама, Джамбула, Стальского, Цадасы, Гуляма, Лахути»²⁴. Лучшее из эстетического наследия народов Дагестана, самые значительные из произведений его поэтов и писателей были переложены на русский язык Н. Тихоновым, Н. Державиным, Н. Ушаковым; С. Липкиным, Д. Кедриним, А. Архангельским, Л. Пеньковским, В. Казиним, С. Обрадовичем, а позднее — И. Сельвинским, П. Антокольским, В. Солоухиным, Я. Козловским, Н. Гребневым, Я. Хелемским. Первые хрестоматии и учебные пособия дагестанской национальной школы не могли обойтись без произведений русской классики. К дагестанскому горцу на его родном языке пришли стихи и поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник», «Братья-разбойники». В 30—40-е гг. опубликованы здесь переводы из произведений Лермонтова и басен Крылова. Жадно вчитывались горцы в толстовские повести «Хаджи-Мурат» и «Кавказский пленник», в «Мои университеты» М. Горького. На сценах дагестанских национальных театров ставились пьесы Лермонтова («Маскарад» и «Два брата»), Островского («Без вины виноватые» и «Доходное место»), Гоголя («Ревизор», «Женитьба»), Горького («На дне», «Враги», «Старик»). С помощью русского языка пришла в горы Дагестана мировая классика, произведения В. Маяковского, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева,

Н. Тихонова, А. Твардовского, К. Чуковского, К. Тренева, Вс. Корнейчука, С. Айни, Д. Гулиа, Джамбула, С. Вургуня, а в наше время — Ч. Айтматова, Н. Думбадзе, М. Дудина, М. Карима, К. Кулиева, Д. Кугультинова.

В. И. Ленину принадлежит мудрая, верная и нестареющая формула: «...интернациональная культура не безнациональна...»²⁵. Советская действительность подтвердила, что наибольшего успеха достигает культура, в которой гармонируют национальные и интернациональные черты. Чингиз Айтматов, Мустай Карим, Кайсын Кулиев как художники одинаково близки и понятны читателям всех национальностей, ибо в их творчестве звучат общечеловеческие мотивы. Вместе с тем это глубоко национальные писатели своих — киргизского, башкирского, балкарского — народов. Они «более национальны, нежели художники, чьи произведения обильно разукрашены национальными красками и местным орнаментом. Они не «перепрыгнули» через национальную почву, а показали великую жизнеспособность родной литературы. Но в них освоен богатейший опыт русской литературы, а через нее и опыт многих литератур мира.

Это же с полным основанием можно сказать о творчестве дагестанцев — Эф. Капиева и Р. Гамзатова. Обращение к другим отраслям художественной культуры республик Северного Кавказа — оперной музыке лезгина Г. Гасанова и лакца М. Кажлаева, живописным полотнам аварцев Х. Мусаева и М. Джемала, спеническим образам осетина В. Тхапсаева и кумычки Б. Мурадовой, хореографии чеченца М. Эсембаева и тата Т. Израилова и т. д. — опять-таки подтверждает, что дорогу к интернациональному читателю, слушателю, зрителю они нашли не потому, что их творчество безнационально, а благодаря тому, что оно несет в себе общечеловеческие черты национального характера и быта своего народа. Интернациональная культура предполагает, говорил А. В. Луначарский, не уничтожение «национальных мотивов в общечеловеческой симфонии, а лишь их богатую и свободную гармонизацию»²⁶.

Казалось бы, общепризнанно, что национальное и интернациональное в советской литературе и искусстве присутствуют и воспринимаются в гармонии и взаимообусловленном единстве. В то же время извечный характер обретают тенденции к противопоставлению обоих этих начал и абсолютизации то одного, то другого. Не перевелись еще любители понукать, поторапливать, подталкивать национальные культуры или предостерегать, сдерживать их в своем естественном поступательном движении.

Другую «прослойку» составляют те, которые, рядясь в рясу защитников так называемой «национальной души» родного искусства в искаженном свете представляют национально-освободительное и индивидуально-специфическое в литературе. Не изжиты тенденции выдавать наиболее архаичные формы духовной культуры за подлинно народные ценности, культивировать национальные традиции в

²³ Бехер И. В защиту поэзии. М., 1959. С. 184.

²⁴ История советской многонациональной литературы: В 6-ти т. М., 1971. Кн. 1. С. 27.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120.

²⁶ Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1967. Т. 7. С. 183.

искусстве. До сих пор широко в ходу описание жизни национальных окраин в сугубо этнографических, экзотических красках, возводимых в принцип отображения национальной сути. Хотя общеизвестно, что акцент на внешнем никогда не был показателем силы искусства. Напротив, он ведет к увековечению архаических представлений и ложных стереотипов. Странно видеть, как некоторые национальные художники глядят на национальную действительность не глазами своей национальной стихии, не глазами своего народа, а глазами постороннего, как бы случайно очутившегося в неведомом мире. Окарикатуривание национального характера и национальной действительности не имеет ничего общего с подлинным национальным началом художественного освоения жизни.

Не «национальная экзотика», а общезначимые художественные открытия — вот что лежит в основе обогащения традиций советской многонациональной литературы. Фетишизация же самобытности способна привести национальное искусство к обособлению, к оскудению собственного опыта, к сужению художественных границ. И сегодня не потеряли актуальность слова академика Д. С. Лихачева о том, что исчезновению подлежат не национальные ценности, а национальная ограниченность²⁷, та самая, которая так часто рядится в тогу своеобразия искусства.

Наблюдения и опыт осмысления межлитературных процессов наводят также на ряд других соображений и замечаний, относящихся к различного рода формам и проявлениям взаимодействия национальных культур. Так, при всей важности творческих контактов их роль в системе литературных связей носит все-таки ограниченный характер. Они функционируют на уровне «воздействие — восприятие», но не более. Они были свойственны и прежним временам, присущи они и современному культурному миру. Творческие контакты сами по себе не означают и не гарантируют выход национальных литератур на плоскость и уровень их безусловного взаимовлияния, взаимопроникновения, взаимообогащения.

Далее, прямое заимствование, непосредственное перенятие опыта отдельных, пусть даже выдающихся мастеров, бездумный перенос готовых сюжетов, тем, идей, образов из одной национальной среды, даже такой развитой, как русская литература, в другую, без соответствующей национальной трансформации и адаптации, без творческого приспособления к условиям и опыту местного художественного сознания, чаще всего приводят лишь к слепому, эпигонскому подражательству, за которым не может признаваться оригинальное, самобытное, созидательное творчество, и потому служат лишь балластом для искусства. Забвение этого условия не раз приводило художников к творческим провалам, а исследователей — к серьезным заблуждениям.

Сводить смысл творческого обмена к тому, чтобы художественные открытия, сделанные в одной национальной литературе, автома-

тически в готовом виде переносить в другую, значило бы лишить художественное творчество своей национальной самобытности, обречь его на повторение известных истин и топтание на месте, в конечном счете — заморозить художественный прогресс. Процессы взаимодействия и взаимообогащения социалистических национальных культур, их растущее сближение и взаимопроникновение не имеют ничего общего с их интеграцией в единое целое, с пресловутой их нивелировкой. Подлинно творческое взаимодействие как результат плодотворной учебы у более богатого опыта состоит в том, что творческие принципы и приемы, присущие развитой литературе, перерабатываются на инациональной почве в соответствии с традициями данной национальной культуры. Наличие такого рода влияния русской литературы на литературы народов Дагестана — реальность, обладающая силой убеждения и значением типологической всеобщности.

Вместе с тем выросшие и возмужавшие на синтезе национальных традиций с мощным влиянием традиционно развитых и более опытных литератур, национальные литературы теперь сами генерируют художественные импульсы, все более опутимые в развитии всей советской литературы. Ощущает, естественно, эти импульсы и русская литература, которая все более перестает быть обособленной и только «поучающей». Таков новый качественный скачок в диалектике взаимодействия социалистических культур на современном этапе. Естественно, такая взаимность предполагает весьма высокий уровень развития национальных культур, их способность создавать ценности масштабные, общезначимые, умение осмысливать народные судьбы с позиций общечеловеческих гуманистических идей.

Все это составляет крупное завоевание нашей литературы, предмет признания и уважения, объект идейного и теоретического осмысления. Однако не обходится и без заблуждений. В частности, настоятельно, например, проскальзывающая порой тенденция усматривать в факте преуспеяния так называемых малых литератур, в действительных их успехах повод для абсолютизации этих успехов, вплоть до противопоставления их другим, традиционным, опытным литературам, скажем, современной русской литературе. То и дело сказывается склонность к истолкованию достигнутого уровня взаимообогащения литератур как наступления некоего рубежа, где национальные литературы в чем-то якобы «обошли русскую литературу». Попытки привносить в благородный, плодотворный и закономерный для советской многонациональной культуры процесс взаимодействия и взаимообогащения дух соперничества и тем более противопоставления одних другим — сами по себе противоестественны и противоположны природе нашей действительности. Главное все-таки состоит в том, что мнения этого порядка не соответствуют действительному положению дел.

Творческое освоение и включение в арсенал национальной культуры богатейших завоеваний братских литератур, ставших во многом межнациональным достоянием советского общества, сообщили национальным, так называемым «малым» художественным культурам мощные импульсы становления, формирования, возрождения, чем

²⁷ Лихачев Д. С. Прогрессивные линии развития русской литературы // О прогрессе в литературе. М., 1977. С. 71.

и обусловлен тот гигантский исторический скачок, который состоит в постижении и реализации силы и умения найти и осознать самих себя, не потерять, а развить собственное национальное начало и, не покидая стремя самобытности, выйти на прямую наикратчайшим путем, дойти до общечеловеческого слуха. Разве не о решительном включении молодых, исторически немногочисленных, так называемых новописьменных литератур во всесоюзный и мировой контекст говорит их уверенный выход на широкий современный простор. Во всех национальных литературах можно обнаружить завоевания, активно воздействующие на формирование и развитие общесоветских художественных традиций. Выросла плеяда крупных и ярких индивидуальностей, которым по плечу глубокое осмысление и образное претворение исторического и духовного опыта своих народов и которые одинаково успешно могут выступать полноправными представителями многонациональной советской литературы в целом. Все это — реальный фактор взаимовлияния и взаимообогащения социалистических национальных художественных культур. Именно взаимообогащения, позволяющего говорить о более высоком уровне связей, при котором «нации и народы обмениваются творческими завоеваниями, обладающими широкой международной значимостью», как на это обращал внимание академик М. Б. Храпченко²⁸.

Литературные взаимосвязи на современном этапе развиваются в условиях общего высокого уровня достижений социалистической культуры. Во всех национальных республиках и областях имеют место художественные завоевания, активно воздействующие на формирование и развитие общесоветских литературных традиций.

Широкий межнациональный обмен духовными ценностями, сопровождающийся интенсивными процессами взаимообогащения культур всех народов СССР, — реальность нашего времени. Реальность эта — в качественно новом повороте идейного и художественного мышления, в гуманистическом переосмыслении национальных судеб, в пробуждении небывалого интереса к нравственным категориям растущего национального сознания. Вместе с тем она — в ощущении роста международного авторитета многонационального советского искусства. Национальная художественная литература явилась той сферой общественного сознания, в которой глубже и ярче всего сказались благотворные веяния перестройки, обновления, демократизации.

instituteofhistory.ru

²⁸ Храпченко М. Б. Пути взаимообогащения социалистических культур // Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. М., 1981. С. 11.

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Проблемы изучения

Долгие годы в нашей научной и общественной мысли постулировал тезис игнорирования положительной роли Востока в исторических судьбах мусульманских народов страны. Исключительно реакционным объявлялось, например, влияние арабской культуры на духовную жизнь народов Кавказа и Дагестана, находившихся на протяжении веков в орбите интенсивного культурно-исторического общения с арабским миром. Насаждавшееся в науке и идеологии высокомерие по отношению к арабо-мусульманской культуре средних веков смыкалось с устоявшейся концепцией «европоцентристского» пренебрежения «отсталым Востоком»¹.

Исламизационный процесс в Дагестане, охвативший длительный период с VII по XV вв., завершился закреплением здесь магометанства как официальной религии и идеологии. Процесс этот был чрезвычайно сложным и противоречивым. Влияние ислама как системы политического учения, права, морали на духовную жизнь народов данного региона безусловно заключало в себе немало консервативных черт: отвергалось все, что не укладывалось в рамки сути и духа верования, затруднялось проникновение инородных цивилизаций в их чистом, не извращенном и не освященном господствующей идеологией обличье.

Вместе с тем исламизация на долгие века подключала народы Северного и Восточного Кавказа к мусульманскому «кругу мирового культурного сообщества» (В. В. Бартольд). И не одними расприями и ересью жила вопреки ходячим утверждениям эпоха, не сплошное невежество и мракобесие определяло его содержание, не только разложение и торможение были свойственны ее движению. Существенную роль возымели здесь и объективные факторы стимулирующего ряда, такие, например, как внедрение арабского языка и насаждение

¹ Настоящая статья написана в соавторстве с известными дагестанскими востоковедами-арабистами М.-С. Саидовым и А. Р. Шихсаидовым на основе статей: Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Сокровищница памятников письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языковедения. IX. Тбилиси, 1981; Гамзатов Г., Шихсаидов А. Арабские рукописи Дагестана // Новые исследования советских арабистов: Сб. статей на арабском языке. М., 1987; Гамзатов Г. Алжандари и его наследие // Историко-литературное наследие Гасана Алжандари. Магачкала, 1988; Шихсаидов А. Р. Мухаммад, сын Мусы из Кудутля — выдающийся ученый // Литературный Дагестан. 1989. № 2. (На авар. я.).

восточной словесности, приобщение местного населения к современной культуре Ближнего и Среднего Востока, а через него — и более широких ареалов. Взаимный обмен материальными и духовными ценностями в условиях более развитых традиций арабо-мусульманской цивилизации пробуждал в местных культурах их собственные потенции, вызывал к жизни новые интеллектуальные потребности и творческие возможности здешних народов. Это было проявлением важнейшей закономерности развития человеческого общества.

Известно, что X—XV века в Средневосточной зоне Старого Света, а это ареал функционирования арабской, персидской, тюркской и кавказской культуры, — время наибольшего расцвета возрожденческой культуры. Именно арабская литература выступала для многих народов как ведущая и втягивала в свой процесс другие литературы, развивавшиеся рядом и входившие в данный культурный круг. Невиданное развитие состава литературы, повсеместное распространение научно-публицистической книги, жанров поэмы и послания, возрастание общественной роли литературы, ее влияния на умы составляли характерологические черты историко-литературного процесса рассматриваемого периода. В то же время в них сказался всемирный, международный характер литературного процесса.

Феноменальна модель крупнейшей культурной общности, координаты которой простирались на необъятные пространства Афроевразии от Филиппин до Пиренеев и захватывали обширнейшую зону, населенную неисчислимым множеством разных народов. В так называемую «арабскую зону» входил и Дагестан, где арабский язык оказался «главным литературным языком» (И. Ю. Крачковский). Дагестанская литература X—XIX вв. на арабском языке формировалась под общим воздействием средневековой арабской словесности и в то же время всеми своими корнями уходила в глубь истории и культуры своего края и имела своим адресатом отечественного читателя. Она по праву принадлежит национальному наследию народов Дагестана.

История материальной и духовной культуры народов Дагестана дает многочисленные свидетельства того, что данный регион никогда не находился в изоляции от других географических ареалов и исторических цивилизаций. Средневековье отмечено определенными связями Страны гор с Европой и многими районами Востока, такими как Средняя и Передняя Азия, Индия и др. Известно, например, что сюда, в самую казалось бы, отдаленную глушь, проникали не только образцы суфистики ал-Маари и ал-Фараби, не только мусульманские учения Египта, но и трактаты Аристотеля и Платона, новоявленные поэтические традиции далекой Андалузии. Передатчиком и «переносчиком» этих ценностей на Кавказ и в Дагестан была арабо-мусульманская культура.

Важнейшим — в историко-культурном отношении — фактором благотворного влияния арабской культуры следует признать создание в Дагестане, на Восточном Кавказе в целом, местной письменности, основанной на арабской графике и приспособленной к фонетическим особенностям родных языков. В значительной мере этим

был обусловлен перевод словесной культуры здешних народов с иноязычных начал на их родную языковую основу, что дало мощный импульс к зарождению и развитию подлинно национальных литературных традиций. Преодоление так называемого «языкового барьера» — переломный момент развития национальной литературы, и, как известно, явление этого рода — не единичное в истории мировой цивилизации.

Бесстороннее, вдумчивое осмысление арабоязычного — равно тюркоязычного и ираноязычного — наследия народов Дагестана как своего рода «предыстории» и одного из ключевых факторов зарождения дагестанской национальной литературы продолжает оставаться в числе нерешенных проблем филологического дагестановедения. В равной мере назрела и задача более предметного и углубленного изучения того гуманитарного и интеллектуального вклада, который внесли в культуру и литературу Востока многие так называемые малые народы Средней Азии, Кавказа, Дагестана. Возросшее национальное самосознание этих народов восстает против продолжающегося стараниями иных исследователей растворения тех или иных пластов их родного наследия в некой «общемусульманской» культуре. При этом необходимо остерегаться и негативистских, и идеализаторских тенденций из арсенала как «европоцентризма», так и «азиациентризма».

Решительное избавление от вульгарно-социологических наслоений и пережитков при выяснении места арабо-мусульманского Востока в судьбах национальных культур и характеристике природы и роли творческих истоков и влияний в эволюции художественного сознания народов Дагестана, в становлении и развитии их национальных литератур обретает значение проблемы большого гуманитарного, нравственного да и вообще методологического смысла и масштаба. Преодолению подлежит, с одной стороны, недооценка позитивных начал в культуре арабского Востока и, с другой, непризнание за так называемыми малыми народами самобытных духовных реалий, недоверие к их интеллектуальным возможностям.

Казалось бы, в наше время все это — вполне очевидные, сами по себе понятные истины и можно было бы не акцентировать на них особое внимание. Однако еще свежи в памяти времена, когда о таких вещах не было принято говорить открыто и в полный голос. Попытки подмечать какие бы то ни было положительные начала в интеллектуальном наследии предков еще полтора-два десятилетия тому назад вызвали настороженность и подозрения со стороны ортодоксов «идеологических устоев». Хотя на словах вульгарный социологизм осуждался, тем не менее преобладали тенденции все большей политизации идеи и научного поиска, и более всего от них страдала наука о прошлом, о духовном и культурном наследии народа. Признание за народами Дагестана позитивного художественного опыта, причем подтвержденного в какой-либо мере положительному воздействию Востока, или же признание вообще факта наличия у народов Дагестана национальной письменности в прошлом, скажем, хотя бы в XIX веке, да еще сформировавшейся на графической осно-

ве арабского письма, возбранялось всячески. Не менее абсурдным было третирование аджамского алфавита как «мусульманского», «коранского», то бишь «чуждого» и «неприемлемого». При этом официальный негативизм подобного рода мотивировался спекулятивным тезисом о якобы имеющей место недооценке роли Великого Октября и вклада русской культуры в исторические судьбы народов окраин. Более грубый и нелепый отход от принципов марксистско-ленинского понимания проблемы взаимодействий народов и человеческих цивилизаций трудно себе представить.

С недооценкой, отрицанием интеллектуальных возможностей так называемых малых народов тесно связано и непризнание за ними реальных исторических заслуг в общественном развитии и проистекающее отсюда извращение важнейших этапов исторического движения и культурного развития этих народов. Пресс национального нигилизма ощущался не только в отказе народам Дагестана в положительном духовном опыте прошлого. Упорно и упрямо насаждались представления о народностях Дагестана то как бесписьменных в прошлом, то как младописьменных, а то и как новописьменных. Как уже отмечалось выше, игнорировались очевидные историко-культурные реалии, традиции национального письма горцев, зафиксированные еще в XI—XVI веках, и высокие образцы национального художественного мышления, представленные немеркнущим поэтическим наследием даргинца Омарла Батырая, кумыка Иьрчи Казака, лезгина Етима Эмина, аварца Махмуда из Кахаб-Росо и многими другими талантами XIX в., а также наличие не десятков, а сотен наименований дагестанской национальной книги, изданной и обнародованной еще в дореволюционном прошлом.

Неуклонный рост национального самосознания и обостренное чувство национального достоинства не позволяли примириться со столь откровенно негативистским отношением к духовному наследию предков и рождали протест против культивировавшегося высокомерия по отношению к национальной истории и культуре. И в настоящее время в силу сложившейся благоприятной ситуации в социально-духовной жизни общества и благодаря усилиям советских ученых культура и литература народов Дагестана на арабском языке предстала перед ученым миром огромной важности культурным фактором, воплотившим в себе как заимствованную из других стран, так и оригинальную местную литературу, плод многовекового народного творчества. В научном и нравственном отношениях опровергнута и отброшена господствовавшая более ста лет нигилистическая концепция, недвусмысленно выраженная в известном высказывании русского ученого-филолога П. К. Услара. «Письменной горской литературы, — заявлял еще в середине XIX в. авторитетнейший кавказовед, так много сделавший для изучения кавказских языков, — до сих пор не существует».

У дагестанских востоковедов и литературоведов много сложных и интересных вопросов, решение которых требует преодоления общего отставания от теоретико-методологических завоеваний современной ориенталистики. А это возможно лишь при критическом са-

моанализе, взыскательном подходе к обобщению накопленного опыта и постановке задач на перспективу. Обширная и разносторонняя программа работы по собиранию и обработке, переводу и описанию, комментированию и толкованию богатейшего востоковедного комплекса источников и памятников культуры предполагает глубокую специализацию и дифференциацию научных дисциплин, входящих в этот комплекс, в частности выделение ориенталистского литературоведения в самостоятельную отрасль общего литературоведения, усиление внимания к проблемам межлитературных связей, смелую ориентацию на методы эстетического анализа произведений искусства слова зарубежного и советского Востока.

Востоковедный аспект исторического и филологического осмысления и переосмысления культуры прошлого выдвигается как важное направление гуманитарной науки в Дагестане.

Ниже предпринимается попытка дать, основываясь на материале фонда восточных рукописей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, количественную и качественную характеристику сосредоточенной в Дагестане арабо-язычной литературы, как поступившей из стран Ближнего Востока и Средней Азии, так и созданной в пределах Дагестана.

* * *

Выдающийся советский востоковед И. Ю. Крачковский уже в 1948 г. писал, что арабская литература на Северном Кавказе «...приобретала общее и широкое значение — не только исторического источника... Изучение ее — первоочередной долг русских и вообще советских ученых разных национальностей нашего Союза. Кажется, эта истина осознана теперь не только в центре, но и на местах: в Махачкале, в столице Дагестана, при базе Академии создается особый архив восточных рукописей, ставящий одной из своих задач сохранение, опубликование и исследование уцелевших рукописных памятников. Можно надеяться, что несмотря на все тяжелые утраты военных лет, и в этой области соединенными усилиями задача изучения культурного наследия арабской литературы на Кавказе найдет правильный путь для своего решения»².

Действительно, первоочередной задачей дагестанских востоковедов было признано выявление, фиксация, собирание и изучение богатого рукописного наследия, сосредоточенного в Дагестане на арабском и дагестанском языках. Практически все приходилось начинать сызнова. Поисковой работой были охвачены все районы Дагестана, археографические экспедиции обследовали многочисленные частные библиотеки и собрания рукописных книг при культурных сооружениях. Планомерная, последовательная, неутомимая работа сотрудников Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР принесла свои плоды — за каких-

² Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные произведения. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 622.

нибудь 30 с лишним лет было создано, как говорят, «на пустом месте» хранилище рукописей, одно из крупных и ценных на Кавказе. Работа эта осуществлялась при огромном напряжении сил по преодолению сложнейших условий, о которых говорилось выше. В результате в рукописном фонде института в настоящее время сосредоточено более 6 тысяч памятников восточной письменности, в том числе более 2700 рукописных книг.

Рукописное наследие фонда восточных рукописей охватывает хронологически около тысячи лет и отличается исключительным тематическим разнообразием. Здесь и сочинения по различным отраслям средневековой науки — арабская грамматика, лексикография, художественное творчество, «коранические науки», мусульманская юриспруденция, история, логика, этика, астрономия, медицина и отдельные небольшие памятные записи, а порой и большие тексты на дагестанских языках с использованием арабского шрифта, наиболее ранние из которых можно отнести к XIV—XV вв.; и памятники эпистолярного жанра, и актовый материал — переписка сельских общин, акты купли-продажи, указы, обычно-правовые записи, жалобы крестьян, переписка дагестанских и грузинских феодальных правителей; и редкие рукописные книги, переписанные дагестанскими алимами и переписчиками; и автографы дагестанских ученых и мыслителей.

Наиболее крупную коллекцию составляют арабские рукописи, доставленные в различные времена в Дагестан из стран мусульманского Востока: Сирии, Египта, Ирана, Турции, областей Средней Азии. Многие сочинения средневековых авторов переписывались на месте, в Дагестане. Известны даже имена переписчиков-профессионалов.

При всем тематическом разнообразии памятников восточной письменности ведущее место среди них занимают, однако, традиционные для средневекового Востока дисциплины — грамматические трактаты, лексикография, мусульманское право, Коран, его толкование, хадисы.

Для изучения культурной жизни средневекового дагестанского аула, круга интересов грамотного дагестанца значительную ценность представляют хранящиеся в фонде сочинения по арабской лексикографии. Наиболее старая рукопись — это знаменитый толковый словарь арабского языка «ас-Сихах» («Достоверный») Абу Насра Исмаила б. Хаммада ал-Джаухари (ум. в 1008 г.). Сочинение выдающегося лексикографа известно также под другими названиями: «Тадж ал-луга ва сихах ал-арабийя» («Корона языка и достоверная книга по арабскому») или же «ас-Сихах фи-л-луга» («Достоверная книга по языку»). Книга состоит из 4 томов. В ней ал-Джаухари представил все лексическое богатство классической арабской литературы. Примечательна история сосредоточения в фонде восточных рукописей всех четырех томов «ас-Сихах». В 1948 г. из Хунзаха в рукописный фонд поступили третий и четвертый тома сочинения ал-Джаухари в одной книге³. Это, вероятно, один из старейших из извест-

³ Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur. I. Weimar, 1898. S. 128; Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестан-

ных списков. Он переписан в 510/1117 году Али б. Абд ал-Джалил б. Али б. Мухаммедом в Багдаде и тщательно сверен с оригиналом (сверка закончена в сафаре 512/мае 1118 г.). Для печатного издания (Тебриз, 1853) был использован список, переписанный Мухаммадом Махмудом ал-Марвази в 678/1279-80 г. Стало быть, наш список на 162 года старше изданного в Тебризе⁴.

Впоследствии в 1965 г. из селения Убра Лакского района поступила книга — неполная рукопись «ас-Сихаха» (№ 173) с записью о том, что она переписана в 519/1125 г. Хасаном ибн Джафаром ан-Нахави и сверена с оригиналом, список первого тома, законченный перепиской в 574/1178—79 г. (№ 955), полный список III тома с датой 593/1196 г.⁵ (№ 742). Археографическая экспедиция института приобрела в сел. Акуша рукопись в хорошем кожаном переплете — начало «ас-Сихах» (до буквы «гайн») с указанием даты — раби 11 970/ноябрь — декабрь 1562 г. Она скопирована с экземпляра, сверенного ал-Джавалики с оригиналом в 512/1118 г.⁶

Очевидно, интерес к толковому словарю арабского языка был в Дагестане чрезвычайно велик, и этим можно объяснить наличие немалого количества копий, снятых уже в Дагестане: в 907—909 г. х./1501—1502 гг. Али, сын Мухаммада «из селения Зерехгерани» переписывает I и II тома «ас-Сихаха»⁷. В 901/1505 г. этот же словарь переписывает зерехгеранец Мухаммад, сын Аббаса⁸.

Впоследствии интерес к пособиям для изучения арабского языка не ослабевает и перепиской заняты катибы-профессионалы не только в Зерехгеране, но и в других населенных пунктах. Фонд восточных рукописей располагает превосходными экземплярами, копиями толкового словаря ал-Джаухари, созданными в 1664 г. Али, сыном Касима аз-Зерехгерани⁹; в 1077/1665—66 г. и 1078/1668 г. в Цудахаре (переписчик — «Мухаммад, сын Мухаммада, паломника

ского филиала АН СССР/Под ред. М.-С. Саидова. Вып. 1. М., 1977. С. 45. (в дальн.— Каталог арабских рукописей).

⁴ Там же. С. 45—47. Два старейших тома словаря ал-Джаухари, переписанные в XII в. Абу-Сахлем Мухаммадом Хавари с автографа и тщательно прочитанные его знаменитыми комментаторами Хатибом Табризи и Маухубом ал. Джавалики, находятся в Республиканском рукописном фонде АН Азербайджанской ССР. См.: Салаева Н. С. Древнейший список толкового словаря ал-Джаухари//Институт востоковедения АН СССР. Тезисы конф. аспирантов. Т. III Ч. II. М., 1978. С. 131—133. В статье нет указания на место находки рукописи; Халилова Н. З. Арабоязычный письменный памятник «ас-Сихах» ал-Джаухари в палеографическом и лексическом освещении/Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1983; Ее же. Древнейший список «ас-Сихах» ал-Джаухари//Наука и жизнь, 1981. № 12 (Баку, на азерб. яз.).

⁵ Каталог арабских рукописей. С. 42—43, 47—48.

⁶ Шихсаидов А. Р., Саидов М.-С., Айтберов Т. М., Исаяев А. А., Оразаев Г. М., Мирзамагомедов Г. М. Итоги археографической экспедиции//Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980; фонд восточных рукописей Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, № 2354.

⁷ Фонд восточных рукописей Института ИЯЛ, № 2117.

⁸ Храпится у жителя сел. Гапшима Акушинского района Абасова А.

⁹ Выявлена археографической экспедицией 1980 г.

обоих священных храмов, сына Нурмухаммада, сына Кузлан Мухаммада, сына Али, сына Сулеймана»¹⁰.

Фонд восточных рукописей Института ИЯЛ хранит, таким образом, не только старейшие, но и полные экземпляры широко известного на Востоке толкового словаря арабского языка. Можно предположить, что работа по созданию все новых и новых копий продолжалась непрерывно в течение XII—XVII вв. Известны и другие словари, но «ас-Сихах» был наиболее популярен. В фонде имеется редкая рукописная книга — «ал-Гарибайн» Абу Убайда Ахмада б. Мухаммада б. Мухаммада ал-Харави (ум. в 1010 г.) — толковый словарь арабского языка в двух частях, законченный перепиской в зи-л-хиджа 689/декабре 1290 г. в Дагестане Мухаммадом, сыном Абу-л-Хасана¹¹. Через Азербайджан попал в Дагестан толковый словарь арабского языка «Мутриб фи-л-луга» (№ 769) Абу-л-Фатха Насира ал-Мутарризи (1143—1213)¹². Имя переписчика и дату переписки этого экземпляра невозможно установить из-за отсутствия последних листов рукописи (№ 769).

В ходу были и другие важные словари арабского языка. В рукописном фонде хранится один из старейших экземпляров «Мукаддимат ал-адаб» Махмуда ибн Умара аз-Замахшари (1075—1144), знаменитого хорезмского экзегета, филолога и литератора, оставившего ряд капитальных сочинений «Мукаддимат ал-адаб» («Введение в изящную словесность»), который представляет собою арабский словарь с пояснением значения каждого слова на персидском и хорезмском языках. Наш список переписан в 731/1330 г. в Хорезме Махмудом ибн Йусуфом ас-Сабайн ас-Саран (для сравнения укажем, что экземпляр библиотеки Сулейманийе в Турции датирован 738/1338 г.)¹³. Мы располагаем одним томом, который содержит первые две части¹³.

Ценным приобретением является также сборник различных тематических словарей арабского языка и поэтических текстов (№ 1). Арабская лексикография представлена здесь такими сочинениями, как «Китаб ал-кутаб» («Книга для секретарей») Али б. Мухаммад ал-Иаздави (XI в.), «Китаб алфаз ал-кутаб» Абдаррахмана б. Иса б. Хаммад ал-Хамадани (фразеологический словарь с персидскими эквивалентами), «Китаб ас-сами фил-л-асами» («Высокая книга об именах (существительных)») Ахмада б. Мухаммада ал-Майдани, «Сирр ал-адаб фи маджари калам ал-араб» («Тайны литературы о путях употребления арабской речи») ас-Саалиби (961—1038)¹⁴. Вся рукопись переписана одной и той же рукой, в конце отмечено:

«завершена переписка... в селении Ашты Мухаммадом, сыном Абдаррахмана аз-Зерехгерани в 905/1500 г.»

Параллельно с толковыми и тематическими словарями шел довольно интенсивный процесс усвоения арабского языка через изучение грамматических трактатов как в рамках учебного процесса, так и за его пределами. Были представлены в основном два раздела арабской грамматики — морфология и синтаксис.

Количество списков арабских грамматических трудов огромно, в XVIII—XIX вв. интерес к подобного рода литературе значительно возрос.

Рукописный фонд располагает очень старыми списками грамматических трактатов и учебных пособий. В их числе — «ал-Кафия» («Достаточная книга»), один из самых распространенных учебных трактатов по основам синтаксиса арабского языка, принадлежавший перу Ибн ал-Хаджиба (ум. в 1248 г.)¹⁵. «Кафия» представлена здесь тремя старыми списками 773/1372, 896/1491 и 954/1547 гг. (№ 258, 160, 19), причем список 1491 г. переписан в Дагестане Абдаррахманом аз-Зерехгерани (то есть зерехгеранец).

В Дагестане переписана и другая книга того же автора — «аш-Шафия» («Исцеляющая»). Этот учебник морфологии арабского языка также представлен старыми списками — 745/1346 и 921/1516 гг.¹⁶

Грамматические труды Ибн-ал-Хаджиба были широко известны в странах мусульманского мира, они послужили основой для обширных комментариев. Один из комментаторов — знаменитый поэт и ученый Абдаррахман Джами (1414—1492), составивший комментарий на «ал-Кафия» для своего сына Зийааддина Йусуфа. Отсюда и название получившего впоследствии широкое распространение учебного пособия «ал-Фаваид-ад-Дийаийа» («Наставления Дийааддину»). Хранящиеся у нас рукописи свидетельствуют, что в XVIII—XIX вв. этот учебный трактат был широко известен в Дагестане и пользовался популярностью.

Грамматическое сочинение «Мисбах» (возможно, это известный «Мисбах фи-и-нахв») Насира б. Абдассаид ал-Мутарризи представлено двумя списками 665/1266 г. в копии шейх-ул-ислама Мухаммада ал-Хасана ал-Бухари (№ 168) и 954/1547 г. (№ 258, переписчик — Мирза б. Пир Мард).

Рукописный фонд является обладателем другого старейшего грамматического сочинения — «ал-Муфассал» («Подробный»). Его автор — уже упомянутый выше знаменитый хорезмский ученый аз-Замахшари (1075—1144). Наш единственный экземпляр датирован 871/1466—67 г. Комментировал труд аз-Замахшари Мухаммад ал-Ардабили (ум. в 1481 г.), автор «Шарх Унмузадж фи-и-нахв» («Комментарий на образец синтаксиса»). В фонде собрано большое число списков комментариев ал-Ардабили, сделанных в дагестанских аулах в XVIII—XIX вв. Имеется в фонде несколько списков толкования и на трактат ал-Ардабили, составленный известным азербайджанским ученым конца XIV — начала XV вв. Сададдином Садал-

¹⁰ Каталог арабских рукописей. С. 43—48.

¹¹ Там же. С. 48—49.

¹² Там же. С. 49—50; GAL, 1, 277, 293—294; SB, 1, 487, 514.

¹³ Там же. С. 26—27. В Рукописном фонде Института ИЯЛ (№ 2250) хранится также сочинение Махмуда аз-Замахшари «Тафсир ал-Кашшаф», переписанное в 763/1361—62 г. Абубакром-хаджи «в городе (багда) Гулистан».

¹⁴ Каталог арабских рукописей. С. 19—25; *Бавский С. И.* Описание персидских и таджикских рукописей Института народов Азии. М., 1965. Вып. 5. С. 9.

¹⁵ Brockelmann C. Geschichte der arabischen Litteratur, I; S. 303.

¹⁶ Рукопис. фонд. ИИЯЛ. Д. 13, 14; Каталог арабских рукописей. С. 60—61. (В дальн.— GAL.)

лахом ал-Бардаи, автором многочисленных филологических сочинений¹⁷. Это толкование, известное под названием «Сады тонкостей мыслей в комментировании трактата искуснейшего знатока истин», имело хождение в Дагестане еще в начале XVI в. — в 921/1515 г.; его переписал Мухаммад, сын Хасана, сын Исмаила из Кумуха, конкретнее — из квартала Кибуди (экземпляр этот хранится в Рукописном фонде под № 752). Фонд приобрел также различные списки грамматических сочинений Ибн Малика (ум. в 1274 г.), написавшего «Ал-фийа» — свод правил грамматики арабского языка в стихотворной форме; Масуда ат-Тафтазани (ум. в 1390 г.), сочинившего «Комментарий на Изуддинову флексию»; Мухаммада ал-Халаби (ум. в 1525 г.), автора субкомментария на морфологию арабского языка Занджани; Мухаммада ал-Баркави (ум. в 1573 г.), составителя учебника арабского языка и т. д.

В книжной коллекции рукописного фонда экземпляр «Макамов» хрупнейшего писателя арабского средневековья Абу Мухаммада ал-Касима ал-Харири (1054—1122) — цикл плутовских новелл. Рукопись — одна из старейших в мире, она переписана в 568/1173 г. Абдуллахом б. Абдаррахманом ал-Усмани, написана черными чернилами арабским насхом на кремовой бумаге восточного производства с диакритическими знаками и огласовкой в трудных для чтения местах¹⁸.

Значительную ценность представляют рукописные книги по мусульманскому праву, суфизму, логике, астрономии, математике. Шафийская правовая школа представлена в рукописном фонде в первую очередь списками «ал-Анвар» («Лучи»), крупнейшего памятника мусульманского права и ценного источника для изучения общественно-политической и экономической истории¹⁹.

Автор «ал-Анвар» — Джамаладдин Йусуф ал-Ардабили. Наши списки относятся к числу старейших — рукопись № 1240 (она переписана в 808/1405 г. Мухаммадом б. Абдассамадом ал-Исфараини?); № 1496 (переписана в 856/1452 г. Зайнадином б. Адил ал-Бирбуни?); № 1062 (888/1483 — и № 1061/(890—1485). Имеется еще два текста XVI и XVII вв. В последующих веках текст юридического трактата переписывается местными катибами. К тому же времени относятся также широкое распространение другого сочинения — сборника шариатских законов «Шарх ал-Минхадж» Мухаммада ал-Махалли (ум. в 864/1460 г.). Его произведения были, в свою очередь, комментарием на широко известный трактат по мусульманскому праву «Минхадж ат-талибин» арабского биографа и законоведа ан-Навави (1233—1277)²⁰. Труд ан-Навави широко известен в Дагестане,

¹⁷ Агаева Н. А. Вклад азербайджанских ученых в арабское языкознание // Известия АН Аз.ССР. Серия литературы, языка, искусства. № 1979. № 1. С. 96—97.

¹⁸ Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы. С. 25—26.

¹⁹ Мамедалиев М. М. «Ал-Анвар» как крупнейший памятник мусульманского права // Научные труды Азербайджанского университета. Серия юридических наук. 1979. № 1. С. 68—72.

²⁰ GAL, I, 396.

имеются экземпляры, скопированные в XV—XVII в.²¹, в том числе и в дагестанских селениях.

Имеется также текст юридического трактата «Ибтихадж» Абд ал-Ваххаба б. Али ас-Субки (ум. в 1370 г.). Он переписан в 863/1459 г. (№ 876).

Сочинение по праву «Шарх ал-Иджаз» представлено тремя полными списками 718/1318 г. (№ 2334), 817/1414 (№ 73), 842/1438—39 г. (№ 1818). Переписчиками выступают соответственно Мухаммад б. Халил б. Ибрагим б. Афир (?), аш-Ширвани, Таййиб б. Мухаммад б. Мухаммад б. Махмуд и Абу-Бакр б. Мухадаи ал-Джабали аз-Зерехгерани.

Учебники по астрономии и астрономические трактаты особым спросом стали пользоваться в XVIII—XIX вв., о чем свидетельствуют экземпляры, переписанные в Дагестане.

О влиянии замечательной самаркандской школы Улугбека (1394—1449) свидетельствуют хранящиеся в рукописном фонде списки: комментарий к «Зиджу» Улугбека, составленный ал-Бирд-ал-Амили (1547—1622) — распространенное руководство по арифметике, алгебре и геометрии в странах Ближнего и Среднего Востока²².

Начиная с XVII в. такой же интерес проявляется и к литературе по логике²³.

Среди сочинений по логике — комментарий к «Рисалат аш-шамсийа фи каваид мантикийа» Кутбаддина Рази, переписанный в селении Аймаки в 1268/1851—52 гг. (№ 2363). Точное название сочинения должно быть «Тахрир ал-каваид ал-мантикийа» — «Изложение основ логики». Именно под таким названием известно сочинение Кутбаддина Мухаммада ар-Рази. Это комментарий к «Рисалат аш-шамсийа фи каваид ал-мантикийа» Наджаддина Али Казвини ал-Катиби (ум. в 1294 г.), ученика Насираддина Туси²⁴.

Имеются и другие сочинения по логике. Во второй половине XVII в. Мухаммад, сын Ибрахима переписывает два сочинения по логике. Одно из них — «Шарх Исагуджи». «Исагуджи» — трактат по логике (вернее, введение в логику) ал-Абхари (умер в 1265 г.), представляющий арабскую версию греческого сочинения «Исагоги» Порфирия — обработки «Категорий» Аристотеля. Второе — «Шарх рисала ал-Асири» — очевидно, комментарий на указанное выше сочинение.

Коран и экзегез принадлежат к числу широко распространенных сочинений. Имеются отдельные листы Корана почерком куфи, посту-

²¹ Фонд восточных рукописей. № 1666, 2340, 750, 746 и др.

²² Каталог арабских рукописей. С. 9—16; Розенфельд Б. А. Влияние самаркандской школы Улугбека на развитие математики и астрономии за пределами Средней Азии // Из истории науки эпохи Улугбека. Ташкент, 1979. С. 131, 134.

²³ Шихсаидов А. Р., Саидов М.-С., Айтберов Т. М., Исаяев А. А., Оразаев Г. М.-Р., Мирвагамовов Г. М. Указ. соч. С. 42.

²⁴ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. VI. Ташкент, 1963. С. 397.

пившие в фонд совсем недавно. Далее идет текст Корана, переписанный в 703/1303 г. Мухаммадом б. Ахмадом (№№ 283—287) и в 704/1305 г. (№ 288) или же поступивший из сел. Тпиг (ок. XV в.). Значительный интерес с точки зрения каллиграфии представляет Коран, который «написан рукой» профессионального катиба (перписчика) из Дербента Мухаммада Казима «для ахтынской мечети» в 1727 г. Из тафсиров (то есть комментариев на Коран) наиболее популярны работы «Двух Джалалов» — Джалаладдина Махалли (ум. в 1460 г.) и его ученика — знаменитого египетского ученого и энциклопедиста Джалаладдина ас-Суйути (ум. в 1505 г.). Почти все наши экземпляры переписаны в Дагестане в основном в XVII—XVIII вв. (№№ 41—47, 395, 728, 1769). К XVII в. относятся два хороших экземпляра другого популярного комментария «Анвар ат-танзил ва асар ат-та'вил» («Свет откровения и тайны толкования») Абдаллаха ал-Байдави (ум. в 1316 г.). Наиболее старый текст датируется 760/1359 г. — это «Тафсир ал-фирдоус» шейха имама Хасана б. Ахмада ал-Бусти (№ 216), переписка его продолжалась более трех лет.

Хадисы были также широко известны в Дагестане. В фонде сосредоточены старые списки «Масабих ад-дуджа» («Масабих ас-сунна») широко известное на Востоке собрание хадисов, принадлежащее перу известного шафиитского имама и экзегета Абу Мухаммада ал-Хусайна ал-Фарра ал-Багави (ум. в 1117 или 1122 г.).

О возврате этих списков можно судить по датам их переписки: 632/1234—35, 760/1358—59, 831/1427—28, 868/1463—64, 895/1490, 1025/1616 г. и т. д. (№№ 493, 2252, 660, 2275, 9, 815, 1529).

Хадису посвящен также «Афхам» (№ 813) Джалаладдина Абдарахмана ал-Булкини (ум. в 824/1421 г.), главного судьи шафиитского толка в Каире, знаменитого египетского ученого. Труд написан в 811/1409 г., а наш список датирован 820/1417 г. (перписчик — Ибрахим б. Ахмад б. Али б. Умар ал-Малихи). Таким образом, в нашем распоряжении «прижизненный экземпляр» сочинения ал-Булкини. Археографическая экспедиция приобрела еще один старый, выполненный в Дагестане список сочинения по хадису (№ 2356) — это «Мабарик ал-азхар фи шарх машарик ал-анвар» Ибн ал-Малика. Рукопись переписана в 851/1447—48 г. Нурмухаммедом, сыном Хаджи Р. ш. (?).

В рукописном наследии, представленном в фонде, — сборные рукописи. Наиболее старая приобретена археографической экспедицией в 1979 г. (№ 2358). Сборник включает три сочинения: «Ал-ахбар ал-мултакит минкитаб ал-муватта» (свод преданий), переписанных в 597/1200г. Усманом ал-Уки аз-Занджани; «Китаб ал-муин ала муктада-д-дин» — Абу Халиф Мухаммадом ас-Салми ат-Табари в 602/1205—06 г.; «Васайа» — Масудом б. Мухаммадом ал-Джурджани — в 672/1273—74 г.

Старейший в фонде сборник грамматических текстов (№ 168) содержит два сочинения: это уже известный «Мисбах» в копии 665/1266 г. и «Кафия». В этот же сборник включен текст по арифметике (без даты) и текст по вопросам наследования (автор не указан), переписанный в раджабе 739/1339 г. «Мисбах» и «Кафия» объедине-

ны и в другом сборнике, созданном в 954/1547 г. переписчиком Мирза б. Пир Мард (№ 258).

Ценная сборная рукопись выявлена и приобретена археографической экспедицией в 1975 г. В нее наряду с текстами по геологии включены также выдержки из «Бустана» и «Гулистана» Саади, которые, однако, не датированы, но один из текстов сборника переписан в шабате 812 (начался 9 декабря 1409 г.) Каламом, сыном Исфендияра, сына Махмуда, сына Исфендияра, сына Калама, сына Басиршаха ал-Бурзи ап-Ширвани «для великого устаза... достойнейшего из ученых и факихов... Шинази... а он известный в области (дийар) Лезгистан ученый... Книга эта переписана в селении Мискинджа» (№ 2132).

История суфизма в Дагестане — одна из малоизученных страниц идеологической жизни дагестанского общества. Изучение идеологии суфизма и связанного с ним дервишизма имеет важное значение как для изучения истории религии вообще, так и для характеристики идеологии социальных движений. В связи с этим интересно было бы проследить, каким образом шло в Дагестане знакомство с творчеством одного из крупнейших мыслителей мусульманского средневековья Абу Хамида ал-Газали (1058 или 1059—1111 г.).

Наиболее значительным среди многочисленных произведений ал-Газали является его знаменитый трактат «Ихйа улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере»). В нем ученый наиболее полно излагает свои взгляды под девизом «воскрешения» суннитской догматики. Здесь Газали выступает как суннитский теолог, суфий, философ и правовед и пытается создать свою этическую систему, основанную на суннитских догмах и суфийских ценностях. «Воскрешение наук о вере» оказало большое влияние на развитие средневековой мусульманской культуры... и представляет собой ценный источник для изучения средневековой истории и культуры народов Арабского халифата»²⁵.

В литературе отмечается, что к настоящему времени сохранилось 109 рукописей «Ихйа улум ад-дина», как полных, так и частичных, в различных музеях, библиотеках и хранилищах мира²⁶. Хранящиеся в Дагестане рукописи этого крупного произведения ал-Газали в это число не входят. Между тем дагестанский фонд восточных рукописей располагает одним из старейших текстов. Рукопись (№ 909) охватывает первые две книги четвертого «руб'а» («четверти») сочинения, датирована 7 зи-л-хиджжа 585 г. х., то есть 5 января 1191 г. и переписана в Багдаде.

Пока трудно определить, когда этико-догматический труд ал-Газали попал из Багдада в Дагестан, но вполне возможно, что это имело место в предмонгольское время, в свете тех культурных контактов, которые дагестанские ученые поддерживали со странами Ближнего Востока. Что эти контакты действительно имели место, видно хотя

²⁵ Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере/Пер. с араб., исследов. и коммент. В. В. Наумкина. М., 1980. С. 13—14.

²⁶ Там же. С. 268 (комментарий).

бы из сообщения Йакута о том, что шафиитский факих Хаким сын Ибрахима ал-Лакзи ал-Хунлики ад-Дербенди «изучал мусульманское право в Багдаде у ал-Газали, слушал много хадисов, затем жил в Бухаре до самой смерти в шабана 538 года»²⁷, то есть в феврале или марте 1144 г. Появление древнейшей рукописи багдадского переписчика в дагестанской среде следует рассматривать как продолжение этих контактов.

Известны в научном мире и другие списки сочинений ал-Газали, имевшие хождение в Дагестане, в том числе и переписанные дагестанцами — Идрис, сын Ахмада из сел. Акуша переписал полный текст «Ихйа» в 906 г. х., то есть в мае или июне 1501 г. (№ 3). 903/1497 г. датирована рукопись этического трактата ал-Газали «Минхадж ал-абидин» («Путь поклоняющихся»), переписанная тем же «Идрисом сыном Ахмада ал-Агушахи», то есть из Акуша (№ 1732). В лице Идриса, сына Ахмада, мы видим профессионального переписчика. В 898/1493 г. он же переписал «Талим ал-мутаалим» (№ 1732 а). Сочинение ал-Газали «Джавахир ал-куран» представлено у нас четырьмя экземплярами XVII в. (№ 412, 745, 2386, 2393), три из которых имеют запись о переписке их в Дагестане (переписчики — Мухаммад, сын Шабана из Абада, то есть Обода, которому принадлежат две рукописи, и Шабан из Акуша).

В XVI—XVII вв. наблюдается повышенный интерес в Дагестане к указанному сочинению «Минхадж ал-абидин». Оно представлено в фонде несколькими рукописными книгами XVII в., также дагестанскими (№ 57, 58, 60, 1766). Археологическая экспедиция обнаружила еще четыре ранее неизвестных списка этого сочинения, два из которых датируются в пределах XVII в. Экспедиция выявила также еще несколько старых списков «Ихйа улум ад-дин». Один из них переписан Харуном, сыном Ахмада аш-Ширини (из Ширини?) в 990/1592 г. В XV—XVI вв. появляется еще несколько списков, снятых выходцами из Зерехгерана.

История старой рукописной книги в Дагестане, можно сказать, изучена очень слабо, но и сейчас можно утверждать, что ряд дагестанских аулов, точнее, определенная часть грамотных лиц в этих аулах, специализировалась на переписке арабских рукописей, создавая произведения высокого каллиграфического искусства. Так, например, Зерехгеран выступает в XV—XVI вв. как один из центров, где сосредоточивалась работа над «размножением» таких рукописей.

Известен целый ряд имен кубачинцев, связанных с такого рода деятельностью²⁸.

1. В 1979 г. археологическая экспедиция института приобрела

²⁷ Jacot Geographisches Wörterbuch, hrsg. von F. Wustefeld, II. Leipzig, 1867. S. 478. См. также сообщения Марвази (XII в.) об Абу-л-Фадле Халифе б. Али ал-Файласуфе (философе) из Дербента. Интерес представляет надпись о строительстве общежития суфиев (ханака) в Ругуле в 1150 г. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1956. С. 63—64).

²⁸ Шихсаидов А. Р., Саидов М.-С., Айтберов Т. М., Исаяев А. А., Оразаев Г. М., Мирзамагомедов Г. М. Указ. соч. С. 41.

сборную рукопись (№ 2395), в составе которой «Китаб ал-арбаун» (собрание хадисов) и «Вафк ал-мурад» Ахмада б. Ибрахима б. Мухаммада ал-Йамани, долгое время жившего в Кумухе и умершего там в 854/1450 г. Последнее — трактат по этике (сулук), его переписчик — «Али, сын Мухаммада, из селения Зерехгерани»²⁹. Книга копировалась сравнительно быстро: первое сочинение было завершено перепиской в апреле 1500 г., а второе — примерно через два месяца. Этому же Али, сыну Мухаммада «из селения Зерехгерани», принадлежит, как уже указывалось, переписка знаменитого толкового словаря арабского языка «ас-Сихах» в 906/1501—1502 гг. (№ 2177).

2. В 872/1467—68 г. трактат ал-Газали «Ихйа улум ад-дин» переписан Йусуфом ал-Кубачи. Это первое упоминание о Зерехгеране в форме Кубачи, вернее Кубаши³⁰.

3. В 910/1505 г. список указанного текста толкового словаря создает Мухаммад, сын Аббаса аз-Зерехгерани.

4. Айди, сын Мухаммада аз-Зерехгерани снимает копию «Ихйа улум ад-дина» (№ 2388) в 916/1510—11 г.³¹

5. В 896/1491 г. — грамматический трактат Ибн ал-Хаджиба «ал-Кафия» переписал Абдаррахман аз-Зерехгерани (№ 160).

6. Наиболее раннее сочинение, завершённое перепиской в Зерехгеране, датировано 842/1438—39 г. В этом году копия «Шарх ал-иджаз» выполнена Абу-Бакром, сыном Мухада ал-Джабали аз-Зерехгерани (№ 1818). Интересна вторая писба переписчика — ал-Джабали, то есть «Дагестанский» (букв. «горский»).

Таким образом, в середине XV—начале XVI вв. Зерехгеран имеет не просто переписчиков, но переписчиков-профессионалов, специализировавшихся в определенных направлениях знаний. Это в большинстве случаев суфийские трактаты и толковый словарь арабского языка. Грамматические трактаты представлены единственным сочинением Ибн ал-Хаджиба, хотя можно предположить, что и в последующие века создавались подобного рода копии. Во всяком случае, в 1180/1766—67 г. Ахмад сын Адама ал-Фурцаки (?) переписывает грамматический труд «у нашего устаза Умара аз-Зерехгерани» (библиотека Заки Эфендиева, сел. Касумкент).

Разумеется, Кубачи не единственный центр, где была сосредоточена работа по созданию копий рукописных книг. Рукописи переписывались и в других пунктах. В их числе селение Ашты, расположенное в километрах 30 от Кубачи. Это старинное дагестанское селение (надписи XIII—XV вв.) выступало в роли одного из центров рукописного ремесла.

В 905/1499—1500 г. была завершена переписка сборника различных тематических словарей и поэтических текстов «в селении ал-Ашты Мухаммадом, сыном Абдаррахмана аз-Зерехгерани» (№ 1).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Шихсаидов А. Р., Саидов М.-С., Айтберов Т. М., Исаяев А. А., Оразаев Г. М., Мирзамагомедов Г. М. Указ. соч. С. 41.

Характерно, что житель сел. Апты называет себя «аз-Зерехгерани». Это не единственный случай. Археографическая экспедиция 1980 г. обнаружила в сел. Мехельта рукопись Корана, переписанную «Али, сыном Касима, аз-Зерехгерани (по-персидски), а по местному — ал-Апди» в раджабе 1061/июне-июле 1651 г. Так что не всегда следовало бы переводить нисбу «Зерехгерани» словом «Кубачинский», или «из Кубачи», иногда предпочтительнее было бы передать словом «зерехгеранец». Через 16 лет мы опять встречаемся с работой того же Али, сына Касима, но на этот раз конкретно указывается на его деятельность уже «в селении Зерехгерани» — переписал книгу «ас-Сихах» Али, сын Касима аз-Зерехгерани в среду поздним вечером 28 зи-л-када в селении Зерехгерани в дату — 1077»³², то есть 22 мая 1667 г. (рукопись приобретена археографической экспедицией в 1980 г.).

Представляют особый интерес копии сочинений по этике, праву, лексикографии, выполненные в XV—XVI вв. переписчиками с нисбой аш-Ширини (Харун, сын Али аш-Ширини; Ахмад аш-Ширини; Харун, сын Ахмада аш-Ширини)³³. Еще предстоит определить, связана ли эта нисба с дагестанским селением Ширини. Во всяком случае хранящийся в фонде экземпляр «Шарх джам ал-джавами» (комментарий к трактату о принципах мусульманского права ас-Субки) Мухаммада ал-Махал и (ум. в 864/1460 г.), датированный 1143/1730—31 г., переписан, судя по дагестанскому почерку, ширинцем (Ахмадом, сыном Ибрахима аш-Ширини), но в селении Йерси в Табасаране (№ 1501).

Собранный в фонде восточных рукописей материал свидетельствует о том, что работа по созданию копий наиболее популярных трактатов и учебников была присуща также переписчикам из ряда других населенных пунктов — Акуша, Дусрак, Кулеца, Мискинджи, Ихрек, Кумух, Корода, Обода, Согратль, Башлы, Урада, Усиша, Хунзах, Хасик, Эндери и др.

Создание новых рукописных копий было сосредоточено нередко в мусульманских школах, медресе. Сложилась даже своеобразная традиция отмечать, в каком медресе и под чьим руководством выполнялась работа. В 1024/1613 г. сочинение «Маалим ат-танзил» было переписано «в медресе Хаджжи Мухаммада-кади в селении Апты»; сочинение по морфологии арабского языка «Шарх ал-марах» Абу Бакра б. Мухаммада переписано в 1100/1688—89 г. Дибир Мухаммадом из Хунна «у Мала Мухаммада, сына Шабана из Убада». Труд ал-Газали «Минхадж ал-абидин» переписан в 1066/1655—56 г. «в медресе Мала Мухаммада, сына Махмуда».

Академик И. Ю. Крачковский следующим образом охарактеризовал коллекцию восточных рукописей, поступивших в 1916 г. с Кавказского фронта: «Мы видим абсолютный перевес религиозных дисциплин: преобладают Коран, экзегез, священная история, хадисы, догматика, суфизм, молитвы, фикх; к ним примыкают количественно

логика, диалектика, грамматика и риторика. Значительно слабее, обыкновенно распространенными учебниками, представлены астрономия, математика, медицина, метрика и лексикология... Характерно, что по истории нет ни одного сочинения, космография представлена только одной рукописью...»³⁴.

В. И. Беляев в своей работе, посвященной описанию Бухарской коллекции рукописей Азиатского музея, также отмечал их характерную черту: «В большинстве случаев в нашем собрании мы имеем дело с популярными во всех странах, где ислам являлся официальной религией, книгами учебного характера, рукописи которых известны во всех европейских библиотеках»³⁵. В Бухарской коллекции (1157 номеров) были представлены Коран и его экзегез, хадисы, эсхатология, суннитская и шиитская догматика, молитвы, суфизм, этика, мусульманская юриспруденция, философия (калам). «Из светских наук также очень распространены логика, грамматика и риторика; слабее представлены диалектика, лексикография; также слабо — поэзия, изящная проза и история; география и космография отсутствуют совершенно; математические науки представлены пятью сочинениями, зоология — одним и медицина — пятью»³⁶.

Охарактеризованная нами часть коллекции дагестанского фонда восточных рукописей как бы повторяет, в основном, бухарскую коллекцию и коллекцию с Кавказского фронта. Однако в нашей коллекции более значительно представлены рукописи по таким дисциплинам, как грамматика, лексикография, правоведение. Огромно не только число рукописей по этим дисциплинам, поступавшее извне, но и число подобного рода сочинений, переписанных местными знатоками арабского языка.

Описанные выше памятники дают яркое представление о контактах дагестанских алимов со своими «коллегами» из Ближнего Востока и Средней Азии; они рисуют картину оживленной культурной деятельности в дагестанском ауле, в отдельных культурно-исторических регионах.

Если рукописи фонда восточных рукописей сравнить с названными выше двумя коллекциями, то бросается в глаза и их основное отличие — в нашем фонде имеется значительное число местных оригинальных сочинений, созданных или на арабском языке, или на местных языках средствами арабской графики.

Как известно, еще в X—XV вв. прослеживается как дальнейшая исламизация Дагестана³⁷, так и проникновение богатой культуры народов Ближнего Востока и Средней Азии, в частности арабского языка и арабоязычной литературы в самые различные отрасли средневековых наук. Арабский язык — один из международных язы-

³⁴ Крачковский И. Ю. Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук с Кавказского фронта // Избранные сочинения. Т. VI. М.; Л., 1960. С. 386—387.

³⁵ Беляев В. И. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР. Л., 1932. С. 11.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969.

³² Там же.

³³ Там же.

ков — проникал с VII в. в дагестанскую среду во все растущих масштабах, став со временем для Дагестана (как и для других народов, принявших ислам) языком не только богослужения, но и науки, литературы, делопроизводства, частной и официальной переписки, хотя, вопреки мнению отдельных авторов, основным средством общения народов оставались местные языки.

Изучение роли арабского языка в культурной жизни Дагестана это часть вопроса о роли народов Ближнего и Среднего Востока в судьбах дагестанской литературы, в становлении и развитии дагестанской письменной литературы и литературных традиций. Ныне все нагляднее вырисовывается роль арабоязычной литературы и арабского языка в разработке тем национальной дагестанской действительности в культурных контактах народов Ближнего и Среднего Востока и Кавказа. Арабоязычная литература выступает здесь как один из истоков, вспоивших культуры этого региона. Сам процесс овладения арабским языком был отражением духовной потребности горского населения в знаниях и в общении с достижениями мировой цивилизации³⁸.

Творческое усвоение памятников письменной культуры, созданной народами Ближнего и Среднего Востока, имело в Дагестане свое логическое продолжение: опираясь на достижения многих других народов, здесь были созданы первые местные произведения, первоначально, как правило, исторические сочинения, наиболее ранние из которых можно отнести к X в. К числу этих местных творений относятся: «История Ширвана и Дербенда»³⁹ — крупное историческое полотно, составленное в начале XII в. и охватывающее события с конца VIII в. до 1075 г., «Тарих Дагестан»⁴⁰ Мухаммада Рафи (XIV в.), хроника, состоящая из нескольких частей вполне самостоятельных, но объединенных общей идеей, причем наиболее ранняя часть их может быть отнесена к X—XI вв.; основные компоненты исторического труда «Дербенд наме»⁴¹ восходящие примерно к X в., хотя само сочинение составлено в XVII в. Мухаммадом Аваби Акташи; «Хроника Махмуда Хиналугского», составленная в 1465 г.⁴² одноаульные хроники, «История Абу Муслима»⁴³ и др.

Создание в X—XV вв. произведений региональной историографии на арабском языке может быть охарактеризовано как важное культурное явление. Почти все дошедшие до нас местные сочинения этого времени формально могут быть отнесены к историческому жан-

ру, однако, несомненно, они могут быть рассмотрены как памятники дагестанской литературы вообще.

В фонде восточных рукописей Института ИЯЛ собрано значительное число списков почти всех названных выше произведений (за исключением «Истории Ширвана и Дербенда»). Особенно значительно количество списков «Дербенд наме»⁴⁴, «Тарих Дагестан»⁴⁵. Обращение местных творческих сил к истории своих земель, своего народа, к мотивам освободительной борьбы отражает особый этап в развитии местной культурной традиции. Реализовано это в рамках жанров, широко представленных в областях Ближнего Востока, — история городов, отдельных населенных пунктов, регионов. Характерно также, что обе указанные хроники были широко представлены во всех районах Дагестана.

В творчестве представителей дагестанской литературной традиции характеризуемого нами времени (до XVI в.) исторические труды занимали, как мы видим, ведущее, но не монопольное положение. Другие жанры литературы (в частности суфийская литература, этика, хадисы) также были представлены трактатами дагестанского происхождения, но развивались они значительно медленнее. Находки последних лет дают основание надеяться, что не все подобного рода сочинения выявлены и что новые поиски значительно обогатят наши представления о местной литературе на арабском языке и ее различных жанрах.

Три рукописи, хранящиеся в нашем фонде, представляют в этом отношении значительный интерес. Первая — это не ставший достоянием науки суфийский трактат «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей») Абу Бакра Мухаммада, сына Муса ад-Дербенди (№ 219)⁴⁶. Он составлен в 492/1098—99 г., рукопись же датирована 743/1342—43 г. Книга дает яркое представление об идеологической жизни Дербента в XI в., она является также ценным источником по истории и культуре. О социальном облике города свидетельствуют упоминаемые в рукописи категории слушателей суфийских меджлисов — бумагоделатель (или продавец бумаг — варрак), шелковод, рыболов (или продавец рыбы), мыловар, работорговец, лекарь и т. д.⁴⁷

В XV—XVI вв. одним из творческих центров выступает Кумух. В первой половине XV в. здесь работали два автора. Один из них Али Кумухский (ум. в 935/1528—29 гг.), автор книги «ал-Мухтасар»

³⁸ Гамзатов Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1978. С. 559—677.

³⁹ Милорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

⁴⁰ Derbend-Nameh or the History of Derbend, transl. from a select turkish version and published. by M. A. Kazem-Beg. SPb., 1951. P. 559—677; Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. 1972. М., 1977.

⁴¹ Derbend-Nameh. P. 1—558.

⁴² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868. Т. II. С. 1071—1077.

⁴³ Khanikoff N. Memoire sir les inscriptions musulmanes du Caucase // Journal Asiatique. Ser. 5. T. XX. Paris, 1861. № 8.

⁴⁴ Краткое описание этих списков дано в работах: Саидов М.-С. Дербенд-наме // Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук СССР Махачкала, 1949. С. 104—116; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Дербенд-наме (К вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 5—24.

⁴⁵ Краткое описание списков см.: Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи.

⁴⁶ Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого X в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса ад-Дербенди // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94; Абдуллаев М. А. Важный источник средневекового суфизма // Вопросы философии. 1986. № 7.

⁴⁷ Саидов М.-С. Творчество дербентского ученого X в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса ад-Дербенди. С. 4—5.

(«Компендий»), которая неоднократно комментировалась учеными Дагестана⁴⁸ и Египта.

Другой автор — Ахмад б. Ибрагим б. Мухаммад ал-Йамани (ум. в 1450 г.), живший и умерший в Кумухе. Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы приобрел его сочинение «Вафк ал-мурад» («Соответствие предмету желаний»), трактат по этике (№ 2395), составленный в Кумухе в 847/1443—44 г. Рукопись переписана, очевидно, с автографа в 905/1500 г. Али, сыном Мухаммада «из селения Зерехгерани». Известно также, что еще в 831/1427 г. Ахмад ал-Йамани переписал книгу «Шарх ал-Кафия ал-машхур би-р-Ради» («Комментарий на достаточную (книгу), известную под названием ар-Ради») — комментарий на трактат по грамматике арабского языка Ибн Хаджиба (ум. в 1242 г.).

Академик И. Ю. Крачковский, впервые так основательно и обстоятельно изучивший арабоязычную литературу Северного Кавказа⁴⁹, поставил вопрос о времени создания в Дагестане и вообще на Северном Кавказе местной оригинальной литературы на арабском языке: «На Кавказе мы можем проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями, неглубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нараставшая с XVI в., постоянно создавала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке»⁵⁰.

Материал фонда восточных рукописей, новые находки востоковедов дают, как нам представляется, возможность продвинуть значительно вперед хронологические рубежи «второй волны» и отнести период X—XV вв. к раннему этапу создания местной дагестанской литературы на арабском языке. Разумеется, в указанных хронологических рамках можно найти более дробные рубежи, но это требует отдельного рассмотрения.

* * *

Итак, приведенный выше обзор показал, что арабоязычный фонд письменной культуры дагестанцев периода X—XV вв. представляет своего рода «предысторию» последующего развития национальной культуры, отмеченного созданием в Дагестане огромного литератур-

ного наследия, отличавшегося исключительным разнообразием тематики и богатством содержания.

Успехи в создании памятников местной литературы на арабском языке⁵¹, как и достижения ее развития в последующую эпоху, особенно в XVII—XIX вв., были подготовлены двумя важнейшими культурно-историческими факторами: знакомство с многими крупными произведениями ряда областей средневековой науки и наличие уже определенной (пока еще недостаточно изученной) литературной традиции, представленной преимущественно историческими сочинениями и произведениями из других областей знания.

Литературное наследие XVII—XIX вв. многообразно и огромно. Оно охватывает как рукописные книги, созданные в областях Ближнего Востока и Средней Азии, так и большое число трудов, принадлежащих перу дагестанцев, собственно дагестанские произведения на арабском (в основном) и местных языках. Существенную часть памятников местной письменности составляет документальный материал XVII—XIX вв., написанный, как правило, на арабском языке.

Обратимся в самых общих чертах к письменному арабоязычному наследию Дагестана XVI — начала XX в., изучаемому на базе характеристики творчества отдельных представителей науки и литературы в Дагестане, письменное наследие которых сосредоточено, в основном, в фонде рукописей Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР⁵².

Дагестанские сочинения XVII — первой половины XX в. представлены в автографах, в значительном большинстве — в копиях и связаны с именами Шабана из Обода, Мухаммада из Кудутля, Тайиба из Харахи, Дамадана ал-Мухи., Мухаммада из Убра, Дауда из Усиша, Мирзаали из Ахты, Дибиркади из Хунзаха, Мухаммада сына Манилава, сына Араба, Исмаила из Шиназа, Мухаммада из Ярага, Гасана из Кудали, Муртазаали из Урада, Джамалалддина из Казикумуха, Саида из Аракани, Зейда из Куркли, Курбаали из Арвани, Мухаммадтахира ал-Карахи, Гасана Алкадари, Гасана Гузунова, Акая из Нижнего Казанища (Абу Суфьян), Джамалалддина из Карабудахкента, Али Каяева, Назира из Дургели и многих других. Первый в данном перечне ученый творил в середине XVII в. (Шабан из Обода умер в 1667 г.), последний, Назир из Дургели, закончил свой библиографический справочник в 30-х годах нашего века. Тематически наследие дагестанских авторов охватывает многие дисциплины в сфере науки того времени — историю, мусульманское

⁴⁸ Книга издана в 1913 г. в Темир-Хан-Шуре. На одной из страниц книги запись: «ал-Мухтасар — (одно) из произведений Шейха Али ал-Гумуки, а могила его там же (в Кумухе). Сказал Мухаммад аз-Зарир ал-Гумуки... я слышал, что ему принадлежит комментарий, известный под именем «Фулуки». Далее идет запись: «Дата смерти известного ученого Зайнаддина Хаджи Али Старшего, сына Мухаммад ал-Гази-Гумуки ад-Дагестани — 935 г., я переписал это с камня на могиле в Гумуки, а я — Мухаммад из Верхнего Дженгутая», 935 год хиджры соответствует 1528 или 1529 г. Перу Али Кумухского принадлежит также сочинение по хадису («Дурар ал-азкар»).

⁴⁹ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе//Избранные сочинения. Т. VI. М., 1960. С. 551—522.

⁵⁰ Там же. С. 612.

⁵¹ В настоящее время выявлен также значительный материал о письменности на основе арабской графики в дореволюционное время. См.: Саидов М.-С. Возникновение письменности у аварцев//Языки Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1948; Исаяев А. А. Письменность в Дагестане//Советский Дагестан. 1970, № 6; Это же. О формировании и развитии письменности в Дагестане//Социологический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1970 (Там же дана основная библиография) и др.

⁵² Общий обзор см.: Шихсаидов А. Р. Археографическая работа в Дагестане: учет, описание и приобретение (в печати); Тагирова Н. А. Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане в XIX в. (по материалам Рукописного фонда Института ИЯЛ)//Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988.

право, грамматику арабского языка, (морфологию и синтаксис), комментарии к Корану, поэзию, этику, математику, медицину.

Творчество многих указанных авторов носило универсальный характер. Академик И. Ю. Крачковский следующим образом охарактеризовал дагестанскую арабоязычную литературу: «...она энциклопедична, но в центре ее внимания лежат науки канонические, особенно экзегез и право... Дагестанские ученые того времени владели уже всей полнотой общеарабского наследия своих веков. В равной степени их интересовали и науки грамматические... и трактаты по математике... Или по астрономии...»⁵³. При таком, казалось бы богатом литературном арсенале мы должны с огорчением отметить, что ни об одном из названных дагестанских авторов нельзя сказать, что рукописное его наследие собранно хотя бы наполовину⁵⁴.

Ниже мы даем общую характеристику деятельности лишь некоторых представителей дагестанской литературы.

С именем Шабана, сына Исмаила из Обода (ал-Убудуи, ум. в 1667 г.) связано как создание собственных сочинений, так и организация медресе (после завершения учебы в Ширване), где учились впоследствии известные ученые Мухаммад из Кудутля, Хасан Старший из Кудали, Салман из Тлоха и др. Он автор четырехтомного сочинения «Танабих фи шарх ал-Масабих» — обширного комментария на «Масабих ал-дуджа» (или «Масабих ас-сунна» — широко известное на Ближнем Востоке собрание хадисов шафийитского имама Абу Мухаммада ал-Хусейна ал-Багави (ум. в 1117 или 1122 г.)⁵⁵. Фонд восточных рукописей института ИЯЛ располагает одним томом комментария Шабана из Обода⁵⁷. Остальные части не выявлены⁵⁸.

Шабаном из Обода были написаны и другие работы: «Манахидж ал-касидин фи шарх «Минхадж ал-абидин»⁵⁹ — толкование на известное сочинение «Минхадж ал-абидин» ал-Газали (ум. в 1111 г.);

«Шарх ала Касыда Вафат расулаллах» — комментарий на касыду «Вафат расулаллах» Саламы б. Зайда;⁶⁰ комментарий на касыду ас-Сарсарийа⁶¹. В фонде имеется также ряд сочинений, переписанных Шабаном из Обода или же в его медресе. В их числе «Хашийа ал-Чарпарди» (№ 904), переписанный Мухаммадом, сыном Шабана из Обода в 1088/1677 г. и «Джавахири ал-кураан» ал-Газали в его же копии (№ 412), выполненной в 1069/1658—59 г.; «Ал-Масабих» ал-Багави, переписанный в 1025/1616 г. (№ 815) самим Шабаном⁶² и сочинение по грамматике арабского языка «Халл ал-абйат ал-Муфассал» в его же копии 1048/1638—39 г. (№ 230).

Шабан из Обода имел большую библиотеку, а у его потомков, по имеющимся сведениям, хранится большое число адресованных ему писем и остатки библиотеки.

В ряду дагестанских ученых особое место занимает Мухаммад, сын Мусы из Кудутля (ал-Кудуки, 1652—1717), «которого местная традиция считает основателем дагестанской науки»⁶³, «совершенный ученый, шейх мусульман... знаток (мухаккик) всех наук, известный среди арабских ученых»⁶⁴. Мухаммад ал-Кудуки — крупный дагестанский ученый, автор широко известных в Дагестане трудов, комментариев и глосс по грамматике арабского языка, логике, мусульманскому праву, догматике. Он был известен как оригинальный мыслитель, «критически относившийся к отдельным вопросам фикха»⁶⁵, в догматических вопросах придерживался системы основоположника правоверной схоластики в исламе ал-Ашари (877—935), а в каноническом праве — школы аш-Шафии (767—820), но «...не считал себя связанным с ними, а по примеру Шейха Салиха прибегал к самостоятельному исследованию — иджтихаду»⁶⁶.

Биографические сведения о Мухаммаде из Кудутля чрезвычайно скудны, отрывочны, разбросаны по различным текстам. Он родился в августе 1652 г. в сел. Кудутль, первоначальное образование получил в Дагестане, учился у местных ученых Шабана из Обода, Алирзы из Согратля (ас-Сугури), Мухаммада из Тинди (ат-Тинди), затем продолжал образование в Египте, Хиджазе, Йемене

⁶⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 32, 2399.

⁶¹ Назир ад-Дургали. Нузхат ал-азахан, С. 14. (у Назира их Дургели — «Шарх ала васият ас-Сарсарий»). По сообщению М. Г. Нурмагомедова, автограф этого комментария находится у него.

⁶² У жителя сел. Тлох Дебирове Султанмухаммада также хранится рукопись «Мафатих фи шарх ал-Масабих», переписанная Шабаном из Обода. См.: Из дагестанских памятных записей // Восточные рукописи по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 125. Для биографии автора представляет интерес запись (не проверенная) о том, что Шабан из Обода был (еще) жив «в конце одиннадцатого века», то есть в 70-х или скорее 80-х гг. семнадцатого века.

⁶³ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. С. 613.

⁶⁴ Кибаб тазкират саййид Абдаррахман б. ...Джамаладдин фи байан ахали Дагистан ва Чачан // Рукоп. фонд. ИИЯЛ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9.

⁶⁵ Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. Подробно о жизни и творчестве Мухаммада из Кудутля см.: Шихсаидов А. Р. Мухаммад, сын Мусы из Кудутля // Литературный Дагестан. 1989. № 2 (на авар. яз.).

⁶⁶ Крачковский И. Ю. Аварская литература на Северном Кавказе. С. 614.

⁵³ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. С. 615.

⁵⁴ Первая обстоятельная характеристика дагестанской литературы XVII—XIX вв. дана в работах: Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе; Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке // Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. II. Перевод на арабский язык: Мухаммад Саййид б. Джамаладдин. Тарих ал-адаб ал-арабийа фи Дагистан // Маджаллат куллият ал-адаб. Багдад, 1963. № 6; Гамзатов Г. Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Сокровищница памятников письменности.

⁵⁵ Назир ад-Дургали. Нузхат ал-азахан фи тараджим уламаи Дагестан // Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 30. Д. 180. (На араб. яз.); Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. М., 1977. Вып. 1. С. 54.

⁵⁶ ВГА, 1, 363—364.

⁵⁷ Рукоп. фонд. ИИЯЛ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2055. О сочинениях Шабана из Обода см.: Назир ад-Дургали. Нузхат ал-азахан фи тараджим уламаи Дагестан. Л. 13—14.

⁵⁸ По рассказу Али Каяева. 4-й том он видел в Кумухе, в библиотеке местного ученого. Возможно, что 2-й и 3-й тома можно найти в сел. Карата, откуда поступил в Институт ИЯЛ первый том (сообщение М. Г. Нурмагомедова).

⁵⁹ Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1758 а Список, «переписанный» Шабаном из Обода, хранится у М. Гайдарбекова (г. Махачкала). См.: Айтеров Т. М. Недавние находки аварцев XVII в. // Сов. этнография. 1978. № 6. С. 111. По сообщению М. Г. Нурмагомедова (г. Махачкала), у него хранится автограф Шабана из Обода.

не, где получил основательные знания по вопросам права, математики, грамматики арабского языка, философии, Назир Дургели писал: «Хаджи Мухаммад, сын Мусы, Кудутлинский, Аварский, Дагестанский... был во многих дальних странах и мусульманских землях, жил в Египте, Хиджазе, Йемене, учился у тамошних ученых и шейхов, в Йемене — у выдающегося и известного ученого Салиха Йеменского, которому следовал некоторое время. По завершении своей учебы он вернулся на свою родную землю, в Дагестан, где начал преподавательскую деятельность. У него получили образование большое число исследователей, таких как выдающийся известный ученый Мухаммад из Убра, выдающийся ученый Дауд из Усиша и другие... Он автор пользовавшихся спросом сочинений, многочисленных глосс, большого числа комментариев по фикху, науке по определению времени, основам религии, догматике, синтаксису, морфологии и другим наукам, известным во всем Дагестане. Ему принадлежат сочинения «Шарх ала-л-Чарпарди» и «ал-Исам ала-л Джамии...» При возвращении из Йемена он взял с собой ценные книги, в частности книги своего учителя Салиха Йеменского... В конце своей жизни он переселился в Шам (Сирия). Дело в том, что многие его современники переступили пределы Аллаха, упрочили обычное право и произвол, не упрочив благородный шариат, за то что он порицал своих современников...»⁶⁷

Здесь приведена пространная цитата из справочника Назира из Дургели, она более обстоятельно и точно, нежели другие источники, отражает жизнь дагестанского ученого.

Скончался Мухаммад из Кудутля в августе 1717 г. в сирийском городе Алеппо примерно через год после того, как покинул (уже вторично) Дагестан. Сохранилась арабская запись следующего содержания: «В субботу 22 шабана (1 августа 1717 г.) ал-Кудуки заболел, у него постепенно стала повышаться температура, и в полдень в среду 11 числа месяца рамадан (19 августа 1717 г.) он скончался в келье шейха Ихляса. На его похоронах присутствовали шафиитский муфтий Халеба и множество халебских алимов (улемов). Похоронен он на кладбище Джубайла внутри городской стены»⁶⁸.

В фонде восточных рукописей собрано большое число списков сочинений Мухаммада из Кудутля. Прежде всего это «Хашийа ала-л-ал Чарпарди» — толкование на комментарии Ахмада ал-Чарпарди (ум. в 746/1345 г.) на популярное сочинение Ибн ал-Хаджиба (ум. в 646/1248 г.) по грамматике (морфологии) арабского языка «аш-Шафия» («Исцеляющая») или «аш-Шафия фи-т-тасриф»⁶⁹. В фонде — 12 списков сочинений Мухаммада из Кудутля (Ф. 14, № 32, 141, 142, 166, 455, 599, 747, 991, 1162, 1875, 2006,

⁶⁷ Назир ад-Дургели. Нузхат ал-аахан. С. 15—16.

⁶⁸ Запись дается в переводе М.-С. Саидова. См.: Саидов М.-С. Дагестанская литература на арабском языке/Рукоп. фонд. ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2899. С. 13. Запись хранится у Али Гайдарбекова (сел. Хунвах).

⁶⁹ Кашф аз-зунун. Бейрут, 1941. Т. ii. С. 1020—1021.

2675)⁷⁰. В числе переписчиков: Мухаммад, сын Рафи, 1121/1709—10 г. (№ 1875); Динмухаммад сын Мухаммада ал-А.р.н.си (?) «...при нашем устате й патроне ...Хусейне, сыне Махмуда, зу-л-када 1130/1718 сентября 1718 г. (№ 166); Мухаммадсултан, сын Газимухаммада, 1144/1731-г. (№ 142); Исмаил из Тукита, 1146/1733 (№ 455; Мухаммад... Сибт (внук, или из рода) Джафар, кади-ал-Гадари⁷¹, 1152/1739—40 г. (№ 2006); Ибрахим, сын Мухаммада их Обода (ал-Убади, 26 джумада ал-ахир 18 сентября 1740 «...в медресе нашего устада учителя и руководителя, глубокого знатока наук... Дауда, сына Газиява в селе Тухи...» (№ 2675); Гитина-Мухаммад; сын Мусы из Гента (Хинта), 1155/1742—43 (№ 559); Мухаммад из Хурса переписки в Мехельте, 1161/1748 (№ 32); Мухаммед-султан из Мехельты, 1164/1750—51 (№ 141); Умар, сын Йусуфа из Кукни, 1174/1760 (№ 747).

Перчень показывает, что в промежутке между 1709—10 и 1760 гг. создано 10 копий (2 списка не имеют даты) субкомментария Мухаммада из Кудутля — свидетельство редкой популярности сочинения. Судьба автографа сочинения неизвестна. Старейшая рукопись датирована 1121/1709—10 г., то есть переписана при жизни автора, за десять лет до его смерти, все остальные экземпляры появились после смерти ученого.

«Хашийа»⁷² — главное, но не единственное сочинение ученого в области арабской филологии. В ученых кругах и среди учеников медресе (мутаалимов) широко практиковалось также чтение и изучение другого его сочинения, названного «Ираб ал-Унмузадж». Это также комментарий, но на этот раз книгу арабского ученого Махмуда аз-Замахшари (ум. в 1143 г.) по грамматике арабского языка. В рукописном фонде ИИЯЛ имеется семь рукописных копий этого труда (Ф. 14, № 357, 554, 916, 1069, 1269, 1487)⁷³, причем старейшая датирована 1727 г. В предисловии к своей книге Мухаммад из Кудутля пишет о причинах, побудивших его к комментированию этого сочинения, принадлежащего перу знаменитого арабского грамматика и литератора аз-Замахшари: «...Когда я увидел, что учащиеся, занимавшиеся чтением сочинения, выдающегося ученого имама Джарулла (аз-Замахшари), озаглавленного «Намузадж», более известного как «Унмузадж» («Образцы»), колеблются в правильном чтении окончаний имен и глаголов (флексия),

⁷⁰ Частично описаны или упомянуты: Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР/Под ред. М.-С. Саидова. М., 1977: Вып. 1. С. 59—60, 64—66; Гаджиева Д. Х. К описанию рукописей филологических сочинений, хранящихся в Рукописном фонде ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР//Изучение истории и культуры Дагестана: Археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 69, 70; Тагирова Н. А. Из истории арабоязычной рукописной традиции в Дагестане в XIX в.//Там же. С. 78—79.

⁷¹ По инвентарной книге: «переписчик — Мухаммед-Сибт Джафар из Мочоха»:
⁷² В «Каталоге арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР» указано, что «настоящий труд издан в Стамбуле в 1866 г.» (с. 60), ссылка на источник отсутствует.

⁷³ Краткое описание одной копии (№ 357) см.: Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы. С. 54.

а указаний на такое чтение не было в (существующих) комментариях, то я удовлетворил просьбу этих учащихся, обратившихся ко мне с просьбой, разъяснить правила флексии. Я назвал (это сочинение) «Ираб» («Флексией»)). Так из практических побуждений, в интересах облегчения учебного процесса возникла новая книга Мухаммада из Кудутля.

Деятельность ал-Кудуки в области изучения и пропаганды арабского языка не ограничивается и этим. С его именем связано еще два сочинения. Первое из них «Исам ала Джами» — это сокращенное название субкомментария Ибрахима ал-Исфараини (ум. в 944/1537 г.) к сочинению великого поэта и ученого Абдаррахмана Джами (ум. в 1492 г.) «ал-Фаваид ад-Дийайи», которое, в свою очередь, является комментарием на сочинение по арабской грамматике (синтаксис) «ал-Кафия» («Достаточная») упомянутого выше Ибн ал-Хаджиба⁷⁴. Мухаммад из Кудутля — автор глосс к субкомментариям ал-Исфараини. Назир из Дургели писал: «...ему принадлежат «Хашийа ала-л-Чарпарди» и «ал-Исам ала-л-Джами»⁷⁵. Само сочинение было широко известно в Дагестане и служило ценным пособием для тех, кто изучал арабский язык.

Сочинение было популярно как в Дагестане, так и за его пределами. В 1310/1892 г. оно было издано в Турции, причем в предисловии к изданию издатель Мустафа Дагестани (Тагустани) дал небольшой творческий очерк ученого, его субкомментария на «Мулла Джами». При издании труд этот был назван кратко «Кудуки»⁷⁶. В одном из экземпляров (Ф. 15, Оп. 1, Д. 463), в конце печатного текста черными чернилами добавлена интересная запись о переписке и сличении текстов с тем экземпляром, который был в руках автора, то есть Мухаммада из Кудутля. Значит, эта запись от руки — копия других записей, перенесенная на страницы печатной книги. Вот эти записи: «Бедный Абдаллах, сын Муха (?) из Могоха (ал-Мукухи) завершил сличение этого экземпляра (нусаха) с экземпляром паломника обоих священных храмов Мухаммада, сына Мусы из Кудутля во вторник месяца раби ал-аввал 1149 г. или в июле или августе 1736 г. «Далее: «Бедный Билал завершил (продолжение) переписку того, что оставалось, и сличение его с /текстом/ достойного паломника обоих храмов Махама (?) из Могоха (ал-Мукухи) /в свою очередь снявшего/ с текста своего учителя Мухаммада, сына Муса ал-Кудуки — в 1164 г.», то есть в 1750 или 1951 г. Рядом еще одна запись: «Закончена переписка этой книги, /называемой/ «Исам», бедным, презренным Мухаммадом, сыном Умара из Акуша в месяце мухаррам 1146 г. (то есть июнь или июль 1733 г.) при нашем устате Юсуфе из Цийша. А установления (ком-

ментарии) ал-Кудуки помещены на полях /этой рукописи/».

Все эти записи — наглядное свидетельство того, что труды ал-Кудуки в области грамматики арабского языка пользовались в Дагестане огромным спросом, их размножение было обычным делом.

Изданный текст также имел широкое хождение а Дагестане (в фонде около 10 экземпляров). Владельческие записи это хорошо документируют. На титульном листе печатного издания сохранилась сделанная владельцем отметка: «Это книги «Кудуки» — собственность учебника (талиб) благородного ученого Исмаила ас-Самгада» (Шамгада?). И далее (л. 3): «/книга/ перешла в руки Рафи из Шамгада⁷⁷ посредством обмена с Хаджимурадом из Караха на /книгу/ «ал-Кашшаф» в согратлинском медресе. 1322 /год/». Указанный год соответствует 1904-1905 г.

Другое сочинение называлось «Таркиб Миат амил» и явилось комментарием на популярный на Ближнем Востоке труд ал-Джурджани (ум. в 471/1078 г.) «Миат амил» /«Сто управляющих»/ по морфологии арабского языка⁷⁸.

Мухаммад ал-Кудуки был разносторонне развитым, широко образованным ученым, научные интересы его выходили далеко за пределы грамматических изысканий. Он является автором небольших, но ценных работ и в других областях знаний того времени — трактата о метафорах⁷⁹, комментария на сочинение по логике⁸⁰, календаря, приспособленного к географическим координатам Дагестана⁸¹, разъяснений «имен аллаха»⁸². Сохранилось несколько его стихов.

В дореволюционной и советской историографии имеется ряд высказываний о заслугах Мухаммада из Кудутля в области мусульманского правоведения, но никто не упоминает ни одного его сочинения. Пишется о самостоятельности его мышления в области права, об оригинальном понимании им вопросов шафиитской юриспруденции, но нет указаний на какой-либо конкретный труд.

⁷⁷ О Рафи из Шамгада М.-С. Саидов писал: «Ученому Рафи Шамгадинскому принадлежит труд по медицине, в котором он подытожил свой многолетний опыт. Только индекс его труда занимает более 400 страниц». См.: Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке. С. 119.

⁷⁸ Фонд восточных рукописей. Института ИЯЛ. № 478, 1287, 1208, 604; Гаджиева Д. Х. К описанию рукописей филологических сочинений. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 72.

⁷⁹ Истиарат ала Дибадж // Рукоп. фонд. ИЯЛ. Ф. 14. Д. 1370, 1635.

⁸⁰ По сообщению М. Гайдарбекова, труд этот «...небольшого размера, но по форме и содержанию представляет большой интерес. Рукопись известного аима Хадиса, сына Туку из Андиха, писаная в 1209/1794 г. имеется у нас». См.: Гайдарбеков М. Антология арабской поэзии на арабском языке // Махачкала. Рукоп. фонд. ИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129.

⁸¹ «Хисаб ал-Кудуки» — такое название встречается в одном из арабских документов, составленном не позднее 1-й половины XVIII в. в изданном Х.-М. О. Ха-шаевым («в пятницу, в первую половину весны по счету ал-Кудуки»).

⁸² Рукоп. фонд ИЯЛ. Ф. 14. № 85 С. 579—580: Каталог арабских рукописей Института востоковедения АН СССР/Под ред. А. Б. Халидова. М., 1986. Т. 1. С. 123. № 2151.

⁷⁴ Кашф аз-Зунуф. II., 1370—1375.

⁷⁵ Назир ад-Дургели. Нузхат ал-авхан. С. 16.

⁷⁶ Кудуки. Муаллифи Мухаммед б. Муса ал-Кудуки ар-Ругуджи ат-Тагустани. Таби Тагустани Мустафа. Бруса. 1310/1892. В фонде восточных рукописей Института ИЯЛ несколько экземпляров этого издания — показатель широкого спроса читателей на это сочинение.

Два обстоятельства следовало иметь в виду, разбирая этот вопрос. Первое — Мухаммад из Кудутля был крупным знатоком мусульманского права, его тонкостей, его специальной литературы, его теории и практики. В условиях Дагестана вопросы земельного, семейного, наследственного права приобрели огромное значение. В жизни ученый сталкивался с этими вопросами, и его обширные познания находили «выход» на практике. К тому же Мухаммад из Кудутля развил бурную преподавательскую деятельность, в которой обучение арабскому языку и вопросам шафиитского права занимали ведущее место. Знание правовой литературы и заботы о ее преподавании сами по себе уже многое значили, но специального трактата по этим вопросам Мухаммад из Кудутля не создал. Однако он реализовал свое отношение к правовым вопросам в иной сфере и иной форме. До сих пор осталось неизученным (да в сущности и невыявленным) колоссальное количество отдельных его высказываний, маленьких «заметок», примечаний, голосов, ответов на вопросы — всего того, что рассеяно по Дагестану и, несомненно, за его пределами. Эти «мысли» ученого по многим вопросам мусульманского права, правовой практики вкраплены в рукописные копии сочинений арабских и дагестанских авторов, штудировавшихся в Дагестане, в виде заметок на полях, вставок на отдельных листах, в виде небольших цитат. Они отражены в многочисленных письмах Мухаммада из Кудутля. То это высказывания о распределении закята между мутааллимами, о денежных средствах, о вакфе, то это разъяснения по вопросам земельного или семейного права, взаимоотношений адата и шариата⁸⁴.

В деятельности Мухаммада из Кудутля есть сфера, не только не изученная, но и в принципе вообще не оцененная. Это его неутомимая деятельность на поприще распространения знаний. Еще предстоит выяснить, где он сделал больше, в сфере науки или же в деле обучения грамоте, различным наукам, так как эти два вида деятельности тесно переплетались, более того — были единым неразрывным целым. Научная деятельность, преподавание, копирование рукописей — все это воплощалось в одном человеке, в одной личности, отмеченной тигулом «устанд» или «аллама». Преподавательской деятельности и переписке рукописей он придавал значение не меньшее, чем научным изысканиям. Он открыл собственное медресе, в котором передавал горским юношам свои богатые познания.

Назир из Дургели, о котором мы выше уже говорили, писал о Мухаммаде из Кудутля: «Рассказывают, что он собственноручно переписал триста книг, большинство которых осталось в Халебе (Алеппо) после его смерти...» Переписывать одному человеку триста рукописей — практически реально, арабский научный мир знает переписчиков, которые создавали гораздо больше копий. Но все же думается, что речь идет о книгах, переписанных как самим Мухаммадом из Кудутля, так и его многочисленными учениками, в том чис-

⁸⁴ Многие из этих записей сосредоточены в Рукописном фонде ИИЯЛ или же в частных коллекциях.

ле и его сыновьями. Книг, лично переписанных им в Дагестане сохранилось мало, а судьба тех, что остались в Халебе, нам неизвестна. Мы располагаем сведениями только о нескольких рукописях, переписанных им, но и эти скудные данные представляют огромный интерес. Его руке принадлежит копия учебного пособия по арабскому языку «Шарх ал-Унмузадж», написанного ал-Замахшари (ум. в 1143 г.) и комментированного ал-Ардабили; в сел. Акуша в мечети хранится рукопись того же ал-Ардабили по правоведению («Анвар»), переписчиком которой назван «Мухаммад, сын Мусы»; Мухаммадтахир ал-Карахи рассказывает, что в руках Шамиля была рукопись поэмы ал-Бусири «ал-Минах ал-маккия», также переписанная ал-Кудуки. В мечетских коллекциях и в личных библиотеках есть еще несколько рукописей, переписанных ал-Кудуки или же его учениками («в медресе ал-Кудуки»).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что одним из главных направлений творческой деятельности многих дагестанских авторов, в том числе и Шабана из Ободы, Мухаммада из Кудутля, было создание сочинений по грамматике арабского языка или комментарий и субкомментариев к ним⁸⁴.

К числу ранних грамматических трактатов, созданных в Дагестане на арабском языке, относятся «Хашийат Давуд», составленный Давудом из Усиша (ум. в 1757 г.) в качестве комментария к книге Динкузи. Сочинение Давуда ал-Усиши было широко известно, в рукописном фонде ИИЯЛ имеется не менее пяти списков этого труда, составленных еще при жизни автора. Его же перу принадлежит и копия грамматического трактата «Ал-Мугни фи илм ан-нахв ли-л-Чарпарди». Вообще оригинальная грамматическая литература представлена значительным числом имен, создавших как серьезные трактаты, так и учебные пособия. В основном же труды дагестанских авторов представляют толкования и комментарии. Часто эти комментарии пользовались большей популярностью, чем первоисточник⁸⁵.

Помимо указанных выше Шабана из Ободы, Мухаммада из Кудутля и Давуда из Усиша можно назвать много других авторов грамматических сочинений. Среди них: Мухаммад б. Манилав б. Араб (ум. в 1770 г.), автор «Исти'ара ала дийбаджат шарх ал-Иззи ли-т-Тафтазани».

Хасан ал-Кудали, занимавшийся как грамматикой, так и риторикой. Его книга «Хашийа ала шарх талхис ал-мифтах» — комментарий на риторику Масуда ат-Тафтазани.

Муртазали ал-Уради (ум. в 1865 г.), автор «Макис ал-масаил», субкомментария на грамматическое сочинение ал-Замахшари и комментария на учебник аз-Занджани по морфологии.

⁸⁴ Общий обзор грамматических сочинений, распространенных в Дагестане, см.: Гаджиева Д. Х. К описанию рукописей филологических сочинений, хранящихся в Рукописном фонде ИИЯЛ Дагфиллиала АН СССР // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988.

⁸⁵ Гудова М. Т. Традиция арабского языка в Дагестане: Автореф. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1980. С. 8—9.

Мухаммадтахир ал-Карахи (ум. в 1882 г.), автор одного из популярных учебников в стихах по морфологии арабского языка («Шарх аттасриф ал-Максуд»). В основу учебника положен грамматический трактат автор XIII в. Иззадина Абдалваххаба аз-Занджани «Мабади фи-т-тасриф». Ал-Карахи внес много дополнений в текст аз-Занджани, так что мы имеем дело с вполне самостоятельным произведением⁸⁶. Мухаммадтахир ал-Карахи принадлежит также комментарий на грамматическое сочинение Мухаммада ал-Кудуки.

Работ по лексикографии было сравнительно мало, в их числе наиболее значительным является фундаментальный труд Дибиркади из Хунзаха под названием «Джами ал-лугатайн». Труд завершен в конце XVIII в., представляет собой словарь персидского языка с переводом на арабский и азербайджанский языки. Он же является автором учебника персидского языка на арабском языке.

Основоположником изучения математических, астрономических и медицинских наук в Дагестане считают Дамадана из Мегеба (ум. в 1718 г.). Он перевел с персидского на арабский комментарий ал-Бурджанди на труд Улугбека, был хорошо знаком с астрономическими, математическими и медицинскими трудами своего времени. Ему же принадлежит краткий справочник по фармакологии и фармакогнозии, составленный на основе известных ему медицинских трактатов. Популярностью пользовался в Дагестане также лечебник (фармакология и фармакогнозия) «Тухфат-ал-муминин» ал-Дайлами, в переводе с персидского на арабский, осуществленном Рахманкули из Ахты. Затем лечебник был переведен на местные языки (кумыкский, лакский, аварский). Исмаил из Шиназа усердно занимался астрономическими науками, описал устройство астролябии и методы его применения. Ему принадлежит много комментариев по астрономии и математике⁸⁷.

Наибольшее же развитие получила в Дагестане в XVI—XIX вв. местная оригинальная историческая литература⁸⁸. Выше уже был показан процесс становления жанра исторической хроники в Дагестане в X—XV вв. Это был первый этап местной исторической традиции, характерный появлением историй отдельных городов, так и отдельных населенных пунктов. Для XVI—XIX вв. характерен процесс все нарастающего роста исторической литературы. Если X—XV вв. представлены 7 наименованиями, то XVI—XVII вв. дают 9, XVIII век — 2, а XIX век — 35 наименований.

Среди местных исторических сочинений XVI—XVIII вв. наибольший интерес представляет и по своей структуре и по значимости «Дербенд наме» Мухаммада Аваби Акташи⁸⁹.

Дагестанское историческое сочинение «Дербенд наме» дошло до нас, как известно, в многочисленных списках на многих языках (турецком, персидском, арабском, на дагестанских языках)⁹⁰.

Труд, составленный Мухаммадом Аваби Акташи, структурно состоит из двух частей. Первая — описание арабских завоеваний в Дагестане, данное в духе известного в арабской литературе жанра «магази» и «футух ал-булдан». Вторая же часть — это повествование о наиболее важных событиях мирного времени, в основном — о деятельности по благоустройству города Дербента⁹¹. Хронологически события, освещаемые в «Дербенд наме» относятся к началу VI—X вв. (в некоторых списках события доведены до I четверти XI в.).

Представляет значительный интерес то обстоятельство, что Мухаммад Аваби Акташи, составивший «Дербенд наме» в XVII в., обратился к материалам V—X вв. То особое внимание хроники деятельности одного из феодальных правителей Дагестана, кумухского шамхала, возвеличение его, солидный перечень земель, подчиненных шамхалу, охвативших будто почти весь Дагестан, позволяет видеть в составителе исторической хроники апологета феодального правителя Кумуха. В 40-х гг. XVII в. Газикумухское шамхальство переживало период упадка, и появление к этому времени «Дербенд наме», рассказывающей о былом величии шамхальства, можно рассмотреть как реакцию на утерю этого величия, гимн былому могуществу шамхальства и попытку исторически обосновать это. Мухаммад Аваби Акташи выступает в роли исполнителя официального заказа представителей современного ему шамхальского дома⁹².

Помимо «Дербенд наме» в XVI—XVII вв. были созданы и другие исторические сочинения: «История Гирейхана», «О событиях в Кайтаге в XVI в.», «История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков», «О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей» и т. д. Все они написаны на арабском языке («Дербенд наме» в первом варианте составлено на персидском языке), как правило, анонимны. Нигде в перечисленных исторических сочинениях XVI—XVII вв. (за исключением «Дербенд наме») авторство не отмечено.

Что касается XIX в., то он редко выделяется среди других столетий — мы имеем дело с особым расцветом исторического повествования, обилием исторических сочинений. Одновременно наблюдаем обилие документов официального и частного характера — указы, договоры, переписка сельских обществ, ученых, частных лиц, письма и распоряжения, акты купли-продажи, обычно нравовые записи, жалобы крестьян, памятные и дарственные записи и т. д. Этот век характерен особым ростом исторического самосознания, возросшим интересом к настоящему и прошлому, к истории народно-освободи-

⁸⁶ Там же. С. 17.
⁸⁷ Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке.
⁸⁸ Подробно: Шихсаидов А. Р. Историческая книга в Дагестане (в печати).
⁸⁹ Derbend-Nameh. Translated from a select tirkish version and published with notes by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851; Тарихи Дербенд наме/Перевод с тюркского, аварского, персидского и французского: Тифлис, 1898; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Дербенд-наме (к вопросу об изучении)//Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980; Оразаев Г. М.-Р. О протографе Румянцевского списка «Дербенд наме»//Историковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

⁹⁰ Подробно о списках и об истории изучения «Дербенд наме» см.: Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Ч. II. М., 1972, с. 1274—1277; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Дербенд-наме (к вопросу об изучении). С. 5—21.
⁹¹ Шихсаидов А. Р. Об источниках «Дербенд наме» (в печати).
⁹² Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении). С. 59—60.

тельной борьбы. «Книга о храбрых поступках героя Хаджимурада» неизвестного автора, «о событиях в Дагестане после взятия в плен Шамиля» неизвестного автора, «Эпоха Шамиля» Исхака из Урмы, «Сказание очевидца о Шамиле» Гаджиали, сочинения Адаррахмана Газикумукского и Мухаммадтахира ал-Карахи, сочинения Абдарразака из Согратля⁹³ — это неполный перечень местных сочинений, обращенных к тематике освободительных движений XIX в.

Среди исторических сочинений особое место занимают несколько крупных повествовательных текстов, посвященных длительной и героической борьбе народов Дагестана под руководством Шамиля и личности руководителя этого движения.

Наиболее полное выражение эта тематика нашла в сочинениях Абдаррахмана из Газикумуха (ум. в 1900 г.) и Мухаммадтахира ал-Карахи (ум. в 1880 г.) Перу Абдаррахмана принадлежит два различных по сюжету обширных рассказа — «Хуласат ат-тафсил ан ахвал Шамуил» («Резюме краткого изложения о делах Шамиля») и «Тазкира фи байан ахали Дагестан ва Чачан» («Воспоминания о людях Дагестана и Чечни»)⁹⁴.

И. Ю. Крачковский указывал, что сочинение «Хуласат ат-тафсил» «...принадлежит к типичным образцам поздней «арабской» литературы, показывая всю ее устойчивость не только в языке»⁹⁵.

При изучении подобного рода сочинений представляется возможность проследить развитие жанра исторической хроники, процесс ее обогащения и формирования различных ее форм⁹⁶.

Наиболее полно народно-освободительное движение на Северо-Восточном Кавказе нашло отражение в сочинении Мухаммадтахира ал-Карахи «Барикат ас-суйуф ал-джабалийа фи бад ал-газават аш-Шамилийа» («Блеск дагестанских шашек в некоторых газаватах Шамиля»)⁹⁷. Академик И. Ю. Крачковский, посвятивший сочинению Мухаммадтахира ал-Карахи обстоятельную статью⁹⁸, указал на огромное значение этого ценного памятника дагестанской арабоязычной литературы и обосновал необходимость «критического издания» сочинения при наличии даже двух списков.

⁹³ Рукоп. фонд Института ИЯЛ. Фонд документов. № 2657; № 2659; Саидов М. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке; Гаджи Али. Сказание о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII; Омаров Х. А. Воспоминания Абдуразака Согратлинского о восстании 1877 г. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988; Канчавели Н. Г. Новая редакция сочинения Абд ар-Рахмана Газикумукского «Падение Дагестана и Чечни» Тбилиси: Мравалтави, 1985. Т. XI.

⁹⁴ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле // Избранные сочинения. М., Л., 1960. Т. 6; Гаджиев В. Г. Абдурахман и его воспоминания // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976; Тагирова Н. А. Сочинение Абдаррахмана из Газикумуха «Хуласат ат-тафсил» // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

⁹⁵ Крачковский И. Ю. Арабская рукопись воспоминаний о Шамиле. С. 567.

⁹⁶ Тагирова Н. А. Сочинение Абдаррахмана из Газикумуха... С. 101.

⁹⁷ Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи // Пер. с арабского А. М. Барабанова. М., Л., 1941; арабский текст, подготовленный А. М. Барабановым, издан в 1946 г.

⁹⁸ Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммеда Тахира ал-Карахи // Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. VI.

Мухаммадтахир ал-Карахи принадлежал к категории широко образованных дагестанских ученых второй половины XIX — начала XX в., творчество которых было многогранно. Он как бы завершал этап дагестанской арабоязычной литературы, за которым начиналась деятельность большого числа представителей «старой школы», в той или иной мере испытавших на себе благотворное влияние передовой русской литературы, демократической литературы России. В этом контексте следует назвать прежде всего Гасана Алкадари (1834—1910), Абусуфьяна Акаева (1870—1931), Али Каяева (1873—1943),⁹⁹ Гасана Гузунова (ум. в 1941 г.). В данном разделе мы остановимся только на творчестве Гасана Алкадари, который вошел в историю дагестанской многонациональной литературы как исключительно самобытная и яркая личность. Нет преувеличения в том, что без его многогранной и плодотворной деятельности на поприще науки, просвещения и общественно-политической деятельности немислимо представить себе историю культуры Дагестана во второй половине XIX — начале XX в. Автор исторического сочинения «Асари Дагестан»¹⁰⁰, в котором впервые изложена история народов Дагестана на протяжении многих веков, историко-биографической и поэтической хроники «Диван ал-Мамнун»¹⁰¹, юридического и этико-философского трактата «Джираб ал-Мамнун»¹⁰², многочисленных поэтических посланий, признанный знаток истории и мусульманской юриспруденции — таков Гасан Алкадари, широко образованный ученый, поэт, общественно-политический деятель, имя которого пользовалось среди современников огромной популярностью в Дагестане и за его пределами. Вместе с тем и прежде всего — это глубокий и тонкий знаток жизни, быта и дум дагестанского народа, выразитель его чаяний. С его именем связано создание одной из первых в Дагестане светских школ. Алкадари поддерживал творческие контакты и дружеские связи со многими передовыми людьми эпохи как в Дагестане, так и за его пределами — в Азербайджане, Поволжье и др. Он выступал проповедником добрососедства и дружбы народов, ратовал за культурное их общение, взаимодействие, обмен.

Известно, что вторая половина XIX века дала славную плеяду выдающихся деятелей дагестанской культуры — поэтов, ученых, мыслителей, творчество которых стало неотъемлемой частью национального духовного наследия и составило целую эпоху в истории культуры народа. Это Етим Эмин, Омарла Батырай, Али-

⁹⁹ Подробно о жизни и деятельности Али Каяева и Абусуфьяна Акаева — см.: Абдуллаев М. А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М., 1987.

¹⁰⁰ Книга Асари Дагестан, талиф ал-аллама Мирза Хасан-эфенди ... ал-Алкадари ад-Дагестани. Баку, 1903. (На азерб. яз.); Алкадари Г. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане / Пер. и примеч. Али Гасанова. Махачкала, 1929.

¹⁰¹ Диван ал-Мамнун ли-аллама Хасан ал-Алкадари. Темир-Хан-Шура, 1913. (На араб. яз.).

¹⁰² Джираб ал-Мамнун талиф ал-аллама Хасан-эфенди ад-Дагестани ал-Алкадари, Темир-Хан-Шура, 1912. (На араб. яз.).

Гаджи из Инхо, Ирчи Казак, Чанка, Махмуд из Кахаб-Росо — в литературе, Магомед-эфенди Османов, Абдулла Омаров, Мухаммад-тахир ал-Карахи, Зейд из Куркли — в области науки и просвещения и многие другие. По своей общественной и научной значимости Алкадари стал в один ряд с этой плеядой.

Гасан Алкадари получил основательное для своего времени образование, прошел, выражаясь его же словами, «курс общераспространенных арабских наук и знаний». А науки эти действительно были разнообразными: морфология и синтаксис арабского языка, логика, теория диспута, риторика, тафсир, теория мусульманского права, поэтика, богословие, математика. В школе известного ученого Мирзаали из Ахты он получил знания по физике, астрономии, медицине. Превосходно владел арабским, персидским, азербайджанскими языками, явился основателем алкадарской школы, в которую стекались дети из разных уголков всего Дагестана.

Дело свое Алкадари характеризовал как просвещение народа. Однако то было просвещение на новом, нетрадиционном уровне. Существенным образом сказалось благотворное влияние русской культуры, к которой Алкадари приобщился в годы пребывания в России, куда он был сослан за соучастие и участие в восстании горцев 1877 года. Алкадари был одним из инициаторов создания на средства населения в Касумкенте школы, где дети горцев обучались бы русскому языку и письму, получали бы навыки работы в области ремесла и сельского хозяйства.

Прогрессивный характер взглядов Гасана Алкадари на общество, на исторический процесс, роль науки и образования нашел основательное отражение в его научных трудах. Среди изданных его сочинений важное место занимает упомянутое выше «Асари Дагестан» («Исторические сведения о Дагестане»), крупное историческое полотно, посвященное политической истории дагестанских народов на протяжении полутора тысячелетия. В этом труде впервые история народов Дагестана представлена во вседагестанском масштабе, рассмотрена как часть истории Кавказа в целом, в ее взаимосвязях с историей народов России, Закавказья, Ближнего Востока. Четко и ясно прослежены в книге положительные последствия включения Дагестана в состав России. Ученым впервые был поставлен вопрос о культурном наследии и огромном его значении в формировании самосознания народа. Из книги Алкадари дагестанцы узнали, что они являются наследниками богатой духовной культуры, в которую внесли свой вклад все представители народов Дагестана: Мухаммад-эфенди, сын Мусы Кудутлинского из аварского селения Кудутль, Дауд из даргинского селения Усиша; лезгин Мирзаали из Ахты; лакец Сулейман из Кумуха; кумык Идрис из Эндери и т.д. — всего 50 имен.

Иной характер носит другое сочинение Алкадари — «Диван ал-Мамнун» («Мамнун», то есть «благодарный» — литературный псевдоним ученого). Перед нами уже поэтический сборник — одно из самых оригинальных созданий Алкадари, в котором нашли поэтическое воплощение многие события политической жизни Дагестана,

сорекоменником или очевидцем которых был автор. Любопытен отзыв главы советских арабистов академика И. Ю. Крачковского на этот труд. «...По существу, это автобиография, в которую вкраплены в хронологическом порядке сочиненные им при разных обстоятельствах стихи, а частично и письма. Произведение представляет чрезвычайно интерес для всех событий, свидетелем которых был за свою долгую жизнь автор... Книга дает материал первостепенной важности для понимания всей идеологии тех влиятельных группировок, представителем которых в течение многих десятилетий был Хасан ал-Алкадари. По этой книге мы имеем возможность, едва ли повторяющуюся, судить о развитии поэтического творчества одного арабско-кавказского поэта за всю его жизнь»¹⁰³.

Деятельность Алкадари, его этические, общественно-политические, философские воззрения нельзя представить без книги «Джираб ал-Мамнун». Это свод хронологически одновременных текстов, в которых Алкадари виден весь «изнутри». Это переписка ученого, многочисленные письма-запросы к Гасану Алкадари и его обстоятельные ответы, большинство из которых — по самым животрепещущим вопросам повседневной жизни и быта: право наследования, собственность на землю и землепользование, семейное право, денежные знаки, взаимоотношения шиитов и суннитов и т.д.

Гасан Алкадари был обладателем богатой коллекции рукописных и печатных книг, написанных на многих языках — арабском, персидском, турецком, азербайджанском, русском. Поражает широта интересов ученого и тематическое разнообразие библиотеки — здесь «Диваны» Джами, Навои, Хафиза, «Макамы» Харири; сочинения мусульманских юристов и филологов; книги по истории Африки, о Петре I, перевод «Робинзона Крузо»; рассказы Молла Насреддина; сочинения азербайджанских и дагестанских авторов; трактаты по медицине, географии, астрономии, математике¹⁰⁴.

Проблема воспитания историей получила особый глубокий смысл и значение в наше время. Разумное и бережное обращение с историей как с коллективной памятью народа предполагает высокий уровень культуры исторического мышления, мировоззренческой возвышенности, методологической собранности.

Одна из принципиальных позиций марксистско-ленинского обществоведения как науки состоит в признании за исторической энергией и инициативой народных масс, за нравственным и творческим опытом человека богатейшего источника, откуда черпает потомство веру, вдохновение. Антигуманистична, антипатриотична и невежественна сама память, если она не обращена к духовному на-

¹⁰³ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе//Избранные сочинения. М.; Л., Т. VI. С. 678.

¹⁰⁴ Тагирова Н. А. Библиотека Гасана Алкадари//Историко-литературное наследие Гасана Алкадари. Махачкала, 1988.

следию предков и не питается корнями их интеллектуального опыта.

В условиях демократизации мышления в научной сфере все шире и проникновенней становится исследовательский взгляд на социальное и духовное прошлое народов Дагестана. По-новому предстают целые этапы на путях развития национальных культур, обнажаются неизвестные страницы истории зарождения и становления здесь целостной художественной системы, зримее и полнее вырисовывается интеллектуальный и творческий облик мыслителей и художников прошлого. Все это позволяет не только воссоздать правдивую картину собственно национального развития, но и по достоинству оценить реальный вклад каждой из народностей нашего своеобразного края в культурную сокровищницу всей страны, а в конечном счете — и в общечеловеческую цивилизацию. В самом деле, Дагестан никогда не стоял в стороне от исторического развития человечества, любой из обитающих его народов был причастен к судьбам духовного движения различных регионов и зон цивилизации, все они выдвинули из своей среды крупных деятелей национальной культуры, науки и литературы, сыгравших выдающуюся роль в формировании национального самосознания своих народов, в обогащении их интеллектуального потенциала и оставивших неизгладимый след в дальнейших их судьбах.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

instituteofhistory.ru

А. С. ПУШКИН И КАВКАЗ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

Пушкин и Кавказ — проблема традиционная, многозначная, необъятная и неисчерпаемая.

Она традиционна — ибо ей посвящено огромное множество научных и популярных трудов. В сущности тема эта пронизывает два века — XIX и XX.

Многогранна — так как затрагивает аспекты самого широкого социально-культурного и идеологического плана, интернационального и чисто литературного порядка.

Необъятна — в силу огромного диапазона ее восприятия и толкования.

Неисчерпаема — ибо она в вечном движении и бесконечном развитии: ведь в каждую эпоху Пушкин предстает и раскрывается по-новому, во все новых гранях и аспектах, всегда оставаясь современным.

Пушкин и Кавказ — это одновременно и тема Кавказа в творчестве Пушкина, и тема восприятия Пушкина на Кавказе. Это часть более общей темы — Кавказ в Россия, или более конкретно — Кавказ и русская демократия XIX века.

Пушкин и Кавказ — тема особая, специфическая, так как Пушкин специально занимался Кавказом, но в то же время общая, универсальная, ибо Пушкина нельзя воспринять в целом вне Кавказа, минуя Кавказ. Не только отдельные и конкретные творения а все творчество великого поэта пронизано мироощущением, миропониманием, мировосприятием, так сказать, прокавказским, вернее, русско-кавказским. В известном смысле это тема общероссийской идеи, даже шире, тема Запада и Востока, Европы и Азии. Так тема «Пушкин и Кавказ» вырастает в тему общечеловеческого плана.

Европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.

Надо сказать, что до А. С. Пушкина в художественной литературе кавказские мотивы сводились лишь к беглым упоминаниям о Кавказе, которые были эпизодичны, скудны, бледны, лишены образной плоти (Ломоносов, Лермонтов, Жуковский). Даже великий Грибоедов, посетивший Кавказ раньше Пушкина, сумел опубликовать свои кавказские впечатления лишь после появления пуш-

кинского «Пленника». В сущности, Александру Сергеевичу Пушкину принадлежит по праву честь открытия Кавказа в русской литературе как края чрезвычайно своеобразного и интересного, с его неповторимой этнической пестротой и многоязычием, древней культурой и богатой природой, края, обретавшего все большее политическое и экономическое значение и международный вес.

Справедливости ради отметим, что проникновение в российский литературный процесс словесной культуры народов Кавказа началось с фольклора. Решение, например, проблемы героя, развития национального характера и его индивидуально-стилистического воплощения в русской романтической и реалистической литературе в значительной мере осуществлялось в сфере применения принципов фольклорной эстетики. Общей сквозной идеей, пронизывающей и горскую героическую поэзию, и прогрессивные произведения русской литературы на кавказскую тему, была борьба за свободу личности, конфликтующей с окружающей действительностью, личности стойкой, волевой и бесстрашной. Общеизвестен интерес А. С. Пушкина к богатейшим фольклорным традициям горских народов, которыми пропитана вся в сущности кавказская тематика его поэтического наследия.

Как известно, на Кавказе Пушкин побывал дважды — в 1820 и 1829 гг. «Кавказ нас принял в свои святилища!» — восклицал восхищенный поэт. Прямым результатом встречи с Кавказом явились поэмы «Кавказский пленник», «Тазит», обширный цикл лирических стихов, таких как «Кавказ», «Обвал», «Калмычке», «Монастырь на Кавказе», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Из Гафиза», («Не пленяйся бранной славой...»), «Делибаш», «Благословен и день и час», «Меж горных рек несется Терек», «И вот ущелье мрачных скал...», «Страшно и скучно». Далее — «Путешествие в Арзрум во время похода в 1829 году», вызвавшее царское нареkanie. Обещанный и начатый «Роман на Кавказских водах». В «Евгении Онегине» задумана развернутая картина путешествия Онегина на Кавказ. Пушкин создал «грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями, — написал В. Белинский, прочитав поэму «Кавказский пленник». — Только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом». И именно Пушкин явился первооткрывателем реального Кавказа. «Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами». Это сказал о Пушкине Н. В. Гоголь.

Пушкин не только любил Кавказ. Он знал его. И знания эти были достоверны, объективны: он изучил обширную литературу — историческую, научную. И Кавказ дал ему не только тему, но и необычный идейный заряд, вдохновение. Побывав на Кавказе, Пушкин писал, что «узнал людей и свет». Пережив «бурные дни Кавказа», увидев, как сражались и гибли «Кавказа гордые сыны», поэт проникся состраданием и болью. Вместе с тем его пленил аул, «объятый негой спокойной», и «ночлега кров гостеприимный», он был очарован горянками, что «казались спокойны и смелы». Устами Онегина обратился Пушкин к Кавказу:

В свое святилище глухое
Ты принимал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно.
Меня приветствовал ты шумно.

В произведениях, посвященных Кавказу, Пушкин воспринимается как представитель русской культуры, гуманистической, открытой, честной, чуждой национальному эгоизма и исключительности, высокомерия и презрения ко всему чужеродному. На Кавказ он смотрел и с позиции общероссийской идеи как на неотъемлемую составную часть отечества, и с позиций общечеловеческого понимания и интереса как на суверенный край с самостоятельными историческими судьбами, самобытной культурой, национальным достоинством.

Пушкин пришел к Кавказу, к кавказской теме не как чужой, не с имперской отчужденностью, не с великодержавным высокомерием, а как свой, заинтересованный, как соотечественник, согражданин. И в его творчестве мы видим не только воплощение художественного духа своего народа, но и идеи многонациональной России. Пушкину действительно было присуще удивительное умение «переволноваться в чужую национальную», без чего невозможно понять великую «способность всемирной отзывчивости» пушкинского гения, подчеркнутую Ф. М. Достоевским. Отсюда та гармония человеческого начала, которая соединяет в «Кавказском пленнике» оба, казалось бы, непримиримых лагеря — горца и пленника. Общими для них являются взаимность добрых начал, свободолюбие, личная храбрость — общечеловеческие черты, и вместе с тем осуждение таких низменных черт, как измена, зависть, вражда, клевета, уродующих человеческий облик.

Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье.
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани...

А пленник?

Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шепотом между собой
Своей добычею гордились...

Нет, в восприятии Пушкина горец и пленник — не непримиримые враги, а люди с человеческой сутью, взаимным чувством уважения, понимания, даже расположения. Пленник наблюдал нравы горцев, оценивал взгляды, любовался их простотой, гостеприимством, достоинством, а они, в свою очередь, дивились его смелости, открытости, доброте, щадили его «век молодой». В этом было осуж-

дение войны, осуждение чувства взаимного неприятия и отчуждения. Тут нет мотивов вражды и ненависти, верх берет общечеловеческое начало. Революционно-демократические идеалы Пушкина были таковы, что не могли утаить явных симпатий к естественным чувствам свободы кавказских племен и народов. Уже в стихотворении «Кавказ» намечалось осознание единства исторических судеб русского и кавказских народов. Обратите внимание на первоначальный замысел аллегорического описания мятежного Терека.

Так буйную юность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

Есть еще одна существенная принципиальная черта темы Пушкина на Кавказе и Пушкина о Кавказе. Родоначальник русского реалистического искусства слова, Пушкин избежал и начисто отверг описание Кавказа и его обитателей в чисто этнографических, экзотических красках и восприятиях, в приемах современных ему публикаций. Помните, как высокомерно и пренебрежительно отозвался Булгарин о «Путешествии в Арзрум», не найдя в реалистическом письме великого поэта ни головокружительных наблюдений, ни ошеломительной дикости инациональных нравов. «Кавказ, Азия, война», — писал Булгарин. — Уже в этих трех словах поэзия, а «Путешествие в Арзрум» — холодная записка, в которой нет ни следа поэзии». Те, для которых муссирование кровопролитного истребления «азиатского» Кавказа составляло предмет высокой поэзии и оправдание колониальных благотворительств самодержавия, не могли оценить точность и выразительность пушкинских описаний, меткость его наблюдений, обилие исторического и этнографического материала, красочные картины природы и увлекательные сцены быта людей. Тонкий лиризм, глубокий реализм — то, что именно делает литературу действительно художественной и исключительно ценной, осталось для них незамеченным.

Официальной самодержавной критике, естественно, был чужд пушкинский подход к предмету. В «Путешествии в Арзрум» великий гуманист и демократ как бы рисует трагическую и контрастную судьбу здешних краев, где земля благодатна и обильна, полна богатства и щедрот, предназначенных для человека, но хранит на себе раны кровопролитных битв, усеяна следами «губительной войны». Именно в суждении и отрицании губительной кавказской войны состоял высокий гуманистический смысл русской демократии и русской реалистической эстетики.

Да, в гуманистическом и реалистическом описании Кавказа — приоритет Пушкина. Он находил вдохновение не в жажде крови и мести, не в азиатской жестокости, а в добром нраве и миролюбии горца. Сострадание к нему, боль за муки его, за истребление безвинных людей составляли ведущий мотив его кавказской темы. Пушкина терзала мысль о противоестественности и античеловечности того, что прекрасный гордый Кавказ, край, уготованный са-

мой судьбой для блага людей, стал ареной вражды, ненависти, разнузданной междоусобицы и кровопролития. Новаторство Пушкина в том и заключалось, что Кавказ для него не служил объектом романтических созерцаний и ареной экзотических упражнений. Не был он и страной чужой, варварской, враждебной. Кавказ в восприятии Пушкина — неотъемлемая часть России, замечательный уголок российской общности, общности великой и перспективной.

Таков был принцип Пушкина. Как нам представляется, именно в силу созвучия названных мотивов и подходов, как бы в продолжение и развитие линии, намеченной в «Путешествии в Арзрум», Пушкин поместил в том же в первом томе «Современника», где напечатано «Путешествие...», очерк кавказца Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугая» с подзаголовком «За Кубанью, 3 июня 1834 г.». Общеизвестен опубликованный здесь же восторженный отзыв А. С. Пушкина об очерке. «Вот явление, — писал Пушкин, — неожиданное в нашей литературе. Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей, черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно».

Вот еще пример. По свидетельству видного кавказоведа А. Берже, с А. С. Пушкиным в его бытность в Пятигорске имел знакомство кабардинский просветитель Шора-Бакмурзин Ногмов, известный автор «Истории адыгского народа», который содействовал поэту в собирании местных народных преданий, а поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгского языка на русский¹.

Все это проливает свет на огромный интерес А. С. Пушкина к художественной культуре «малых» народов.

Имеется целый ряд других фактов истории, говорящих о том, что по мере накопления опыта художественного воссоздания национального материала русская литература о Кавказе стимулировала развитие самих национальных литератур. И в этом — приоритет Пушкина. Так, в пушкинском «Современнике» (т. 2) печатается рассказ «Персидский анекдот» того же Султана Казы-Гирея, а в 1841 г. в «Русском вестнике» (№ 4) публикуется «Черкесское предание» Султана Хан-Гирея. За ним последовали и другие сочинения о Кавказе, созданные самими же кавказцами в стиле специфической, главным образом, романтической эстетики. Содействие русских писателей, прежде всего Пушкина, в этом творческом процессе явилось стимулом и толчком к литературной деятельности местных творческих сил. К ним принадлежат и замечательная плеяда деятелей дагестанской национальной культуры нового типа, просветителей светского толка, ученых этнографов, лингвистов и фольклористов середины и второй половины XIX в., таких как Д. Шихалиев, З. Казанфар, А. Омаров, А. Чиркеевский, Г.-М. Амиров, М. Хандиев, М.-Э. Османов, Г. Алкадари, Б. Далгат и др., приобщившихся к демократическим традициям русской словесной

¹ Берже А. Краткий биографический очерк Шора-Бакмурзин Ногмова // Ногмов. История адыгского народа. 3-е изд. Пятигорск, 1891. С. 11.

культуры и опубликовавших на русском языке целый ряд рассказов и очерков, народных песен и преданий, посвященных местной действительности, на страницах газеты «Кавказ», в «Материалах» и «Сведениях» о кавказских горцах и других изданиях. Отсюда же и еще одно предположение: не здесь ли берет начало русскоязычная традиция национальных литератур, которая в наше время накопила столь богатый опыт, плодотворность которого можно продемонстрировать на творчестве многих ярких звезд советской многонациональной культуры слова — от нашего незабвенного Эф. Капиева до киргиза Чингиза Айтматова, что дает основание говорить о функционировании классической традиции в советской литературе.

История знает немало примеров проявления пристального интереса Пушкина к древней культуре Кавказа, его сердечного отношения к современным ему художникам этого края. Теплые встречи имел, в частности, Пушкин с Аббас Кули Ага Бакихановым — известным литератором и историком Азербайджана. Известно также о дружбе А. С. Пушкина с другим выдающимся азербайджанским поэтом Мирзой Фатали Ахундовым, который одним из первых откликнулся на смерть великого русского поэта своей «Восточной поэмой», переведенной А. Бестужевым. Как свидетельствует тот же А. Берже, смерть Пушкина побудила «молодого кавказского мусульманина быть отголоском той скорби, которую вызвала во всех концах России весть о безвременной кончине великого поэта...». Кончина незабвенного Пушкина потрясла своей неожиданностью не только одну внутреннюю Россию, но произвела глубокое впечатление даже среди мусульманского населения в одной из далеких окраин нашего обширного отечества», — писал исследователь².

Благословен и день и час,
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас.

Эти строки посвятил А. С. Пушкин еще одному из азербайджанских поэтов того времени — Фазиль-хану Шейде, с которым он встречался в 1929 году у грузинского селения Казбеги.

Наблюдения заставляют думать, что сфера поэтического влияния, эстетического воздействия пушкинской музыки расширялась, вовлекая в свою орбиту все новые страны и народы, их национальные литературы, и это явственно прослеживалось еще при жизни великого поэта. Способность пушкинских образов прочно поселиться в, казалось бы, совершенно чуждых мирах человеческой культуры была поразительна, и этот аспект проблемы представляет исключительный интерес и для истории национальных литератур, и для самой Пушкинианы.

Кавказ для Пушкина — реальность объективная, действительная. Реальная жизнь человека и народа, человеческая суть людей — вот что интересовало Пушкина, вот что он выделял в обществен-

ной субстанции. «Я поэт действительности», — говорил Пушкин. В этом — главный принцип творчества Пушкина, принцип его реализма. Представляется, между прочим, чрезвычайно интересным в научном отношении пронаблюдать дальнейшее развитие пушкинского реалистического подхода к кавказской теме вплоть до «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого. Думается, что здесь — прямая, генетическая — а не только логическая — связь и преемство. Одна из замечательных пушкинских традиций, воспринятых и развитых русским реалистическим искусством и прежде всего Л. Н. Толстым, состояла в непризнании романтизации войны, приукрасивания ее, натуралистического жонглирования ее ужасами. Как известно, традиция эта, в которой воочию просматривается идея миролюбия народа — русского и нерусского, прослеживается во всем творчестве Александра Сергеевича и ярче всего — в «Капитанской дочке» и в кавказской тематике.

Далее. Кавказ для русской литературы, для Пушкина — это не просто одна из составных частей России, а в некотором роде Восток. Отсюда черпал и пополнял он восточные мотивы своей поэзии. Пушкин еще в юношеские годы увлекался Востоком, с интересом знакомился с русской ориенталистикой. Проникновенно читал и изучал коран и сказки Шехерезады. И эти увлечения и чтения создавали ту атмосферу, в которой складывались и формировались впечатления молодого Пушкина о Востоке, о его природе и обитателях, мировоззрении и правах населяющих его народов. «Тысяча и одна ночь» была в числе любимых книг поэта еще в лицее, и творческая переключка поэмы «Руслан и Людмила» с ней очевидна. «Слог восточный был для меня образцом», — признавался сам поэт. Восток особенно зримо читается в поэме «Бахчисарайский фантан». По наблюдению В. Белинского, в ней «в диком татарине», пресыщенном гаремной любовью, вдруг вспыхивает более человеческое и высокое чувство к женщине...». Великую и глубокую мысль поэмы Белинский увидел в «перерождении, если не в просветлении, дикой души через высокое чувство любви». Иными словами, человек в понимании Пушкина, познав любовь настоящую, переборол свою дикую душу, вдруг возвысился над самим собой, переродился как личность. Знаменательно, что это чувство любви у Пушкина возвышается над чувством национальным, социальным, религиозным.

Весьма интересно в смысле освоения Востока восприятие Пушкиным корана, который интересовал поэта однако не своей религиозно-культурной сущностью, а нравственно-поэтической стороной, и не как законодательный свод мусульманства, а как исторический памятник своеобразной художественной культуры. Не исламская космогония, а художественная фантазия Мухаммеда подкупала поэта. Характерно его признание: «Многие нравственные истины изложены в коране сильным и поэтическим образом». «Какая смелая поэзия», — восторгался он после прочтения корана. Пушкина особенно занимала личность самого Мухаммеда, черты которой столь очевидно воплощены в коране. Причем в восприятии Пушкина

² Русская страна. 1874. Сентябрь. С. 76—77.

это личность поэта, которого он ставит рядом с Саади и Хафизом. Вот почему в «Подражаниях корану» обрисован образ Мухаммеда, в котором обнажена не его божественная миссия, а человеческая судьба. Здесь и восточный характер, раскрывающийся в страстном монологе, и лаконичная картина быта, и сцена общественной жизни, и образно выраженная нравственная проповедь. Это почти всегда жизненная ситуация, чаще всего сопряженная с дидактическим поучением. «Подражания корану» Пушкин называл «вольными». Эта «вольность» отразилась в риторической экспрессии, антитечности, в смене интонации, взволнованности повествования, чередующейся со спокойным тоном изложения.

При аналитическом осмыслении «Подражаний корану» невольно приходит на память известная поэма аварского поэта середины XIX века Али-Гаджи из Инхо «Взятие Мекки», в которой также воссоздается образ Мухаммеда. И здесь мы наблюдаем реалистичность пушкинского типа: пророк — человек земной, реальный, даже будничней; жизненна сама ситуация, в которой то и дело возникает и действует Мухаммед, в ком автор поэмы выделяет человеческую сущность политического, военного, нравственного предводителя.

Сказанное позволяет считать, что Восток в поэзии Пушкина увиден, понят и воссоздан художником-реалистом. Субъективно-лирическое начало в «Подражаниях корану» органически слито с объективным философско-историческим содержанием.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание, — это то, что кавказская тема в творчестве Пушкина служит одним из ярких выражений его человеческой сущности, которая не могла проявиться иначе как «упором в свою национальность» (Ф. М. Достоевский). Именно благодаря антеевскому упору в национальную основу смог Пушкин подняться на вершины общечеловеческого. Именно отталкиваясь от своей национальности проложил он тропы своей мировой дороги. Именно в Пушкине впервые просматривается интерес Европы к русскому художественному слову. И впервые он открыл для русской культуры и литературы место в мировом развитии.

Как прав В. Белинский, причисляя имя Пушкина к явлениям, вечно живущим и движущимся, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Став уже при жизни средоточием народного сознания, смыслом духовных исканий эпохи, Пушкин выдвинул и обосновал идеал, реальный в своей перспективе, идеал масштабный и величественный, идеал, который в дальнейшем представал весомей и глубже, шире и значительней всех его прижизненных представлений. Поэтому Пушкин не может остаться в прошлом, принадлежать лишь истории. Истинно, исконно русский гений, Пушкин пришел к человечеству, стал достоянием всех народов, всех поколений. И стал бесконечным и безграничным. В этом,

собственно, и состоит смысл всеобщности и всечеловечности Пушкина, универсализма, его гения и наследия. Того самого универсализма, который выражается не только в гениальности и энциклопедизме личности Пушкина, но и в могущественной роли его в развитии всей совокупности художественных культур — литературы и музыки, театра и живописи, в многоохватности современной жизни, многосторонности восприятия мира и человека. Будучи воплощением художественного духа русского народа, он наиболее полно выражал духовные силы эпохи. Воплотив историческую правду века в правду художественную, Пушкин стал первооткрывателем реалистической мощи образного мышления, тем самым он явился некой точкой отсчета русского национального искусства. Так что русская литература разрастается не только от Пушкина, но и к Пушкину. От Пушкина и к Пушкину тянутся и литературы всех народов нашей необъятной страны, в том числе и многоязычной Страны гор. Универсализм Пушкина ныне получает всеобщее признание во всем научном, интеллектуальном, художественном мире.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

³ См.: Лит. наследие. М., 1971. Т. 83. С. 136. (Неизданный Достоевский)

КАВКАЗ И ДАГЕСТАН В КОНТЕКСТЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (XIX — нач. XX вв.)

Неожиданный экскурс

Франция и Дагестан. В какой мере соотносимы во времени и в пространстве два этих края, расположенных на столь разных, в сущности крайних, географических и исторических рубежах Европы? Где изыскать точки соприкосновения и линии пересечения двух культур двух народов?

Верно, что само географическое положение Дагестана, условия исторического развития его народов, необычная этноязыковая пестрота населения во многом наложили неповторимый отпечаток на социальный и духовный облик этого края. Но верно и то, что ни самые суровые в прошлом условия жизни народов, ни непреступные «джунгли гор» с удручающим бездорожьём, ни вековечная бедность и нищета людей не смогли отсечь горцев от внешнего мира, отгородить их от других народов, загнать их, как полагали многие, в «каменный мешок». Не было у Дагестана столбовых дорог к выходу на историческую орбиту, однако на протяжении веков этот край находился в интенсивном общении с остальным миром — со странами и народами близкими и далекими. Нити историко-культурных связей Дагестана тянутся на Ближний Восток, в страны Арабского халифата, а позднее — на Запад, к России, а затем — и через Россию. Во многом этому способствовало пограничное — между Востоком и Западом — расположение Дагестана, так сказать на стыке Азии и Европы. Так что Европа в Дагестан и Дагестан в Европу шли двоякими путями — через Ближний Восток и через Россию.

И еще вот что существенно иметь в виду. К рассматриваемому периоду Дагестан, как и весь Кавказ, относился к числу окраин, вошедших в состав России и закрепившихся в ее государственных границах. По крайней мере Россия XIX века — не только собственно Русь, а огромное множество народов, образовавших целостную российскую общность. Это означало, что отныне судьбы России — будь это в политической, экономической, духовной сферах — не могли не затрагивать ее многочисленных национальных окраин, в том числе и Дагестан. Само понятие «русско-французские отношения» обретает значительно более широкий смысл, чем принято вкладывать в него по традиции. Иными словами, все то, что связывает маленький Дагестан с внешним миром, в силу логики вещей, хорошо укладывается в рамки русско-зарубежных отношений. Тем

более что в своих главных направлениях и ведущих проявлениях связи нерусских народов, скажем, с Европой складывались и реализовывались через посредство русской культуры, через русских ученых и русских писателей, художников. То обстоятельство, что носителями связей Дагестана, например, с Францией были не только и не столько сами дагестанцы, а главным образом представители русской науки и культуры — явление само по себе весьма примечательное и фактор принципиально значимый.

Думается, что эти предварительные замечания методологического порядка проливают достаточно света на вопрос о том, почему оказалось возможной сама постановка вопроса о дагестано-французских историко-культурных контактах и о реальном, а не иллюзорном характере этих критериев как примечательнейшей странице предпосылок, наложивших известный отпечаток на судьбы многонациональной духовной культуры этого уникального края. Явление само по себе любопытное и наводящее на размышления.

Историко-культурные связи Дагестана с западом, в частности с Францией, относятся к малоизученной области прошлого. Тем не менее, дошедшие до нас, но далеко не полные отрывочные сведения позволяют говорить о многообразии и плодотворном характере этих связей. Они затрагивали, главным образом, области науки и культуры, и были как прямыми, так и опосредованными. Весьма примечательным представляется то, что общение обеих стран носило двусторонний характер. Все это служит красноречивым подтверждением того, что Дагестан еще в прошлые века был вовлечен в водоворот исторического движения, уже тогда стремился выйти на историческую арену, принять участие в исторических процессах различных эпох и периодов. Как известно, многообразие типов межкультурных связей народов выступает одним из убедительных подтверждений всемирного характера человеческой культуры и в частности культуры художественной.

1

Интересно, что первые источники об исторических контактах Франции с Дагестаном восходят еще к XIII веку. Тогда, а именно в 1253—1255 гг., французским королем Людовиком IX был послан к монгольскому хану Мангу уроженец с. Рубрук, что на севере Франции, монах Гильома де Рубрук, обратный путь которого пролегал через Кавказ, через Дагестан. 1254-м годом помечено пребывание французского посланника в древнем дагестанском Дербенте как в одном из этапных пунктов долгого пути на родину, который проходил через Сарай на Волге, Дагестан, Азербайджан, Грузию, Турцию, Сирию и т. д. В своем донесении Людовику IX Рубрук дает обстоятельное описание крупнейшего в тот период на Кавказе города и цитадели Дербент и его «железных ворот», а также некоторые сведения о народах Дагестана. Сведения о Дербенте оставил также французский дипломат Феррьер-Совбеф, посетивший в XVIII веке Дагестан.

Однако оценивая и сопоставляя каналы, по которым шло знакомство французского читателя с Кавказом, с Дагестаном, с историей, культурой и бытом их народов, предпочтение все-таки отдается знакомству через литературу. Издание, например, научной литературы во Франции шло в двух направлениях — сведения восточных авторов о Дагестане и сведения дагестанских авторов о своем крае. Причем последним отводилось ведущее место. В том, что французскому читателю становилось доступной прежде всего дагестанская литература, есть своя логика, так как жанр исторических сочинений был в дореволюционном Дагестане не только ведущим, но и наиболее ранним в составе литературы, если, разумеется, понимать это в широком смысле. Возможно, что этим объясняется столь пристальный интерес к истории Дагестана со стороны французской исторической литературы.

Другой примечательной стороной рассматриваемого процесса является то, что проникновение дагестанских источников в науку и культуру Франции — заслуга прежде всего, французского востоковедения. Дело в том, что исторические сочинения дагестанского происхождения писались обычно на арабском языке, тюрском и персидском, и, обращаясь к этим источникам, французское востоковедение выполняло благородную двуединую миссию: с одной стороны, способствовало ознакомлению европейского читателя с культурой такого своеобразного этноязыкового региона, как Дагестан, а с другой — создавало основательные научные труды о местных памятниках письменной культуры, содействуя тем самым их глаубокому изучению и вызывая к ним известный интерес.

Существует еще один чрезвычайно важный аспект проблемы. Как известно, русская общественная мысль и наука, в частности востоковедение, достигли в XIX веке высочайших успехов во всех сферах. Наличие же тесных творческих контактов русских и западноевропейских ученых создавало благоприятные условия для усиления всеобщего интереса к истории и культуре народов, входящих в состав России, для более успешного их осмысления. Условия эти приумножались благодаря гуманистическим традициям русской науки, за плечами которой уже имелись огромные заслуги в изучении Кавказа и Дагестана, их истории, культуры, этнографии, языков.

Попытаемся проиллюстрировать высказанные соображения некоторыми примерами, дающими представление о характере научного интереса Франции к Дагестану. В 1828 г. в Париже вышла книга французского ученого, известного специалиста по мусульманскому праву Доссона «Народы Кавказа»¹. Свою книгу Доссон посвятил описанию арабских походов на Восточный Кавказ. Он пользуется сведениями многих арабских авторов и в первую очередь известного историка, автора «Книги завоеваний» ал-Белазури (ум. в 892 г.)² Доссон выступил как один из первых западноев-

ропейских ученых, освещавших военно-политическую историю Восточного Кавказа, в частности Дагестана. Надо сказать, что вопросы этнической и исторической географии также занимают важное место в обстоятельных комментариях Доссона. Ему известны труды Гюльденштедта, Рейнеггса, Сан Мартена, Клапрота. Он пишет о лакзе, леаха, лезги, Кайтаге, Гумике, Дербенте. Доссону принадлежит заслуга опубликования первого французского перевода ценных сведений арабского географа Закарийа ал-Казвини (1203—1283) о крупных дагестанских селениях — Шиназе и Цахуре. К сожалению, роль Доссона в изучении истории Восточного Кавказа еще не оценена по достоинству.

Другой пример свидетельствует о внимании и реальном вкладе французской науки в изучение местного, дагестанского источника по истории Дагестана. Речь идет о переводе на французский язык, осуществленном известным немецким ориенталистом Ю. Клапротом (1783—1835)³ в 1829 г., явившемся наиболее полным и достоверным из всех знакомых европейскому читателю переводов одного из самых интересных произведений дагестанской историографии — исторической хроники «Дербенд-наме» Мухаммада Аваби Акташи (не позднее XVII века). Клапрот не ограничился переводом текста оригинала: свою публикацию автор комментирует обстоятельно и со знанием дела. Чрезвычайно ценны разъяснения ученого по географической номенклатуре Дагестана и Азербайджана⁴. Не случайно один из крупных русских востоковедов М. А. Казим-бек (кстати родом из Дербента), издавая в 1851 г. в Петербурге турецкий текст «Дербенд-наме» с обширно комментированным английским текстом, полностью перепечатал здесь же и французский перевод Ю. Клапрота.

Следует отметить важную роль, которую сыграл в публикации дагестанских материалов орган французской ориенталистики «Journal Asiatique» («Азиатский журнал»). Так, в 1862 г. в августовском номере журнала была опубликована статья видного русского дипломата и востоковеда Н. В. Ханькова «Записки о мусульманских надписях Кавказа»⁵, в которую впервые вошли арабские тексты и французский перевод эпиграфических памятников Дагестана и Азербайджана. Это было в сущности первое подлинное научное издание дагестанской эпиграфики. Здесь же мы находим солидный раздел «Сведения о водворении власти арабов на Северном Кавказе». Важным обстоятельством было и то, что Н. В. Ханьков обнаружил и впервые издал в «Азиатском журнале» оригинальное местное историческое сочинение, условно названное ученым «Историей Абу-Муслима» и содержащее арабский текст и комментированный

³ Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kasrischen Meere. Weimar, 1814. S. 84—111.

⁴ Klaproth J. Extrait du Derbend-nameh oc de l'Historie de Derbend//Nouveau Journal Asiatique. Paris, 1829.

⁵ Khanikoff N. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase//Journal Asiatique. Aout, 1862.

¹ D'Ohsson M. C. Des peuples du Caucase. Paris, 1828.

² Шихсаидов А. Р. Из истории изучения раннесредневекового Дагестана// Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978. С. 101—103.

перевод на французском языке. Памятник представлял собой дагестанскую версию широко распространенного на Ближнем Востоке «Романа Абу-Муслима». Впервые на страницах органа французских востоковедов прозвучала также и концепция исламизационного процесса на Кавказе, поданная в изложении Н. В. Ханыкова.

По настоящее время широкой известностью в научной среде пользуется оригинальное сочинение французского автора, озаглавленное «Путешествие в южную Россию и особенно в Закавказские провинции, совершенное с 1820 по 1824 г. кавалером Гамба, консулом короля в Тифлисе» в 2-х томах⁶. В работе Гамба, предпринявшего путешествие вокруг Кавказского хребта, содержатся ценные сведения об ингушах, чеченцах, осетинах, кабардинцах, черкесах, абхазах, терских и кубанских казаках, о целом ряде народностей Дагестана и Закавказья. Особый интерес представляют сообщения о Джаро-Белокаанском вольном обществе, озаглавленные «Заметки о лезгинах», состоящие из разделов, в которых освещаются образ жизни и правления, система торговли и доходов, структура населения и армии.

Как известно, Кавказ и особенно Дагестан в начале XIX века обретает популярность как страна загадочных кавказских республик, и кавалеру Гамба принадлежит честь одного из первых авторов подробного описания форм внутреннего самоуправления и политического устройства так называемой «Джарской республики» и ее аульских джамаатов, которые по наблюдениям Гамбы, «управляются своими законами». «Лезгины, — заявляет Гамба, имея в виду джаро-белокаанцев, — по настоящему свободны». И эту свободу французский исследователь связывает с четко организованным самоуправляемым гражданским обществом «без князей и беков», которое он обнаружил здесь. Не так-то просто понять, что значит «настоящая свобода» в устах француза, пережившего французскую революцию. Или имеется в виду свобода «естественного человека» в духе Жан Жака Руссо?

Суждения Гамбы невольно наводят широкоизвестные труды русского исследователя С. М. Броневского⁷, публикация которых приходится как раз к периоду путешествия французского ученого по Кавказу. Дело в том, что С. М. Броневский находит у народов Кавказа такие структуры общественного устройства и такие виды правления, которые явственно напоминают представление о «республиканском» или «демократическом» правлении, выдвигавшиеся деятелями Великого французского просвещения, главным образом Шарлем Монтескье. Причем горские общества Кавказа С. М. Броневский называет то обществами «вольными», то республиканскими «аристократическими» или «федеративными», что так хорошо укла-

⁶ Gamba. Voyage dans la Russie meridional et particulierement dans les provinces au-dela du Caucase fait de puis 1820 jusq'en 1824, par le chevalier Gamba, consul du roi á Tiflis. Paris, 1826. V. II.

⁷ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823.

дывается в систему обозначений, определенных знаменитым трактатом Монтескье «О духе законов».

Так что для современной историографии об общественном строе и политической организации на Кавказе, особенно в Дагестане, заключения, сделанные русскими авторами, использовавшими шкалу определений, заимствованную из политологии великих французских просветителей (не называя их по цензурным соображениям), приобретают актуальное значение как ключ к адекватному раскрытию сосуществующих на Кавказе политических систем, блестяще моделированных у Монтескье. Именно Дагестан послужил своего рода ареной, где историки, мыслители, литераторы, одухотворенные веяниями французского просвещения XVIII века, да и Великой Французской революции, искали идеалы общественного и политического бытия. В этой, хотя и опосредованной, идейной связи можно увидеть воплощение взаимодействия и единства, не менее реальное и значительное, нежели это могло иметь место при других формах контактов. Фактор весьма любопытный.

К числу любопытных относится также исторический факт, имевший место более ста лет назад, когда французский исследователь Жермен Бапст, направившийся по поручению Министерства просвещения Франции и с санкции русского правительства в Закавказье, проник в глубь гор Дагестана, добрался до высоких отрогов Кавказского хребта и в 1883 г. произвел здесь ряд археологических изысканий. Так, в селении Кидеро близ Бежты им было раскопано 20 каменных гробниц с захоронениями, относящимися к средним векам. А в селении Ретло того же района при раскопках культового места на высоком пике им были обнаружены 33 бронзовые фигурки человека, относящиеся также к средневековой эпохе. Опубликованный Жерменом Бапстом в Археологическом обозрении 1885 года отчет об этих работах⁸ не потерял своей ценности по настоящее время.

В Дагестане воздают должное заслугам французской науки в деле собирания и хранения дагестанских материалов и источников. Как известно, в XIX в. французская столица стала одним из зарубежных центров, где постоянно складывались восточные тексты. Проникало сюда и немало материалов из Кавказа и Дагестана. Нам еще предстоит исследовать конкретно пути «проникновения» дагестанского рукописного материала в Королевскую библиотеку Парижа. Однако в одном случае мы имеем, кажется, более или менее точные сведения. Речь идет о знаменитом архиве кайтагских удмиев. Архив включал ценные материалы по истории Восточного Кавказа XIV—XVIII вв.: историческое сочинение, условно названное «Хроникой Махмуда Хиналугского», фирманы и указы персидских и турецких правителей на имя дагестанских феодалов, генеалогические таблицы дагестанских правителей. При этом «Хроника Махмуда Хиналугского», составленная в 1456 г., сохранилась

⁸ Bapst G. Souvenirs de deux mission au Caucase: Fouilles sur la grande claine.— Revue Archeologique. Paris, 1885, III serie, vol. V, p. 35—36, t. III—V.

в единственном списке на арабском языке. Все материалы, в том числе и копии фирманов, А. Берже передал в 1830 г. в Королевскую (ныне Национальную) библиотеку в Париже. Впоследствии во II томе «Актов Кавказской археографической комиссии» был издан перевод всех материалов, однако без параллельного текста оригинала. Национальная библиотека сохранила все эти материалы, и ныне Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР располагает фотокопиями всех дагестанских текстов, полученных несколько лет тому назад нами из Парижа. Изучение этих материалов показало, что существующий русский перевод значительно устарел и парижские материалы должны быть положены в основу новых переводов.

Однако Кавказ и Дагестан привлекали не только своей природой и историей. Извечной была проблема этнической пестроты здешнего народонаселения, неразгаданной оставалась загадка уникального многоязычия Дагестана. И было бы странно, если бы французская наука обошла своим вниманием такую интересную сферу. Непреходящее значение обрела, например, деятельность выдающегося французского филолога, востоковеда, историка, члена Петербургской Академии Марри Броссе (Марий Иванович Броссе, 1802—1880) по изучению истории и культуры Грузии и Армении. Автор двух грамматик грузинского языка, он явился основателем грузиноведения в Петербургском университете. Он приобрел также известность как издатель и комментатор переводов выдающихся памятников грузинской и армянской письменности⁹.

Не менее значительны заслуги другого французского ученого, члена французской Академии, крупного исследователя сравнительной мифологии и эпоса, историй религий, кавказских языков, недавно ушедшего из жизни Жоржа Дюмезиля. К 20—30-м годам относятся глубокие исследования ученого по абхазско-адыгским и нахско-дагестанским языкам. Заметным явлением в лингвистическом кавказоведении стало опубликованное им в 1933 г. «Введение в сравнительную грамматику северокавказских языков»¹⁰. Помимо Ж. Дюмезиля изучением кавказских языков во Франции уже в наше время занимаются К. Пари, К. Чехов, Ж. Шарашидзе и др. Из самых последних работ этого ряда можно было бы назвать изданную в 1981 г. на французском языке «Граматику аварского языка» Ж. Шарашидзе¹¹.

II

Важнейшей сферой, в которой прослеживаются плодотворные контакты Франции с Кавказом и Дагестаном, выступает художест-

⁹ *Marri H. J.* К 100-летию со дня рождения М. И. Броссе // Зап.-вост. отд. имп. рус. археолог. об-ва. Т. 14. СПб., 1902.

¹⁰ *Introduction a la grammaire comparee des langues caucasiennes du Nord.* Paris, 1933.

¹¹ *Charachidse G. Grammaire de la langue avar (langue du Caucase Nord-Est).* Paris, 1981.

венная культура, представленная, скажем, такими видами искусства, как живопись, музыка, театр.

Обращаясь, например, к области изобразительного искусства, следует сказать, что знакомство Франции с русской живописью относится, главным образом, ко второй половине XIX в. Так, впервые здесь русское искусство было представлено на Всемирной Парижской выставке 1867 г. Двусторонний характер этих контактов стал реальностью в период деятельности так называемого общества «взаимного вспоможествования и благотворительности русских художников в Париже», основанного там в 1877 г. Данное обстоятельство важно для нас тем, что именно эти контакты русского и французского изобразительного искусства явились той ареной, на которой сошлись подходы обоих эстетических начал к кавказской теме.

Чрезвычайно любопытен в этом плане опыт выдающегося русского художника В. В. Верещагина и не менее знаменитого французского художника Ж.-Л. Жерома. Не без волеизъявления Верещагина Жером стал его наставником в Парижской школе изящных искусств. Дело в том, что русского художника, не раз посетившего Кавказ и полюбившего его, заинтриговала подвижническая работа Жерома, которая явилась в сущности результатом путешествий в Египет и страны Передней Азии, на Ближний Кавказ. И в Париже 60-х годов Верещагин обнаруживает много общего с французским мастером. Сходство интересов и близость позиций укрепляет русского художника в заинтересованности Востоком. Мусульманский мир полностью занимает Верещагина, который уже в 70-х годах показал свои восточные серии, явившиеся в сущности первой в Париже персональной выставкой русской живописи. Примечательно то, что французский зритель отметил в методе и манере Верещагина склонность к повседневному и обыденности: его герои — это люди, несчастье которых заложено в самой социальной организации общества. Жером же, как известно, больше был занят этнографически, на его полотнах больше нарядности, красочности.

Известно, что в Париже совершенствовались себя многие другие знаменитости русской классической живописи, такие как И. Репин, В. Поленов, В. Васнецов, К. Савицкий. Совершенствовались, сохраняя яркую национальную индивидуальность, оставаясь глубоко русскими художниками как по предмету своего искусства, так и по задачам, которые они ставили перед собственным талантом. Но были и такие, которые легко поддались европейской манере, оказались под полным влиянием традиций французского искусства. В Дагестанском музее изобразительного искусства, к примеру, хранится кавказская серия картин одного из авторов указанного ряда — художника П. Грузинского.

Парижская школа живописи нашла яркое отражение в целой полосе творчества такого своеобразного художника, как Е. Е. Лансере (1875—1946), которую составляет восточная и особенно дагестанская тема. Поселившись в 1896 г. в Париже, Лансере занимается рисунком в мастерской Каллоросси. А живописи он обучается в

мастерской, руководимой Жан-Полем Лораном и Бенжаменом Констаном. Такая творческая обстановка плюс художественная атмосфера Парижа, его музеи, архитектура, библиотеки, живописные окрестности оставили сильные впечатления у художника, повлияли на его творческую индивидуальность, развили дарование, мастерство. Как вспоминает Александр Бенуа, Лансере увлеченно копировал шедевры Лувра, слушал лекции в Ecole des Beaux-Arts, посещал Севр, Сен-Клу, Версаль, Шантильи, Шартр. Постигал искусство Дега, Делакруа, Каро, Домье, Курбэ¹².

Кисти Е. Е. Лансере принадлежат пять альбомов натуральных зарисовок Парижа (1896) и Бретани (1897), ряд серий карандашных и акварельных рисунков архитектуры и природы Франции (1896—1899), ее животного и растительного мира. Широко известны его картины «Гранвиль», «Шату», «Собор в Мо» и т. д. Лансере принял участие в русской художественной выставке в Париже (1906), в 3-й выставке картин «Малый круг» (1920) и т. д. К французской тематике художник возвращался и позже. Так, серии зарисовок и этюдов исполнены им во время его последней поездки в Париж — в 1927 г.

Исследователи увлеченно, с проникновением в мир образного языка прослеживают уроки Парижа в кавказской и дагестанской тематике Лансере. А в наследии художника тематика эта занимает внушительное место: здесь и два альбома зарисовок Кавказа (1912, 1913), и альбом зарисовок, исполненных во время работы над иллюстрациями к знаменитому толстовскому «Хаджи-Мурату» — всего 72 листа, три альбома натуральных зарисовок, сделанных в поездках на Кавказский фронт (1920—21) и т. д. Небезынтересно, что эскизы Лансере к фильму «Хаджи-Мурат» в 1924 г. экспонировались на международной выставке киноискусства в Париже. В числе эскизов — типы Шамиля, Хаджи-Мурата, Николая I и мн. др. В художественных музеях страны, а более всего в музейных собраниях Грузии, Азербайджана, Дагестана можно найти великолепные реалистические полотна картин Е. Е. Лансере, отображающих природу, жизнь и быт народов Кавказа и Дагестана. Произведения, в которых воплощены лучшие традиции русской реалистической школы живописи и рисунка и вместе с тем прослеживаются уроки Парижа.

Примечательную страницу в летописи русско-французских культурных связей XIX века, в контексте которых кавказская и дагестанская тема прозвучала ярко и убедительно, составила демонстрация в 1892—1894 гг. в Париже панорамы выдающегося русского баталиста Ф. А. Рубо (1856—1928) «Штурм Ахульго» (1891), явившейся блестящим завершением известной серии замечательного художника по теме Кавказской войны и одновременно венцом развития русского панорамного искусства минувшего столетия. Работа эта была первой из трех знаменитых панорам Рубо (всемирно известны его бородинская и севастопольская панорама!) на невиданных дотоле размеров холсте — 114×13 м. Живописно и ши-

роко воспроизводила она реальные события освободительной борьбы горцев Дагестана — взятие русскими войсками 22 августа 1839 г. одного из мощных укреплений Шамиля. Примечательно, что знакомство Парижа с панорамой Рубо на целых четыре года опередило ее демонстрацию на родине художника, в России.

Интерес французской публики к панораме Ф. А. Рубо был обусловлен еще и тем, что первым в мировой художественной практике создателем панорамного искусства, в частности общепризнанным «изобретателем военных панорам», считался французский художник Жан Шарль Ланглуа. Широко известны, например, его «Битва при Наварине», «Взятие Алжира», «Битва при Бородино», «Пожар Москвы», «Битва при Эйлау», «Битва при Пирамидах», «Осада Севастополя», «Битва при Сольферино». По одним только названиям панорамных полотен французского художника можно судить о явно состязательном, соперническом характере творческого вызова великого русского мастера. Впрочем известна панорама и другого француза Ф. Филиппото — «Осада форта Исси».

Но история преподносит также факты иного порядка — когда, скажем, дагестанцы имели не опосредованный, а прямой доступ в другие миры. Известны, например, многочисленные случаи успешного участия мастеров дагестанского декоративно-прикладного искусства на различных международных выставках, состоявшихся во второй половине XIX и в начале XX веков. Дагестанские умельцы — золотых и серебряных дел мастера Кубачей, Гоцатля, Кумуха, ковровщицы Дербента и Табасарана, унцукульские инкрустаторы по дереву побывали со своими рукотворными шедеврами и в Тегеране и Константинополе, Барлине и Лондоне, добрались и за океан, в Соединенные Штаты. Не раз посещали они Францию. Так, в 90-х годах прошлого века на Парижской выставке трое из кубачинских мастеров были удостоены золотых медалей. Известен факт участия 15 унцукульских народных умельцев в 1900 г. на Всемирной парижской выставке, увенчанного не только высокими наградами и дипломами, но и открытием ими в столице Франции, а следом и в Лондоне мастерских по производству и обучению искусству традиционного народного творчества унцукульцев.

Наконец, упомянем об интересе дагестанцев к произведениям французской живописи и графики. Дагестанский музей изобразительных искусств располагает целым рядом полотен французских мастеров, относящихся по преимуществу к XVIII и XIX векам. Графика здесь представлена, например, картинами Декурти («Вид Рикенберга»), Сорье («Вальс», «Полька», серия «Учитель танцев»), Гаварни (серия «Несносные дети»), Жана Изабе («Женский портрет»), Карла Верне, старшего («Несущая лошадь»), Домье («Политические карикатуры»), а также гравюрами Дьена (с картины Рафаэля «Святая семейство»), Шеро (с автопортрета Ланжильера и картины «Любовная сцена в итальянском театре») и т. д. Из произведений живописи обращают внимание «Концерт» Карла Ван Ллоо, «Сцена у подножья храма» Г. Роберта, «Турок

¹² См.: Подобедова О. Е. Е. Лансере. М., 1960.

с кальяном» Ораса Верне, «Женская борьба» Жана Веберта, «Классический пейзаж» Жана Франсуа Милле и т. д.

Декоративно-прикладное искусство Франции в дагестанских музеях представлено, главным образом, изделиями из фарфора XVIII—XIX вв. Тут и посуда, и мелкая пластика, и декоративная скульптура. Привлекательны тарелки из бирюзового сервиза с камелиями, женская головка из синего фарфора с позолотой, чайно-кофейный сервиз с росписью талантливых сцен по мотивам Ватто, а также секретер, ваза и т. д.

III

В кругу многочисленных и разнообразных контактов духовной культуры Франции и России в прошлом и настоящем важное место принадлежит музыкальному искусству. Музыкальные связи народов двух стран характеризуются широтой спектра, богатством форм, устойчивостью традиций, наконец, ясно обнаруживающейся тенденцией к развитию и углублению взаимодействий при сохранении самостоятельности и самобытности каждой культуры. Указанные черты прослеживаются во всех основных сферах музыки, будь то исполнительство, композиторское творчество, музыкальная наука и т. д.

Примечательны вехи в истории музыкальных связей Франции и России с XVIII века до наших дней, факты и явления которых указывают на соприкосновение музыкальных культур Франции с Кавказом, в частности — с Северным Кавказом и Дагестаном. Интересно и то, что с воздействием французской музыки связан и самый ранний из известных опытов обращения русских композиторов к музыкальному фольклору Кавказа, в частности к песенно-танцевальному творчеству дагестанских горцев. Речь идет о произведении Александра Алябьева (автора знаменитого романса «Соловей») под названием «Французская кадрили из азиатских песен» для фортепиано (1834). В качестве тематического материала для своей пьесы Алябьев использовал мелодии различных восточных («азиатских», как говорили тогда) народов, объединив их в композиционной структуре, заимствованной из французской музыки. В этом раннем образце русского музыкального ориентализма, первенце «русской музыки о Востоке», звучат подлинные народные мелодии (сам композитор обозначил их в нотах: «Черкесская», «Азербайджанская», «Кумыкская», «Байазетская», «Лезгинка», «Тамаша», «Гогони грузинская», «Грузинская Ламазо» и т. д.).

XIX век в истории французо-русских музыкальных связей проходит под знаком подлинного взаимодействия двух культур, дает яркие примеры плодотворного влияния как французского искусства на искусство России, так и благотворной роли русской культуры для развития музыки Франции.

Быть может, самый убедительный пример такого рода мы найдем в биографии Гектора Берлиоза, выступления которого в качестве дирижера и композитора в Москве и Петербурге (в 1847 и

1867—68 гг.) стали блестящим триумфом французского искусства. Его горячо поддержали Глинка и Балакирев, Мусоргский и Рубинштейн. Облик Берлиоза — новатора и пропагандиста передового искусства запечатлен в известной работе Стасова «Лист, Шуман и Берлиоз в России» (1889). Если гастроли Берлиоза ограничились Москвой и Петербургом, то концерты профессиональных французских артистов имели несравненно более широкую географию, охватывая и русскую провинцию и национальные окраины России. В Тифлисе, ставшем уже в середине XIX века подлинным музыкальным центром Закавказья, во второй половине прошлого столетия ставились оперы Ф. Обера, Дж. Мейербера, Ф. Галеви. Французские музыканты, направлявшиеся в Тифлис, выступали и в городах Северного Кавказа, особенно во Владикавказе. Так, в 1879 году здесь состоялись концерты знаменитой французской певицы Дезире Арто (1835—1907), вместе с которой выступал ее муж, известный певец М. Падилла¹³.

Так что с середины XIX в. взаимный интерес композиторов Франции и России приобретает активный характер, усиливаются личные контакты крупнейших мастеров двух стран. По мере развития этих связей все шире становится и география проникновения французской музыки в жизнь России, пристальной ее интерес к Кавказу...

Одна из интереснейших страниц в истории музыкальных связей Франции и Кавказа — это опера Л. А. Бурго-Дюкудрэ «Тамара» (1891). В сюжете оперы соединены мотивы грузинской легенды о царице Тамаре и библейского предания о Юдифи и Олоферне. При этом действие драмы пренесено в Баку, осажденный войсками султана Нуреддина. В опере использованы подлинные мелодии народов Кавказа, которые Бурго-Дюкудрэ получили от М. А. Балакирева. В распоряжении Балакирева находилось едва ли не самое богатое и разнообразное собрание кавказских мелодий: записки, сделанные им самим и полученные от других музыкантов, включая образцы песен и танцев кабардинцев, чеченцев, калмыков, грузин, армян, азербайджанцев, дагестанских народностей¹⁴.

Сообщая Балакиреву о получении записей, Бурго-Дюкудрэ писал: «Ничто не могло быть мне полезнее этого материала для успешного завершения начатой мною оперы на кавказский сюжет»¹⁵. А после окончания работы он писал: «Вам я обязан самыми драгоценными материалами, которые смогли дать мне представление о кавказской народной песне, и если в моей партитуре имеются хотя бы следы верного колорита, этим я обязан Вам»¹⁶. Там же композитор указал конкретные эпизоды, в которых он использовал мелодии, присланные Балакиревым. Добавим, что премьера опе-

¹³ См.: Терские ведомости. 1879. 3 и 24 ноября. № 45 и 48.

¹⁴ Балакирев был на Кавказе трижды: в 1862, 1863 и 1968 гг. Во время последней поездки он побывал в Порт-Петровске и Хасав-Юрте, где записывал народные песни.

¹⁵ Цит. по: Милый Алексеевич Балакирев. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 218.

¹⁶ Там же. С. 205.

ры прошла в Париже, в «Гранд-опера» и принесла автору большой успех.

Другая яркая страница в истории взаимодействия музыкальных культур России и Франции связана с творчеством Мориса Равеля. В 1897 г. создана его опера «Шехерезада», в которой, по словам самого композитора, «очень сильно сказались влияние русской музыки». Здесь для нас особенно интересно, что осмысление общевосточного сюжета из «сказок тысячи и одной ночи» происходит у французского маэстро через посредство русской музыки. Исследователи отмечают, что и в дальнейшем обращении к ориентальной экзотике в сочинениях Равеля связывается с русской «Музыкой о Востоке», с «Половецкими плясками» А. Бородина, с «Жар-птицей» И. Стравинского и т. п.

Наличие музыкальных связей с искусством Франции можно констатировать и в музыкальной структуре советского Северного Кавказа. Пропагандистом творчества французских композиторов выступал в 20—30 годы видный дагестанский советский композитор Г. А. Гасанов (напомним, что его бабушка по материнской линии Эрнестина Палье была французской). Пианистический репертуар Гасанова включал сочинения французских клавесинистов, Сен-Санса, Дебюсси, Равеля. В своей педагогической и просветительской (филармонической) деятельности он широко обращался к творениям Бизе, Гуно. Воздействие изящного, утонченного инструментального письма клавесинистов нетрудно увидеть в его фортепианном наследии, особенно в миниатюрах: 24 прелюдии, семь лирических пьес на темы дагестанских народных песен. Интересно, что имя Гасанова — первое имя дагестанского композитора, включенное во французскую музыкальную энциклопедию Ф. Люсера и В. Федорова (Париж, изд. Паскель, 1959).

Явственная печать влияния красочной палитры музыкального импрессионизма лежит на лучших сочинениях одного из крупнейших представителей современной дагестанской композиторской школы Мурада Кажлаева. В его прямом, полихромном гармоническом языке, в пышном тембровом наряде его партитур чувствуется результат долгого и любовного изучения музыки Дебюсси и Равеля. Не без знакомства с «Сонатиной» Равеля появилась «Сонатина» Кажлаева, его симфонические картины «Дагестан», «Шествие» прямо напоминают «Болеро» Равеля, а «Каспий» — «Море» Дебюсси.

Под непосредственным впечатлением от «Болеро» возникло и сочинение Ширвани Чалаева «Караван» для оркестра дагестанских народных инструментов. Гармоническая палитра и фактурные открытия «Прелюдий» Дебюсси несомненно сказались в ряде из 30 прелюдий для фортепиано Наби Дагирова. Искание современных французских музыкантов привлекают внимание Магомед Губ

¹⁷ Равель в зеркале своих писем/Сост. М. Жерар и Р. Шалю. Введение, пояснительный текст и заключение Р. Шалю. Л., 1962. С. 220.

¹⁸ См.: Кочаева Р. Равель и его русские контакты//Из истории зарубежной музыки. М., Музыка, 1971. С. 50—73.

сейнова, что особенно заметно в его «Триптихе» для флейты, где композитор отдает предпочтение даже французской музыкальной терминологии — вместо общепринятой итальянской.

Наиболее мощным и ощутимым остается и для среднего и для молодого поколений композиторов Северного Кавказа влияние Дебюсси и Равеля. Сочная красочность их оркестрового письма по своему отражается и в балетных патритурах осетина Дударя Хаханова, и в симфонических произведениях кабардинца Джабраила Зауры. Знакомство с творчеством Пьера Булеза не прошло бесследно для одного из самых ярких представителей молодого поколения осетинских композиторов — Жанны Плиевой.

Хотелось бы обратиться к еще одной — весьма любопытной странице встречи французского зрителя и слушателя с искусством традиционной музыки и хореографии народов Дагестана. Имеется в виду участие группы артистов художественной самодеятельности высокогорных аулов Балхар и Цунта в международном фольклорном фестивале, проходившем в начале 60-х годов в городах Франции. Дагестанские мастера народного искусства заслужили тогда признание самых искушенных и взыскательных знатоков и ценителей и удостоились наград самой высокой пробы. Восторженными были отзывы французской прессы на выступления «кавказских танцоров из Дагестана», «отважных воинов и удивительных акробатов», как писала, например, газета «Франсуа-Суар». Искрометные танцы дагестанских горцев под ритмы и звуки народной музыки вызвали, по свидетельству обозревателей, бурную реакцию неравнодушных публики. «Дагестанские артисты делают честь самым крупным фестивалям мира» — заключила печать, комментируя программу выступления цунтинского фольклорного ансамбля в Париже. И информировала при этом читателя, что ансамбль этот на всемирном фестивале представляет народность, численность которого не превышает 5 тыс. человек. Да, это действительно правда, что они представляли здесь, в Париже и свой родной аул Цунта, и родную Дагестан, и родную страну Советов.

IV

Предаться рассуждениям относительно того весомого вклада литературы Франции, который на всех этапах своего развития она вносила в мировой художественный процесс — значило бы ломиться в открытую дверь. Благоприятное влияние, например, замечательных традиций гражданственности литературы, сложившихся во Франции и получивших свое развитие вплоть до прямого участия художников в политической борьбе — от Вольтера, Руссо и Гюго до поэзии Сопротивления — на литературу и искусство на всех континентах, есть реальность очевидная и общепризнанная. Существует огромная масса свидетельств, являющих собою убедительное подтверждение многообразного и интенсивного характера творческих взаимосвязей и взаимопроникновений французского и русского художественного опыта. Историки литературы, например, еди-

нодушны в признании очевидного характера воздействия литературы французского классицизма, просвещения и романтизма на русскую литературу XVIII — первой пол. XIX вв. и того, какой оборот приняло это воздействие в последующем, начиная с И. С. Тургенева и продолжая Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. М. Горьким, В. В. Маяковским, когда можно говорить о бесспорных влияниях русской реалистической литературы на французскую, в частности на ее демократические и социалистические тенденции и течения.

В свете русско-французских историко-культурных и литературных взаимосвязей, в их контексте только и возможны, на наш взгляд, сама постановка и рассмотрение вопроса о месте художественного опыта многих нерусских народов России, в том числе народов Кавказа и Дагестана, в системе взаимодействия культур двух стран в обозреваемом прошлом. Достижения сравнительного литературоведения, в частности выдвигания взаимодействия национальных литератур как фактора художественного развития человечества в предмет научного исследования, открыли многие методологические и теоретические выходы. Наличие обширного круга материалов и свидетельств позволяет с достаточной достоверностью установить и омыслить типологическое родство европейского и восточного типов эстетического мышления, дающие возможность понять, к примеру, определенные исторические закономерности европейской и русской поэзии 19 века в ее связях с Востоком, причем в связях не случайных, а типологически обусловленных и «спровоцированных».

В соответствии с реалиями Кавказа именно такого рода типологической общностью была обусловлена — как это продемонстрировала русская поэзия — особая интенсивность романтического художественного мышления, причем на уровнях не только типологических, но и генетических и контактных. Налицо здесь — прямые заимствования, и множество подражаний и стилизаций как проявления не только объективно-типологического, но и субъективно-осознанного проникновения «восточного», кавказского, а бы сказал, и дагестанского элемента как в содержание, так и форму европейской и тем более русской поэзии.

Так что присутствие так называемого «восточного субстрата» в литературах, имеющих за плечами многовековые традиции культурно-исторических связей с Востоком, более чем очевидно, и свидетельство тому — мощный поток русской романтической поэзии и прозы на кавказскую и дагестанскую тематику. Вместе с тем все более очевидным становится и проникновение, если можно так выразиться, субстрата западного типа в литературы народов, относительно недавно вступивших на путь национального художественного развития, причем с явственно наметившейся историко-культурной переориентацией на передовую Россию и Европу. Подтверждение этого — в лучших образцах поэтического творчества национальной художественной классики народов Северного Кавказа и Дагестана второй половины XIX — нач. XX веков.

Логика этих наблюдений и суждений такова, что позволяет не только предположить наличие известного поля историко-культурной переклички между Кавказом и Европой, но и нащупать факторы и линии взаимодействия, обнаружить конкретные проявления взаимного интереса, скажем, Франции и Дагестана друг к другу в области литературы. Само собой разумеется, что проблема эта для научного дагестановедения весьма новая и совершенно неизученная. Пока что мы можем говорить лишь об отдельных фактах и эпизодах, хотя в них порой угадываются тенденции важные и типологически значимые. Факты и эпизоды эти свидетельствуют о связях как прямых, непосредственных, так и косвенных, опосредованных.

История всемирной литературы дает нам классический пример межкультурных и межлитературных связей народов и наций опосредованного типа. Мы имеем в виду знаменитый литературно-дидактический памятник на персидском и арабском языках, восходящий к древнему индийскому источнику III века до нашей эры: «Панчатантра». Будучи переведено или переложено на большинство азиатских и европейских языков¹⁹ «Пятикнижие» рассказов и преданий о людях и зверях обрело огромную популярность и оказало значительное влияние на весь мировой художественный процесс, в частности легло в основу зарождения и становления басенной традиции во многих национальных литературах. Причем мы имеем дело с тем случаем, когда переработки и заимствования сюжетов, мотивов и образов из «Калилы и Димны» приобрели значение самостоятельного творчества и становились созданиями национального творческого гения. Исследовательская работа по сопоставлению традиций и опыта обращения к данному источнику и использования его в литературах Франции и Кавказа еще впереди. Ограничусь лишь указанием на то обстоятельство, что первые переводы «Калилы и Димны» на французский принадлежат знаменитому французскому арабисту Сильвестру де Саси, а на аварский — замечательному дагестанскому ученому и мыслителю Дибир-Кадри Хунзахскому. Любопытен тот факт, что оба эти перевода осуществлены с сирийско-арабской версии древнейшего памятника, и работа эта, выполненная на разных концах европейского континента и весьма неодинаковых историко-культурных условиях, приходится на один и тот же период — самое начало XIX века.

О другом, несколько ином типе опосредованного отражения французской общественной мысли в изучении и осмыслении социально-этнической действительности на Кавказе и Дагестане в начале 19 века упоминалось несколько выше в связи с тенденциями русской науки и своеобразной интерпретации идей Монтестье применительно к нашим условиям. Думается, что обращение декабризма к выдвинутой и обоснованной французским Просвещением и французской

¹⁹ По свидетельству историков мировой культуры, «Панчатантра», получившая в арабской и персидской версиях название «Калила и Димна», была переведена более 200 раз на 60 языков мира.

революцией концепции свободы и равенства, народовластия и самоуправления и преломление ее под пером ведущих русских поэтов и писателей, черпавших реалии действительности и вдохновение на Кавказе и в Дагестане, все еще остается проблемой, продолжающей будировать широкий общественный интерес и исследовательскую мысль. Речь идет, например, о руссоистских традициях в художественной практике русских романтиков, о том, как ощутимо сказывались в изображении картин народной жизни Кавказа и Дагестана обличительные веяния французских мыслителей. Похоже, что Дагестан начала 19 века воспринимался как своего рода пример, где русские литераторы искали реалии и иллюстрации к типу «естественного человека», к образу «естественного бытия», и этот образ бытия у русских романтиков, несмотря на его народные истоки, заметно перекликался с утопическими образами Рабле, Вольтера, Руссо, Дидро. Думается что не без основания советские исследователи склонны проследить перекличку лермонтовского идеала гармонического созвучия естественного и социального начал в человеке-горце с идеями литературы «Молодой Франции», представленной именами, скажем, В. Гюго, А. Дюма и др.

С именем А. Дюма-отца, связан другой, чрезвычайно интересный аспект обращения французской научной и творческой общественности к теме Кавказа. Как известно, А. Дюма посетил Дагестан в 1858 г., и буквально на другой год, по свежим следам увлекательного путешествия, писатель опубликовал целый том своих впечатлений под многозначительным заглавием «Кавказ от Прометея до Шамиля»²⁰, не раз переизданный впоследствии под названием «Путешествие по Кавказу». («Impressions de voyage le Caucase»). На русский язык книга была переведена П. Роборовским и издана в Тифлисе в 1861 г.²¹

V

Пять дней трясся Дюма на тарантасе по пути из Астрахани в Кизляр, куда попал 7 ноября 1858 г. Знаменитый французский романист посетил Хасавюрт и Эндери-аул, Чирюрт и Темир-Хан-Шуру, Дженгутай и Каранай, Уллу-Буйнак и Каякент, Мамед-Калу и Дербент. Он встречался здесь с графом Ностицем, князем Али-Султаном, командиром конно-иррегулярного полка И. Р. Баграгионом — племянником знаменитого героя Бородино и многими другими дагестанцами и не дагестанцами.

Всюду Дюма был принят с радушием, ему были оказаны почести, преподнесены подарки. Писатель был тронут вниманием, оказанным в ауле Ишкарты, где он был избран «Почетным членом дружины туземных горцев», по поводу чего ему была специально сшита черкеска. Рад был Дюма и преподнесенным ему кинжалам чекачки знаменитых дагестанских оружейников. С благодарностью

принял он подаренный графом Ностицем набор фотографий, в числе которых был и портрет знаменитого Хаджи-Мурата. И писатель не оставался в долгу: кому-то дарил порох, а кому-то — пули: лучшего подарка не могло быть для горца. Когда же Дюма прибыл в Баку, там ему довелось встретиться с дагестанцем Х. Уцмиевым и его женой Натаван — известной азербайджанской поэтессой, подарившими именитому гостю ружье, которого не было в его коллекции, и кiset восточной вышивки. Дюма же оставил в дар гостеприимным хозяевам свой пистолет.

Известно, что путевые заметки Дюма вызвали у современников отклики далеко неоднозначные. Один из критиков даже упрекнул его в «искажении истины в пользу эффекта». В то же время непреложным для нас остается то, что в публикации о Кавказе и Дагестане сказалась свойственная Дюма наблюдательность тонкого художника и реалиста. Пересекая у Кизляра Терек, коренной парижанин заметил, что река эта «вдвое шире Сены». Подъезжая к Чирюрту, занес в свою записную книжку, что отсюда начинается «земля Шамиля». Побывав у подножья высочайшего в Европе бархана «Сары-Кум», Дюма подробно описывает, как он вышел из экипажа и полюбовался красотой мелкого песка и величиим песчаной горы. Писатель не прошел мимо точной и интересной детали природы, которую поведали ему горцы: сказалось, что «после бури гора меняет свою форму, но буря не развеивает песок по равнине и гора сохраняет свою обычную высоту»²².

Все-таки наиболее неизгладимое впечатление на Дюма произвел Гимринский хребет, куда он поднялся в сопровождении путников и буквально обомлел. Вот как писатель воссоздал эту картину: «Я слез с лошади, стал на ноги. Это было недостаточно — я лег ничком и закрыл руками глаза... Нервическая дрожь, волновавшая меня, как будто сообщалась с землей... Так билось мое сердце. Наконец, я поднял голову. Мне нужно было сделать большие усилия, чтобы посмотреть в пропасть». Там на дне А. Дюма увидел родину Шамиля, Гимры, бурлящую Аварскую Койсу, ему показали легендарную гору Ахульго. Там и тут виднелись дымы, означающие «существование невидимых селений». Целый час не отрывал свои глаза писатель с чудной панорамы в синеве гор. «Я, наконец — продолжает знаменитый путешественник, — мало по малу пригляделся к этому страшному величию природы, и признаюсь... что ничего не видел подобного ни с вершины Фоллириа, ни с Рига, ни с Этны, ни с пика Гаварии...» «И сознаю, что я испытал невыразимое чувство удовлетворения от этой великолепной пропасти»²³.

С несколько иных сторон предстал перед А. Дюма Дагестан в древнем Дербенте и его величественной цитадели. «Город Дербент, — писал наблюдательный художник с присущим ему остроумием и юмором, — напоминает мне страшно исхудавшего рыцаря, кото-

²⁰ Le Caucase depuis Promethee jusqu'a Schamyl. Paris, 1859.

²¹ Путешествие по Кавказу А. Дюма. 2-й вып., с примеч. Тифлис, 1861.

²² Путешествие по Кавказу А. Дюма. С. 195.

²³ Там же. С. 229.

рому его старые латы сделались большими и просторными». Долго простоял он здесь у надгробной плиты Солтанет, размышляя о трагической судьбе дочери Аварского хана Ахмед-хана и возлюбленной Амвала-бека. Дюма интересовался в Дербенте памятными местами Петра Великого и А. Бестужева-Марлинского. А у могилы возлюбленной русского поэта Ольги Нестерцевой он прочел по-французски четверостишие, которое имеет на русском языке такое звучание:

Она достигла 20-летнего возраста. Она любила
и была прекрасна.
Но одним вечером пала подобно розе,
лишившейся листьев.
О, земля смерти, не тяготи ее,
Она так мало отягощала землю живых.

Пусть в кавказской книге автора «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» и десятков других прекрасных художественных творений — океан вымысла и правдоподобных историй. Но в лучших ее страницах А. Дюма предстает как яркий общественный обличитель социальных и нравственных зол, очевидцем которых ему довелось здесь быть. Близ аулов Гелли и Параул, в ущелье Зели-Кака, где только что грохотало кровавое сражение, он увидел горцев с отрубленными головами, и эта жуткая картина привела его в ужас и смятение. «Я все же спрашиваю самого себя, — воскликнул французский писатель в отчаянии, — какое право имеют люди охотиться за человеком подобно тому, как охотятся за оленем или кабаном?» В этих горьких истинах слышен голос протеста и осуждения мотивов и приемов, с помощью которых царская военщина подавляла дух свободолюбия **народ** и добивалась признания своего господства.

Наблюдения А. Дюма позволяют напомнить и тема моего сообщения делает это уместным, что передовые деятели эпохи в Европе и во Франции сочувственно и с симпатией относились к освободительной борьбе горцев Дагестана и Северного Кавказа. Известно обилие публикаций в поддержку движения горцев на страницах французской печати. По свидетельству исследователей²⁴, западно-европейские столицы, особенно Париж, были охвачены буквально «Шамилеманией», причем этому способствовала сама идейная и политическая атмосфера, сложившаяся в тот период в странах Европы. Раздавались голоса французской общественности с призывами к царскому правительству о прекращении колониального разбоя на Кавказе. Как бы в ответ этим голосам прозвучала злая ирония небезызвестного Соллогуба на страницах газеты «Кавказ»: «Шамиль — в Париже, Шамиль — поближе».

Раз за разом появлялись тогда на многих европейских языках

²⁴ Енджевич Е. Три страницы из истории Кавказа // Гамзатов Р. Мой Дагестан. Варшава, 1971. С. 102—203. (J. J. Trzy kartki z Dziejow // Rasul Gamzatow. Moj Dagestan. Pw, 1971. S. 102—103).

панегирики о Шамиле, анонимные или подписанные именами разных авторов. В одной из «боевых песен» Парижа того времени, созданных довольно популярным современным автором, известным как «поэт социализма и пролетариата» Пьером Дюпоном, были такие строчки:

De tous les rochers du Caucase
Dont chasun recele un peril
Le plus solide sur sa base
C'est la volonte de Schamyl²⁵.

Из всех грозных круч Кавказа,
Каждая из коих таит страх и риск
Самыми могучими и неукротимыми
Остаются воля и упорство Шамиля.

(Подстрочный перевод)

Пьер Дюпон, как известно, сам сочинял мелодии к своим стихам. Сочинил он мелодию и для этого стихотворения. И песня была постоянно на устах наиболее экзальтированной молодежи того времени, особенно 40-х годов. Популярна была в Париже также пьеса Поля Мориса «Шамиль», которая с успехом шла в середине 50-х годов в «Порт Сен Матэн».

Таким образом, тема Кавказа и Дагестана первой половины XIX века, тема так называемой Кавказской войны, тема освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни, явилась важнейшим из пунктов, на котором столкнулись, сошлись и по многим позициям и мотивам сомкнулись идеи свободы и равенства, питавшие передовые умы Европы и воплощенные в значительных художественных созданиях эпохи как во Франции, так и в России.

VI

История знает также множество других свидетельств, говорящих об интересе французской общественной мысли и науки к художественной культуре и литературе народов Кавказа. Так, например, известно внимание французских востоковедов к личности и творчеству большого писателя и политического деятеля XIX века М.-Ф. Ахундова, которого охотно издавали и комментировали на Западе, в частности, во Франции. Французская литературно-художественная критика весьма лестно отзывалась о замечательных армянских поэтах Г. Нарикаци и О. Туманяне. А грузинско-французские литературные связи в прошлом обрели такой широкий размах, что давно уже стали областью специальных изысканий и обобщений ученых обеих стран. Известен, например, глубокий интерес во Франции к наследию Шота Руставели, знаменитая поэ-

²⁵ Там же.

ма которого «Витязь в тигровой шкуре» в целом ряде исследований осмысливается в сопоставительном плане со средневековой провансальской поэзией. Периодически издавалась здесь грузинская классика, представленная именами А. Церетели, А. Чавчавадзе, Н. Николадзе. Прослеживаются различные грани связи лирики Т. Табидзе с французской поэтической школой.

Естественно, дагестанская литература не может состязаться со столь традиционными и опытными культурами в широте и глубине выхода в инациональные миры, в частности в Европу. Однако и ее карта помечена — пусть не столь многими — пунктирами и знаками, указывающими на ее связи с внешним миром. Нами уже приводилось немало свидетельств, опровергающих изоляционистские представления и концепции истории и культуры народов Дагестана. Всего несколько примеров. В связи с упоминавшимися выше зарубежными выездами дагестанских народных умельцев для участия в международных выставках и сбыта изделий декоративно-прикладного искусства на память приходят озорные стихи известного кубачинского поэта и художника-ювелира Мунги Ахмеда, которому довелось в числе других побывать в конце XIX века в Париже. Весело и с юмором исповедуется поэт в стихотворении «Мадам» в своих не удавшихся встречах с очаровательной французенкой, в том, как «потерял голову» и был обманут, лишился столь трудно добытых денег и заодно обнадежившей его любви.

А дорога далека
Из Парижа в Кубачи,—

замечает поэт, устремившись в отчий край, и советует друзьям — «Ум в Париже не терять».

Есть у нас свои мадам
В Дагестане среди гор.
И любовь не посят там
Для продажи на базар.

По свидетельству дагестанских историков культуры, среди парижских публикаций этнографических материалов Кавказа попадают также интересные сведения о фольклоре, о словесности народов Дагестана. Упоминается, в частности, популярное стихотворение аварского поэта второй половины XIX века Али-Гаджи из Инхо «Появление седины», якобы включенное в названные публикации в прозаическом, смысловом изложении. Надо полагать, что для современного француза могли быть вполне доступны, интересны и даже близки чувства, мысли и образы, рожденные в далекой и безвестной Стране гор и в то же время весьма основательно проникнутые мотивами общечеловеческого звучания.

Привет, седина! Ты не слишком ли рано
Явилась, незваная мною родня,
Вплела в мои волосы клохья тумана,
Легла на лохматой груди у меня?

Нет, не рад поэт гостю такой: то «гнездилился недавно на темени

беркут, а нынче гнездится слепая сова». Седина эта, «как снег на вершине»; «и снег не растает», и «возврата минувшему нет».

И в завершение поэт окончательно «сдается»:

Есть ханы на свете, цари и визири,
У каждого много и власти и сил.
О волос седой, в человеческом мире
Сильнейшим из белых царей, ты прослыл.

Уместным представляется обращение к еще одной из интересных страниц истории дагестанской литературы. Пример этот указывает на несколько необычный путь и способ проникновения великого французского романтика В. Гюго в Дагестане. Путь этот пролегал в данном случае не через Россию, а через Ближний Восток. Речь идет о том, как известная в свое время и весьма серьезная арабская книга под названием «История литературоведения у европейцев и у арабов и Виктор Гюго», изданная в 1903 году и приуроченная к 100-летию великого писателя, попадает в Дагестан. Автор книги Мухаммед Рухи Халиди, известный палестинский ученый и писатель, окончил Сорбонну, продолжительное время жил во Франции, был консулом Оттоманского государства в Бордо. В книге довольно обстоятельно рассматриваются теоретические вопросы сравнительного изучения истории арабской и европейской литератур, выдвинут целый ряд глубоких замыслов и постановок по проблеме взаимодействия культур Запада и Востока, содержатся интересные суждения историко-литературоведческого плана. Выход этой книги вызвал в свое время большой интерес в арабском мире, а также в европейских кругах востоковедов.

К книге проявил большой интерес и проработал ее основательно Гамзат Цадаса, который слыл искушенным ученым-арабистом. Более того, опираясь на труд Мухаммеда Рухи Халиди, аварский поэт воссоздал своеобразный краткий очерк исторического пути литературы арабов с доисламского периода до эпохи Возрождения. Но предметом особого интереса Г. Цадасы послужила все-таки литература Франции. Поэт оставил, и это хранится в его архиве, оригинальные суждения и комментарии к творчеству целого ряда великих французов, свидетельствующие о его симпатиях, например, к беспощадному просветительскому гневу Вольтера против проповедей религиозной нетерпимости, разгула, мракобесия и абсолютизма, а также к высокому романтическому духу и стилю Гюго. Увлеченно и заинтересованно ознакомился дагестанский писатель с анализом классической драматургии Франции, почерпнул многое из взглядов французских авторов на традиции и законы жанра драматургии, на природу и место комического и трагического в искусстве театра, на концепцию единства и времени действия на сцене и т. д. Г. Цадасе как зачинателю национальной драматургии и национального театра аварцев уроки были весьма кстати, и ими он воспользовался вполне продуктивно при создании первых своих драматургических произведений. Впрочем, именно через арабский источник произошло в Дагестане и первое знакомство с «Отверженными» В. Гюго.

В нашу задачу не входит обозрение современной картины функционирования французской литературы на Кавказе и в Дагестане. Хорошо известно, например, что дагестанская национальная школа, действующая на II языках, немыслима без обширного курса зарубежной литературы, в программе которого достойное место отведено литературе французской. Любая дагестанская библиотека — будь она государственная, ведомственная или семейная — не может обходиться без выдающихся памятников всемирной литературы, в том числе и французской. Разве это не симптоматично, что в числе первых переводов на дагестанские языки, осуществленных в самом начале советского периода, в 1920 году, были всемирно известные песни Великой Французской революции и Парижской коммуны — «Марсельеза» К. Ж. Руже де Лилия и «Интернационал» Эжена Потье? Поколения дагестанского юношества воспитывались на образе легендарного Гавроша, которым зачитывались еще в 20—30-х годах в самых отдаленных горных аулах края на своих родных языках. Разве не знаменателен сам по себе такой факт, что становление первых национальных профессиональных театров в Дагестане неразрывно связано с освоением русской и европейской классической драматургии, и не в последнюю очередь — французской драмы? Впечатляет одно перечисление имен и названий: Мольер — «Дон Жуан», «Тартюф», «Плутни Скапена», «Брак поневоле», Бомарше — «Женитьба Фигаро», «Севильский цирюльник», Гюго — «Анджело», «Луи Блаз», Бальзак — «Мачеха», Кокто — «Трудные родители» и многие другие. Поразительные масштабы воздействия и влияния культур!

Принципиально новый этап в развитии литературных связей Франции и Дагестана ознаменован выходом в Париже в переводе на французский произведений поэтов и писателей Советского Дагестана. Так, в начале 50-х годов здесь появляются отдельные образцы самобытной поэзии старейшего народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы. А Луи Арагон в своей известной книге, посвященной советской литературе, в главе «Семья, где говорят на 60 языках»²⁶ приводит обширный отрывок из поэмы аварского поэта «Моя жизнь». Причем Г. Цадаса здесь дан как пример зарождения и становления у так называемых малых народов национальной советской классики. Арагон акцентирует внимание на том, каким образом и в силу каких факторов представитель одной из малочисленных народностей Кавказа, «входит в программу школьного и вузовского обучения на 1/6 части земного шара». До французского читателя дошла также яркая проза другого крупного деятеля дагестанской советской литературы — Эфенди Капиева, принадлежащего к новому поколению художественной интеллигенции. «Я очень высоко ценю его как писателя», —

²⁶ Арагон Л. Советская литература. Париж, 1955. Время внесло существенную поправку в развитие многонациональной советской литературы: ныне ее составляют 78 национальных литератур страны.

отозвался о нем тот же Луи Арагон, познакомившись с широко известной книгой дагестанского автора «Поэт», новеллы из которой были изданы в переводе Пьера Лориса во Франции²⁷. Весьма широко представлен в переводной советской литературе во Франции современный дагестанский поэт Расул Гамзатов. Думается, что можно ограничиться указанием лишь на вышедший в переводе Люстернака «Мой Дагестан»²⁸.

Истории дагестанской культуры известны также многие другие проявления взаимного интереса людей Франции и Дагестана друг к другу в самых различных сферах деятельности. Можно было бы, например рассказать о задушевных отношениях великого Аяри Барбюса с известным революционным и политическим деятелем Дагестана Н. Самурским, сложившихся во время их совместного отдыха в г. Гагры на Черноморском побережье Кавказа в 1929 году и скрепившихся в дальнейшем в ходе их переписки. «Мой дорогой товарищ! — обращается Барбюс в одном из писем к своему дагестанскому другу. — Я часто и с большим удовольствием вспоминаю хорошие часы, которые мы провели вместе. Я был очень счастлив знакомством с вами и сохранил прекрасные воспоминания о вашей братской дружбе. Я очень хотел бы иметь от вас вести в ожидании удовольствия увидеться с вами, будь то в Москве или в вашем прекрасном Дагестане, который я мечтаю посетить».

Предметом самостоятельного разговора могли бы стать годы пребывания во Франции и учебы в Сорбонне, одного из крупнейших дагестанских революционеров и деятелей культуры Джелала Коркмасова. Не меньший интерес представляет активное участие целого ряда дагестанцев в рядах французского Сопротивления. Яркую страницу боевого союза советских и французских патриотов в годы второй мировой войны составила дружба летчиков прославленного авиаполка «Нормандия-Неман», героев Советского Союза Роллана де ля Пуана, Жана Андре, Марселя Альберта, Пьера Дешана, Франсуа де Жоффре и многих других с замечательным дагестанцем, выходцем из небольшого лакского народа, дважды Героем Советского Союза Амет-ханом Султаном. «Я расскажу о моем друге майоре Амет-хане Султане, применившем знаменитый таран, — писал Франсуа де Жоффре в книге «Нормандия-Неман», вышедшей в Париже и Москве после войны. — Знаете ли вы, что такое таран? Это наивысшее самопожертвование русского летчика, который, израсходовав полностью боеприпасы, устремляется на вражеский самолет и ударяет его своей машиной. В девяноста случаях из ста — это неминуемая гибель. Амету удалось попасть в число счастливых». Летчика-героя из числа так называемых счастливых уже в мирные времена подстерегла гибель и не менее героическая чем на войне: герой погиб при испытании очередного боевого самолета...

²⁷ Капиев Эф. Вечер // Введение в советскую литературу. Рассказы и новеллы // Предисл. Л. Арагона. Париж, 1956.

²⁸ Гамзатов Р. Мой Дагестан. Париж, 1972.

Можно было бы, наконец, рассказать о все более учащающихся в наше время визитах деятелей французской науки и культуры — ученых, журналистов, писателей в Дагестан. Дагестанцам, например, запомнилось пребывание в нашей Стране гор, в ее городах и аулах известного французского писателя Владимира Познера. Полюбилась им и книга впечатлений Познера о встречах в Советском Союзе, в том числе и в Советском Дагестане²⁹. В книге, представляющей хронику одной поездки автора в Страну Советов, много теплых и сердечных слов о нашей стране, о нашем крае, о наших людях, продиктованных искренними чувствами симпатий, расположения, дружбы. А разве не в сближении и единении человеческих чувств, порывов и деяний состоит благороднейшая миссия художественных культур, литератур и искусств народов и возвышенный смысл их тесного взаимодействия, взаимовлияния и взаимообогащения.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

²⁹ Познер В. Тысяча и один день. Париж. Жюйяр, 1967.

ПЕРЕСТРОЙКА И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ: АСПЕКТ ГУМАНИТАРНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, ПРАВОВО-ЭТИЧЕСКИЙ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Мы находимся перед реальностью, когда концепция перестройки бесповоротно овладела умами и сердцами масс. Она привела в движение всю систему социальных, духовных и нравственных отношений людей. Демократия и гласность реально претендуют на статус незыблемых норм жизни. Идет неуклонный процесс переоценки ценностей и обновления общественного сознания. Можно говорить уже об опыте самой перестройки.

Борьба мнений, принявшая на первых порах невиданный размах и остроту, вылилась в некую конфронтацию сил в познавательной, поисковой творческой сферах. И, надо полагать, конфронтация эта все-таки зачата тенденцией к кристаллизации взглядов, идей и позиций на конструктивных началах. Вместе с тем неизбежной представляется и демаскировка подлинной подоплеки того взаимного ожесточения сторон, которая зачастую напоминает не очень достойную тяжбу групповых, а то и кастовых, амбиций и эгоистических вождельцев. Уж многовато накоплено у общества невысказанных упреков, неотомщенных обид, непредъявленных счетов. Благо, что платформа гласности настолько «бескорытна» и щедра на демократию, что представила, как говорится, «равные возможности» той и другой сторонам, которые не уступают друг другу в усердии и рвении, в претензии на роль самых ревнивых борников обновления. Время покажет — кто есть кто.

Стихия перестройки поистине всеохватна. Ею пронизаны, в сущности, все поры современной жизни, все сферы человеческой деятельности. Ее отпечаток — на порывах и поступках людей. Освежающим дуновением пронеслась она по широтам страны от края до края, по всем ее регионам. Но вот что настораживает: при всей своей универсальности и всеобщности перестройка пока еще не добилась повсеместной, так сказать, равномерной действенности. Практика, к сожалению, не дает нам, на местах сколько-нибудь веских оснований говорить о радикальном переключении литературы, искусства, науки на лад и ритм перестройки. Многие творческие деятели в каком-то неповнятном оцепенении: пальба по воробьям, слонов не примечая. Не более чем имитация принципиальности, робкие потуги на критическое переосмысление

жизни. Что касается литературно-художественной критики, то ее как не было в застойный период в Дагестане, так нет сейчас. Критика как таковая здесь подменена будничной информацией о вышедших книгах, то кудей, то развернутой, но всегда безликой, беспроблемной и непременно комплиментарной. «Периферийному» читателю остается уповать на глубокие, емкие, страстные публикации на страницах центральной прессы.

Трудно, медленно, неуверенно протекает на местах прежде всего процесс перестройки мышления. Тяжело преодолевается инерция застоя и торможения. Довлеет все та же привычка «замалчивания» острых углов и узких мест, недостаток воли и решимости отвернуться от стиля «выжидания», «понукания» и «послушания», от которых претерпело столько бед дело нашей культуры, науки, искусства. Более того, мы все еще рискуем утверждать, что уже остановлен сам процесс накопления нерешенных проблем общественного развития, тех, что неотступно стучатся в дверь, не получая вразумительного ответа со стороны историков, социологов, экономистов, филологов, искусствоведов. Не пошли пока что на выручку и писатели на местах, хотя, как обнаружил ход перестройки в стране, художественное переосмысление опыта прошлого и проблем современности в значительной мере опережает научное освоение исторической действительности с новых позиций. Существенно отстает, например, в Дагестане и такой мобильный и действенный тип литературного творчества, как публицистика, снискавшая себе в последние годы всеобщее признание.

Коснусь лишь некоторых из проблем, затрагивающих достаточно сложную и архисовременную область национальных отношений. Вероятно, эти вопросы ближе всего для нас в силу специфики условий, в которых протекает социально-культурное развитие такого своеобразного этнонационального региона, как Дагестан. Думается, наши наблюдения и соображения могут представить интерес не для одних только дагестанцев. На общем пути — проблемы одни, и заботы едины.

Как обнаружил реальный ход развития общества, рановато мы стали тешить себя широко бытующим тезисом, гласящим, будто национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прежней формации, решен окончательно и бесповоротно, будто все точки над «и» в данной сфере поставлены. Мы теперь уже можем в полный голос сказать о том, что важнейшие положения ленинского политического завещания по национальному аспекту социализма оказались преданными забвению. Многочисленные публикации последних лет указывают на запущенность в реализации норм национальных отношений и сектантские заносы при трактовке национального сознания, не исключая той же административно-территориальной сферы. На тернистом пути перестройки поражает обилие «болевых точек» на карте страны, которые обнажили изнанку видимости благополучия, царившего в бездумных словопрениях и праздных декларациях.

Приходится только удивляться тому, как наша массовая пресса и боевая публицистика всей мощью голосистого хора отпевающих, скажем, так называемых «невозвращенцев», умудряются обходить молчанием или скороговоркой вопиющие антигуманистические отступления от ленинских принципов национальной политики и жесточайшие несправедливости, допускаясь по отношению к так называемым «малым» нациям, что нашло трагическое завершение в преступном выселении целых народов — чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев, калмыков и крымских татар, немцев Поволжья и турок-месхетинцев, — с их исконных земель и позорном разгроме их автономий.

Между тем не в этих ли жестоких уроках истории находят многие нации и народности и побудительные причины и оправдания в столь радикальной постановке вопроса о суверенитете национальных образований. Хотя центробежные тенденции данного явления столь очевидны и порой принимают столь угрожающий характер, что становится не просто распознать, где суверенитет и где сепаратизм.

* * *

Неуважение к ленинским традициям в национальной политике особенно бурно сказалось в невнимании к тому, что национальный вопрос — это еще и огромная совокупность духовных запросов наций и народностей, комплекс исторически сложившихся национальных традиций, неповторимого национального опыта, национальной психологии, национального сознания и проистекающих отсюда национальных интересов. Нередко в ущерб внутреннему духовно-национальным интересам «национального человека» абсолютизировался социальный, политический фактор, в доминанту человеческого совершенства возводилась идея нивелированной, денационализированной личности. Сказывалась тенденция смотреть на национально-этническое многообразие страны в целом и отдельных ее регионов в частности как на некую обузу на пути прогресса, а не как на богатейшее историческое, социальное, духовное достояние человеческой цивилизации, величайшее благо земли. Думается, что именно этого рода взгляды, пропитанные обильной дозой авангардистских заскоков, и послужили той добротной почвой, на которой произрастали семена явления, получившего впоследствии наименование «национальный нигилизм».

Национальный нигилизм связан с активно культивируемым неверием в познавательные, творческие, созидательные возможности данного этноса. Причем степень скепсиса ставилась, как правило в прямую зависимость от численности той или иной народности. Взгляды эти подкреплялись негативистскими представлениями об уровне зрелости исторического, социального и духовного опыта данной народности, представлениями, которые носили подчас произвольный характер.

Вся страна знает Дагестан, как край уникального этноязыко-

вого многообразия и своеобразия: на относительно небольшой территории в 50 тыс. квадратных километров с населением, едва превышающим 1,8 млн. чел., здесь испокон проживает более 30 народностей, говорящих и творящих на своих «собственных» языках. Многоязычие и многоязычная культура народов Дагестана — явление, безусловно, неординарное и достойное удивления.

Однако и над дагестанской историей и культурой долгие десятилетия довлел все тот же пресс национального нигилизма. До самого последнего времени народам Дагестана было отказано в положительном духовном опыте прошлого. Даже в наше время не перевелись люди, продолжающие представлять народности Дагестана то как бесписьменные в прошлом, то как младописьменные, а то и как новописьменные. Неведомо, для чего понадобилось игнорировать, казалось бы, столь очевидные историко-культурные реалии, как известные традиции национального письма горцев, зафиксированные еще XV—XVI веками и внушительный перечень памятников национальной словесности дагестанцев, восходящих к XVII, XVIII, XIX векам; как высокие образцы национального художественного мышления, представленные немеркнущим поэтическим наследием даргинца Омарла Батырая, кумыка Йырчи Казака, лезгина Етима Эмина, аварца Махмуда из Кахаб-Росо и многими другими талантами XIX столетия; как наличие не десятков, а сотен наименований дагестанской национальной книги изданной и обнаруженной еще в дореволюционном прошлом.

Когда же реалии и факты действительности становились неумолимыми, негативизм продолжал упрямяться, апеллируя к испытанным еще в горниле Пролеткульта и казавшимся неотразимыми доводам, — манипуляции с атрибутикой «классовых критериев» позволяли обнаружить в национальном культурном наследии нечто такое, что делало это наследие непростительным «ограниченным» и «ущербным» в идейном плане, неприемлемым и вредным с точки зрения сегодняшней злобы дня. Достаточно было заподозрить создателя того или иного произведения прошлого в «нетрудовом», «непролетарском» происхождении или прощупать в том или ином сочетании минувших времен мотивы и образы религиозного порядка, чтобы автор такого произведения и само это сочинение попадали в разряд «нежелательных», а то и «реакционных».

Так, было, например с одним из шедевров устно-поэтического наследия народов Дагестана — с песней о Хочбаре, легендарном бунтаре и народном мстителе, ставшем жертвой ханской деспотии в горах: любимая песня народа, восхищавшая еще Фета и Толстого, была объявлена чуждой и антинародной лишь на том «основании», что кому-то из стражей чистоты искусства пришло в голову усмотреть в личности Хачбара не народного героя, а «бунтаря-одиночку», всего навсего «бродягу-разбойника». Так было и с замечательной эпической поэмой Али-Гаджи из Инхо «Взятие Мекки», которая до самого последнего десятилетия числилась в ряду «запрещенных» лишь на том основании, что в ней воссоздан образ пророка Мухаммеда, причем образ отнюдь не мифический, а земной,

реальный. Так поступили и с известным дагестанским ученым и мыслителем начала нашего века Али Каяевым, опять-таки лишь на том основании, что он все же «не сумел подняться над своей средой», порвать с религией, отвернуться от бога и, несмотря на успешные просветительские искания, продолжал свои увлечения богословскими дисциплинами, в частности мусульманским правом. В этом же ряду «отверженных» — имя одного из незаурядных деятелей многонациональной дагестанской культуры, известного издателя Магомеда-Мирзы Мавраева, стараниями которого уже в начале нашего века была основана первая в Дагестане типография и налажен выпуск печатной книги на арабском и местных языках. Видите ли, как можно простить капиталистический характер мавраевского предприятия и религиозное содержание известной части издаваемой им литературы?..

Не менее абсурдным выглядело упорное и упрямое отрицание традиций письменной культуры у народов Дагестана в дореволюционном прошлом. Сам по себе тот факт, что в основу так называемого аджамского письма легла арабская графика, приспособленная к фонетическим особенностям местных языков, оказался достаточным поводом для всяческого поношения этого алфавита как «мусульманского», «коранского», следовательно «чуждого» и «неприемлемого». «Какой же это национальный алфавит, — рассуждали радители престижа национальной культуры, — если он целиком заимствован у знаковой системы чуждого письма?» Однако логика изменяла им, как только речь заходила о современном алфавите дагестанских и не только дагестанских языков, основанном, как известно, на кириллице.

Как не вспомнить здесь стародавнее изречение, ставшее почти хрестоматийным для историков дагестанской культуры: «Я дал обет повесить на первом попавшемся дереве каждого, кто пишет слева направо», — клялся еще в 1918 г. один из главарей дагестанской контрреволюции Узун-Хаджи. Конечно же, грозный шейх имел в виду прежде всего дагестанцев, которые получили русское образование, приобщились к русскому демократическому и революционному движению и активно включились в неравную борьбу за свободу и социальное обновление родного края. Но Узун-Хаджи был отпетый реакционер и мракобес. Ему, как говорится, это к лицу. Но к лицу ли в цивилизованном обществе фиксировать критерии и расставлять акценты «классовости» письменной культуры народа, сверяясь так сказать, с генетическим кодом становления того или иного алфавита? И не самоочевидно ли то, что если данный алфавит и данная письменность функционируют, соотносясь с реальными условиями этнокультурной жизни данного региона, обслуживая и удовлетворяя действительные потребности языка и мышления определенного народа, запросы его социального и духовного развития, — стало быть, такой алфавит и такая письменность обретают статус национального достояния этого народа и становятся исконно родными для него?

Свежи в памяти научной и творческой интеллигенции республики

ки окрики, разносившиеся с самых различных ступенек командно-бюрократической лестницы времени. Ниспровергатели не унимались еще недавно, всего 10—15 лет тому назад. К концу 70-х относится, например, нашумевший официальный разнос, которому была подвергнута группа научных сотрудников — историков и филологов — Дагестанского филиала Академии наук СССР за попытки проникнуть глубже в характер и содержание многовекового культурного наследия народов Дагестана, обобщить и объективно оценить позитивный интеллектуальный опыт предков, выявить, интерпретировать и обнародовать уникальный ряд источников и памятников национальной — в том числе и местной арабоязычной — письменности и словесности, иные из которых восходили к началу нашего тысячелетия. Исследователям был брошен упрек в «идеализации прошлого», и тем самым — в принижении значения Великого Октября и роли русского народа в исторических судьбах дагестанских народов, в их социальном и духовном расцвете. Отнюдь не одними намеками было напомянуто о националистических и космополитических поползновениях в «отдельных» исследованиях и произведениях. Вот так, и никак иначе. В официальных документах и речах руководящих товарищей республики вновь появился избитый тезис о бесписьменности народов Дагестана до революции. Выступления и публикации вновь избобиловали знакомыми предостережениями об идеологической «дисциплине» и «бдительности», нотациями об утере «социально-классовых позиций». В ход была пущена машина «оргвыводов» и т.д. и т.п. То были зримые приметы застоя.

Период, получивший в наше время более чем скромное наименование «застойный» (а заслуживал по своей роли в дискредитации социализма выражений покрепче) многократно подтвердил, что национальный вопрос как таковой вообще нельзя решать однозначно и тем более бесповоротно, раз и навсегда. Это вопрос изменяющийся, развивающийся и требующий к себе сообразного, гибкого, творческого отношения, постоянного внимания и заботы. В. И. Ленин это знал и предвидел: не случайным следует признать, что одну из ведущих ролей в возглавляемом им Советском правительстве он отводил наркомату по делам национальностей. Однако, создав целую систему национальных образований, Сталин счел проблему исчерпанной: Наркомнац был вскоре ликвидирован. И не замедлило последовать время, когда расцвет наций и гармония национальных отношений стали критериями торжественных заклинаний и декларативных пустословий.

Думается, что целый ворох проблем социального и национального обустройства людей и масс, прикрытых фасадом не реализованной в своих существенных частях автономии и не дождавшихся своего решения в течение десятилетий — далеко не единственное тому подтверждение. «Болевые точки» дают знать о себе то там, то здесь на обширной карте многонационального союза. Можно ли без волнения представить себе трагедию крымских татар, на долю которых выпали столь непредсказуемые испытания. Исчезновение на карте социалистической державы на протяжении жизни одного поко-

ления «целой» автономной республики — не это ли высшее выражение той щемящей деформации в национальном вопросе, которой наше общество «обязано», прежде всего, необузданному сталинскому произволу, хрущевской непоследовательности, брежневской глухоте.

Так что оценка накопленного в области национальных отношений опыта нуждается в принципиально новом, значительно более аналитическом и более критическом подходе к состоянию дел в наших автономных образованиях. Необходимо внимательно и компетентно разобраться в сложившихся стереотипах национального мышления и национального поведения. В своего рода инвентаризации и «переаттестации», а в некоторых своих пунктах и существенном пересмотре нуждаются сами структуры автономий, как обнаружившие свою нормативную неподвижность и функциональное бесплодие. Напрашивается решительный курс на демократизацию и децентрализацию правового института автономий, наделение их статуса большей самостоятельностью, более широкой автономностью в решении вопросов «внутреннего», национально-специфического свойства. Разумеется, демократизация, о которой идет речь, должна достигаться не ценою отказа от исходных принципов нашего развития. Важно остерегаться девальвации отправных начал, понятий и представлений об интернационализме, четко видеть границы между национальным и националистическим, между патриотическим и сепаратистским. Аспект этот не только нравственно-этический, но прежде всего — мировоззренческий.

Перевод этих соображений на язык конкретики потребовал бы слишком много места и времени. Да и вряд ли столь настоятельна необходимость в детализации отдельных предположений и наблюдений. Тем более подтверждение им читатель мог найти в целом ряде публикаций, на страницах всесоюзной и республиканской периодики. Очевидно, жгучих вопросов, ждущих компетентных ответов и конструктивных решений в жизни общества накопилось огромное множество и в своем подавляющем большинстве они носят типологически всеобщий характер. В целом эти проблемы едины для всех регионов страны, союзных и автономных республик, административных делений всех уровней и рангов. Впрочем не это ли убедительнейшее подтверждение неодолимой силы и мощи нашей централизации, ее универсальной всеохватности, бюрократической отработанности и незыблемости?

Своего совершенства централизация достигла именно в области культуры, которая в сущности монополизирована в масштабе страны. В подтверждение могу констатировать, что и в Дагестане правительственные органы просвещения и культуры не наделены правом самостоятельно утверждать и корректировать учебные планы местных школ и решать вопрос о сооружении простого памятника на территории своего региона. Не могут здесь местные власти по собственному усмотрению без специальной на то санкции соответствующих инстанций центра осуществить издание нужной для республики книги ни на русском, ни на родных языках. Не полно-

мочен президиум Дагестанского филиала АН СССР на месте, минуя волокиту по согласованию в высоких академических ведомствах, решить простейший вопрос приобретения ценной рукописи у частных лиц, затраты на которые, как правило, не превышают нескольких десятков, а иногда — сотен рублей. А вот пример для размышления: в сфере советской торговли устойчиво функционирует институт так называемых заготовителей — своего рода каста «уважаемых людей», каждому из которых выдаются на руки практически неограниченные суммы, исчисляющиеся десятками, а то и сотнями тысяч, на приобретение у населения такого рода ценностей как лук, чеснок, яблоки..., шерсть! Как говорится, «наверху» виднее, кому доверять и с кого глаз не спускать.

Бюрократических стилей и административных увлечений не избежала даже такая, казалось бы, демократическая сфера, как управление наукой. В академической системе, например, из пятилетия в пятилетие настойчиво проводится деление научных направлений и тематики исследований на так называемые «важнейшие» и остальные, не столь важные, просто «рядовые». Порядок этот теперь пополнился новым «перестроечным» вариантом, предусматривающим развитие науки на трех уровнях: на первом месте — программы «глобального» масштаба, находящиеся под «покровительством» самого президиума Академии наук СССР, на втором — программы подведомственные соответствующим Отделениям Академии и, наконец, тематика, так сказать, местного значения, должная довольствоваться вниманием и заботой региональных научных центров. Причем главной пружиной управления наукой становится финансирование, тип, источник и объемы которого поставлены в зависимость от устанавливаемой иерархии разработок.

Дифференцированный подход к прогнозированию развития науки и оценке ее уровня и эффективности, очевидно, оправдан и необходим. Но вот с критериями — прямо беда: они аморфны, приблизительны и весьма произвольны. В самом деле, кто может растолковать — почему проблема изучения какого-либо из языков, скажем бытующих в далекой Африке, может считаться более значимой для науки и общества, нежели выявление генетической природы двух десятков дагестанских бесписьменных языков, представляющих собою уникальное явление в этноязыковой жизни современности и привлекающих все больший интерес крупнейших лингвистических центров Запада? Можно ли признать нормальным, когда издательство «Русский язык» уклонилось от издания национально-русских словарей по целому ряду дагестанских языков лишь на том основании, что речь шла о языках малочисленных, так называемых «бесписьменных», народностей?

Казалось бы, жизнь за последние годы преподнесла предостаточно внушительных уроков, чтобы воочию убедиться, что так называемые «региональные» проблемы, особенно в области языковых ситуаций, этнических процессов и национальных отношений, не могут замыкаться в собственно региональных рамках: они затрагивают самые тонкие струны общества в целом, приводят в дви-

жение, а порой и в замешательство, чувства и думы всей страны, подтверждая тем самым свое право на место в почетном ряду наиболее важных для науки и идеологии.

Еще об одном «курьезе». Случилось так, что в перечне основополагающих перспективных направлений и ведущих программ научно-технического прогресса, разработанном под эгидой президиума Академии наук СССР, не нашлось места для гуманитарии. История и культура — два гигантских «материка» обитания и формирования человека, и общества оказались за пределами приоритетного круга забот «генерального штаба» науки страны. Заботе о дальнейших судьбах исторических отраслей науки, а также науки о языках, литературе и искусстве, именно о тех сферах, в которых плодотворнее и интереснее всего проявляется духовное и социальное выпрямление личности и общества в условиях перестройки, демократии и гласности, — именно заботе о них отведена роль «второго уровня». Вдумается только: представительство гуманитарии в нынешнем составе президиума АН СССР, состоящего из сорока семи членов, ограничено двумя — тремя лицами — это ли не кричащий показатель всепоглощающего технократизма в научной жизни страны и красноречивое напоминание о неодолимости пресловутого «остаточного принципа» в подходе к обществоведению как таковому?

Всякая регламентация чревата тенденцией к дискриминации. И особенно пагубно это сказывается на гуманитарных областях науки, которые имеют дело с неисчислимым многообразием социального и духовного опыта общества в целом, той или иной нации и народности, того или иного многонационального региона. Многообразием собственно богата действительность и именно своеобразием интересна каждая из ее сфер.

Шаблонный подход к неравнозначным реальностям с его страстью к унификации и стандартизации — явление, генетически восходящее все к тому же феномену бюрократического централизма. Шаблон неподвластен времени и всемогущ в пространстве. По шаблону была создана еще на заре Советской власти целая система советских национальных автономий. По тому же шаблону и продолжает функционировать поныне многое из того наследия.

Всего несколько примеров в подтверждение неизбежности шаблона и стандарта. Когда возникла идея о целесообразности создания в Дагестане специализированного института филологических исследований, в директивных инстанциях отреагировали: не будем создавать прецедент. В других республиках нет, и у вас не будет! Стандартное мышление не учло такой «малости», как наличие в Дагестане 30 народностей, говорящих на 30 языках и 100 наречиях (почти четверть языков страны!), 10 национальных литератур, плюс огромное множество этнических разновидностей фольклора и искусства, чего нет у «других». Не было понятно то исключительное место, которое отведено Дагестану самой судьбой, как своего рода этноязыковой лаборатории, нерукотворного полигона для наблюдения за сложными процессами в духовной жизни об-

щества и генерирования опыта межнациональных отношений в столь нестандартных условиях языкового и национального развития. Верх взял шаблонный принцип: автономной республике «положен» институт истории, языка и литературы, а союзной — два института: институт истории и институт языка и литературы. Самые что ни есть дискриминационные начала: в одних случаях изучением одного языка, скажем, молдавского или киргизского, заняты целые исследовательские коллективы в 10 и 20 человек, а исследованием осетинского — даже два коллектива — североосетинский и югоосетинский, тогда как в других, — в Дагестане, например, — численный состав специалистов-лингвистов уступает числу языков, функционирующих в регионе и подлежащих научному осмыслению. Отсюда и столь разительный перепад в уровнях состояния изученности языковой жизни в различных регионах страны.

Далее. Негласный правово-нормативный заслон был «задействован» и в отношении издания энциклопедического справочника «Дагестан», в который был вложен десятилетний труд большого коллектива специалистов Дагестанского филиала АН СССР. Мотив все тот же: пусть, мол, Дагестан подождет, пока другие автономные республики подготовят аналогичные труды, а то ведь и не все союзные республики имеют подобные издания. Между тем, в подготовке энциклопедического справочника, освещающего историю и культуру уникального многонационального края с древнейших времен до наших дней, участвовало более восьмисот авторов. Рукопись была сдана в Госкомиздат республики еще в 1977 году и до сих пор не находит места в издательских планах — ни текущих, ни перспективных. Побоялись «создать прецедент» — мол, все захотят! А что страшного? Такие издания должна иметь каждая культурная страна! И как можно больше! А вот с насаждаемым духовным провинциализмом — прямо беда!

Еще один пример, который возвращает нас к памятным страницам культурной революции, когда был осуществлен перевод письменности многих народов страны на новый алфавит — «кириллицу». Процесс был сложный, болезненный, сопряженный с немалыми издержками. Как известно, фонетический строй дагестанских языков весьма далек от звукового состава русской речи. Тем не менее разработка новых алфавитов была поставлена здесь в условия, несогласующиеся с какими-либо нормами методологического плана, да и здравого смысла: задачу было предложено решить, не выходя за пределы знаковой системы русского алфавита. И цель была достигнута: в алфавите аварского языка, например, содержащего 17 звуковых несоответствий с русским, возникли «соответствующие» подмены в виде сложных сочетаний из 2 и 4 букв русской азбуки. В результате язык с 45-ю фонемами заимел алфавит из 73 знаков, превысив природную «потребность» на 28 единиц. Аналогична ситуация и с другими языками Дагестана, да и Северного Кавказа. Несовершенство новой письменности предопределило массу неудобств и сложностей в постановке обучения, выработке норм правописания, в издательской практике. Непредсказуемым оказался

экономический ущерб: по подсчетам специалистов Института школ Минпроса ДАССР перерасход одной пачки и печатной бумаги за счет громоздкости алфавита составляет более 40 процентов. А сколько лишних производственных затрат при наборе, печати! И в итоге столь неоправданное сужение издательских возможностей, не полное использование интеллектуального потенциала общества, ущемление авторских и читательских интересов. Как все-таки дорого обходится порой обществу и национальной культуре всевластие административного давления.

Так что вопрос совершенствования и рационализации действующих национальных алфавитов в Дагестане и на Северном Кавказе выдвинут самой жизнью и приходится только сожалеть, что многие ценные предположения и конструктивные проекты по его решению остались не реализованными, как это случилось, например, всего несколько лет назад в Кабардино-Балкарии. Думается, что обстановка перестройки создает оптимальные условия для преодоления барьеров и завалов к решению столь жгучей проблемы национальных культур. Можно представить себе, сколько высвободится бумажных «площадей», как повысится удельный вес и емкость печатного листа, да и авторский гонорар придет в соответствие с реальным содержанием публикации — роман, например, обещает стать в этом случае миниатюрнее на 40 процентов, и как следствие снимается то пиковое напряжение, под которым грешат издательские планы в национальных республиках. Главное — мера эта отзовется оздоровляюще на всей духовной сфере, а в языковой жизни региона она стает не шагом, а скачком в новое качество. Энергия обновления просится в дело.

В наше время проблему языка принято увязывать с проблемой морального состояния общества и духовного здоровья нации. И это справедливо. Хотелось бы подчеркнуть, что именно к языковой проблеме сводится весьма существенный аспект складывания межнациональных отношений. Прежде всего имеется в виду так называемая проблема двуязычия, вокруг которой в последние годы разгорелось особенно много разноречивых суждений и толков. Похоже, что двуязычию ныне отведена чуть ли не ключевая роль как в решении судеб национальной культуры, так и в социальном плане национального развития. Как говорится, «язык вертится вокруг больного зуба».

Представляется, многие недоразумения и промахи в нашей жизни — от стародавней привычки оперировать суждениями категоричными и однозначными. Не умеем мы разумно сомневаться, не приучены к предостроительной терпеливости. По-видимому, командно-административный порядок вещей был рассчитан именно на эту однозначность и категоричность, на поляризацию мнений и оценок.

Так обстоит, на наш взгляд, дело и в вопросе об отношении к двуязычию. Наша действительность, например, не дает оснований для абсолютизации двуязычия как единственного и универсального варианта языковой жизни в стране. Не приемлет она и другую край-

ную точку зрения, сводящую к огульному игнорированию двуязычия как возможной альтернативы в сложившейся языковой ситуации. Как говорится, жизнь бесконечно многообразна: вместе с ней меняется и сама структура двуязычия, его социальная роль.

Едва ли можно, например, не видеть, что в масштабах нашей великой страны с неповторимым социальным, национальным и духовным многообразием жизни населяющих ее наций и народов двуязычие стало ведущей тенденцией развития языковой жизни. Реальность эта закономерна так же, как закономерна потребность в постоянном общении и сотрудничестве у людей, которые принадлежат к различным нациям и пользуются различными языками. И то обстоятельство, что более 90 процентов населения страны считает родным для себя язык своей национальности, делает понятной и необходимой потребность в языке межнационального общения в масштабе всей страны. В той же мере естественно и то, что роль языка межнационального общения в стране в целом выпала на долю русского языка как языка народа более многочисленного и многоопытного, языка, наиболее распространенного в стране и пользующегося на международной арене репутацией одного из мировых языков.

Вместе с тем жизнь обнаруживает, что совсем не обязательно, чтобы национально-русское двуязычие непременно сохраняло за собой такую же ведущую роль в рамках всех без исключения национальных образований. Так, например, в Грузии, Армении, Эстонии и ряде других союзных республик ситуация такова, что на передний план языковой жизни выступает уже русско-национальное двуязычие, предполагающее признание языками межнационального общения соответственно грузинского, армянского, эстонского и т.д. языков. Данная реальность, очевидно, и служит правовой мотивацией конституционного провозглашения названных языков в качестве языков межнационального общения в пределах территорий своих республик. На статус «государственности», по глубокому нашему убеждению, вправе претендовать язык любой нации и народности Союза. Весь вопрос в том, каково содержание, вкладываемое в данное понятие. Каким бы это содержание ни было, неизменным должно оставаться условие, чтобы официальное признание того или иного языка в качестве государственного не могло в какой бы то ни было мере послужить поводом для ущемления престижа других языков.

Принципиально особое положение сложилось в Дагестане с его многоязычием. Здесь нет официального «государственного» языка. Зато в Конституции республики зафиксировано равноправное функционирование всех 11 литературных языков Дагестана — аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского, лакского, табасаранского, татского, ногайского, азербайджанского, чеченского и русского (заметим, что в наши дни разработана письменность еще для трех дагестанских, в прошлом бесписьменных, языков — агульского, рутульского, цахурского), на которых бытуют и развиваются национальная школа, научная, учебная и художественная литература,

театр, средства массовой информации, книгопечатание, судопроизводство и т. д. и т. п., иными словами, все то, что составляет практически основной культурный комплекс и культурный фонд современной цивилизации. Спрашивается, в чем состоят критерии, которые бы не позволяли признать за названными языками статус «государственных» в пределах автономной республики?

Национально-русское двуязычие в условиях дагестанского многоязычия и, возможно, во многом в силу этого неповторимого своеобразия — объективная и правомерная реальность, воспринимаемая как норма языковой жизни и непредубежденный выбор языкового развития в регионе. Потребность в языке-посреднике всегда оставалась для разноплеменной и разноязычной Страны гор насущной и необходимой. И история сама распорядилась таким образом, что именно русскому языку было суждено стать первым в истории Дагестана всеобщим и общепризнанным языком межнационального общения. Жизнь современного Дагестана без русского языка просто немыслима.

Важнейший принцип национально-русского двуязычия состоит в том, что он предполагает постоянное повышение массового интереса как к русскому, так и к родному языку, заботу о расширении сфер их функционирования, росте их авторитета на глазах масс. Двуязычие не может реализоваться за счет судеб национальных языков, ущемления их интересов. Равноправному двуязычию чужды дискриминационные тенденции в любых проявлениях. Не предпочтение одного перед другим, а равноправное, одинаково полное и плодотворное, совершенное владение обеими языковыми стихиями и успешное пользование ими в духовной и социальной практике и созидательной деятельности общества — вот в чем мы видим смысл двуязычия, движущие мотивы его развития. Не амбициозная «перепалка» за приоритеты, а паритетные начала функционирования равноправных языков — вот критерии, которыми определяются характер и суть их взаимодействия и сотрудничества. Такова общая теоретико-методологическая установка на феномен двуязычия.

Но реальная действительность значительно многообразней и сложнее. И самый оптимальный подход к устройству и регулированию языковой жизни в стране, в том или ином ее регионе, очевидно не может сам по себе автоматически снять проблемы, то и дело возникающие в данной сфере. Так, несмотря на всеобщее признание русского языка в качестве средства межнационального общения, в целом ряде национальных республик сохраняется такое положение, когда лишь третья часть населения владеет русским языком свободно. Такая ситуация, естественно, не может считаться нормальной и не вызывает известную тревогу. Вместе с тем все еще живучи тенденции усматривать в самом факте признания русского языка языком межнационального общения нарушение статуса равноправия языков. Причем настроения эти — диаметрально противоположных рядов. В одном случае это позиция восприятия акцента на русском языке как покушение на престиж и самостоятельность

ность национальных языков, нашедшая звучание в тревожных голосах на Украине, в Белоруссии, Грузии, в республиках Прибалтики и т. д. В другом же случае — резкая реакция неприятия паритетного принципа взаимоотношений русского и всех остальных языков, претензии на признание за русским языком ведущей, главенствующей роли по отношению к другим языкам.

Конечно же, мы не сторонники противопоставительного подхода к рассмотрению ситуации, сложившейся в столь, я бы сказал, высшей степени деликатной сфере, как взаимоотношения языков, следовательно, и наций. Тем не менее тревога представителей многих национальных культур не лишена оснований. Процесс все большего сужения сферы функционирования родных языков безусловно сопряжен с невосполнимыми издержками для духовного развития наций и в известной мере угрозой репутации последней. Возможно, именно как своеобразную реакцию на эту обстановку и следует воспринять наметившуюся в ряде республик линию на освящение родного языка как «государственного». В то же время настораживают мотивы и доводы суровых критиков паритетных начал во взаимоотношениях русского и других языков. Так, в целом ряде выступлений последних лет на страницах центральной печати («Правда», «Известия АН СССР», «Дружба народов») проводится идея о якобы сложившемся в нашей стране языковом союзе во главе с русским языком, которому должно быть отведено особое, привилегированное место в этом союзе. Более того, русскому языку без какой-либо надобности приписывается некая амбициозная роль, как языку, видите ли, только «отдающему», но «не получающему».

Авторитет и престиж русского языка, как известно, общепризнаны и вряд ли нуждаются в особой защите. И все же думается, что ничего обидного и оскорбительного для великого русского языка не должно быть, если, скажем, он что-то и позаимствовал у чукотского или другого языка. Еще А. С. Пушкин замечательно «переимчивостью» русского языка и русской литературы по отношению к языкам и культурам других народов. Язык любого народа заслуживает того, чтобы к нему относились как к огромной духовной ценности, в которой сконцентрирован многовековой опыт народного мышления и человеческого деяния.

Разумеется, равноправные начала использования языков в рамках двуязычия отнюдь не предполагают, чтобы оба языка считались равнозначными и равновеликими в объеме, широте, характере выполняемых ими общественных и социальных функций. В дагестанских, например, условиях ни один из местных языков при всем конституционном их равноправии не может сравниться с русским языком, хотя бы в силу отведенного последнему месту в качестве единственного, незаменимого и всеобщего средства межнационального общения. Этим, собственно, обусловлены те внимание и забота, которыми окружен здесь русский язык, — чтобы он стал достоянием всех слоев населения многонационального региона, в сущности — каждого дагестанца. Постановка школьного образования в республике целиком, уже на начальных стадиях, на русском языке — по-

жалуй один из радикальных и надежнейших гарантов успеха в реализации этой программы. Вряд ли фактическое положение дел дает основание для тревоги иных авторов о «фактическом отсутствии равенства» русского языка и русского населения в национальных республиках, в частности на Северном Кавказе.

Значительно более существенны и жгучи проблемы, накопившиеся за период застоя и затрагивающие судьбы родных языков. Серьезную тревогу вызывает, например, положение, когда в республике существуют десятки национальных общеобразовательных школ, в которых родной язык и родная литература вовсе не преподаются: эти предметы для дагестанской школы почему-то носят необязательный характер. И аттестат зрелости выпускника нашей школы с прочерком в графе оценок по ним — отнюдь не помеха для поступления в вуз. Можно ли представить себе аналогичное попустительство по отношению, скажем, к немецкому или английскому? Посложнее ситуация, в которой находятся городские и поселковые школы или средние специальные учебные заведения и ПТУ со смешанным контингентом учащихся: родной язык и литература здесь не предусмотрены учебным планом. Вот пример, тоже весьма характерный: в свое время, в Дагестанском пединституте функционировал факультет родного языка и литературы. А на каком-то этапе «застойного» периода факультет этот перестал существовать. Отрадно, что ныне дела пошли, как говорится, на поправку: преподавание родных языков в пединституте возобновлено.

Можно привести много других проявлений деформаций и перекосов в языковой сфере национальной жизни. Дело в том, что в командно-административных инстанциях управления духовной жизнью республики да и народным хозяйством в целом чрезвычайно живучи тенденции ко все большему сужению и ограничению национальных начал культуры. Признаемся: немного отыщется ныне среди ответственных работников республиканского масштаба таких, которые бы отважились выйти к трудовому коллективу и выступить перед ним с лекцией или докладом на родном языке. Не редки случаи, когда в отдельных городах и районах с исключительно однонациональным населением партийные пленумы и прочие собрания проводятся на русском языке лишь на том основании, что либо докладчику проще прочитать готовый текст на русском, либо на том или другом из мероприятий присутствует представитель из столицы; не владеющий языком данного народа. Даже в далеком глухом ауле сплошь и рядом можно встретить транспаранты с замысловатыми текстами на русском языке, рассчитанные опять-таки на внешний эффект при полном отсутствии заботы об эффекте действительности: все тот же показушный формализм, который только и способен на дискредитацию самой высокой идеи и сокровенной цели.

Обывателю все кажется, что овладение русским языком в инонациональной среде тем успешнее, чем слабее человек владеет родным, материнским языком. Более того обыватель руководствуется этими убеждениями в практической деятельности, культивирует их. Вот откуда «родом» и те пресловутые «пророчества» относительно «бли-

жайшего исчезновения», так называемых «малых» этносов вместе со своими «малыми» языками и вообще о бесперспективности национальных языков Дагестана. Пророчества сами оказались недолговечными, но живучей оказалась среда, вскармливающая все тот же обывательский слой людей, равнодушных к судьбам национальной истории и культуры, оторвавшихся от родной почвы, отчужденных от родного языка. Больно и жалко смотреть на иных из юных дагестанцев, пытавшихся кое-как изъясняться со своими бабушками, то ли перебирая слова из своего скудного запаса родной речи, то ли вынуждая старую прародительницу коверкать малознакомую ей русскую речь. Вот бы когда стоило звать о помощи, о спасении родного языка, а то все о лесах, реках, пещерах...

Не альтернативное «или-или», а гармоничное «и тот и другой» — вот принцип отношения к русскому и родному языку. Ибо билингвизм предполагает не вытеснение одного языка другим, а наивысшую степень владения обоими языками, свободное самочувствие билингва в обеих языковых стихиях, максимально разумный, внимательный и справедливый учет интересов каждого из языков, не выстраивая их по ранжиру и табели о рангах.

Не следует, однако, думать, что внимание к культурам и языкам так называемых меньшинств, забота о них и в известном смысле ответственность за их судьбы — удел и прерогатива только русского народа и русской культуры. Обширная карта многонационального Союза испещрена целым роем «болевых точек», свидетельствующих о перекосах в межнациональной сфере отношений в рамках того или иного региона, внутри того или иного национально-территориального образования. События последних лет обнаружили немало проблем социального и национального обустройства людей, например, живущих в инонациональной среде, за пределами своих национальных образований.

Как известно, на территории Азербайджана расположен ряд сравнительно крупных административных районов, в которых испокон веков проживают — по преимуществу — дагестанцы: лезгинцы, аварцы, цахурцы, лакцы и ряд других народностей. Весьма любопытна динамика количественной эволюции этих народностей: от переписи к переписи прослеживается здесь снижение численности населения этих народностей, все более приближаясь по некоторым из них к нулевой отметке. Разумеется, рискованно без соответствующих исследований говорить о месте и характере ассимилятивных моментов в данном процессе, но то, что определяющую роль здесь сыграла неофициальная ориентация на «азербайджанизацию» и на негласный социальный приоритет азербайджанской национальной принадлежности, не вызывает сомнений.

Особенно болезненно в этих процессах сказывается этнокультурная незащищенность традиционно живущих в данной республике лезгин, аварцев, цахурцев и др. Не укладывается в сознании, какими «высокими» мотивами и «государственными» соображениями руководствовались в местных верхах, когда народности, исчислявшиеся

десятками и сотнями тысяч и располагавшие богатыми традициями национальной истории и культуры, лишались доступа к таким элементарным конституционным, просто гражданским и человеческим благам социальной и духовной цивилизации, как школа, в которой бы обучали детей национальной грамоте, родному языку, родной литературе; газета и радио, которые бы общались с людьми на их родном языке.

С настроением подобного порядка, к сожалению, сталкивались не раз, причем не только на Кавказе, но и в Прибалтике, Средней Азии и других зонах страны, где существует проблема национальностей, проживающих за пределами своих административно-территориальных образований, их культур и языков. Численность таких национальностей порой довольно значительна: 32 процента — армян, 21 процент — таджиков, 18 процентов — казахов, 17 процентов — русских, 14 процентов — узбеков и т. д.. Несмотря на наметившиеся в условиях перестройки позитивные сдвиги, проблема преодоления груза прошлого да и сегодняшних «новообразований» в сфере межнациональных отношений в пределах различных регионов и в стране в целом продолжает оставаться в числе острейших, важнейших и архиактуальных.

Сложности национально-языковой жизни — реальность, которую невозможно и не позволительно не замечать. Нельзя притворяться, будто этих сложностей уже нет. Но нельзя и капитулировать перед ними. На то и трудности, чтобы искать и находить пути и средства их преодоления, выработать стройную концепцию оптимального разрешения назревших вопросов национального развития.

* * *

Коснемся еще одной проблемы, на этот раз из области истории. Как известно, национальное сознание — категория историческая. В той же мере, в какой историческая память — национальная. И в высшей степени современная. Ибо прошлое — это не прошедшее. И то, как мы относимся к нему и как освещаем его, само по себе становится составной частью общественной жизни и общественного сознания нашего современника. Речь идет, таким образом, о современном освещении страниц национального исторического прошлого.

В данной связи хочется упомянуть об одной фальсификации исторической правды, фальсификации, автором которой в свое время выступил печально знаменитый Багиров. В 1950 году Багиров выдвинул провокационную концепцию народного движения горцев Северо-Восточного Кавказа 20—50-х годов XIX века, определяя его как реакционное, антинародное и инспирированное извне, а его предводителя Шамиля — как турецкого наймита и английского шпиона («Большевик», 1950, № 13). Следом вышло постановление президиума Академии наук СССР от 22 сентября 1950 года «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР», в котором разносторонней критике были подвергнуты известные советские историки Н. М. Дружинин, А. М.

Панкратова, М. В. Нечкина, С. К. Бушуев, Р. М. Магомедов и другие, обвиненные в «извращении исторической правды», в «политически вредной оценке мюридизма и движения Шамиля», в непреодоления «рецидивов антимарксистских установок школы Покровского» и т. д. и т. п.

Как и повелось, последовали гонения на целый ряд заслуженных ученых-историков и литераторов, в чьих трудах и произведениях в той или иной мере воздавалось должное героическим страницам истории борьбы горцев. Прошли погромы научной и художественной литературы. Книга академика Академии наук Азербайджанской ССР Г. Гусейнова по истории общественной мысли, освещающая события Кавказской войны с научных позиций, была изъята из обращения как «буржуазно-националистическая», а присужденная ему накануне Сталинская премия — отменена. Преследуемый багировской «охранкой» видный ученый-историк был доведен до роковой черты и покончил с собой. Репрессивный режим культа личности не падал ни живых, ни мертвых.

Немало «досталось» также дагестанской научной и творческой интеллигенции. Ошельмовано было имя известного ученого-историка Р. М. Магомедова, защищенная им накануне докторская диссертация отменена в административном порядке. В загоне оказалась вообще шамилевская тема. Разнос был учинен роману П. Павленко «Шамиль» и одноименной поэме Б. Брика, пьесе М. Хуршилова «Шаложник». В число осужденных попала поэма Г. Цадасы «Шамиль», которая лишь теперь, по истечении сорока лет, стала вновь доступна читателям. Ограничения коснулись даже бессмертных творений русской классики, вплоть до знаменитого толстовского «Хаджи-Мурата», в которых звучали освободительные мотивы Кавказской войны. Имя Шамиля, в сущности, было предано анафеме.

Казалось, справедливость восторжествовала после XX съезда партии. В Москве и Махачкале состоялись авторитетные научные дискуссии, сказавшие правду о Кавказской войне. Народно-освободительной борьбе горцев была возвращена добрая репутация, его предводителю — доброе имя. Историческая и научная истина вновь предстала в своем подлинном облике.

Однако, как говорится, «темные силы» не дремали. Они не преминули воспользоваться ситуацией, предоставленной обстановкой застоя, предавшего забвению уроки XX съезда. Была предпринята попытка возродить багировскую концепцию истории Кавказской войны. Вновь создавалось широкое раздолье для всякого рода прищепников, проявивших завидную изобретательность в пресечении «инакомыслия» и навешивания ярлыков. В число идеализаторов «проклятого прошлого» зачислялись те, кто ратовал за изучение и возрождение национального духовного наследия. Жупел национализма витал над идейной и творческой жизнью республики. В закрытые и запрещенные фонды были загнаны музейные экспонаты, прямо или косвенно напоминавшие о героической борьбе народов за независимость. Замалчивались, а нередко и осквернялись памятные места, связанные с яркими страницами освободительной эпо-

пей горцев, такие как легендарный Ахульго близ Ашильты и усыпальница имама Казимагомедова в Гимрах. Лишь немногие из исследователей и художников сохранили самообладание и выдержку перед разбушевавшейся конъюнктурщиной. Соблазну «отличиться» поддавались порой известные литераторы и историки, усердие которых в поношении героики предков и развенчивании их славы вознаграждалось подчеркнутым вниманием, почестями материального и морального порядка.

Вульгаризаторы и карьеристы от идеологии 60—70-х годов не гнушались никакими премами идеологического и административного «страдания» и нажима. Шантажисты посягнули даже на сокровища устно-поэтического творчества народа: был изят и сожжен весь тираж сборника героических песен горцев (составитель А. Г. Ахлаков) лишь на том основании, что в них содержалась не очень лестная характеристика деяний генерала Ермолова, карательные экспедиции которого стоили Чечне и Дагестану не один десяток сожженных дотла аулов. Нелепый и вызывающий суд был учинен над спектаклем Аварского драматического театра «Ахульго» по драме Б. Гаджиева, в котором воспроизводился один из самых замечательных и впечатляющих эпизодов Кавказской войны. Мотивом для разноса послужил, видите ли, неприглядный сценический образ некоторых русских генералов-завоевателей. Вето было наложено на публикацию документальных источников Кавказской войны, в их числе и на уникальные воспоминания Абдурахмана Казикумухского, об издании которых мечтал еще крупнейший советский востоковед, академик И. Ю. Крачковский. Иначе как анекдотичным не дазовешь случай с барельефом на портале Нового музыкально-драматического театра в Махачкале: кому-то из крайне настороженных функционеров показалось, что в скульптурной композиции проступают очертания, в чем-то напоминающие абрис «грозного» Шамиля. Последовал донос в «центр» и в течение одного дня под резцом мастера «имам» преобразился в чабана. Как говорится, и смешно, и грешно. При этом вся внесоциальная и примитивная трактовка исторического прошлого с введением «табу» на шамилевскую тему в произведениях искусства преподносилась как забота о дружбе народов.

Пожалуй, своего апогея концепция реакционной природы движения горцев Дагестана и Чечни достигла в начале 80-х годов, в разгар эпохи застоя. В наиболее концентрированном виде она отразилась в пространной статье М. Блиева «Кавказская война: социальные истоки, сущность», опубликованной на страницах журнала «История СССР» (1983, № 2) и вызвавшей столько же шума, сколько и недоумения у широкой общественности. Трудно без негодования относиться к тому, как произвольно обошелся автор статьи с фактами и реалиями истории, как грубо исказил он исторические, социальные и идейные корни движения, как в его изображении горцы Дагестана и Чечни предстали грабителями и хищниками, для которых источником жизни и образом деятельности, своего рода промыслом якобы стала целостная, устоявшаяся система экспансии. Политика же царя и его генералов на Кавказе выдана за вынужденные, безобид-

ные меры самозащиты от набегов и захватов чужеземцев. В духе давно устаревших теорий выдержана также блиевская концепция геоантропологического деления народов на равнинных и горных, соответственно на «мирных» и «экспансивных»¹.

Методологические установки «нового прочтения» движения горцев Северного Кавказа, преподнесенные Блиевым, пришлись по вкусу В. Виноградову, который не ограничился рекламированием блиевских построений, а развернул публичную кампанию против тех, кто отважился не разделить антинаучные взгляды на Кавказскую войну. Достойно сожаления, что такого рода сомнительная групповая активность выдержана, прямо скажем, в духе апологетики установок периода культа личности, унаследованных позднее временем застоя.

Как бы в унисон Блиеву прозвучал и рассказ В. Пикуля («Миниатюры», 1983), в котором свои «недобрые чувства» к Шамилю писатель мотивирует тем, что якобы «на Кавказе по воле Шамиля тридцать лет подряд лилась русская кровь». Не что иное, как замаскированная у колонизаторской версии попытка перекладывать на борющихся горцев ответственность за злодеяния царизма на Кавказе. Но и этого мало: Шамиль для Пикуля — «прежде всего сатрап», клязник и попрошайка, а домочадцы его — «орава» воровок, наушниц, обманщиц. Один из сыновей имама — дикарь, а другой — внешне «гориллоподобный», «с лицом закоренелого злодея», отведавшего «людской крови». Зятья Шамиля — сплошь «обезьяны». И вообще «вся семья — садисты!» Не правда ли — изысканная лексика! Конечно же, перед нами пасквиль, исполненный в приемах пошлой бульварщины и с изрядным душком столь знакомого великодержавного высокомерия. Все та же тенденция сместить социальную природу движения горцев на плоскость национальной несовместимости, представить их антиколониальную борьбу как антирусскую, националистическую. Созвучны с ним те «веские сомнения», которые вызывает у В. Виноградова само понятие «колониальная политика» царизма по отношению к дореформенному Кавказу (Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели». Грозный, 1983. С. 10).

Словом, курс был взят на вытравливание памяти об антиколониальном движении горцев под водительством Шамиля. И курс этот реализовался последовательно, навязчиво и, надо сказать, небезуспешно. В самом деле: не парадокс ли, что в городах Дагестана и Чечни можно встретить немало объектов, носящих имена генералов Ермолова и Воронцова, но не найти было ни улицы, ни населенного пункта, ни иного памятника, которые бы носили имена Шамиля, Хаджи-Мурата, других героев национально-освободитель-

ного движения. Единственным реальным выражением увековечения памяти великого предка на его родине оказалось то, что горцы продолжают нарекать своих детей именем Шамиля, передавая эстафету живой трогательной памяти от поколения к поколению. И еще: поднимаясь на вершины последнего оплота Шамиля — в знаменитый Гуниб, люди непременно посещают здесь белокаменную беседку, воздвигнутую по велению самодержавного царя в честь фельдмаршала Барятинского на месте пленения Шамиля. В том-то и состоит парадокс другого плана, что у подножия этого сооружения мысли горцев обращены не к могущественному покорителю Кавказа, а к героической борьбе своих предков и героическому ее вождю. И никто не назовет сей памятник именем Барятинского, но каждый, стар и млад, скажет: «Это беседка Шамиля». Ассоциация отнюдь не абсурдная: в ней глубокий исторический и нравственный смысл. И справедливость.

Приведенные наблюдения и соображения лишь подтверждают, что проблема научно обоснованного, правдивого и честного освещения сущности Кавказской войны, исторических, социальных и идейных корней движения горцев Северо-Восточного и Западного Кавказа, не избегает и не обходя при этом всей сложности и противоречивости этого движения, затрагивает важнейшие аспекты и тончайшие струны межнациональных отношений, заявивших о себе как о животрепещущей сфере общественной жизни и общественного сознания на современном этапе. Так что исследовательский и мировоззренческий приоритет в данном вопросе должен принадлежать не игре личных амбиций и групповых страстей, а лишь правде исторической и нравственной, причем объективной, полной и исчерпывающей.

Высокими соображениями поиска заветной истины и благородными целями воссоздания объективной и правдивой исторической картины Кавказской войны был продиктован созыв Всеоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в.», организованной Институтом истории СССР Академии наук СССР, Институтом истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР и Дагестанским государственным университетом им. В. И. Ленина и состоявшейся 20—22 июня 1989 г. в Махачкале. Как известно, конференция эта носила представительный и открытый характер, привлекла широкий научный интерес и возымела большой общественный резонанс.

В ходе дискуссии были высказаны ценные мысли, сформулированы новые идеи, приведены неординарные наблюдения, что является существенным подспорьем в деле усиления дальнейших разработок по истории народов Северного Кавказа, в изучении ключевых проблем народно-освободительной борьбы горцев. Осуществлен важный сдвиг в устранении «белых пятен» и в обнажении «запретных истин». Помимо страстного и принципиального желания воссоздать подлинную правду о Кавказской войне и освободительном движении горцев, в них ощущалось стремление к значитель-

¹ Справедливости ради отметим статью Б. Х. Ортабаева и Ф. В. Тогоева «Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности» («История СССР», 1988, № 4), в которой концепция М. Блиева подвергнута объективной и аргументированной научной критике и проблема Кавказской войны рассмотрена с позиций марксистско-ленинского историзма.

ному продвижению в методологическом плане, к рассмотрению явления в более широком-философском контексте, к выявлению круга проблем и аспектов, требующих особого внимания специалистов. Во всем этом сказались раскрепощенность интеллектуальной мысли и духовных начал научного поиска, возросший уровень общественного сознания, я бы сказал, небывалый рост социального и национального самосознания общества в условиях демократизации, гласности, обновления. Решительный отказ от окостеневших стереотипов в научном мышлении стал знаменем нашего времени.

В самом деле, это уже огромная победа, что после столь длительного перерыва вместе собрались виднейшие кавказоведы — историки, философы, социологи, филологи, искусствоведы и поговорили о самом насущном, о том, что накопилось и накипело. Победа, что принято общее заключение — согласованный научный взгляд на проблему в концептированном виде. Победа, что позади осталась довлевшая над нашим научным сознанием и научным мышлением полоса грубейших извращений и перекосов методологического порядка, полоса отступлений от марксистско-ленинских критериев оценки исторических событий, полоса командно-административного засилия приемов, чуждых природе науки и искусства. Позади — груз досадной непоследовательности и конъюнктурного своеволия в интерпретации и освещении проблемы движения горцев Северного Кавказа.

Разгул ждановщины, лысенковщины да и сусловщины с их безапелляционно-повелительными, запретительными, карательными приемами не миновал историю и культуру всех народов СССР. Во все поры общественной жизни проникали пыльные бури всевозможных идеологических кампаний. Разгул этот подвергал национальные чувства и национальное сознание советских людей нелегким испытаниям. На конференции говорилось о том, как болезненно сказались бесцеремонные вмешательства идеологической бюрократии в такую трогательную область социальной и духовной истории, как национально-освободительное движение горцев. Небезызвестный Багиров, например, будучи наделен непомерным самомнением, а еще более — неограниченной властью, своими волевыми действиями, некомпетентными и амбициозными установками внес столько нездорового в национальное сознание людей, спровоцировал столько чужеродных инстинктов в их национальном чувстве, что до сей поры не могут избавиться от ощущения того смрада. Достоин сожаления, что к состряпанному в свое время «делу мюридизма и Шамиля», которое устроило настоящий переполох в идеологическом, научном и творческом мире Кавказа, примкнули теоретический орган ЦК КПСС «Большевик», опубликовавший порочную статью Багирова, и главный штаб советской науки — президиум АН СССР, назвавший подлинные достижения советской исторической науки в изучении и оценке народно-освободительной борьбы горцев «антимарксистскими», «буржуазно-объективистскими», «националистическими».

Достаточно обстоятельно освещалась также предпринятая в

годы застоя и особенно в начале 80-х годов попытка реанимировать багировскую концепцию реакционной сущности движения горцев XIX века. Участники дискуссии были едины в том, что тенденция переложить ответственность за злодеяния царизма на борющихся за свою свободу горцев и представить систему набегов и грабежей как природный образ жизни трудолюбивого населения гор, тенденция, которая столь обнаженно сказалась в опусах В. Пикуля, М. Блиева, В. Виноградова, безусловно восходит к буржуазно-дворянской, великодержавной историографии, и она не только бестактна, но и аморальна. Неблаговидное само по себе намерение сместить социальную природу движения горцев на плоскость национальной, религиозной, чуть не генетической несовместимости интересов русского и горских народов, представить антиколониальную борьбу как националистическую, антирусскую. И курс на вытравливание памяти о героической народной борьбе никоим образом не укладывается в рамки народного и научного восприятия беспримерной борьбы горцев как уникального проявления духа и энергии человеческого свободолюбия и национального достоинства, как исполинского, в сущности, подвига, ставшего, как известно, предметом восхищения и преклонения передовых слоев своей эпохи и последующих поколений — и на Востоке, и на Западе.

Как говорится, правд может быть несколько, а истина — лишь одна. Поэтому мы не должны видеть ничего предосудительного и угрожающего в наблюдаемом многообразии восприятия, повимания и толкования различных сторон истории этого движения. Такое многообразие, собственно, и нашло отражение как в программе конференции, так и в ходе ее реализации в выступлениях участников конференции. Это вполне естественно, ибо мы имеем дело с явлением в высшей степени неоднозначным, к тому же отягощенным необычайным обилием различных, как мы видим, порой диаметрально противоположных и взаимоисключающих интерпретаций. Не надо забывать, что проблема Кавказской войны за последние 40 лет в сущности не изучалась — она находилась под запретом, под замком однозначного и категорического отрицания. Поэтому естественно и то, что конференция не могла ответить на все без исключения вопросы, выдвигаемые наукой и жизнью по освещению истории Кавказской войны. Очевидно, многие ключевые проблемы ждут новых, дополнительных, основательных разработок и более глубокого осмысления.

Хотелось бы затронуть еще один существенный аспект методологического порядка. Вряд ли в наше время найдутся исследователи, а если и найдутся, то единицы, которые бы отрицали не только справедливый характер, но и прогрессивную сущность борьбы горцев против самодержавия. Право же, если народ встает на защиту Отечества, то это — война справедливая. Но вот что настораживает. В научную и художественную литературу то и дело проникали, довольно широко бытовали да и поныне продолжают бытовать ложные в своей основе идеи, позволяющие не проводить четкую грань между исторически прогрессивными результатами тех или иных

акций царизма и реакционными установками, которые преследовало самодержавие. Долгие годы насаждалась логика суждений, которая давала, например, возможность признавать борьбу со стороны горцев Северного Кавказа реакционной, а со стороны царской России — непременно прогрессивной. Между тем, с точки зрения коммунистической да и просто человеческой, гражданской морали, критерий справедливости есть критерий морально-политический, нравственно-этический, что дает основание признать национально-освободительные войны безусловно справедливыми, прогрессивными. И вообще, вряд ли оправданы господствовавшие в недавнем прошлом тенденции считать войны, которые вела царская Россия, как явления сплошь прогрессивные только потому, что спустя век или полвека в нашей стране произошла пролетарская революция.

Между тем известно, хотя отдельные авторы стараются замалчивать это, с каким сочувствием относились Маркс и Энгельс к борьбе горцев Северного Кавказа, которую они определяли недвусмысленно и как народную, и как оборонительную, и как освободительную. Как борьбу, в которой участвовал сам народ и в которой горцы обрели наибольшую славу и признание. Они восхищались героизмом горцев и ставили их в пример другим народам. Не встретите у великих современников той эпохи, у основоположников научного коммунизма ни одного высказывания о религиозном или феодальном характере движения горцев, о чем так любят трубить на все лады некоторые современные авторы. В равной мере осуждали Маркс и Энгельс агрессивный характер войны, которую вело царское самодержавие на Кавказе. Ложна, на наш взгляд, сама по себе установка на признание прогрессивности тех или иных краев и народов могущественной империи лишь на основании целесообразности и благоразумия, мотивируемых соображениями упрочнения дружбы народов, так сказать, в перспективе.

В исторической науке уже подвергнута сомнению правомерность имевшего в недавнем прошлом месте отождествления целей и интересов русского царизма и русского народа. В самом деле, зачем трудовой народ должен нести ответственность за преступные деяния правящих классов и эксплуататорской верхушки? Позволительно напомнить, что антинародная сущность захватнической политики царского самодержавия была прочувствована, понята и осуждена самой русской демократией. Известно, с каким нескрываемым сочувствием и симпатией воспевали дух свободолюбия Кавказа Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Толстой. Как народно-освободительную характеризовали борьбу горцев революционные демократы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Шевченко — страстные проповедники свободы и равенства народов России, провозвестники единства их национальных и социальных устремлений. Именно русской революционной демократией вместе с передовыми людьми горского общества было осознано, что в борьбе русского народа против крепостничества и абсолютизма и в борьбе горцев Северного Кавказа на социальную и национальную свободу и само-

управление рождалось единство интересов народов России. В этом мы видим одну из существенных и достоверных исторических предпосылок формирования их исторического взаимопонимания и общероссийского их самосознания.

Что же касается укрепления дружбы народов в наше время, то этому могут наилучшим образом способствовать полное оправдание национально-освободительных войн, признание за каждым из народов героического и гуманистического их прошлого, вплоть до включения выдающихся исторических событий и личностей каждой нации, в их числе и вождей освободительных движений, в общую историю и общую галерею героев революционного прошлого страны в целом. Думается, что при таком подходе отпадает нужда в стыдливо-апологетического свойства злоупотреблении формулой «объективно-прогрессивных» последствий того или иного исторического акта. Как известно, замалчивание и сглаживание острых углов истории по своей логике вылились в своего рода угодливое отпущение грехов «сильных мира», что вело к перекраиванию реальной картины исторической действительности в угоду «злобы дня», было удобно и отвечало духу времен культа и застоя.

Принципиально важным представляется то, что в рекомендациях конференции получили отражение идеи использования факторов истории и исторической науки в интересах совершенствования межнациональных отношений, развития чувства взаимного уважения народов Кавказа, воспитания людей в духе почтительного отношения к истории других — больших и малых — народов. Ученым-обществоведам, учителям истории и вообще всей национальной интеллигенции не пристало заниматься выискиванием негативных моментов в прошлом и настоящем различных народов, выпячиванием одних и замалчиванием других, дозировкой меры участия тех или иных племен и народностей в общей борьбе многонационального региона за общенациональные интересы. Историческая правда состоит в том, что у народов Кавказа всегда были сильны объединительные тенденции, эти тенденции всегда преобладали над факторами разъединительного характера, и наш священный интернациональный долг — всячески избегать приемов противопоставления одних народов другим. Примечателен тот непреходящий фактор, что история нашего многонационального региона не знает прецедента, когда бы одна из дагестанских народностей воевала против другой. Напротив, хорошо известны замечательные традиции их единения и братства в борьбе с общим врагом. То же самое можно и нужно говорить и о Чечено-Ингушетии, о народах всего Северного Кавказа. Это поистине наше величайшее историческое достояние, и мы должны, обязаны дорожить им и беречь его как зеницу ока. В любом народе живы традиции всеобщего осуждения и презрения к тем, кто промышляет на поприще сталкивания людей друг с другом, не говоря уже о сеянии недоверия и отчуждения между народами. Обозначившийся в наше время процесс неуклонного роста национального самосознания народов — не помеха, а стимулирующий фактор на благодатном поп-

рище взаимопонимания, взаимоуважения, взаимообогащения наций и народностей, их братского союза в борьбе за счастье и благополучие.

Высказанные выше соображения общетеоретического и методологического порядка легли и в основу принятых конференцией «Основных выводов и рекомендаций». Как зафиксировано в этом документе, участники Всесоюзной научной конференции выразили уверенность, что состоявшийся форум станет качественно новым этапом в изучении и интерпретации всего сложного комплекса проблем истории Кавказской войны. Они отчетливо сознают, что всестороннее, глубокое и объективное освещение исторических, социальных и идеологических предпосылок, целевых установок, движущих сил и характера борьбы горцев Дагестана и Чечни приобретает первостепенное значение в деле интернационального и патриотического воспитания советских людей. Участники конференции исходят из того, что проблема эта и значение ее изучения выходят далеко за пределы истории собственно народов Северного Кавказа.

Конференция отметила, что движение горцев выражало интересы всех народов Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа, находила общенародную поддержку, носила освободительный, антиколониальный характер. Она возникла на местной социально-экономической почве как последствие захватническо-колониальной политики царизма и усиления феодального впеа.

В движении принимали участие различные социальные потоки, но основу его составляли горское крестьянство, боровшееся как против феодальной власти, так и против агрессивной политики царизма. Все это определяло характер и размах движения, героизм и беспредельное мужество широких масс населения, вынесшего все тяготы и лишения затянувшейся на десятилетия Кавказской войны. Мужественная борьба горских народов имела огромное значение для всего Кавказского региона, она была созвучна национально-освободительным движениям народов страны, революционным движениям Европы и Востока, вызвала восхищение у передовых прогрессивных деятелей России, у революционных демократов. Поэтому не следует ни в коей мере отождествлять русский царизм с русским народом. Признание объективно-прогрессивного значения присоединения Дагестана и Чечни, как и Северного Кавказа в целом, к России — одно из главных положений проблемы русско-северокавказских отношений. Вместе с тем такое признание не имеет ничего общего с насаждавшейся в периоды культа и застоя антиисторической и антинаучной концепцией добровольности вхождения всех без исключения народов в состав России.

Идеология кавказского мюридизма, ставшая в силу обстоятельств и причин знаменем движения, участие в нем представителей духо-венства не дают основания представлять движение мюридистским. В объединительной и мобилизующей роли этой идеологии в конкретно-исторических условиях борьбы масс сказались ее известные патриотические функции.

Участники конференции отвергли получившую распространение в периоды культа личности и застоя антинаучную точку зре-

ния о якобы реакционном, националистическом и инспирированном извне характере движения горцев Северо-Восточного Кавказа 20—50-х годов XIX в. и признали, что движение северокавказских горцев под руководством Шамиля было массовым, народным, антиколониальным, антифеодальным и прогрессивным. В методологическом, научном и нравственном отношениях неприемлемо и недопустимо характеризовать народно-освободительную борьбу горцев как сепаратистскую и феодально-религиозную, сводить ее к экспансии кавказских горцев против России, как это трактуют отдельные авторы (М. М. Блиев, В. Б. Виноградов).

Самоочевидно, что не требуется специальных ссылок на классиков и прочие авторитеты, а достаточно апеллировать к простому здравому смыслу, чтобы понять: борьба народных масс, объединившая многие десятки племен и народностей в идейном и организационном плане, борьба, не остановившая их перед невероятными лишениями и страданиями во имя свободы и независимости, борьба, продолжавшаяся около трети столетия, — такая борьба не могла и не может квалифицироваться и восприниматься ни антинародной, ни реакционной, ни экспансионистской. Тем более, ни сепаратистской, ни националистической, ни антирусской.

Другое дело — всякое историческое явление должно быть рассматриваемо глубоко, всесторонне, дифференцированно. Мы убежденные приверженцы объективной и правдивой оценки всего комплекса сторон, охватывающих проблему. Для нас решительно не приемлемы ни негативистское отрицание и опощление этого уникального исторического опыта и народного подвига, ни идеализаторская слепота в оценке столь сложного и противоречивого явления, как Кавказская война, народно-освободительная борьба горцев Кавказа в XIX веке. В истории и общественной жизни нет и не должно быть ни идолов, ни козлов отпущения. Есть живая практика народных масс, его непреходящий опыт, пренебрежение которым исторически караемо.

«Белые пятна» и забытые странички есть в истории каждого из народов страны. Речь идет об истории нашего великого многонационального Союза, о всеобщем нашем достоянии. Именно такой широкий взгляд на историю, на нашу действительность, такое их понимание и восприятие открывают и перед историками, и перед литераторами огромные перспективы поиска и освещения. Предстоит публикация документов и источников, создание коллективных научных трудов, организация научных конференций. Необходимо, чтобы скорее увидели свет «забытые» произведения литературы и искусства. Нужна целая серия работ научно-популярного характера, в которых бы с методологически верных позиций освещалась история борьбы горцев за свободу и независимость. Не лишена оснований высказывающаяся в обстановке все большей демократизации общественного сознания идея охраны и пропаганды памятных мест, связанных с героическими событиями отечественной истории, далекого и близкого прошлого Кавказа и Дагестана, такими, например, как антитимуровское выступление горских пле-

мен, разгром полчищ Надир-шаха эпопея Кавказской войны, забываемые страницы трех русских революций и трагических перипетий гражданской войны. Вполне реальными представляются предложения о музеефикации и мемориализации ряда исторических объектов, напоминающих потомкам о достойных делах, поступках и подвигах предков. Историческая память народа вечна и неистребима.

Впереди непрочитанный край работы. Научной и творческой интеллигенции Дагестана пора отряхнуться от традиций и тенденций отживших времен, смело и разумно вторгаться в недра истории и культуры края, реализовывать назревшие и неотложные задачи перестройки исторического мышления и общественного сознания. Оздоровление климата национального развития и национальных отношений непосредственно обусловлено возвращением к подлинно научным принципам осмысления исторического прошлого народов и наций.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
Многонациональный литературный регион как объект изучения. Вопросы методологии. <i>Вместо предисловия</i>	5

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС. ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

Национальный художественный опыт. Историко-функциональный аспект освещения	19
Литературное наследие как реальность. Истоки, периодизация, метод	31
Новое общество; новое сознание, новое искусство (1917—1945 гг.)	74
Дагестанский романтизм и Махмуд из Кахаб-Росо	120
О первых шагах дагестанской поэмы. Фрагменты истории жанра	137

У НАРОДНЫХ ИСТОКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература и фольклор: не отчуждение, а взаимодействие	145
К вопросу о мифологии в эпосе народов Дагестана: проблема общего и особенного	179
Несколько соображений о дагестанской народной сказке	190

В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР — БЛИЗКИХ И ДАЛЕКИХ

Магистраль и параллели (Из опыта национально-русских литературных взаимосвязей)	197
Арабо-мусульманская литературная традиция в Дагестане. Проблемы изучения	211
А. С. Пушкин и Кавказ: некоторые наблюдения и суждения	242
Кавказ и Дагестан в контексте русско-французских историко-культурных связей (XIX — нач. XX вв.). Неожиданный экскурс	256
Перестройка и национальное сознание: аспект гуманитарный, исторический, правово-этический <i>Вместо послесловия</i>	281

Гаджи Гамзатович Гамзатов
ДАГЕСТАН:
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРОЦЕСС

Редактор *Е. В. Спивак*
Художественный редактор *Я. Д. Марковский*
Технический редактор *В. И. Науменко*

ИБ 1965

Сдано в набор 21.01.90. Подписано в печать 04.12.90.
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 19,5. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 3 000 экз. Зак. № 061. Цена 1 р. 80 к.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство
Госкомиздата ДАССР, Махачкала, ул. Пушкина, 6

Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение «Адыгея» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

Дагучпедгиз выпустит в 1991 году книги:

А. М. Вагидов. Восхождение к единству.

С. Г. Гаджиева. Непогасшая звезда.

М. М. Гасан-Гусейнов. Путешествие в страну Синегорию.

К. М. Мусаев. Верность.

С. М. Хайбуллаев. Страницы аварской литературы.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru